

ISSN 2073-8838

**Труды  
Оренбургского  
института  
(филиала) МГЮА**

**№ 2 (64) / 2025**

**Оренбург 2025**

Оренбургский институт МГЮА

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ  
АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ  
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ  
ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)»  
ОРЕНБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)**

**Труды  
Оренбургского института  
(филиала) МГЮА  
№ 2 (64) / 2025**

**ОРЕНБУРГ – 2025**

УДК 34

ББК 67

Т – 78

**Учредитель:** Оренбургская областная общественная организация «Попечительский совет Оренбургского института (филиала) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

**Редакционный совет:**

- КОЛОТОВ А.Ф. советник ректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент, председатель совета (главный редактор)
- ШНИТЕНКОВ А.В. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры уголовного права и криминологии, д.ю.н., доцент (ответственный редактор)
- АФАНАСЬЕВ С.Ф. Саратовская государственная юридическая академия, заведующий кафедрой арбитражного процесса, д.ю.н., профессор
- БАВСУН М.В. Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, заместитель начальника по научной работе, д.ю.н., профессор
- БОЛТИНОВА О.В. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры финансового права, д.ю.н., профессор
- ВАРЛЕН М.В. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), директор института «Аспирантура и докторантура», профессор кафедры конституционного и муниципального права, д.ю.н., доцент
- ВОСКОБИТОВА Л.А. д.ю.н., профессор
- БУКАЕВ Н.М. д.ю.н., профессор
- ГРОМОШИНА Н.А. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, д.ю.н., профессор
- ЕФИМЦЕВА Т.В. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права, д.ю.н., доцент
- ЖОЛОБОВА Г.А. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой истории государства и права, д.ю.н., доцент
- ИСАЕНКОВА О.В. Саратовская государственная юридическая академия, заведующий кафедрой гражданского процесса, д.ю.н., профессор
- КВАНИНА В.В. Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), д.ю.н., профессор
- КОБЗЕВА С.И. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения, д.ю.н., профессор
- МИЩЕНКО Е.В. Оренбургский государственный университет, декан юридического факультета, д.ю.н., доцент
- ПЛОТНИКОВ А.И. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, д.ю.н., доцент
- САЛИЕВА Р.Н. Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан, заведующий лабораторией правовых проблем недропользования и экологии, д.ю.н., профессор
- СОЛОДКАЯ М.С. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры общегуманитарных, социально-экономических, математических и естественнонаучных дисциплин, д.ф.н., профессор
- СТЕПАНЕНКО Ю.В. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административного права и процесса, д.ю.н., профессор
- ТИМОФЕЕВ Н.С. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры конституционного и муниципального права, д.ю.н., профессор
- ФЕДОРОВА М.Ю. Советник Конституционного Суда Российской Федерации в Управлении конституционных основ трудового законодательства и социальной защиты, д.ю.н., профессор
- ХАЛДЕЕВА Н.В. Магаданский областной краеведческий музей, главный научный сотрудник, д.ю.н., доцент
- ЩЕПАЧЕВ В.А. секретарь Совета (ассоциации) муниципальных образований Оренбургской области, д.ю.н.
- ЭКИМОВ А.И. заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ

Т 78 Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. № 2 (64). – Оренбург, 2025. – 175 с.

**ISSN 2073-8838**

«Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА» рекомендуются Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

В научных статьях рассматриваются проблемы, связанные с функционированием государственно-правовой организации общества России и зарубежных стран.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26041 от 18 октября 2006 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникации и охране культурного наследия.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

**ББК 67**

**ISSN 2073-8838**

Подписной индекс 41232 в Объединенном каталоге «Пресса России».

Адрес редакции: 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50. Тел. (3532) 319911

E-mail: post@oimsla.edu.ru

<http://www.oimsla.edu.ru/page/nauchnyy-zhurnal>

© Оренбургский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

## Уважаемые коллеги!



Перед вами второй в 2025 году выпуск научного журнала «Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА». Перед редакционным советом стояла ответственная задача, заключающаяся в формировании выпуска таким образом, чтобы в нём были представлены статьи, отражающие новые научные проблемы в юриспруденции и смежных отраслях знаний.

Статьи объединены в пять тематических разделов.

Раздел «Вопросы государства, права, общества и политики» содержит исследования о законотворческой функции региональных парламентов, конституционных правах граждан в области здравоохранения и о правосубъектности искусственного интеллекта.

В разделе «Вопросы гражданского права и процесса» заинтересованный читатель найдёт поводы для размышления по вопросам корпоративного права, обеспечения доказательств, а также расширит кругозор о способах разрешения споров в сфере искусства.

Специалисты уголовно-правового профиля почерпнут для себя полезные тезисы из статей раздела «Укрепление законности и борьба с преступностью», посвященных, в частности, вопросам отказа государственного обвинителя от обвинения, классификации прав защитника-адвоката, персональным данным как предмету уголовно-правовой охраны.

В разделе о вопросах трудового права представлены статьи о роли прокуратуры в защите трудовых прав работников и о выплатах работникам, уволенным в связи с ликвидацией организации или сокращением численности её работников.

Междисциплинарный интерес представляет раздел «Вопросы педагогики иностранного языка в неязыковом вузе», посвященный цифровым технологиям в обучении профессиональному иностранному языку и обширному движению за простой английский язык в различных сферах, включая образование и юриспруденцию.

Научные статьи выпуска отражают результаты исследований научных и практических работников из Брянска, Вологды, Кирова, Москвы, Омска, Оренбурга, Самары, Ульяновска. Мы искренне благодарим авторов за сотрудничество и надеемся, что затронутые в выпуске вопросы станут предметом профессиональной полемики и привлекут внимание к рассмотренным проблемам правового регулирования.

*Колотов А.Ф.  
главный редактор, к.ю.н., доцент*

---

## Оглавление

### Раздел первый

#### ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА, ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИКИ

**АРТАМОНОВА Н.**

Количественно-качественные трансформации законотворческой функции региональных парламентов ..... 6

**БОРИСОВ Я.Е., ДЕМЧЕНКО Е.В.**

Конституционные права граждан в области здравоохранения: правовая характеристика права на охрану здоровья и медицинскую помощь ..... 11

**ГЛЕБОВА Ю.И.**

Административное и административно-процессуальное законодательство: некоторые аспекты развития и совершенствования ..... 17

**КОНОВАЛОВ В.А.**

Зарубежный и международный опыт правового регулирования государственных и муниципальных закупок ..... 23

**КУЗЬМИНА М.В., ВОРОПАЕВА А.С.**

Правосубъектность искусственного интеллекта: вызов традиционным концепциям теории права ..... 27

**ЛАПОЧКИНА Е.П.**

Актуальные вопросы конституционно-правового регулирования отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с выражением ему недоверия законодательным органом субъекта Российской Федерации ..... 33

**НОБЕЛЬ А.Р.**

Принцип обязательности рассмотрения ходатайств в производстве по делам об административных правонарушениях: понятие, содержание и проблемные аспекты ..... 38

**СТРЕЛЕЦ Ю.Ш., ГУЛЕНИНА С.В.**

Субъектность искусственного интеллекта: экономические и правовые аспекты проблемы ..... 43

### Раздел второй

#### ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

**АКМАНОВ Д.Р.**

Проблемы территориальной подсудности дел об обращении взыскания на заложенную недвижимость .... 47

**БАРИНОВ Е.Х., БАРИНОВ А.Е., КАЛИНИН Р.Э., ФОКИНА Е.В., ЧЕРКАЛИНА Е.Н., ФОКИНА А.С.**

Установление причинно-следственной связи между медицинскими манипуляциями и осложнениями при лечении артроза ..... 54

**БЕРДЕГУЛОВА Л.А.**

Роль нотариуса в обеспечении доказательств в сети интернет ..... 59

**БУЯНОВА Е.В.**

Обязательность учета мнения ребенка при рассмотрении судами споров, связанных с воспитанием детей: необходимость или угроза? ..... 64

**ЕФИМЦЕВА Т.В., РОДИОНОВА М.С.**

Некоторые аспекты оспаривания исключения юридического лица из единого государственного реестра ..... 71

**ЗАСЕМКОВА О.Ф.**

К вопросу о способах разрешения споров в сфере искусства ..... 76

**КОМЛЕВ М.С.**

Соотношение «PROMISSORY ESTOPPEL» И «WAIVER» в англо-американском праве ..... 84

**ПОЗДНЯКОВА А.С., ПОЗДНЯКОВ А.А.**

Состояние дочерности как элемент правового статуса общества с ограниченной ответственностью ..... 90

### Раздел третий

#### УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

**ГРИШИНА Е.П., САЮШКИНА Е.В.**

Отказ государственного обвинителя от обвинения: теория, законодательство, практика ..... 96

**ЖЕРЕБЯТЬЕВ И.В.**

Участие специалиста и его роль в доказывании в различных видах судопроизводства ..... 104

---

**КУЗНЕЦОВ А.В., КНЯЗЕВ К.С.**

К вопросу совершенствования практики расследования уголовных дел в форме дознания, связанных с присвоением или растратой чужого имущества ..... 108

**КУКОВЯКИНА А.Е.**

Уголовно-правовая характеристика добровольного согласия потерпевшего на причинение вреда в контексте примечания к ст. 122 Уголовного кодекса РФ ..... 116

**РЕЗЕПКИН А.М.**

Классификация прав защитника-адвоката и его обязанности в уголовном судопроизводстве РФ ..... 120

**РОГОВАН Н.Н.**

Особенности определения признаков объективной стороны превышения должностных полномочий ..... 126

**САУСИН А.В.**

О подходах к определению момента окончания преднамеренного банкротства ..... 131

**УТОРОВА Т.Н., КОЛПАКОВА Л.А.**

Персональные данные как предмет уголовно-правовой охраны: теоретико-правовой анализ статьи 272.1 УК РФ ..... 137

**ШМЕЛЕВА Е.С.**

Порядок производства в надзорной инстанции в уголовном судопроизводстве ..... 144

## Раздел четвёртый

### ВОПРОСЫ ТРУДОВОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

**ЛУКЪЯНОВА Н.А., ЕРШОВА Ю.В.**

Прокуратура на защите трудовых прав ..... 148

**МОТЫЖЕНКОВ С.Д.**

Исключительные случаи для выплаты работнику, уволенному в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации среднего месячного заработка за третий месяц со дня увольнения: анализ судебной практики ..... 152

## Раздел пятый

### ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

**ИЛЬЮТЮК С.В.**

Движение за простой английский язык ..... 156

**НУЖДИНА-ФЕНДЕЛЬ Е.В.**

Анализ правового регулирования профессиональной педагогической деятельности ..... 162

**ПОПОВ Е.Б.**

Возможности цифровых технологий в обучении профессиональному иностранному языку в юридическом вузе ..... 167

---

## Раздел первый

# ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА, ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИКИ

**АРТАМОНОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, alexeiartamonow@yandex.ru

## КОЛИЧЕСТВЕННО-КАЧЕСТВЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ

**ARTAMONOV ALEXEY NIKOLAEVICH**

PHD in Law, associate professor, associate professor of the department of state and legal disciplines, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, 241036, Bryansk, Bezhitskaya str., 14, alexeiartamonow@yandex.ru

## QUANTITATIVE AND QUALITATIVE TRANSFORMATIONS OF THE LEGISLATIVE FUNCTION OF REGIONAL PARLIAMENTS

**Аннотация:** Статья посвящена исследованию законотворческой деятельности региональных парламентов. Используя методы статистического анализа, в работе делается вывод о кризисе современного законотворчества субъектов РФ, который выражается в преобладании количественных показателей принятых законодательных актов над их качеством. Сформулированы и аргументированы причины данного явления. Высказано мнение о том, что путем выхода из сложившейся ситуации может являться реформа федеративных отношений и существенное перераспределение предметов ведения и полномочий между федеральным центром и регионами.

**Ключевые слова:** законодательный орган субъекта РФ, законы субъекта РФ, парламентские функции, законотворчество.

**Review:** The article is devoted to the study of the legislative activity of regional parliaments. Using the methods of statistical analysis, the paper concludes about the crisis of modern lawmaking in the subjects of the Russian Federation, which is expressed in the predominance of quantitative indicators of adopted legislative acts over their quality. The reasons for this phenomenon are formulated and reasoned. The opinion is expressed that the way out of the current situation may be the reform of federal relations and a significant redistribution of subjects of competence and powers between the federal center and the regions.

**Keywords:** legislative body of the subject of the Russian Federation, laws of the subject of the Russian Federation, parliamentary functions, lawmaking.

Прошедший 2024 год стал юбилейным годом для большинства региональных парламентов – законодательных органов субъектов Российской Федерации. Их формирование и первые шаги по реализации парламентских функций берут свое начало тридцать лет тому назад, когда Конституцией Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 года в результате всеобщего голосования, был провозглашен принцип «разделения властей», который предписывал создание органов законодательной власти не только на федеральном уровне, но и в каждом из 89 субъектов Федерации. Так как до этого времени подобных по-

литико-правовых институтов в нашей стране еще не существовало, главной задачей, стоявшей перед депутатским корпусом, являлось создание соответствующей нормативной правовой базы, устанавливающей систему государственного управления и регулирующей повседневные социально-экономические отношения в регионах. В условиях отсутствия специального федерального закона, а первый ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» был принят только в 1999 году, депутаты не без трудно-

стей, путем «проб и ошибок», но в целом достаточно успешно справились с поставленной задачей, создав практически с нуля полноценную законодательную базу.

Все три основные функции парламента: законотворческая – принятие законов, представительная – выражение интересов избирателей и контрольная – наблюдение за реализацией принятых законов, тесно связаны между собой. Тем не менее, законотворческая функция является наиболее важной из них, так как ее результатом является формирование нормативной правовой базы, без которой не может функционировать ни одно современное государство и общество. Недаром в новом ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» даже изменилось название регионального парламента. Вместо прежнего, громоздкого – законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации, он стал называться короче, но в соответствии со своей основной функцией – законодательный орган субъекта Российской Федерации.

В этом же федеральном законе был конкретизирован круг общественных отношений, подлежащих урегулированию региональными парламентами. Данный подход обусловлен не только положениями статьи 72 Конституции, закрепляющими предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, но и восполнением «бланкетности» статьи 73. Однако даже в этом случае предусмотреть все многообразие вопросов, которые требуют законодательного регулирования, не представляется возможным. Согласно конституционным установлениям законами субъектов РФ могут регулироваться и иные вопросы, относящиеся в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами, конституциями (уставами) и законами субъекта РФ к ведению и полномочиям субъекта РФ.

Принятые законодательные акты охватывают все основные вопросы предметов ведения законодательных органов субъектов Российской Федерации. Подавляющее большинство из них нацелены на совершенствование социально-экономического развития региона, защиту прав и свобод граждан и организаций, определение статуса и порядка формирования органов государственной власти и местного самоуправления и т.д. Количественные показатели законотворческой деятельности, содержащиеся в открытых интернет-источниках, позволяют составить более наглядное представление об объемах деятельности региональных парламентариев. Так, например, за три десятилетия существования Белгородская областная Дума приняла 2120 региональных законов, парламентарии Курской области приняли порядка 2800 законов, Тульская областная Дума приняла почти 3500 законов, на счету Законодательного собрания Владимирской области 4500 законов, а на счету Московской облдумы около 6000 законодательных актов.

Однако не все так радужно в данной сфере. Сегодняшние реалии свидетельствуют о том, что подавляющее большинство «базовых» законов субъектов РФ были приняты 20-25 лет тому назад. Под «базовыми» имеются ввиду законодательные акты, не предусматривающие изменение, отмену, приостановление или распространение действия других законов. В последнее десятилетие в общей массе стали заметно превалировать иные, так называемые «поправочные» законы, то есть те, которые вносят изменения и дополнения в ранее принятые «базовые» нормативные правовые акты.

Рассмотрим данную тенденцию на примере Брянской области, типичного «середняка» в рейтинге субъектов РФ. За тридцать лет деятельности региональным парламентом было принято более 3000 законов. Примечательно, что Брянская областная Дума первого созыва за 2 года своей работы приняла всего 23 закона, но все они были «базовыми». Итогом деятельности Брянской областной Думы второй легислатуры стало принятие 80 законов, почти все из которых так же относились к «базовым». Думой третьего созыва было принято еще около 100 «базовых» законов. Что характерно – немалая часть из этих законодательных актов, появившихся в период 1994-2004 гг., не потеряли своей актуальности и до сих пор являются действующими.

И напротив, показатели по принятию законов Брянской области за последние пять лет, с 2019 по 2023 года, выглядят следующим образом. В 2019 году из 132 законов «поправочных» было 106. В 2020 году из 118 «поправочными» оказалось 98. В 2021 году из 122 областных законов было 106 «поправочных». В 2022 было принято 112 областных законов, из которых 93 «поправочных». И, наконец, из принятых в 2023 году 110 законодательных актов 98 отнесены нами к категории «поправочных». Таким образом, в среднем порядка 85% всех принимаемых законов Брянской области оказываются «поправочными»<sup>1</sup>. Для иллюстрации – на сегодняшний день Закон «О муниципальной службе в Брянской области» насчитывает 28 поправок, Закон «О государственной гражданской службе в Брянской области» содержит уже 43 поправки, а в Закон «Об административных правонарушениях на территории Брянской области» изменения и дополнения вносились более 70 раз.

Конечно, в большинстве случаев поправки вносятся в те действующие региональные законы, которые приняты по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, что напрямую связано перманентной трансформацией федерального законодательства. Парламенту субъекта РФ необходимо в обязательном порядке, под угрозой роспуска, приводить свои законодательные акты в соответствии с федеральными нормами, которые изменяются и дополняются самым динамичным образом. Однако, в некоторых случаях, формальные поправки вносятся и законы, принятые по вопросам исключительного ведения субъекта РФ, например в связи с

<sup>1</sup> Артамонов А.Н., Иванин А.А. Система нормативных правовых актов Брянской области. Брянск, 2024. С. 86.

изменениями системы и структуры исполнительных органов субъекта.

Даже среди оставшихся законодательных актов не все являются полноценными «базовыми». Часть из них, это законы о признании утратившими силу отдельных законодательных актов, то есть законы об отмене устаревших законов. Еще одна часть – это текущие, ежегодные бюджетные законы: об областном бюджете, о бюджете территориального фонда обязательного медицинского страхования, об исполнении областного бюджета, об исполнении бюджета территориального фонда обязательного медицинского страхования, об установлении прожиточного минимума и ежегодных коэффициентов.

Такие законы даже сложно признать полноценными нормативными правовыми актами. Закон (решение) о бюджете представляет собой смешанный правовой акт, содержащий как обязательные предписания (нормативные и индивидуальные), так и прогнозные показатели, а также закрепляющий предписания, необходимые для исполнения бюджета в течение соответствующего периода<sup>2</sup>. Более того, если законы о бюджете еще как-то можно отнести к нормативным правовым актам смешанного характера, то в законах об исполнении бюджета вообще отсутствуют какие-либо правила поведения, обязательные для неопределенного круга лиц.

Следует признать, что в настоящее время региональный законодательный процесс выхолащивается, представляя собой скорее сугубо техническую, чем законотворческую процедуру. Создание новых законодательных актов застыло. За весь 2021 год из 122 принятых Брянской областной Думой законов только 2 можно отнести к «базовым». Это законы «Об обеспечении тишины и покоя граждан на территории Брянской области» и «О регулировании отдельных отношений в сфере реализации молодежной политики на территории Брянской области». Все остальные законодательные акты этого календарного года являются либо «поправочными», либо «бюджетными», либо законами об отмене ранее действующих законов.

В других субъектах РФ ситуация аналогичная. Так, по оценкам исследователей, из 105 принятых Народным собранием Республики Дагестан в 2022 году региональных законов 84 из них вносят изменения в ранее принятые законы, при этом в остальной части законов встречаются акты, из пояснительных записок которых следует, что они разработаны в целях приведения республиканского законодательства

в соответствие с федеральным<sup>3</sup>.

Сходная тенденция прослеживается и в федеральном законотворчестве. В 2022 году было принято 654 федеральных закона, из которых только 86 можно отнести к категории базовых. А статистическое исследование динамики федерального законотворчества за 2021 год показывает, что из 505 принятых федеральных законов базовыми являются всего 7. Известные специалисты в области теории права и методологии правотворчества не раз заявляли о нарастающих негативных тенденциях в современной законотворческой практике. В.Б. Исаков одной из ключевых проблем считает неоправданный количественный рост нормативных правовых актов, в том числе федеральных законов, в результате которого российское законодательство «теряет системность и обзорность»<sup>4</sup>. С критикой «законодательной инфляции» и «перманентной новеллизации» действующего законодательства выступает А.В. Демин<sup>5</sup>. Н.А. Власенко с тревогой отмечает «девальвацию роли закона как источника права» и «глубочайший кризис законодательства субъектов РФ, где оно, по сути, сведено к нулю»<sup>6</sup>.

В чем же причины кризиса реализации законотворческой функции в субъектах Российской Федерации? В данном случае, по нашему мнению, имеет место целый комплекс факторов с разной степенью влияния на региональный парламентаризм в целом, и на региональное законотворчество в частности. Во-первых, и это объективный факт, законодательная база субъектов Российской Федерации сформирована более чем на 90%. Принимать новые законы в таком количестве и такими темпами, как это было еще 20 лет тому назад, сегодня уже не требуется. Практически все возможные сферы жизнедеятельности государства и общества в субъектах Российской Федерации урегулированы в полном объеме, а некоторые даже более, чем требуется. Так, например, статистика показывает, что не менее половины составов из законов субъектов РФ об административных правонарушениях являются «мертвыми» и на практике не применяются<sup>7</sup>. Действительно ли они настолько необходимы регионам или это просто способ лишней раз продемонстрировать свои законотворческие полномочия? В научной среде сложилось мнение, что теперь законодательному органу субъекта РФ «необходимо сосредоточиться на вопросах качества нормативного материала, консолидировать законодательную базу, преодолеть множественность актов, принятых в одной и той же сфере»<sup>8</sup>. Однако, вопре-

<sup>2</sup> Пауль А.Г. О юридической природе закона (решения) о бюджете // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 3. С. 274.

<sup>3</sup> Деникаева С.Э., Махмудов Х.А. О некоторых теоретических и практических аспектах совершенствования законотворчества // Юридический вестник ДГУ. 2023. Т. 48. № 4 (68). С. 57.

<sup>4</sup> Исаков В.Б. Некоторые проблемы новой российской кодификации // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4. С. 84.

<sup>5</sup> Демин А.В. Законодательная инфляция и судебный активизм как способ ее преодоления: на примере налоговых споров // Право и образование. 2016. № 2. С. 88.

<sup>6</sup> Власенко Н.А. Кризисные тенденции в законотворчестве современной России // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 179-181.

<sup>7</sup> Мицкевич Л.А. Соотношение федерального и регионального законодательства об административных правонарушениях // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 2. С. 213.

<sup>8</sup> Зеленский П.А. Качество законов субъектов РФ как фактор эффективного управления регионом // В сборнике: Региональная власть, местное самоуправление и гражданское общество: механизмы взаимодействия. Сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции. Саратов, 2018. С. 49.

ки данной точки зрения, многие региональные парламенты продолжают осуществлять законотворческую активность в том числе ради статистической отчетности, чтобы формально подтвердить эффективность своей деятельности.

Во-вторых, из-за перманентной централизации нормативно-правового регулирования на федеральном уровне и усиления дисбаланса между региональными властями в субъектах Российской Федерации произошло сужение полномочий местных законодательных собраний. Как ни странно, но наиболее сильными парламентами были в 90-х гг. XX века, когда их деятельность носила учредительный характер, они принимали первые конституции (уставы) субъектов РФ и наиболее значимые законы, активно участвовали в решении кадровых вопросов на региональном уровне. Однако затем их политико-правовой ресурс стал постепенно ослабевать. Так, например, в связи с перераспределением полномочий в пользу федерального центра, в 2011-2012 годах из законов субъектов РФ об административных правонарушениях были исключены целые главы, регулирующие административную ответственность за бюджетные и финансовые правонарушения, а на долю парламентариев остались полномочия по назначению минимальных штрафов за безбилетный проезд и нарушение тишины и покоя граждан. И напротив, полномочия глав и правительств субъектов РФ, в том числе по нормативно-правовому регулированию, все активнее увеличиваются. Это стало особенно заметно в последние несколько лет и в первую очередь связано с новыми рисками и угрозами для государства и общества, возникшими с распространением COVID-19 и проведением СВО. Оперативно принимаемые подзаконные нормативные правовые акты оказались более эффективным средством правового воздействия, чем акты законодательные, требующие более длительной процедуры их подготовки и принятия. В таких случаях региональные законы приобретают характер рамочных нормативных актов, оставляя установление конкретных правовых предписаний за субъектами исполнительной власти.

В-третьих, с точки зрения соблюдения принципа законности и правил юридической техники, качество законов субъектов РФ было и остается в целом не самым высоким, что непосредственно отражается на уровне доверия к региональным парламентам. Ранее это объяснялось минимальным опытом законопроектной деятельности у местных депутатов, отсутствием подготовленных юридических кадров и соответствующего нормативно-правового обеспечения. Но и сегодня, по прошествии четверти века, в научной среде и юридической литературе снова и снова раздаются голоса о том, что необходимо повышать уровень профессиональной подготовки как самих парламентариев, так и аппарата законодательного органа<sup>9</sup>. Подтверждением данного мнения является сложившаяся практика с законодательными инициативами заксобраний субъектов РФ в Государственной Думе, где только каждый 12-й проект (8,3%) становится федеральным законом. Это худший показатель из всех субъектов права федеральной законодательной инициативы. Два таких законопроекта из пяти (40,4%) не доходят даже до первого чтения, каждый седьмой (14,7%) противоречит Конституции, еще столько же (14,6%) отзываются авторами до рассмотрения. Многие региональные предложения по совершенствованию федеральных норм отклоняются не только из-за «сырости» их содержания, но и в связи с замечаниями по юридико-техническому оформлению законопроектов.

В заключении следует констатировать наличие существенной трансформации законодательной функции региональных парламентов. Это выражается в имитации бурного законотворческого процесса, в увлечении количественными показателями, в абсолютном превалировании «поправочных» законов над «базовыми». Позволим высказать предположение, что только кардинальная реформа федеративных отношений и существенное перераспределение предметов ведения и полномочий между федеральным центром и регионами будет способствовать дальнейшему совершенствованию и развитию законотворческой деятельности субъектов Российской Федерации.

#### Библиографический список

1. Артамонов А.Н., Иванин А.А. Система нормативных правовых актов Брянской области. – Брянск: ООО «Новый проспект». – 2024. – 182 с.
2. Власенко Н.А. Кризисные тенденции в законотворчестве современной России // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 175-188.
3. Демин А.В. Законодательная инфляция и судебный активизм как способ ее преодоления: на примере налоговых споров // Право и образование. – 2016. – № 2. – С. 88-99.
4. Деникаева С.Э., Махмудов Х.А. О некоторых теоретических и практических аспектах совершенствования законотворчества // Юридический вестник ДГУ. – 2023. – Т. 48. – № 4 (68). – С. 54-60.
5. Зеленский П.А. Качество законов субъектов РФ как фактор эффективного управления регионом // В сборнике: Региональная власть, местное самоуправление и гражданское общество: механизмы взаимодействия. Сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции. – Саратов. – 2018. – С. 46-50.
6. Исаков В.Б. Некоторые проблемы новой российской кодификации // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 4. – С. 83-91.

<sup>9</sup> Серова Ю.В. Актуальные проблемы законотворческой деятельности законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации // Право и современное государство. 2019. № 6. С. 28.

---

7. Мицкевич Л.А. Соотношение федерального и регионального законодательства об административных правонарушениях // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2018. – № 2. – С. 206-216.

8. Пауль А.Г. О юридической природе закона (решения) о бюджете // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2018. – № 3. – С. 273-286.

9. Серова Ю.В. Актуальные проблемы законотворческой деятельности законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации // Право и современное государство. – 2019. – № 6. – С. 24-29.

Рецензент: Иванин А.А., и.о. заведующего кафедрой государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, кандидат юридических наук, доцент.

---

### **БОРИСОВ ЯН ЕВГЕНЬЕВИЧ**

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50, oYAE Borisov@msal.ru

### **ДЕМЧЕНКО ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА**

кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной медицины и правоведения ФГБОУ «Оренбургский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, 460000, г. Оренбург, ул. Советская, д. 6, k\_sudmed\_pravo@orgma.ru

## **КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ**

### **BORISOV YAN EVGENYEVICH**

PHD in law, associate professor of the Department of Public Legal Sciences of the Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, oYAE Borisov@msal.ru

### **DEMCHENKO ELENA VASILYEVNA**

PHD in law, associate professor of the Department Forensic medicine and law of the Orenburg State Medical University of the Ministry of health of the Russian Federation, 460000, Russia, Orenburg, Sovetskaya street, 4, k\_sudmed\_pravo@orgma.ru

## **CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS IN THE FIELD OF HEALTH: LEGAL CHARACTERISTICS OF THE RIGHT TO HEALTH PROTECTION AND MEDICAL CARE**

**Аннотация.** В научной статье представлен комплексный анализ конституционных прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации. Авторы детально исследуют юридическую природу этих прав, их закрепление в международных актах (Пакт ООН, Европейская социальная хартия), Конституции РФ и федеральных законах. Рассматриваются гарантии качества и доступности медпомощи, взаимосвязь права на здоровье с экологическими, трудовыми и социальными правами. Особое внимание уделено роли государства в обеспечении правовых, финансовых и организационных механизмов реализации этих гарантий, обязанностям граждан и судебной практике.

**Ключевые слова:** Медицинская помощь, право на охрану здоровья, правовые нормы и гарантии, обязательное медицинское страхование, медицинская организация.

**Review.** The article contains a comprehensive analysis of the constitutional right of citizens to health care and medical care in the Russian Federation. The authors study in detail the legal nature of these rights, their consolidation in the Constitution of the Russian Federation, federal laws (including Federal Law No. 323 «On the Basics of Health Protection»), as well as in international acts (UN Covenant, European Social Charter). The guarantees of the quality and accessibility of medical care, the relationship of the right to health with environmental, labor and social rights are considered. Particular attention is paid to the role of the state in ensuring legal, financial and organizational mechanisms for the implementation of these guarantees, the obligations of citizens and judicial practice.

**Key words:** Medical assistance, the right to health protection, legal norms and guarantees, mandatory health insurance, medical organization.

Права на охрану здоровья и медицинскую помощь – это одни из важнейших общепризнанных социальных прав человека и гражданина, закрепленные в Конституции Российской Федерацией и представляющие собой определенные условия, гарантирован-

ные государством, благодаря которым возможна реализация социальных и экологических прав, юридических гарантий в сфере охраны здоровья, получение бесплатной медико-социальной помощи, а также иных факторов, способствующих охране и укрепле-

нию здоровья человека<sup>1</sup>.

Право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья закреплено в ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах<sup>2</sup>.

Статья 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.<sup>3</sup> прямо не упоминает о «праве на охрану здоровья», а лишь указывает на жизненный уровень, который необходим для поддержания здоровья.

Статья 11 Европейской социальной хартии 1996 г.<sup>4</sup> предусматривает определенные меры, которые признаны обеспечить наиболее эффективное осуществление права на охрану здоровья.

Право на охрану здоровья включает ряд положений, которые различно формулируются в конституциях разных стран, но закрепление и регулирование которых международно-правовыми нормами является естественным продолжением их обеспечения конституционным правом и гарантией их глобальной реализации<sup>5</sup>.

В статье 18 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон № 323-ФЗ) закреплено, что «право на охрану здоровья обеспечивается охраной окружающей среды, созданием безопасных условий труда, благоприятных условий труда, быта, отдыха, воспитания и обучения граждан, производством и реализацией продуктов питания соответствующего качества, качественных, безопасных и доступных лекарственных препаратов, а также оказанием доступной и качественной медицинской помощи»<sup>6</sup>. Качество и доступность медицинской помощи являются главными гарантиями обеспечения права на охрану здоровья. Для реализации права на охрану здоровья в части получения именно качественной медицинской помощи были установлены соответствующие критерии оценки в приказе Министерства здравоохранения РФ от 10 мая 2017 г. № 203н «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи»<sup>7</sup>. Таким образом, законодатель устанавливает «наличие прямой связи между доступной и качественной медицинской помощью и высшей конституционной ценностью – здоровьем человека»<sup>8</sup>. Иными сло-

вами, «указанные выше характеристики медицинской помощи должны пониматься как имманентно включенные в конституционную формулу ч. 1 ст. 41 Конституции РФ, а также в ч. 1 ст. 19 ФЗ № 323»<sup>9</sup>.

Ненадлежащее оказание медицинской помощи всегда связано с нарушением права на охрану здоровья и возможным причинением вреда здоровью и жизни человека.

Объектом медицинской деятельности является организм человека в целом, а также его отдельные органы и ткани. Один из определяющих признаков медицинской помощи – его предметность (целенаправленность), что должно найти свое отражение в определении понятия. Френсис Бэкон в своих сочинениях указывал на три основные задачи, которые стоят перед медициной: сохранение здоровья, лечение болезней, продление жизни<sup>10</sup>.

Глобальные изменения во всех сферах человеческой жизни привели к увеличению числа задач, которые стоят перед медицинским сообществом, к которым, по мнению разработчиков «Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» относятся:

1. Обеспечение государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи в полном объеме.

2. Постоянное совершенствование системы стандартов медицинской помощи с целью внедрения современных медицинских технологий при лечении и диагностике наиболее распространенных заболеваний.

3. Совершенствование системы обязательного медицинского страхования, функционирующей на основе страховых принципов.

4. Повышение структурной эффективности системы организации медицинской помощи.

5. Повышение роли профилактической составляющей на основе периодических диспансеризаций, постоянного наблюдения за группами риска.

6. Реализация мероприятий по формированию здорового образа жизни.

7. Оплата медицинской помощи на основе стандартов медицинской помощи в зависимости от качества ее оказания.

<sup>1</sup> Пицита А.Н. Медицинское право. Особенная часть. Право на жизнь и получение медицинской помощи. Дефекты оказания медицинской помощи: учебно-метод. пособие. М., 2005. С. 47.

<sup>2</sup> Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1996 г. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 26.05.2025).

<sup>3</sup> Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 26.05.2025).

<sup>4</sup> Европейская социальная хартия (пересмотренная) от 3 мая 1996 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 26.05.2025).

<sup>5</sup> Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М., 2025. С. 704.

<sup>6</sup> Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201111220007> (дата обращения: 26.05.2025).

<sup>7</sup> Приказ Министерства здравоохранения РФ от 10.05.2017 г. № 203н «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705170016> (дата обращения: 26.05.2025).

<sup>8</sup> Тимофеев И.В. О содержании права каждого на доступную и качественную медицинскую помощь в Конституции РФ, федеральном законодательстве и конституциях (уставах) субъектов РФ // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 1 (109). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-soderzhanii-prava-kazhdogo-na-dostupnyu-i-kachestvennyu-meditsinskuyu-pomosch-v-konstitutsii-rf-federalnom-zakonodatelstve-i> (дата обращения: 27.05.2025). С. 15.

<sup>9</sup> Тимофеев И.В. Там же.

<sup>10</sup> Бэкон Ф. О достоинстве и силе наук. (Сост., общ. ред. и вступ. статья А.Л. Субботина), М., 1977. С. 327.

8. Расширение инновационной деятельности медицинских и научных организаций для разработки и внедрения новых медицинских технологий.

9. Повышение удовлетворения потребности населения в высокотехнологичной медицинской помощи.

10. Дальнейшее развитие взаимовыгодного государственно-частного партнерства.

11. Привлечение негосударственных инвестиций в основные фонды.

12. Изменение соотношения врачебного и среднего медицинского персонала, в сторону последнего для обеспечения доступности медицинских услуг.

13. Увеличение уровня оплаты труда медицинских работников до средней заработной платы по региону<sup>11</sup>.

Под медицинской помощью в науке понимают «социально и доктринально обусловленный комплекс организационных, тактических, реабилитационных, деонтологических действий, обеспечивающих в оптимально короткий срок полный или частичный переход от состояния болезни к преморбидному состоянию физического, душевного и социального благополучия человека в системе его жизнедеятельности»<sup>12</sup>. Данное определение исходит из общего понятия – комплекса действий, подчеркивает обоснованность, оптимальность, обусловленность и целенаправленность медицинской помощи, но, к сожалению, в качестве основания оказания медицинской помощи называется только болезнь.

Определение медицинской помощи должно указывать на средства и методы воздействия на организм человека. Под вмешательством в сферу здоровья человека согласно ст. 2 Закона № 323-ФЗ понимаются выполняемые медицинским работником и иным работником, имеющим право на осуществление медицинской деятельности, по отношению к пациенту, затрагивающие физическое или психическое состояние человека и имеющие профилактическую, исследовательскую, диагностическую, лечебную, реабилитационную направленность виды медицинских обследований и (или) медицинских манипуляций, а также искусственное прерывание беременности.

Право на медицинскую помощь – система правовых норм и гарантий, обеспечивающих возможность получения доступной, качественной и квалифицированной медицинской помощи.

Таким образом, право на охрану здоровья и медицинскую помощь – одно из основных конституци-

онных прав человека и гражданина, специально закрепленное в Конституции Российской Федерации.

Многие исследователи, обращая внимание на взаимосвязь прав, расширяют конституционную гарантию, выраженную в праве на охрану здоровья, включив в его содержание иные конституционные гарантии. Так, Е.В. Безручко считает, что «в большинстве случаев право на охрану здоровья не тождественно праву на получение медицинской помощи и включает в себя иные условия, способствующие осуществлению незыблемого права на здоровье (экологическая безопасность), что отражает двухсоставную концепцию права на охрану здоровья»<sup>13</sup>.

Конституционное право на охрану здоровья также связано с правами граждан, имеющими непосредственное отношение к охране здоровья, закрепленными в статьях 20, 21, 37, 38, 39, 41, 42 Конституции РФ.

В соответствии с Законом № 323-ФЗ охрана здоровья граждан – система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера, осуществляемых органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, в целях сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи.

Право на охрану здоровья представляет собой комплексное правомочие, а также одно из конституционных и социальных прав, где человек наделен правом на получение бесплатной медицинской помощи в соответствующих учреждениях<sup>14</sup>.

Право на охрану здоровья – это гарантированное государством право. Ни в какой иной сфере государство не устанавливает столь обширный перечень гарантий<sup>15</sup>. Именно на государство Конституция РФ и международные правовые акты возлагают обязанности по его обеспечению.

Конституционные права на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также право на благополучную окружающую среду и санитарно-эпидемиологические условия, образование, безопасность труда, частную собственность и др. – это основные социальные факторы, влияющие на здоровье, закрепленные в виде конституционных гарантий в Конституции РФ.

Вопросы законодательного обеспечения охраны

<sup>11</sup> Разд. 4.4 «Развитие экономики здравоохранения» «Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» разработан Минэкономразвития России и утвержден распоряжением Правительства РФ от 06.10.2021 N 2816-р URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_144190/ab51b5512b305c927f103600dedac3a3256b1b79/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ab51b5512b305c927f103600dedac3a3256b1b79/) (дата обращения: 28.05.2025).

<sup>12</sup> Галкин Р.А., Тявкин В.П. Экспертиза качества лечения хирургических больных // Здравоохранение Российской Федерации. 1993. № 3. С. 14.

<sup>13</sup> Кравец И.А. Верность конституции и проблема согласования идей конституционализма и исполнения международных обязательств в сфере прав человека // Конституционное и муниципальное право. Российский журнал правовых исследований. 2018. № 1(14). С. 167-180.

<sup>14</sup> Миронова О.А. Право на охрану здоровья: конституционно-правовой аспект // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4(70) № 4. С. 105.

<sup>15</sup> Пашенко И.Ю. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь в системе социальных прав человека и гражданина // «Наука. Мысль: электронный периодический журнал». Научный журнал. 2016. № 10. С. 153.

здоровья граждан в РФ рассматриваются государством в качестве важнейших приоритетов, о чем свидетельствует принятие в последнее время значительного количества нормативных правовых актов, направленных на эффективную реализацию указанного принципа. Так, в соответствии с «Прогнозом социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года» развитие здравоохранения на период до 2036 г.<sup>16</sup> должно быть ориентировано на создание эффективной системы, способной обеспечить население своевременными профилактическими мероприятиями, доступной и качественной медицинской помощью с использованием достижений медицинской науки. Само право на охрану здоровья тесно связано с социальными обязательствами государства по отношению к своим гражданам и лицам, находящимся на его территории<sup>17</sup>.

В последнее время со стороны органов публичной власти предпринимаются некоторые попытки для разрешения указанных задач: данные шаги главным образом направлены на принятие нормативных правовых актов, а также на координацию отдельных государственных программ и национальных проектов. Более того, со стороны государства направляются весьма значительные инвестиционные средства на развитие здравоохранения, в то же время следует отметить, что они не оказали радикального положительного влияния на ситуацию ввиду того, что инвестирование не было обеспечено масштабными мероприятиями организационной и финансово-экономической направленности. Также на ситуацию могло повлиять и существенное отставание отечественного здравоохранения относительно уровня передовых стран.

Вопрос о реализации права на охрану здоровья граждан и медицинскую помощь неоднократно получал свое разъяснение Конституционным Судом РФ: данное право «должно обеспечиваться всеми возможными средствами, способствующими эффективно, качественно и оперативно предоставлению медицинских услуг, в том числе в условиях конкуренции – на основе свободного выбора гражданином медицинского учреждения или лица, оказывающего медицинскую помощь, при соблюдении равенства всех форм собственности в сфере здравоохранения»<sup>18</sup>. Данная позиция подтверждается положениями федерального законодательства. В частности, статья 12 Федерального закона от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Рос-

сийской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» закрепила право лица, прошедшего медицинское освидетельствование, на повторное медицинское освидетельствование в том же учреждении, а также в иной медицинской организации по своему выбору независимо от срока, прошедшего с момента предыдущего освидетельствования. Также в соответствии с пп. 4 и 5 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» застрахованные лица имеют право на выбор медицинской организации из медицинских организаций, участвующих в реализации программ обязательного медицинского страхования в соответствии с законодательством в сфере охраны здоровья, в том числе медицинской организации, подведомственной федеральному органу исполнительной власти, оказывающей медицинскую помощь в соответствии с п. 11 ст. 5 настоящего Федерального закона, а также на выбор врача путем подачи заявления лично или через своего представителя на имя руководителя медицинской организации в соответствии с законодательством РФ.

В рамках вопроса о развитии государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения стоит обратить внимание на определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2003 г., в котором утверждается: «Защита права на охрану здоровья и медицинскую помощь является обязанностью не только органов государственной власти на уровне Российской Федерации и ее субъектов, но и органов местного самоуправления»<sup>19</sup>. Эта позиция Конституционного Суда РФ также нашла свое отражение в нормативных правовых актах РФ. Так, статьи 2, 6 и 41 Конституции РФ закрепляют равенство прав и обязанностей граждан, а также право каждого гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь, оказываемую в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений. Данным правам корреспондирует обязанность государства обеспечить реализацию установленных неотъемлемых прав.

Политика государства в сфере обеспечения права на охрану здоровья и медицинскую помощь также включает меры по предупреждению распространения опасных заболеваний. Постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 утвержден Перечень социально значимых заболеваний и заболеваний, пред-

<sup>16</sup> Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 28.05.2025).

<sup>17</sup> Попова А. В. Особенности правового регулирования права на охрану здоровья в международных и национальных юридических документах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1 (62). С. 147.

<sup>18</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2007 г. № 633-О-П «По жалобе гражданина Тимова Евгения Михайловича на нарушение его конституционных прав рядом положений Федерального закона «О радиационной безопасности населения» и Положения о лицензировании деятельности в области использования источников ионизирующего излучения» // Российская газета. 10 июля 2007 г.; Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2004 г. № 447-О «По жалобе гражданина Кокорина Олега Валерьевича на нарушение его конституционных прав положениями подпункта 3 пункта 1 статьи 219 Налогового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2005. 8 апреля.

<sup>19</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2003 г. № 131-О «По запросу Арбитражного суда Сахалинской области о проверке конституционности положений статьи 17 Закона Российской Федерации «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5.

ставляющих опасность для окружающих. К ним относятся, в частности, туберкулез, гепатиты В и С, сахарный диабет, болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), злокачественные новообразования, психические расстройства и расстройства поведения и другие. В соответствии с ч. 2. ст. 10 Федерального закона от 18.06.2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), лица с заразными формами туберкулеза, которые нарушают санитарно-противоэпидемический режим и умышленно уклоняющиеся от обследования в целях выявления туберкулеза или от лечения туберкулеза, на основании решений суда госпитализируются в медицинские противотуберкулезные организации для обязательных обследования и лечения в стационарных условиях. Кроме этого, в целях предотвращения со стороны граждан поведения, причиняющего вред их здоровью, медицинскими работниками проводится профилактическая работа среди населения, в том числе с предоставлением адресной информации по соблюдению здорового образа жизни.

Государство поощряет деятельность, способствующую укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию. Формирование здорового поколения – одна из наиболее приоритетных социальных задач любого государства. Здоровый образ жизни людей и здоровье нации в конечном счете зависят от того, как будет сформирован активный интерес к физической культуре и спорту, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию у молодежи и подрастающего поколения.

В целях охраны здоровья и сохранения способности к труду, предупреждения и своевременного вы-

явления профессиональных заболеваний работники, занятые на работах с вредными и (или) опасными производственными факторами, а также в случаях, предусмотренных законодательством РФ, работники, занятые на отдельных видах работ, проходят обязательные медицинские осмотры. Работодатели обязаны обеспечивать условия для прохождения работниками медицинских осмотров и диспансеризации, а также беспрепятственно отпускать работников для их прохождения согласно ст. 24 Закона № 323-ФЗ.

Вместе с тем реализации прав граждан в сфере охраны здоровья соответствует **обязанность каждого гражданина заботиться о своем здоровье** и о здоровье своих детей в соответствии со ст. 27 Закона № 323-ФЗ. Граждане, которые **находятся на лечении**, обязаны **соблюдать режим лечения**, в том числе, определенный на период их временной нетрудоспособности, и правила поведения пациента в медицинских организациях. Режим лечения устанавливается лечащим врачом с учетом конкретного заболевания гражданина и особенностей состояния его здоровья. Нарушение без уважительных причин режима лечения, предписанного лечащим врачом, является основанием для снижения пособия по временной нетрудоспособности.

Конституционное право на охрану здоровья можно определить как значимые и формально закреплённые гарантированные возможности каждого по укреплению и сохранению здоровья, его восстановлению, обеспеченные правовыми, финансовыми, организационными ресурсами государства и общества. Ценность конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь раскрывается через его социальное назначение – удовлетворять потребности индивида в укреплении и сохранении здоровья как первостепенного блага<sup>20</sup>.

#### Библиографический список

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. – М., Юрическое издательство Норма, 2025. – 704 с.
2. Галкин Р.А., Тявкин В. П. Экспертиза качества лечения хирургических больных // Здравоохранение Российской Федерации. – 1993. – № 3. С. 14.
3. Кравец И.А. Верность конституции и проблема согласования идей конституционализма и исполнения международных обязательств в сфере прав человека // Конституционное и муниципальное право. Российский журнал правовых исследований. – 2018. – № 1(14). С. 167-180.
4. Миронова О.А. Право на охрану здоровья: конституционно-правовой аспект // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. – Т. 4(70) № 4. С. 105-111.
5. Морозова К.П. Конституционно-правовые основы обеспечения права граждан на охрану здоровья в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. – 2013. – № 2(2). С. 237-242.
6. Мультигановский М.П. История медицины: учебник для медицинских институтов. – М.: Медицина, 1967. – 272 с.
7. Пашенко И.Ю. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь в системе социальных прав человека и гражданина // «Наука. Мысль: электронный периодический журнал». Научный журнал. – 2016. – № 10. С. 151-155.
8. Пищита А.Н. Медицинское право. Особенная часть. Право на жизнь и получение медицинской помощи. Дефекты оказания медицинской помощи: учебно-метод. пособие. – М.: Рос. мед. акад. последиплом. образования, 2005. – 63 с.

<sup>20</sup> Морозова К.П. Конституционно-правовые основы обеспечения права граждан на охрану здоровья в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2013. № 2(2).

---

9. Попова А.В. Особенности правового регулирования права на охрану здоровья в международных и национальных юридических документах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 1 (62). С. 143-147.

10. Тимофеев И.В. О содержании права каждого на доступную и качественную медицинскую помощь в Конституции РФ, федеральном законодательстве и конституциях (уставах) субъектов РФ // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 1(109). С. 14-18.

Рецензент: Архирейская Т.Ю., заведующий кафедрой конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук.

---

## ГЛЕБОВА ЮЛИЯ ИВАНОВНА

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, [glebova77756@gmail.com](mailto:glebova77756@gmail.com)

## АДМИНИСТРАТИВНОЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

### GLEBOVA YULIA IVANOVNA

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law at the Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MGUA), 460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50, [glebova77756@gmail.com](mailto:glebova77756@gmail.com)

## ADMINISTRATIVE AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE LEGISLATION: SOME ASPECTS OF DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT

**Аннотация.** Рассматриваются некоторые аспекты развития и совершенствования административного и административно-процессуального законодательства. Приведены обоснования и сделан вывод о том, что действующее административное и административно-процессуальное законодательство нуждается в коренном преобразовании. Внесены предложения по совершенствованию административно-процессуального законодательства.

**Ключевые слова:** административно-процессуальное законодательство, административные правонарушения, Административно-процессуальный кодекс, унификация, цифровизация.

**Annotation.** Some aspects of the development and improvement of administrative and administrative procedural legislation are considered. The reasons are given and it is concluded that the current administrative and administrative procedure legislation needs to be radically transformed. Proposals have been made to improve the administrative procedure legislation.

**Keywords:** administrative procedure legislation, administrative offenses, Administrative Procedure Code, unification, digitalization.

Спектр общественных отношений, которые регулируются административным и административно-процессуальным законодательством, достаточно широк, что обуславливает наличие большого объема нормативных правовых актов, составляющих структуру последнего.

Расширение круга общественных отношений, регулируемых административным правом, тем более его Особенной частью, и постоянное развитие соответствующих групп законодательства приводят к тому, что предмет отрасли неуклонно расширяется. Кроме того, некоторые области регулирования начинают отчетливо демонстрировать потенциал комплексных правовых отраслей. Например, строительное право, космическое право, образовательное право.

Так, по мнению виднейшего российского административиста Ю.А. Тихомирова, в последние годы из-за нерешенности вопроса об объеме государственного управления отрасль административного законодательства начала «рассыпаться», в нее включено слишком много законодательных и иных норматив-

ных актов<sup>1</sup>.

Данное обстоятельство свидетельствует о наличии ряда факторов, оказывающих существенное влияние на исследование проблемы развития административно-процессуального законодательства Российской Федерации в настоящее время.

Среди указанных факторов особенно необходимо выделить следующие:

1) проводимая уже более 20 лет административная реформа, призванная ограничить государственное регулирование экономической деятельности и сократить функции уполномоченных на это государственных органов, но как показало время, значительно ухудшившая, как административно-правовое регулирование, так и административно-процессуальное регулирование, лишив их стабильности;

2) хаотичность и непродуманность административной реформы, которое заключается в том, что вновь принимаемые нормативные правовые акты, регулирующие отдельную группу общественных отношений, оказывают влияние не только на данные

---

<sup>1</sup> Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. М., 1998. С.71.

правоотношения, но и на правоотношения в рамках смежных отраслей права, а, следовательно, и на систему права в целом;

3) противоречивость теоретических подходов к предмету административного процессуального права, характеризующихся либо излишней узостью (когда рассматривается только судебный процесс, либо исключительно управленческий), либо чрезмерной широтой. Если излишне заузить область общественных правоотношений, которая регулируется административно-процессуальными нормами, то это лишит административный процесс самой его сути, а значит значительно изменит и административное правоприменение.

Из вышеизложенного становится очевидным, что действующее административное и административно-процессуальное законодательство нуждается в коренном преобразовании. Это объясняется следующим.

1. Несовершенством и пробелами Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (КоАП РФ)<sup>2</sup>. Со времени его принятия прошло уже более 20 лет, а многочисленные изменения и корректировки его положений не только не улучшили, но и в некоторой степени ухудшили правоприменение ряда норм.

Обратим внимание лишь на самые ключевые, концептуальные моменты. Действующий Кодекс об административных правонарушениях РФ 2002 года, принятый в условиях продолжающегося реформирования политической, экономической и социальной систем общества, и основанный уже на неких демократических началах, тем не менее, несет на себе отчетливый след тоталитарного подхода к правовому регулированию, сложившемуся в СССР. Иными словами, действующий КоАП чрезмерно политизирован. К примеру, в нем содержится 41 состав правонарушений, касающихся правил проведения избирательных кампаний. При том, что статистика привлечения к ответственности по этим составам достаточно низкая. Полагаем, что оправданно сократить количество данных статей, например, в части неправомерных деяний должностных лиц, объединив их в несколько составов, более емких по содержанию. Часть этих правонарушений можно переклассифицировать в уголовные преступления, а иные просто декриминализировать, предоставив возможность привлекать по ним к дисциплинарной ответственности.

Если обратиться к зарубежному опыту, мы увидим, что административной ответственности там подлежат деяния, совершаемые преимущественно в области социально-хозяйственной, если не сказать социально-бытовой. Те самые мелкие правонарушения, которые не представляют большой общественной опасности, однако минимизация числа которых обеспечивает комфортное повседневное существование участникам дорожного движения, соседям по дому или жилому кварталу, владельцам домашних животных и их идейным противникам, мелким предпринимателям и получателям различного рода социальных услуг. Этот сбалансированный и правильный подход позволяет привлекать к ответственности за мелкие правонарушения во внесудебном порядке, тогда как основная масса составов более тяжелых или связанных с политической сферой, переводится в сферу уголовного преследования. Такой подход позволил бы сделать российский КоАП более социально ориентированным, менее громоздким и частично решил бы проблему претензий к качеству процессуального производства в рамках внесудебной процедуры<sup>3</sup>.

Кроме того, структурирование Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, содержащее унифицированный подход к правоприменительной деятельности субъектов (должностных лиц и судей), рассматривающих дела об административных правонарушениях, на наш взгляд, страдает юридико-технической непроработанностью. Как представляется, «административная судебная юрисдикция осуществляется в порядке административного судопроизводства, она является составной частью правосудия»<sup>4</sup>, в то время как «административная несудебная юрисдикция осуществляется в пределах полномочий административных органов на основе административно-процессуальных норм, закрепленных в действующем законодательстве»<sup>5</sup>.

Но и по функциональному предназначению юрисдикционной деятельности существуют противоположные позиции ученых. Так, Н.Г. Салищева отмечает, что расширение административной юрисдикции должностных лиц органов управления происходит в ущерб судебной юрисдикции<sup>6</sup>. Оппоненты по этому поводу высказывают мнение об ошибочной кодификации административно-деликтного законодательства, в ходе которой произошла смена приоритета внесудебного порядка рассмотрения дел об административных правонарушениях на судебный<sup>7</sup>.

<sup>2</sup> Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. I). Ст. 1.

<sup>3</sup> Петрыкина Н.И. О некоторых аспектах развития административного права на современном этапе // Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. Московская юридическая неделя. Материалы XIII Международной научно-практической конференции в 3 ч. 2018. Ч. 3. С. 202-213.

<sup>4</sup> Хазанов С.Д. Административно-деликтное судопроизводство в свете новых процессуальных кодексов // Актуальные вопросы административно-деликтного права: мат. Междунар. науч.-практ. конф., посв. 70-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д.ю.н., проф. А.П. Шергина. М.: ВНИИ МВД России, 2005. С. 177.

<sup>5</sup> Гречкина О.В. Административная юрисдикция в сфере таможенного регулирования: проблемы теории и практики: моногр. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 37.

<sup>6</sup> Салищева Н.Г. Гражданин и административная юрисдикция в СССР. М., 1970. С. 19.

<sup>7</sup> Денисенко В.В., Моряк С.Г. На заметку законодателю или возвращаясь к вопросу о разграничении судебного и административно-юрисдикционного порядка рассмотрения дел об административных правонарушениях // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. ст. Ежегодн. всерос. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения, 25 марта 2016 г.): в 3 т. / под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. Т. II. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2016. С. 157.

Д.Н. Бахрах обращает внимание на необоснованное расширение судебной юрисдикции по административно-деликтным делам<sup>8</sup>. По предложению О.С. Рогачевой в целях правильного, эффективного и экономичного рассмотрения дел об административных правонарушениях их следует передать в органы исполнительной власти. В случае несогласия с решением административного органа жалобы лиц, подвергшихся административному наказанию, должны поступать в суд<sup>9</sup>.

В этом вопросе заслуживает внимания точка зрения Б.В. Россинского. Профессор, проводя анализ административно-юрисдикционной деятельности судей и должностных лиц, заметил, что судебное рассмотрение «усложняет и затягивает производство», к тому же судебное рассмотрение «очень дорого для государства». В результате он склоняется к мысли об установлении в «основном внесудебной модели производства по делам об административных правонарушениях»<sup>10</sup>. Такая точка зрения, несомненно, имеет право на существование. Вместе с тем разрешение этого многоаспектного вопроса усложняется наличием включенных в КоАП РФ административных наказаний, отнесенных к исключительной компетенции судей, таких, например, как:

- конфискация орудия или предмета административного правонарушения;
- административный арест.

Реально существующее сегодня законодательное установление судебного рассмотрения дел об административных правонарушениях привело к усилению роли судов (в том числе мировых судей) как субъектов административной юрисдикции. Ежегодная статистика показывает, что примерно 90% административных дел рассматриваются судьями. При этом законодательные инициативы формируют устойчивую тенденцию к увеличению количества составов и усложнению трудоемкости дел, возникающих из административных правоотношений.

Выражая свое мнение по этому поводу, отметим, что мы выступаем за сохранение как судебного, так и внесудебного порядка привлечения к административной ответственности<sup>11</sup>. В то же время мы убеждены в том, что роль суда при назначении административных наказаний должна быть минимизирована. И на это есть как минимум три причины. Во-первых, рассмотрение дел об административных правонарушениях, совершаемых в сфере осуществления контрольно-надзорной деятельности специализированных правоприменительных органов, не только более

оперативно, но и более эффективно и объективно. Во-вторых, освобождение несудебных органов от назначения административных наказаний снижает эффективность их управленческой деятельности. В-третьих, концентрация административно-юрисдикционных полномочий в органах судебной власти ведет к неоправданному увеличению нагрузки на судей, которая к настоящему времени достигла предела их физических возможностей, заставив работать в авральном режиме.

Кстати, как видно из научных публикаций, оптимизировать судебную нагрузку по данным делам некоторые ученые предлагают путем создания квазисудебных органов административной юстиции, состоящих из профессиональных юристов, не связанных ведомственными интересами с теми органами, которые выявили административное правонарушение и возбудили административно-юрисдикционное производство<sup>12</sup>. Например, Д.Н. Бахрахом и И.В. Пановой высказана идея о создании Федеральной административной службы, в полномочия которой входили бы привлечение к административной ответственности физических и юридических лиц, а также пересмотр постановлений по административно-деликтным делам<sup>13</sup>.

Поддерживая позицию о необходимости привлечения к административной ответственности преимущественно органами исполнительной власти, мы, конечно, отдаем себе отчет в том, что практически все они осуществляют юрисдикционные функции наряду с контрольно-надзорными, что негативно сказывается на объективности принимаемых ими решений. Поэтому действовать эти органы в любом случае должны под контролем суда, куда лицо, подвергнутое административному наказанию, сможет обжаловать вынесенное в отношении его постановление. Тем самым удастся обеспечить соответствие механизма назначения административных наказаний более высоким стандартам защиты прав и свобод граждан.

Приведенный перечень проблем не является исчерпывающим, а лишь иллюстрирует необходимость совершенствования КоАП в современных условиях. Так, нуждается в дальнейшей правовой регламентации ответственность должностных лиц; требуется доктринальная разработка понятия вины юридического лица; требуется разработка и включение в документ новых составов административных правонарушений; подлежит критическому пересмотру перечень санкций и многое другое.

<sup>8</sup> Бахрах Д.Н. Нужна специализация судей, а не судов // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 10-11.

<sup>9</sup> Рогачева О.С. Судопроизводство по делам об административных правонарушениях в системе координат нового административно-процессуального законодательства // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. ст. Ежегодн. всерос. науч.-практич. конф. (Сорокинские чтения, 25 марта 2016 г.): в 3 т. / под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. Т. II. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2016. С. 143-144.

<sup>10</sup> Россинский Б.В. Окончательно ли разграничение административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях? // Журнал административного судопроизводства. 2016. № 1. С. 50-51.

<sup>11</sup> Панкова О.В. Оптимизация правосудия по делам об административных правонарушениях в России // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6. С. 145.

<sup>12</sup> Клеандров М.И. Очерки российского судоустройства. Проблемы настоящего и будущее / под ред. В.В. Лаптева, В.Ф. Яковлева. Новосибирск, 1998. С. 126.

<sup>13</sup> Бахрах Д. Н. Административное судопроизводство в России в начале XXI века // Полицейское право. 2007. № 1. С. 16; Панова И. В. Административное судопроизводство и процедура внесудебного, досудебного рассмотрения административных дел // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2007. № 4. С. 25.

Вместе с тем было бы неверно и несправедливо считать, что мы крайне негативно оцениваем ныне действующий КоАП РФ. Как бы не относиться к этому нормативному правовому акту сейчас, нельзя не охарактеризовать его как важнейший шаг в развитии законодательства об административной ответственности и совершенствовании административно-юрисдикционного процесса. Более того, благодаря многочисленным разъяснениям Пленума и Президиума Верховного Суда РФ по вопросам применения процессуальных норм КоАП РФ можно с уверенностью утверждать, что современное правосудие по делам об административных правонарушениях приближено к общим стандартам судебной деятельности, а практика применения КоАП РФ вошла в единое правовое русло<sup>14</sup>.

II. Необходимостью систематизации административно-процессуальных нормы с тем, чтобы разграничить их от административно-материальных норм.

Как правило, процессуальное законодательство устанавливает действия, их последовательность, разрешая при этом такие вопросы, как стадийность процесса, цели и принципы деятельности, круг участников процессуальных отношений, их полномочия, процессуальные сроки, подведомственность дел, виды и источники доказательств, гарантии соблюдения законности и обоснованности принимаемых актов, меры обеспечения, возмещение расходов, связанных с осуществлением процессуальных действий и др.

Согласно пункту «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ к числу отраслей законодательства, предмет ведения которых относится к компетенции РФ и субъектов, отнесены административное и административно-процессуальное законодательство. Но формально данного разграничения не существует, что в определенной мере усложняет работу с действующим кодексом. Административно-процессуальное законодательство – это отдельная, самостоятельная отрасль законодательства. По сути, отрасль законодательства является самостоятельной системой нормативно-правовых актов, которые, в свою очередь, состоят из правовых норм, регулирующих определённую сферу однородных общественных отношений, являющихся предметом отрасли права. Одним из формальных признаков обособленности, а в целом и существования отрасли права является наличие кодифицированного нормативного акта, который бы систематизировал ключевые нормы отрасли, либо наличие системы нормативных актов, содержание которых чётко выделяло бы обособленность отрасли права. Существование определённой отрасли права и отрасли законодательства, которая бы ей соответствовала, обусловлено наличием специфического предмета регулирования,

выраженного в совокупности правовых норм; чётким построением системы норм права; некоторой обособленностью и самостоятельностью по отношению к другим отраслям права. На сегодняшний день можно констатировать, что административно-процессуальное право ещё не выделилось как самостоятельная отрасль.

Несмотря на широкий интерес, проявляемый к исследуемой проблеме учеными-административистами, на сегодняшний день не разработано единого мнения по поводу соотношения и содержания основных административно-процессуальных категорий, таких как административная юрисдикция, административное судопроизводство, административный процесс, административная юстиция и другие. Так, довольно спорным является понимание содержания административного процесса. Одни учёные считают, что административный процесс является деятельностью компетентных органов и их должностных лиц, направленной на разрешение дел об административных правонарушениях и административных споров<sup>15</sup>. Иные же склонны считать, что административный процесс – это деятельность, направленная на разрешение любых дел, которые возникают в сфере государственного управления<sup>16</sup>. Третьи сводят административный процесс к деятельности судов, направленной на разрешение жалоб юридических лиц и граждан на незаконные действия либо бездействие государственных органов<sup>17</sup>.

Такое расхождение в понимании предмета регулирования административно-процессуального права лишает возможности предпринять попытку его систематизации, построения чёткой системы законодательства в данной сфере.

Основной проблемой невозможности разработки и принятия Административно-процессуального кодекса, по мнению Ю.А. Тихомирова, является недостаток материала для разработки такого акта<sup>18</sup>. И речь здесь идет не о количественной стороне источников, их как раз достаточно, а в отсутствии глубины проработки различных направлений административно-процессуальной деятельности. Другими словами, не выявлены и не обоснованы критерии классификации административных производств; общие закономерности, принципы административных производств; не установлены взаимозависимость и взаимообусловленность различных производств, а также примерное количество административных производств, что является преградой в применении традиционных приёмов кодификации.

Следует также отметить, что отсутствие систематизации административно-процессуальных норм делает невозможным их обособление от материальных

<sup>14</sup> Панкова О.В. Правосудие по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции: монография. «Статут». 2023. С.175.

<sup>15</sup> Салищева Н.Г. Гражданин и административная юрисдикция в СССР. М., 1970. С.25.

<sup>16</sup> Корнев А. Административное право России. Часть 1. Государственное управление и административное право. Центр юридической литературы «ЩИТ». М., 2002. С.27.

<sup>17</sup> Старилов Ю.Н. О двух главных современных направлениях развития российского административного и административного процессуального законодательства (тезисы) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2014. № 3. С. 6-10.

<sup>18</sup> Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс. М.: Издание г-на Тихомирова М.Ю., 2005. С.34.

норм административного права, вследствие чего административно-процессуальные нормы, регулирующие порядок разрешения различных категорий административных дел, разбросаны в различных нормативно-правовых актах, которые содержат и материальные административно-правовые нормы. Эту проблему можно выявить, если проанализировать нормативно-правовые акты о лицензировании, об административном надзоре и административной ответственности, о государственной регистрации и других.

III. Необходимостью систематизировать значительное количество административных производств, обусловленное широким кругом общественных отношений, регулирующийся административно-процессуальным законодательством.

На сегодняшний день в науке административного права сформирована более-менее единая позиция к классификации административных производств, которые делятся на: административно-юрисдикционные, административно- правонаделительные и административно-нормотворческие<sup>19</sup>.

Широкий круг общественных отношений, регулируемых административно-процессуальным законодательством, дают основание выделить различные виды производств, учитывая их особенности. Например, производство по делам об оспаривании решений, связанных с государственной регистрацией либо отказом в государственной регистрации религиозных или общественных объединений; производство по обжалованию в суде административных актов; производство по делам об обжаловании действий и решений налоговых органов; производство по делам об оспаривании решений о ликвидации, запрете, приостановлении или ином ограничении деятельности общественных и религиозных объединений; административно-договорное производство и другие<sup>20</sup>. Думается, что разработка и принятие Административно-процессуального кодекса решили бы также проблему систематизации административных производств.

В связи с вышесказанным, в целях совершенствования административного и административно-процессуального законодательства РФ необходима реализация следующих мероприятий:

- разработка нового Кодекса об административных правонарушениях;
- выделение процессуальных процедурных положений, встречающихся в КоАП РФ, в отдельный Процессуальный кодекс РФ об административных

правонарушениях, то есть унификация процедур;

- расширение прав участников процесса, в том числе обеспечение юридической помощи на всех стадиях;

- повышение уровня правовой определенности – устранение противоречий и дублирования норм в КоАП РФ;

- развитие института досудебного обжалования – внедрение медиации, электронных жалоб и ускоренного рассмотрения;

- укрепление процессуальных гарантий – внедрение презумпции невиновности в более полном объеме (ст. 1.5 КоАП РФ), обеспечение права на защиту (ст. 25.1 КоАП РФ);

- законодательное закрепление электронных процедур. Следует внести в КоАП РФ и другие профильные законы (например, Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»<sup>21</sup>) нормы, четко регламентирующие электронный формат административного производства. Это должно включать: форму и статус электронных доказательств (со ссылкой на ст. 26.2 КоАП РФ); порядок подачи, регистрации и рассмотрения документов в электронном виде; процедуру онлайн-участия в заседаниях; требования к цифровой подписи и аутентификации участников;

- создание единой государственной цифровой платформы. Необходима унификация электронного взаимодействия между участниками административного процесса через одну государственную платформу, например, расширение функционала портала «Госуслуги» или создание отдельного специализированного сервиса «Электронное административное правосудие». Платформа должна обеспечивать: подачу заявлений, жалоб, ходатайств; уведомления участников; хранение и просмотр материалов дела; видеоучастие и электронные заседания;

- гарантии цифровой доступности и равенства сторон. В рамках реализации принципа равенства сторон в производстве по делам об административных правонарушениях (ст. 24.1 КоАП РФ), государство должно обеспечить: цифровое сопровождение для социально незащищенных категорий граждан (например, консультации, горячие линии, упрощенные формы заявлений); альтернативу электронному формату, право на выбор между бумажной и электронной формой участия; развитие цифровой грамотности и информирование о правах в процессе.

#### Библиографический список

1. Бахрах Д.Н. Административное судопроизводство и административная юстиция // Современное право. – 2005. – № 5. С. 38-41.

<sup>19</sup> Панова И.В. Административно-процессуальное право России: монография. М.: Инфра-М, 2012. Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2004. Бахрах Д.Н. Административное судопроизводство и административная юстиция // Современное право. 2005. № 5. С. 38-41.

<sup>20</sup> Цуканов Н.Н. О возможных направлениях систематизации административно-процессуального законодательства // Российская юстиция. 2010. № 4.

<sup>21</sup> Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст.3448.

- 
2. Кононов П.И. О конституционно-правовых основах понимания сущности и структуры административного процесса, административного судопроизводства и административно-процессуального законодательства в Российской Федерации // Административное право и процесс. – 2019. – № 9. – С. 9-14.
  3. Мартынов А.В. Административный процесс России: учебно-методическое пособие / А.В. Мартынов, М.Д. Прилуков, Е.В. Ширеева. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2018. – 194 с.
  4. Мкртчян А.Г. Административно-процессуальное законодательство: актуальные аспекты развития и совершенствования // Молодой ученый. Международный научный журнал. – 2024 – № 46 (545)/202. – С. 177-179.
  5. Панова И.В. Административно-процессуальное право России: монография. М.: Инфра-М, 2012. – 276 с.
  6. Панкова О.В. Оптимизация правосудия по делам об административных правонарушениях в России // Вестник Университета им. О.Е.Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 6. – С. 145-154.
  7. Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2004. – 536 с.
  8. Стариков Ю.Н. О двух главных современных направлениях развития российского административного и административного процессуального законодательства (тезисы) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. – 2014. – № 3. – С.6-10.
  9. Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс. М.: Издание г-на Тихомирова М.Ю. – 2005. – 697 с.
  10. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. Хайек. – М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2020. – 644 с.

Рецензент: Коновалов В.А., заведующий кафедрой административного и финансового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

---

## КОНОВАЛОВ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, ул. Комсомольская, 50, 48352.valeriy@mail.ru

## ЗАРУБЕЖНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

### KONOVALOV VALERY ALEXEYEVICH

PHD in Law, associate professor, head of the Department of administrative and financial law Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow state law university (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, 48352.valeriy@mail.ru

## FOREIGN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION OF STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT

**Аннотация.** Обобщение отечественного опыта переходного периода дает представление о складывающихся на этапе перехода к рынку проблем в государственных закупках и смежных им правоотношениях. Из указанной части работы можно сделать вывод, что значительный перечень недоработок российского закупочного законодательства обусловлен недостаточностью опыта государственного хозяйствования в данной области, а также игнорирование и обособление от положительного международного и зарубежного опыта.

**Ключевые слова:** государственные (публичные) закупки, система прокьюремент, конкуренция, контрактная система, борьба с коррупцией.

**Review.** The generalization of the domestic experience of the transition period gives an idea of the problems in public procurement and related legal relations that develop at the stage of transition to the market. From this part of the work it can be concluded that a significant list of shortcomings in the Russian procurement legislation is due to the lack of experience of public economy in this area, as well as ignoring and separating from positive international and foreign experience.

**Keywords:** state (public) procurement, procurement system, competition, contract system, fight against corruption.

В период очередного реформирования системы государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации, а также после вступления нашей страны в ВТО, особенный интерес представляет опыт зарубежных стран по организации и проведению государственных (публичных) закупок и регулирование данного вопроса на уровне международных организаций.

Страны Северной Америки и Европы накопили большой опыт в проведении закупок, направленных на удовлетворение потребностей общества – «общественных (публичных) закупок». Сформировалась система прокьюремент, который можно определить как «совокупность практических методов и приемов, позволяющих максимально обеспечить интересы покупателя при проведении закупочной компании»<sup>1</sup>. Притом экономия средств не является основной целью прокьюремент, важнее – эффективность размещения заказа и удовлетворения общественных нужд.

Европейские страны имеют значительный опыт организации торгов, различающийся как по целям и порядку, так и по степени саморегулирования и вмешательства государства в проведение закупок.

Так, в Италии функционирует Ассоциация специалистов по закупкам и логистике, которая предъявляет жесткие требования к отбору своих членов, проведению их сертификации, соблюдению внутреннего этического кодекса. Система размещения публичных контрактов Германии также строго регламентирует деловую репутацию и опыт участников публичных торгов.

Французское законодательство в большей мере уделяет внимание системе контроля над закупками, имея специальные административные, судебные и финансовые полномочия для данной области. Соблюдение требований при размещении заказа, как соблюдение процедур, так и отсутствие недоброкачественной продукции, должен отслеживать сам участник-предприниматель. В противном случае ответственность на предпринимателя (не заказчика) выражается в значительных штрафных санкциях.

В Швейцарии закупочная деятельность регулируется местным, межкантональным и кантональным законодательством, особый акцент в котором направлен на равный доступ поставщиков на рынок и развитие конкуренции. Антимонопольный закон 1996 г.

---

<sup>1</sup> Кикавец В.В., Маковлев А.Ю. Особенности правового регулирования в сфере государственных закупок за рубежом // Госзаказ в вопросах и ответах № 1. 2010. URL: <http://www.mcfr.ru/journals/79/233/19189/19191> (дата обращения: 11.04.2013).

запретил создание картелей при проведении госзакупок и применение высоких штрафных санкций (в иных сферах законодательство страны разрешает создавать промышленные объединения и картели).

В США в отношении правительственных закупок действуют специальные Правила закупок для федеральных нужд, состоящие из ряда законов и подзаконных актов. Отдельно приняты Правила закупки для нужд обороны, которые также устанавливают принципы, порядок и правила проведения закупочных процедур.

Согласно Правилам закупки для федеральных нужд государственный заказчик имеет право проводить аудиторскую проверку поставщика и пересматривать условия действующих контрактов в одностороннем порядке с выплатой соответствующей компенсации<sup>2</sup>.

Само размещение заказа и его оплата в США проводится посредством действующей с 1948 года Федеральной контрактной системы, где проходят закупки по большинству государственных программ – от строительства и научно-исследовательских работ до поставки вооружения. Правительственные контракты имеют разработанные типовые формы, например, Пентагон применяет до 50 видов правительственных контрактов<sup>3</sup>.

Информация по заключенным контрактам направляется в Центральную информационную систему федеральных закупок. Широко задействован механизм проведения электронных торгов.

Степень открытости закупочных процедур различна: при открытой процедуре публично предлагается представить оферты неограниченному количеству предприятий. В закрытой процедуре оферты предлагают передать ограниченному числу предприятий из круга претендентов, публично приглашенных к участию. Переговоры между заказчиком и участником разрешены только по государственным заказам на услуги, предоставляемые лицами свободных профессий, и по заказам на услуги по перевозкам местным пассажирским транспортом.

Система госзакупок США различает целый ряд типов контрактов, в зависимости от планируемых издержек и плановой прибыли либо на основе фактических затрат, понесенных контрагентом. Совокупность указанных обстоятельств определяет уровень контрактных цен. Некоторые исследователи (Кикавец В.В., Маковлев А.Ю.) считают, что следующий ряд контрактов можно внедрить при подготовке и проведении госзакупок в РФ:

1) контракт, цена которого включает в себя фиксированную сумму и поощрительное вознаграждение с постоянными показателями (размер вознаграждения определяется по завершении контрактных обязательств и зависит от степени эффективности

действий контрагента);

2) контракт, учитывающий издержки производства и фиксированное вознаграждение. В данном случае предусматривается возмещение контрагенту всех производственных и разрешенных законом затрат, а также выплата заранее определенного и фиксированного вознаграждения;

3) контракт, учитывающий издержки производства и поощрительное вознаграждение. Такой контракт предусматривает возмещение контрагенту всей суммы его фактических и допустимых законом издержек, а размер вознаграждения устанавливается после завершения исполнения контрактных обязательств, в зависимости от экономии или перерасхода контрагентом средств в ходе исполнения таких обязательств<sup>4</sup>.

Осуществление государственных закупок основывается на принципах обеспечения конкуренции среди поставщиков, борьбе с коррупцией, а также эффективности использования финансовых средств при государственных закупках. Оказывается поддержка малым и средним предприятиям, в частности, крупные заказы разделяются на отдельные партии, чтобы малые и средние предприятия могли участвовать в конкурсах.

Отдельно стоит отметить эффективность реализации прав залогодержателя при обращении взыскания на залог денежных средств, используемых в качестве обеспечения исполнения контрактного обязательства, путем составления отдельного трехстороннего соглашения между должником, залогодержателем и банком, регламентируемого нормами Универсального торгового кодекса США.

Система госзакупок США является положительным примером эффективного инструмента для обеспечения выгодных условий развития фирм и предприятий при удовлетворении ими государственных нужд.

Порядок правового регулирования государственных закупок различных государств и его особенности также определяют и международные договоры, соглашения, конвенции, принимаемые международными организациями и межгосударственными объединениями.

ЮНСИТРАЛ - Комиссия по праву международной торговли, как структурное подразделение ООН, в рамках своей компетенции подготавливает правовые документы, регламентирующие правила международной торговли, а также общие правила проведения государственных закупок. Так, еще в 1986 г. ЮНСИТРАЛ начала работу над обобщающим документом в области публичных закупок – Типовому закону о закупках товаров (работ) и услуг, принятого в 1994 году. Документ создавался в первую очередь для содействия развивающимся и бывшим со-

<sup>2</sup> Кикавец В.В., Маковлев А.Ю. Особенности правового регулирования в сфере государственных закупок за рубежом // Госзаказ в вопросах и ответах №1, 2010. URL: <http://www.mcfr.ru/journals/79/233/19189/19191> (дата обращения 11.04.2013).

<sup>3</sup> Андреева Л.В. Закупки товаров и энергосервисных работ для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Волтерс Клувер», 2011. С. 53-55.

<sup>4</sup> Кикавец В.В., Маковлев А.Ю. Особенности правового регулирования в сфере государственных закупок за рубежом // Госзаказ в вопросах и ответах. 2010. №1. URL: <http://www.mcfr.ru/journals/79/233/19189/19191> (дата обращения 11.04.2013).

циалистическим странам, поскольку здесь существовали явные проблемы неэффективности госзаказа и расходования бюджетных средств<sup>5</sup>.

Типовой закон сформировал единую базу для законодательства в области госзакупок для крупных европейских государств и стран с переходной экономикой. Закон ЮНСИТРАЛ ориентирован на транспарентность (открытость) и отсутствие дискриминации в закупочных процедурах. В Типовом законе отсутствуют ограничения на участие в конкурсных процедурах иностранных фирм и товаров. Отдельное государство может ограничить участие последних только в случае защиты определенных национальных отраслей, при введении ограничения должны вводиться непосредственно самими закупочными организациями.

При разработке Закона № 94-ФЗ частично использованы положения Типового закона ЮНСИТРАЛ: принципы конкуренции, равенства, открытости госзакупок, применение торгов как способа размещения заказа, антикоррупционные ограничения, общие правила для процедур. Однако, закон ЮНСИТРАЛ регулирует не только поставку товаров (работ, услуг), как российский закон, но и лизинг и аренду. Также Типовой закон предусматривает более широкую линейку процедур размещения заказа – запрос предложений, двухэтапные торги, конкурентные переговоры. В отличие от Закона № 94-ФЗ предъявляются более высокие требования к опыту, репутации поставщика, его технической оснащенности, наличию финансовых ресурсов<sup>6</sup>.

Параллельно с инициативами ООН в сфере госзакупок получили развитие и региональные интеграционные процессы. Так, Договор ЕС в редакции 1957 г. не содержал норм, непосредственно относящихся к государственным закупкам, однако запрещал странам-участникам ограничивать свободную торговлю и вводить дискриминационные условия для поставщиков из стран ЕС. Расширение ЕС повлекло совершенствованию стандартов открытости закупочных процедур без отмены национальных процедур закупок и защите прав поставщиков. Директивы ЕС являются базой законодательства о закупках в большей части восточноевропейских стран.

В свою очередь Всемирная торговая организация (ВТО) для либерализации торговых отношений на международном рынке разработала Соглашение о правительственных закупках, вступившее в силу с 1 января 1996 г. В данном Соглашении предусмотрены меры поддержки развивающихся стран, правовое регулирование конкурсных процедур и права доступа на международный рынок товаров и фирм стран-участников указанного Соглашения, права и обязанности стран-участниц в отношении их национально-го законодательства, нормативных документов, ве-

домственных актов и правоприменительной практики. Основные принципы Соглашения – недискриминация и транспарентность как нормативных актов, так и самих процедур закупок. Соглашение не распространяется:

1) на государственные закупки для военных нужд, для защиты общественной морали, порядка, безопасности, жизни и здоровья человека, животных и растительного мира, прав интеллектуальной собственности и ряд других (ст. 23);

2) на некоторые контракты по стоимости: для каждой страны Соглашение устанавливает пороговый уровень государственных закупок, с которого оно начинает применяться (п. 4 ст. 1: для рынка товаров – около 200 тыс. долларов, для рынка услуг (за исключением строительного сектора) – порядка 200 тыс. долларов, для строительных услуг – 7,7 миллиона долларов<sup>7</sup>;

3) на страны, не подписавшие Соглашение.

Сторона – участник закупок вправе оспаривать через Орган по урегулированию торговых споров ВТО правовую базу и результаты проведения государственных закупок в случае ущемления ее интересов. Открытость госзакупки по Соглашению представлена обязанностью организаторов торгов в течение 72 дней с момента заключения контракта опубликовать полную информацию о заказе и победителе, в том числе наибольшую и наименьшую стоимости контракта, предлагаемые в ходе размещения заказа.

Россия, хоть и вступила в ВТО, к Соглашению о правительственных закупках не присоединилась. В случае присоединения будет получен доступ к иностранным госзакупкам, однако и Россия в этом случае должна открыть полностью не дискриминационный доступ и иностранным компаниям к отечественным государственным (муниципальному) заказу.

Важную роль в формировании правил публичных закупок оказывают и международные финансовые организации, прежде всего Всемирный банк (Международный банк реконструкции и развития и Международная ассоциация развития).

«Руководства Всемирного банка по закупкам отражают положения политики, которая развивалась в течение более 50 лет деятельности Всемирного банка на международных финансовых рынках. В соответствии со своим уставом Банк требовал, чтобы средства любого займа использовались только по целевому назначению, с надлежащим учетом соображений экономии и эффективности и, невзирая на политическое или какое-либо другое неэкономическое влияние или соображение.

В духе указанных положений Устава Банк разработал детальные процедуры для закупки, связанные с финансируемыми им проектами. В основе требова-

<sup>5</sup> Каранатова Л.Г. Управление государственными и муниципальными заказами в Санкт-Петербурге. СПб.: ФГОУ ВПО «Северо-западная академия государственной службы», 2008. С.13.

<sup>6</sup> Андреева Л.В. Закупки товаров и энергосервисных работ для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Волтерс Клувер», 2011. С. 53-55.

<sup>7</sup> Евсеев В. Государственные закупки России остались вне ВТО // «Наука и технологии России – STRF.ru». URL: [http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d\\_no=44564](http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=44564) (дата обращения: 15.12.2024).

ния Банка лежат четыре принципа:

- необходимость экономии и эффективности;
- заинтересованность Банка предоставить всем правомочным поставщикам возможность конкурировать в предоставлении товаров и работ, финансируемых Банком;
- заинтересованность Банка в содействии экономическому развитию страны-заемщика;
- значимость транспарентности в закупочном процессе»<sup>8</sup>.

Эти принципы выражены в Руководствах по кредитам МАР и по займам МБРР, где содержатся правила для проведения международных конкурсных торгов. Также для финансируемых Всемирным банком проектов разработаны типовая конкурсная документация и формы контрактов.

Системы госзакупок в развитых странах выполняют двойственную функцию: с одной стороны, обеспечивают исполнения госорганами своих непосредственных функций, с другой – регулируют необходимые сектора экономики, стимулируя их рост и развитие.

«В российской системе государственного заказа

необходимо внедрение и практическое применение механизма прокьюрента, составляющие которого способны значительно повысить эффективность торгов. Также можно заимствовать опыт Великобритании, предоставив полномочия по осуществлению нормативно-правового регулирования государственного заказа Казначейству России. Интересен и опыт Италии, связанный с созданием и функционированием Ассоциации специалистов государственного заказа»<sup>9</sup>.

Конечно, все страны имеют разные исторически сложившиеся условия формирования системы госзакупок. Однако, в отличие от действующего российского законодательства, зарубежные системы направлены на максимальное удовлетворение публичных потребностей путем приобретения товаров (работ, услуг) надлежащего качества по оптимальной (а не минимальной) цене. Анализ зарубежного и международного опыта регулирования государственных закупок позволяет на наглядном примере убедиться в действенности определенных норм для повышения эффективности закупочной деятельности, а также избежания ошибок и просчетов.

#### Библиографический список

1. Андреева Л.В. Закупки товаров и энергосервисных работ для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Волтерс Клувер», 2011. – 302 с.
2. Белов В.Е. К вопросу концепции закона о размещении заказов // Законодательство. – 2010. – № 9. – С.23-33.
3. Белов В.Е. О новой редакции закона о размещении госзаказов // Законодательство. – 2011 – № 4. – С.45-49.
4. Беляева О.А. Электронные аукционы по размещению государственных заказов: совершенствование правового регулирования // Журнал российского права. – 2011. – № 7. – С. 17-23.
5. Беляева О.Е. Проблемы размещения государственных и муниципальных заказов в социальной сфере // Законодательство. – 2011. – № 9. – С. 43-50.
6. Исмаилов М.И. Применение судами антимонопольного законодательства // Российское конкурентное право и экономика (научно-практический электронный журнал). – 2011. – № 1. – С. 17-20.
7. Каранатова Л.Г. Управление государственными и муниципальными заказами в Санкт-Петербурге. СПб.: ФГОУ ВПО «Северо-западная академия государственной службы», 2008. – 72 с.
8. Кикавец В.В., Маковлев А.Ю. Особенности правового регулирования в сфере государственных закупок за рубежом // Госзаказ в вопросах и ответах. – 2010. – № 1.
9. Курц Н. Система государственного (муниципального) заказа и реформа бюджетных учреждений // Хозяйство и право. – 2011. – Приложение № 2. – С.32-38.
10. Толкачева М. Антимонопольный контроль в сфере обеспечения государственных нужд // Проблемы правового регулирования обеспечения государственных нужд. Учебное пособие / под ред. Т.В. Ефимцевой, И.М. Лопиной. – Оренбург, 2011. – 137 с.

Рецензент: Глебова Ю.И., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

<sup>8</sup> Каранатова Л.Г. Управление государственными и муниципальными заказами в Санкт-Петербурге. СПб.: ФГОУ ВПО «Северо-западная академия государственной службы», 2008. С.13-19.

<sup>9</sup> Кикавец В.В., Маковлев А.Ю. Особенности правового регулирования в сфере государственных закупок за рубежом // Госзаказ в вопросах и ответах. 2010. №1. URL: <http://www.mcfr.ru/journals/79/233/19189/19191/> (дата обращения 11.04.2013 г.)

---

## **КУЗЬМИНА МАРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА**

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права, доцент кафедры теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, oMVKuzmina@msal.ru

## **ВОРОПАЕВА АННА СЕРГЕЕВНА**

общественный помощник прокурора Ленинского района г. Оренбурга, студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, voropaevaanna@mail.ru

## **ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ВЫЗОВ ТРАДИЦИОННЫМ КОНЦЕПЦИЯМ ТЕОРИИ ПРАВА**

### **KUZMINA MARIA VIACHESLAVOVNA**

PHD in Law, associate professor of the Department of business and natural resource law, associate professor of the Department of theory of state and law Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, oMVKuzmina@msal.ru

### **VOROPAeva ANNA SERGEEVNA**

public assistant of the prosecutor of the Leninsky district in the city of Orenburg student of the Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, voropaevaanna@mail.ru

## **THE ROLE OF LEGAL INTERPRETATION IN MODERN CONDITIONS**

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию вопроса правосубъектности искусственного интеллекта (далее - ИИ) с точки зрения традиционных концепций теории права. В работе рассматриваются основные критерии признания субъектов права, их применимость к ИИ, а также современные подходы к регулированию правового статуса ИИ в различных юрисдикциях. Анализируются возможные модели правосубъектности ИИ. В результате исследования выявляются перспективные направления законодательного регулирования, обеспечивающие баланс между техническим прогрессом и правовой определенностью.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, правосубъектность, теория права, юридическая ответственность, автономные системы, правовой статус ИИ, законодательное регулирование.*

***Review.** The article is devoted to the study of the issue of the legal personality of artificial intelligence (hereinafter - AI) from the point of view of traditional concepts of the theory of law. The paper examines the main criterias for recognizing legal entities, their applicability to AI, as well as modern approaches to regulating the legal status of AI in various jurisdictions. Possible models of legal personality of AI are analyzed. As a result of the research, promising areas of legislative regulation are identified that ensure a balance between technological progress and legal certainty.*

***Keywords:** artificial intelligence, legal personality, theory of law, legal responsibility, autonomous systems, legal status of AI, legislative regulation.*

Развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) оказывает значительное влияние на различные сферы общественной жизни, включая экономику, медицину, производство и даже правоприменительную практику.

В Российской Федерации значительное внимание уделяется вопросам цифровизации многих сфер общественной и государственной жизни. В настоящее время действует Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030

года, утвержденная Указом Президента РФ от 10 октября 2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»<sup>1</sup>, разработанная в целях обеспечения ускоренного развития искусственного интеллекта в РФ, проведения научных исследований в области искусственного интеллекта, повышения доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей, совершенствования системы подготовки кадров в этой области.

Искусственный интеллект представляет собой

---

<sup>1</sup> Указ Президента РФ от 10 октября 2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 10.05.2025).

комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их.

Комплекс технологических решений включает в себя информационно – коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений<sup>2</sup>.

Современные ИИ-системы способны анализировать большие массивы данных, принимать решения и даже имитировать когнитивную деятельность человека. Однако, по мере усложнения их функционала, возникает вопрос о возможности их самостоятельного участия в правоотношениях, что ставит под сомнение традиционные представления о правосубъектности.

Вопрос о правовом статусе ИИ является одной из наиболее актуальных проблем современной юридической науки. В существующей правовой системе субъектами права традиционно признаются физические и юридические лица, а также государства и межгосударственные организации. Однако современные ИИ-системы, обладающие автономностью и способностью к обучению, не вписываются в устоявшиеся концепции субъектности. Это порождает дискуссию о том, можно ли признать ИИ самостоятельным субъектом права или же он должен оставаться лишь объектом правового регулирования.

Отсутствие единого подхода к правовому регулированию ИИ на международном уровне создает правовую неопределенность, что затрудняет разработку норм, регулирующих его использование. Правоприменительная практика сталкивается с проблемой ответственности за действия автономных систем: кто должен нести ответственность за их ошибки – оператор, разработчик, владелец или сама программа? Возникает вопрос о возможности предоставления ИИ прав и обязанностей, аналогичных тем, которые имеются у физических или юридических лиц.

Правосубъектность является фундаментальной категорией теории права, определяющей способность лица быть носителем прав и обязанностей. В традиционном понимании правосубъектность включает три основные составляющие: правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Эти элементы формируют юридическую характеристику субъектов права и определяют их участие в правоотношениях.

Говоря о правоспособности, можно дать следующее определение: правоспособность – это способность

лица иметь субъективные права и нести юридические обязанности (п. 1, ст. 17 Гражданского кодекса Российской Федерации). Впервые данный термин системно описан в трудах Г.Ф. Шершеневича, который определял правоспособность как «установленную нормами права способность быть носителем юридических прав и обязанностей»<sup>3</sup>. В современной юридической науке правоспособность рассматривается как врожденное качество физических лиц и как юридическая фикция для организаций.

Правоспособность носит универсальный и равный характер, что подтверждается в теории естественного права (Т. Гоббс)<sup>4</sup>. Юридические лица, напротив, обладают ограниченной правоспособностью, зависящей от их целей и правового статуса. Вопрос о правоспособности искусственного интеллекта остается открытым, поскольку он не обладает ни естественной способностью к правам, ни искусственно созданной правосубъектностью, присущей юридическим лицам.

Следует также рассмотреть понятие дееспособности. Дееспособность представляет собой способность субъекта самостоятельно осуществлять права и исполнять обязанности. По определению С.С. Алексеева, «дееспособность предполагает осознание субъектом своих действий и возможность руководить ими в рамках правового регулирования»<sup>5</sup>.

Для физических лиц дееспособность развивается с возрастом и достигает полной формы в совершеннолетия. В отношении юридических лиц дееспособность определяется их уставными целями и компетенцией. Искусственный интеллект, даже в своих самых сложных моделях, не обладает самосознанием и автономной волей, что ставит под сомнение возможность признания его дееспособным субъектом права<sup>6</sup>.

Что касается деликтоспособности, то – это способность субъекта нести юридическую ответственность за свои действия. В классическом понимании (Е.В. Васильковский, Г.Ф. Шершеневич) она связана с наличием вины и осознанного противоправного поведения<sup>7</sup>.

В традиционном праве субъект может быть привлечен к гражданско-правовой, административной или уголовной ответственности. Однако современные системы ИИ принимают решения на основе алгоритмов, лишены воли и намерения, что делает проблематичным их привлечение к ответственности в классическом правовом смысле<sup>8</sup>.

В международной практике обсуждаются различные подходы к этому вопросу. В Европейском союзе рассматривается концепция «электронного лица» (electronic personhood), предполагающая, что ИИ может нести ограниченную ответственность за свои

<sup>2</sup> Аллахьяров Р.А., Кузьмина М.В. Искусственный интеллект в земельных отношениях. Интеллектуальный компас: направление научных открытий. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2024. С. 145.

<sup>3</sup> Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М.: Статут, 2012. С. 78.

<sup>4</sup> Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 1991. С. 42.

<sup>5</sup> Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Юридическая литература, 1981. Т. 1. С. 64.

<sup>6</sup> Бачило И.Л. Искусственный интеллект и право: вызовы цифровой эпохи. М.: ИГП РАН, 2020. С. 102.

<sup>7</sup> Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. СПб.: Изд-во Юридический центр, 2004. С. 217.

<sup>8</sup> Савин Д.А. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Журнал Российского права. 2021. № 5. С. 48.

действия<sup>9</sup>. В то же время российские исследователи, такие как В.В. Лапаева, указывают на необходимость усиления ответственности разработчиков и владельцев ИИ вместо признания за ним деликтоспособности<sup>10</sup>.

В связи с вышесказанным, можно сделать вывод, что традиционная структура правосубъектности включает три ключевых элемента: правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Современные правовые системы не предусматривают включение ИИ в число субъектов права, так как он не отвечает классическим критериям правосубъектности. Однако развитие технологий требует поиска новых моделей регулирования, которые могут включать элементы ограниченной правоспособности или особые режимы ответственности.

С целью подробного изучения вопроса, следует рассмотреть критерии признания субъектности в праве. Правосубъектность является основным правовым свойством, определяющим возможность участия лица в правоотношениях. В юридической науке выделяются три ключевых критерия признания субъектности: наличие автономной воли, способность нести юридическую ответственность и возможность реализации прав и обязанностей. Эти критерии исторически применялись к физическим и юридическим лицам, однако в современных условиях возникает вопрос о возможности их адаптации к искусственному интеллекту.

Одним из фундаментальных критериев субъектности является наличие автономной воли, то есть способности самостоятельно принимать решения, выражать собственные намерения и действовать в соответствии с ними. В классической юриспруденции автономная воля рассматривается как осознанная способность к выбору и формированию правовой позиции. Данный подход прослеживается в трудах Г.Ф. Шершеневича, который подчеркивал, что субъект права должен обладать «способностью к разумному волеизъявлению»<sup>11</sup>.

Для физических лиц автономная воля базируется на когнитивных способностях и осознании своих действий. В отношении юридических лиц автономия воли носит производный характер и выражается через деятельность органов управления. Искусственный интеллект, даже в наиболее развитых формах, действует на основе алгоритмов, predeterminedных

программными кодами, и не обладает самосознанием, что вызывает сомнения в возможности признания за ним автономной воли<sup>12</sup>.

Тем не менее, современные исследования в области когнитивных наук и философии права (Д. Деннета, Н. Бострома) допускают возможность появления сильного ИИ, обладающего сознанием и автономной волей<sup>13</sup>. В этом контексте правовая наука сталкивается с необходимостью переосмысления понятия субъектности, особенно в свете концепций «цифровой личности» и «электронного лица».

Другим важным критерием субъектности является способность лица нести юридическую ответственность за свои действия. В традиционном праве ответственность включает гражданско-правовую, административную и уголовную формы, каждая из которых предполагает наличие вины и причинно-следственной связи между действиями субъекта и их последствиями<sup>14</sup>.

В классической теории права (К. Бергбом, Л.А. Морозова) юридическая ответственность рассматривается как санкция за противоправные действия, предполагающая наличие вменяемости у субъекта<sup>15</sup>. Это делает невозможным привлечение к ответственности объектов, не обладающих разумной волей. Искусственный интеллект, действующий на основе алгоритмов, не может осознавать незаконность своих действий, а значит, не способен нести ответственность в традиционном понимании.

Современная юридическая практика ищет альтернативные пути решения этой проблемы. В Европейском союзе активно обсуждается концепция «электронной личности», предполагающая возможность введения особого правового статуса для ИИ с ограниченной ответственностью<sup>16</sup>. В России и США, напротив, преобладает подход, согласно которому ответственность за действия ИИ должна возлагаться на его владельцев, операторов или разработчиков<sup>17</sup>.

Последним ключевым критерием субъектности является способность реализовывать права и обязанности в рамках правовой системы. В традиционной юриспруденции (С.С. Алексеев, Г. Кельзен) субъектность определяется как возможность участвовать в правоотношениях, заключать сделки, быть стороной в судебных процессах и нести имущественные обязательства<sup>18</sup>.

Физические лица обладают полной возможнос-

<sup>9</sup> European Parliament. Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2017/2103(INL)). – Brussels, 2017. URL: [https://robotrends.ru/images/1702/853648/DraftReport\\_with\\_recommendations\\_to\\_the\\_commission\\_on\\_civil\\_Law\\_Rules\\_on\\_Robotics.pdf](https://robotrends.ru/images/1702/853648/DraftReport_with_recommendations_to_the_commission_on_civil_Law_Rules_on_Robotics.pdf) (дата обращения: 10.05.2025).

<sup>10</sup> Лапаева В.В. Искусственный интеллект в праве: пределы правосубъектности // Правоведение. 2022. № 3. С. 83.

<sup>11</sup> Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М.: Статут, 2012. С. 247.

<sup>12</sup> Зорькин В.Д. Право и вызовы искусственного интеллекта. URL: <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения 20.05.2025).

<sup>13</sup> Вислова А.Д. Современные тенденции развития искусственного интеллекта // Известия КБНЦ РАН. 2020. № 2 (94). С. 17.

<sup>14</sup> Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. СПб.: Изд-во Юридический центр, 2004. С. 302.

<sup>15</sup> Савин Д.А. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Журнал Российского права. 2021. №5. С. 55.

<sup>16</sup> European Parliament. Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2017/2103(INL)). – Brussels, 2017. URL: [https://robotrends.ru/images/1702/853648/DraftReport\\_with\\_recommendations\\_to\\_the\\_commission\\_on\\_civil\\_Law\\_Rules\\_on\\_Robotics.pdf](https://robotrends.ru/images/1702/853648/DraftReport_with_recommendations_to_the_commission_on_civil_Law_Rules_on_Robotics.pdf) (дата обращения: 10.05.2025).

<sup>17</sup> Лапаева В.В. Искусственный интеллект в праве: пределы правосубъектности // Правоведение. 2022. №3. С. 84.

<sup>18</sup> Кельзен Г. Чистое учение о праве. М.: Юридическая литература, 1987. С. 289.

тью реализации прав и обязанностей, поскольку их правоспособность является неотъемлемой и универсальной. Юридические лица, в свою очередь, реализуют свои права через представителей, что позволяет им участвовать в экономических и социальных процессах. Однако, когда речь заходит об искусственном интеллекте, возникают серьезные концептуальные и практические вопросы. Современные ИИ-системы уже способны заключать сделки без непосредственного участия человека, например, в сфере алгоритмической торговли, автоматизированных контрактов (smart contracts) и автономных транспортных систем. В этом контексте можно рассматривать возможность признания за ИИ ограниченной правоспособности в определенных областях права, например, в сфере интеллектуальной собственности и цифровой экономики<sup>19</sup>.

Некоторые исследователи предлагают ввести концепцию «агентной правосубъектности», при которой ИИ сможет участвовать в правоотношениях в ограниченном объеме, но при обязательном контроле со стороны человека.<sup>20</sup> Данный подход уже реализуется в практике интеллектуальных агентов в финансовом и корпоративном праве, где автоматизированные системы совершают юридически значимые действия от имени своих владельцев.

На основании приведенных доводов можно сделать вывод, что анализ традиционных критериев субъектности – автономная воля, способность нести ответственность и возможность реализации прав и обязанностей – показывает, что искусственный интеллект не соответствует классическим представлениям о субъекте права. Однако развитие технологий и усложнение алгоритмов принятия решений требуют пересмотра устоявшихся концепций.

Законодательное признание ИИ субъектом права приведет к значительным изменениям в правовой системе, затрагивающим фундаментальные принципы правоспособности, дееспособности и ответственности. Эти изменения могут затронуть как гражданское право, так и уголовное и административное регулирование.

Один из наиболее сложных вопросов, связанных с признанием ИИ субъектом права, касается его деликтоспособности, то есть способности нести ответственность за причиненный вред. В традиционной юридической науке деликтоспособность основана на принципе вины субъекта, которая выражается в умысле или неосторожности. Искусственный интеллект, будучи автономной системой, не обладает сознанием и не может осознавать последствия своих действий, что ставит под сомнение возможность его самостоятельной ответственности.

В международной практике рассматриваются различные подходы к решению этой проблемы:

1. Принцип вины владельца – ИИ рассматривается как инструмент, за который отвечает владелец или оператор (США, Россия).

2. Страхование модель – предполагается создание фондов страхования рисков, связанных с деятельностью ИИ, аналогично автомобильному страхованию (ЕС).

3. Концепция электронного лица – ИИ наделяется ограниченной правосубъектностью, позволяющей привлекать его к ответственности в рамках специальных юридических механизмов (Европейский парламент, 2017)<sup>21</sup>.

В настоящее время ИИ уже активно участвует в заключении сделок, управлении активами и автоматизации бизнес-процессов. Однако в действующем правовом поле он по-прежнему рассматривается как инструмент, а не самостоятельный субъект. Признание ИИ субъектом права потребует внесения изменений в гражданское законодательство, в частности возможность регистрации ИИ как юридического лица с правами и обязанностями, а также разработки механизмов заключения сделок ИИ без посредничества человека (смарт-контракты, финансовые алгоритмы) и введение особого режима налогообложения для ИИ, действующего в экономическом обороте<sup>22</sup>.

Правосубъектность предполагает не только ответственность, но и наличие прав и обязанностей. В теории права (Кельзен, Алексеев) субъектность включает в себя возможность участия в правовых отношениях как в активном, так и в пассивном режиме. Однако предоставление ИИ прав, аналогичных правам физических или юридических лиц, создает ряд юридических и этических дилемм: во-первых, должен ли ИИ иметь право собственности на интеллектуальную продукцию, созданную им самим? Во-вторых, может ли ИИ выступать в качестве истца или ответчика в судебных разбирательствах? В-третьих, должны ли быть установлены ограничения на правоспособность ИИ для предотвращения злоупотреблений?

Развитие технологий требует пересмотра традиционных концепций, но наделение ИИ правами без четко прописанных ограничений может привести к юридическим парадоксам и угрозам для существующей правовой системы.

В рамках рассмотрения данного вопроса возможно прибегнуть к альтернативным путям правового регулирования. Признание ИИ субъектом права – это не единственный возможный путь развития правового регулирования. В мировой практике рассматриваются различные альтернативные подходы, которые позволяют учитывать особенности ИИ без полного включения его в систему субъектов права.

Один из наиболее обсуждаемых вариантов – создание специального правового статуса для ИИ. Та-

<sup>19</sup> Морозова Л.А. Право и искусственный интеллект. М.: Юридический центр, 2021. С. 136.

<sup>20</sup> Журавлева А.В. Современные проблемы определения правосубъектности искусственного интеллекта // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 2. С. 129.

<sup>21</sup> Волков Д.Е. Актуальные вопросы привлечения к юридической ответственности при использовании искусственного интеллекта // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 9-1. С. 176.

<sup>22</sup> Савин Д.А. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 47.

кой статус может включать: «электронную личность» – концепция Европейского парламента, предполагающая ограниченную правосубъектность ИИ в рамках установленных государством функций. Ещё один вариант – это автономная агентная модель – ИИ рассматривается как правовой агент, имеющий права и обязанности, но действующий под контролем физических или юридических лиц<sup>23</sup>.

Другой вариант – комбинированный подход, при котором ИИ может участвовать в правоотношениях в ограниченных сферах, но без полного признания субъектности. Например: в сфере интеллектуальной собственности ИИ может выступать автором произведений, но все права передаются владельцу системы<sup>24</sup>.

Такая модель позволяет избежать правовых рисков, связанных с предоставлением ИИ полной субъектности, но при этом учитывать его влияние на правоотношения.

Третий возможный путь – отказ от признания ИИ субъектом права и перенос всей юридической ответственности на его создателей и владельцев. Этот подход базируется на принципах ответственности за источники повышенной опасности<sup>25</sup>. Он предполагает: введение строгих норм сертификации ИИ, создание специальных страховых фондов для покрытия ущерба, причиненного ИИ и закрепление принципа «презумпции вины разработчика» при нанесении ущерба автономными системами.

Этот подход наиболее прост для реализации, так как он не требует пересмотра основ правосубъектности, но при этом ограничивает автономность ИИ и не учитывает его потенциальное участие в правоотношениях.

Анализируя вышесказанное можно сделать вывод, что юридические последствия признания ИИ субъектом права затрагивают широкий круг вопросов, включая деликтоспособность, участие в экономике и возможность обладания правами. Международная практика демонстрирует различные подходы: от концепции «электронного лица» до полной ответственности разработчиков. Альтернативные пути регулирования включают введение особого статуса для ИИ, разработку гибридных моделей правосубъектности и ужесточение регулирования ответственности владельцев. Какой бы подход ни был принят в будущем, он должен учитывать баланс между развитием технологий и защитой правовых основ общества.

Необходимо отметить, что проблема правосубъектности искусственного интеллекта (ИИ) представляет собой серьезный вызов традиционным концепциям теории права. Анализ юридических, философских и практических аспектов данной проблемы позволил сделать несколько ключевых выводов: во-первых, современная теория права не предусматривает ИИ в качестве субъекта права, так как он не соответствует классическим критериям правосубъектности – автономной воле, способности нести юридическую ответственность и возможности реализации прав и обязанностей. Во-вторых, существующие международные подходы к правовому статусу ИИ различны: в ЕС разрабатывается концепция «электронного лица», США и Россия придерживаются модели, при которой ответственность за ИИ возлагается на разработчиков и владельцев. В-третьих, юридические последствия признания ИИ субъектом права требуют детального рассмотрения, включая его деликтоспособность, возможность участия в экономических отношениях и наделение ограниченными правами. Таким образом, вопрос о правосубъектности ИИ остается открытым, и его решение требует дальнейших научных исследований и законодательных инициатив.

Говоря о перспективах развития можно сделать вывод, что в дальнейшем изучение проблемы правосубъектности ИИ должно быть направлено на несколько ключевых аспектов:

1. Эволюция критериев правосубъектности – возможно ли расширение традиционных концепций с учетом технического прогресса?
2. Международные стандарты регулирования ИИ;
3. Этические границы автономии ИИ;
4. Практическая реализация новых моделей правового регулирования.

Современное развитие ИИ требует адаптации правовых механизмов, но вопрос о том, в какой степени технологии могут быть включены в правовую систему, остается предметом научных дискуссий и законодательных реформ. В ближайшие годы можно ожидать дальнейшего развития концепций ограниченной правосубъектности, усиления ответственности разработчиков ИИ, а также возможного появления новых гибридных правовых режимов, учитывающих уникальные особенности искусственного интеллекта.

#### Библиографический список

1. Алексеев С.С. Общая теория права. – М.: Юридическая литература, 1981. – Т. 1. – 362 с.
2. Аллахьяров Р.А., Кузьмина М.В. Искусственный интеллект в земельных отношениях. Интеллектуальный компас: направление научных открытий. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2024. – С. 145-147.
3. Бачило И.Л. Искусственный интеллект и право: вызовы цифровой эпохи. – М.: ИГП РАН, 2020. – 280 с.
4. Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. – СПб.: Изд-во Юридический центр, 2004. – 512 с.

<sup>23</sup> Морозова Л.А. Право и искусственный интеллект. М.: Юридический центр, 2021. С. 134.

<sup>24</sup> Ерохина Е.Д. Авторские права на произведения, созданные искусственным интеллектом. URL: [https://zakon.ru/blog/2024/5/25/avtorskie\\_prava\\_na\\_proizvedeniya\\_sozdannye\\_iskusstvennym\\_intellektom](https://zakon.ru/blog/2024/5/25/avtorskie_prava_na_proizvedeniya_sozdannye_iskusstvennym_intellektom) (дата обращения: 20.05.2025).

<sup>25</sup> Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 83.

- 
5. Вислова А.Д. Современные тенденции развития искусственного интеллекта // Известия КБНЦ РАН. – 2020. – №2 (94). – С. 14-30.
  6. Волков Д.Е. Актуальные вопросы привлечения к юридической ответственности при использовании искусственного интеллекта // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 9-1. – С. 174 - 178.
  7. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Мысль, 1991. – 528 с.
  8. Журавлева А.В. Современные проблемы определения правосубъектности искусственного интеллекта // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 2. – С. 128-131.
  9. Кельзен Г. Чистое учение о праве. – М.: Юридическая литература, 1987. – 365 с.
  10. Лапаева В.В. Искусственный интеллект в праве: пределы правосубъектности. // Правоведение. – 2022. – № 3. – С. 72-89.
  11. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 79-102.
  12. Морозова Л.А. Право и искусственный интеллект. – М.: Юридический центр, 2021. – 247 с.
  13. Савин Д.А. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом. // Журнал Российского права. – 2021. – № 5. – С. 45-56.
  14. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М.: Статут, 2012. – 416с.
  15. European Parliament. Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2017/2103(INL)). – Brussels, 2017.

Рецензент: Иванова С.В., д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

---

**ЛАПОЧКИНА ЕЛЕНА ПЕТРОВНА**

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, orenburg@msal.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТРЕШЕНИЯ ОТ ДОЛЖНОСТИ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ВЫРАЖЕНИЕМ ЕМУ НЕДОВЕРИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМ ОРГАНОМ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**LAPOSHKINA ELENA PETROVNA**

PHD in Law, associate professor of the Department of constitutional and international law Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, orenburg@msal.ru

**CURRENT ISSUES OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF THE DISMISSAL OF THE HIGHEST OFFICIAL OF A SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CONNECTION WITH THE EXPRESSION OF NO CONFIDENCE IN HIM BY THE LEGISLATIVE BODY OF THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION**

***Аннотация:** В статье на основе анализа законодательства Российской Федерации, отечественной доктрины, практики исследуются актуальные вопросы, связанные с правовым регулированием отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с выражением ему недоверия законодательным органом субъекта Российской Федерации*

***Ключевые слова:** правовое регулирование отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, выражение недоверия высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации законодательным органом субъекта Российской Федерации*

***Summary:** Based on the analysis of the legislation of the Russian Federation, national doctrine, and practice, the article examines topical issues related to the legal regulation of the dismissal of a senior official of a constituent entity of the Russian Federation in connection with the expression of distrust by the legislative body of the constituent entity of the Russian Federation.*

***Keywords:** правовое регулирование отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, выражение недоверия высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации законодательным органом субъекта Российской Федерации.*

Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации в существующей двухуровневой системе организации публичной власти на территории России играет связующую роль в отношениях между федеральными органами государственной власти и государственными органами субъектов Российской Федерации. Эффективное осуществление государственной власти в субъектах Российской Федерации зависит, в том числе, от наличия действенных механизмов контроля и конституционно-правовой ответственности глав субъектов Российской Федерации. Следует отметить, что институт конституционно-правовой ответственности высшего должностного лица

субъекта Российской Федерации в современном праве России развивается достаточно динамично, расширяются основания для досрочного прекращения высшим должностным лицом субъекта своих полномочий. Так, с введением пункта 10 в ч.1 ст. 28 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее Федеральный закон № 414-ФЗ) предусмотрено досрочное прекращение полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в случае приобретения им статуса иностранного агента<sup>1</sup>. Однако, до настоящего момента, на наш взгляд, вопросы

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 15 мая 2024 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).

отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с выражением ему недоверия законодательным органом субъекта Российской Федерации на федеральном уровне не получили должной правовой регламентации. На уровне отдельных субъектов Российской Федерации регламентация процедурных вопросов выражения законодательным органом субъекта Российской Федерации недоверия высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации осуществляется с разной степенью детализации. Все это обуславливает актуальность темы исследования.

Выражение законодательным органом субъекта Российской Федерации недоверия высшему должностному лицу не является безусловным и не влечет автоматически досрочного прекращения его полномочий.

В ст. 30 Федерального закона № 414-ФЗ регламентируется порядок выражения законодательным органом субъекта Российской Федерации недоверия высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации, и закрепляются общие основания для выражения недоверия. Так, согласно ч. 1 ст. 30 Федерального закона № 414-ФЗ, законодательный орган субъекта Российской Федерации вправе выразить недоверие высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации в случае:

1) издания им актов, противоречащих Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам, конституции (уставу) и законам субъекта Российской Федерации, если такие противоречия установлены соответствующим судом, а высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации не устранил указанные противоречия в течение месяца со дня вступления в силу судебного решения;

2) установленного соответствующим судом иного грубого нарушения Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, конституции (устава) и законов субъекта Российской Федерации, если это повлекло за собой массовое нарушение прав и свобод граждан;

3) ненадлежащего исполнения высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации своих обязанностей.

При наличии, на первый взгляд, правовой определенности, анализ закрепленных оснований вызывает у исследователей ряд вопросов. По мнению А.А. Кондрашева, проблематичным является вопрос толкования «иных грубых нарушений», что может привести к проблемам правоприменения и отсутствию единообразной практики<sup>2</sup>.

Вместе с тем, как справедливо отмечает Е. С. Шугрина, главным критерием разграничения конституционно-правовой и политической ответственности является наличие или отсутствие правонарушения, т.е. противоправного деяния в качестве основания ответственности<sup>3</sup>. В этой связи нуждается в конкретизации и такое основание, как ненадлежащее исполнение высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации своих обязанностей. Обязательным признаком ненадлежащего исполнения в контексте рассматриваемой статьи должно быть наступление общественно-опасных последствий в виде причинения крупного ущерба или существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Следует особо подчеркнуть, что институт выражения недоверия законодательным органом субъекта Российской Федерации играет серьезную роль для обеспечения соблюдения баланса в системе сдержек и противовесов государственной власти на региональном уровне, поэтому предусмотренные в ч. 1 ст. 30 Федерального закона № 414-ФЗ основания для выражения недоверия региональным законодательным органом высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации должны быть конкретизированы. Выражение законодательным органом субъекта Российской Федерации недоверия высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации в связи с ненадлежащим исполнением высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации своих обязанностей возможно только при наличии последствий ненадлежащего исполнения обязанностей.

Представляется целесообразным внести изменения в п. 3 ч. 1 ст. 30 Федерального закона № 414-ФЗ и изложить его в следующей редакции: «ненадлежащего исполнения высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации своих обязанностей, повлекшего наступление общественно-опасных последствий в виде причинения крупного ущерба или существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства».

Особое значение в контексте проводимого исследования является анализ правовой регламентации процедуры отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с выражением ему недоверия законодательным органом субъекта Российской Федерации.

В данном случае процедура отрешения от должности высшего должностного лица регламентируется в ч. 2 и ч. 3 ст. 30 Федерального закона № 414-ФЗ. Она состоит из двух самостоятельных этапов:

1. выражения законодательным органом субъекта Российской Федерации недоверия высшему долж-

<sup>2</sup> Кондрашев А.А. Органы публичной власти субъектов Российской Федерации в свете конституционной реформы 2020 года: коллизии и пробелы // Енисейские политико-правовые чтения: сб. науч. статей по материалам XIV Всерос. науч.-практ. конф. с междуна. участием. Красноярск, 2022. С. 133-141.

<sup>3</sup> Шугрина Е.С. Понятие и элементы конституционно-правовой ответственности в работах академика О.Е. Кутафина // Актуальные проблемы конституционного и муниципального права: сб. статей, посвящ. 75-летию со дня рождения академика О.Е. Кутафина / отв. ред. В. И. Фадеев. М., 2012. С. 119-120.

ностному лицу субъекта Российской Федерации;

2. отрешения высшего должностного лица субъекта Российской Федерации от должности Президентом Российской Федерации в связи с выражением ему недоверия законодательным органом субъекта Российской Федерации.

Принятое двумя третями голосов от установленного числа депутатов по инициативе не менее одной трети от установленного числа депутатов законодательного органа субъекта Российской Федерации решение о недоверии высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации направляется на рассмотрение Президента Российской Федерации для решения вопроса об отрешении высшего должностного лица субъекта Российской Федерации от должности в соответствии с ч. 4 ст. 29 Федерального закона № 414-ФЗ.

Необходимо отметить, что на практике Президент Российской Федерации может не поддержать решение законодательного органа субъекта Российской Федерации, как это имело место с решением законодательного органа Алтайского края о выражении недоверия Главе администрации Алтайского края М.С. Евдокимову<sup>4</sup>. По мнению Р. Мухаметова, парламент субъекта Российской Федерации не имеет возможности добиться досрочного прекращения полномочий главы региона. Выражение недоверия губернатору со стороны законодательного собрания возможно, но не имеет прямых последствий, т.к. окончательное решение об отстранении или сохранении губернатора в должности принимает глава государства<sup>5</sup>.

В настоящее время на уровне отдельных субъектов Российской Федерации, как уже отмечалось выше, приняты правовые акты, регламентирующие с разной степенью детализации процедуру выражения недоверия высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации законодательным органом субъекта Российской Федерации. Примечательным является опыт Тульской области. Глава 19 Регламента Тульской областной Думы регулирует вопросы выражения недоверия в случаях, предусмотренных Уставом области<sup>6</sup>. В соответствии со ст. 66 Регламента областная Дума вправе выразить недоверие Губернатору области. Мотивированное предложение о выражении недоверия Губернатору области вносится в областную Думу группой депутатов численностью не менее одной трети от установленного числа депутатов в письменной форме с подписями инициаторов выражения недоверия и приложением проекта постановления областной Думы. Внесенное предложение о выражении недоверия Губернатору области рассматривается на заседании областной Думы в срок не позднее тридцати дней со дня его поступле-

ния. Перед принятием постановления областной Думы Губернатору области предоставляется слово для выступления. Областная Дума принимает решение о выражении недоверия Губернатору области квалифицированным большинством голосов. В Регламенте также указано, что мотивированное предложение о выражении недоверия Губернатору области считается отклоненным, если оно не набрало необходимого для принятия решения количества голосов.

Следует отметить, что регулирование процедуры выражения недоверия законодательным органом субъекта Российской Федерации высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации, предусмотренное Регламентом Тульской областной Думы является более детальным, чем в ч. 2 и ч. 3 ст. 30 Федерального закона № 414-ФЗ. В Регламенте закреплены два важных положения: о сроке рассмотрения предложения о выражении недоверия (не позднее тридцати дней со дня его поступления) и о предоставлении губернатору области слова для выступления перед принятием постановления областной Думой.

Примечательным с точки зрения детализации процедуры выражения недоверия высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации законодательным органом соответствующего субъекта России является Устав Архангельской области<sup>7</sup>. В нем закреплено, что областное Собрание вправе выразить недоверие Губернатору Архангельской области в случаях, предусмотренных федеральным законом, устанавливающим общие принципы организации публичной власти в субъектах Российской Федерации. Решение областного Собрания о недоверии Губернатору Архангельской области принимается двумя третями голосов от установленного числа депутатов областного Собрания по инициативе не менее одной трети от установленного числа депутатов областного Собрания (данное положение дублирует норму, закрепленную в федеральном законодательстве). Решение оформляется постановлением областного Собрания. Постановление областного Собрания о недоверии Губернатору Архангельской области не позднее чем через 14 календарных дней со дня вступления его в силу, направляется на рассмотрение Президента Российской Федерации для решения вопроса об отрешении Губернатора Архангельской области от должности в соответствии с федеральным законом. Установление срока в 14 дней является детализирующим положением, не установленным в федеральном законе. В Уставе Архангельской области закреплено, что порядок выражения недоверия Губернатору Архангельской области областным Собранием устанавливается областным законом.

<sup>4</sup> Постановление Алтайского краевого Совета народных депутатов от 31 марта 2005 г. № 137 // Алтайская правда. 2005. № 92.

<sup>5</sup> Руслан Мухаметов: вотум недоверия губернатору Куйвашеву со стороны законодательного собрания возможен, но не имеет прямых последствий. URL: <https://nacexpert.ru/ruslan-muxametov-votum-nedoveriya-gubernatoru-kujvashevu-so-storony-zakonodatel'nogo-sobraniya-vozmozhen-no-ne-imeet-priyamyx-posledstvij/?ysclid=m3y1r3oj4p409858362> (дата обращения: 16.05.2025).

<sup>6</sup> Постановление Тульской областной Думы от 22 октября 2015 г. № 18/572 «О регламенте Тульской областной Думы». URL: <https://docs.cntd.ru/document/430645479?ysclid=m48aknqrow685907162/> (дата обращения: 16.05.2025).

<sup>7</sup> Устав Архангельской области. Принят Решением Архангельского областного Собрания от 23 мая 1995 г. № 36. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.05.2025).

В п. 4 ст. 9 Закона Архангельской области о Правительстве Архангельской области и иных исполнительных органов государственной власти Архангельской области закреплены общие правила процедуры выражения недоверия законодательным органом высшему должностному лицу Архангельской области<sup>8</sup>. Областное Собрание депутатов Архангельской области вправе выразить недоверие Губернатору Архангельской области в случаях, предусмотренных Федеральным законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Правовые нормы о принятии решения о недоверии полностью дублируют положения федерального законодательства. Однако в п. 5 ст. 9 указанного закона детально регламентируется процедура выдвижения инициативы для принятия решения о недоверии. Вопрос о выдвижении инициативы рассматривается на заседании Архангельского областного Собрания депутатов, при этом для оценки соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности выдвинутой инициативы образуется специальная комиссия Архангельского областного Собрания депутатов. Данная комиссия рассматривает выдвинутую инициативу о принятии решения Архангельского областного Собрания депутатов о недоверии Губернатору Архангельской области и принимает заключение о наличии или отсутствии фактических обстоятельств, положенных в основу этой инициативы, и о соблюдении процедуры выдвижения этой инициативы. Специальная комиссия на своих заседаниях вправе заслушивать лиц, которые могут сообщить сведения о фактических обстоятельствах, положенных в основу инициативы, получать и рассматривать документы, необходимые для подготовки заключения специальной комиссии. Следует подчеркнуть, что Губернатору Архангельской области или уполномоченным им лицам предоставлено право присутствовать на заседаниях специальной комиссии, давать ей устные и письменные пояснения по возникающим вопросам, представлять документы, имеющие значение для принятия заключения специальной комиссии, и требовать их рассмотрения на заседании специальной комиссии, требовать заслушивания лиц, которые могут сообщить сведения о фактических обстоятельствах, имеющих значение для принятия заключения специальной комиссии. Заключение специальной комиссии принимается большинством голосов от утвержденного состава специальной комиссии и подписывается председателем специальной комиссии в срок, не превышающий 30 календарных дней со дня образования специальной комиссии. Имеет большое значение и тот факт, что порядок образования и деятельности специальной комиссии Архангельского областного Собрания депутатов устанавливается регламентом Архангель-

ского областного Собрания депутатов.

В п. 6 ст. 9 Закона «О Правительстве Архангельской области и иных исполнительных органах государственной власти Архангельской области» также закреплены порядок и сроки рассмотрения Архангельским областным Собранием депутатов вопроса о выражении недоверия Губернатору Архангельской области. В частности, закреплено, что вопрос о выражении недоверия рассматривается Архангельским областным Собранием депутатов после принятия заключения специальной комиссии не позднее 30 календарных дней со дня подписания этого заключения, при этом Губернатор Архангельской области или уполномоченные им лица вправе выступить с заявлением по данному вопросу. Решение о недоверии Губернатору Архангельской области оформляется постановлением Архангельского областного Собрания депутатов. Данное постановление не позднее чем через 14 календарных дней со дня вступления его в силу направляется на рассмотрение Президента Российской Федерации для решения вопроса об отрешении Губернатора Архангельской области от должности.

При исследовании вопроса о правовой регламентации на уровне субъектов Российской Федерации процедуры выражения недоверия законодательным органом субъекта Российской Федерации высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации определен интерес представляет также изучение опыта Сахалинской области. Данная процедура регламентируется Законом Сахалинской области «О порядке выражения недоверия Губернатору Сахалинской области Сахалинской областной Думой»<sup>9</sup>. Согласно указанному Закону инициатива о выражении недоверия оформляется в виде обращения, подписанного всеми членами инициативной группы. В обращении излагаются основания выражения недоверия, указывается докладчик по данному вопросу. К обращению в обязательном порядке прилагаются документы, подтверждающие основания выражения недоверия Губернатору. В срок не позднее трех дней со дня поступления в Сахалинскую областную Думу обращение направляется в постоянный комитет Думы для подготовки проекта постановления Сахалинской областной Думы. Обращение рассматривается на заседании комитета в срок не позднее семи дней со дня его поступления в комитет, при этом Губернатор Сахалинской области и его представитель в Сахалинской областной Думе приглашаются на заседание комитета по рассмотрению обращения. Немаловажным в детализации процедура является установление срока включения в повестку дня заседания Сахалинской областной Думы вопроса о выражении недоверия – не позднее 10 дней со дня поступления инициативы в канцелярию Сахалинской областной Думы. Председатель Сахалинской

<sup>8</sup> Закон Архангельской области от 29 мая 2009 г. № 90 «О Правительстве Архангельской области и иных исполнительных органах государственной власти Архангельской области» (с изм. и доп. от 23 декабря 2024 г. № 179-13-ОЗ). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.05.2025).

<sup>9</sup> Закон Сахалинской области от 6 июля 2004 г. № 522 «О порядке выражения недоверия Губернатору Сахалинской области Сахалинской областной Думой» (с изм. и доп. от 28 ноября 2022 г. № 98-ОЗ). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 19.06.2025).

областной Думы письменно уведомляет Губернатора Сахалинской области и его представителя в Сахалинской областной Думе о дне рассмотрения вопроса о выражении недоверия. При этом, вопрос о выражении недоверия рассматривается областной Думой в присутствии Губернатора, который вправе давать объяснения по основаниям, изложенным в обращении о выражении недоверия. В случае, если Губернатор не может присутствовать при рассмотрении вопроса о выражении ему недоверия, он письменно уведомляет об этом областную Думу и указанный вопрос рассматривается в его отсутствие. Решение о выражении недоверия принимается тайным голосованием двумя третями голосов от установленного числа депутатов Сахалинской областной Думы и оформляется постановлением Сахалинской областной Думы. Постановление вступает в силу со дня его принятия и в течение 10 дней направляется Президенту Российской Федерации для решения вопроса об отрешении Губернатора Сахалинской области от должности. В Законе также установлено, что если за принятие решения о выражении недоверия не проголосовало необходимое число депутатов, то повторное инициирование вопроса о выражении недоверия Сахалинской областной Думой Губернатору Сахалинской области может быть проведено не ранее чем через полгода со дня отклонения инициативы.

Сравнительная характеристика рассмотренных выше нормативных правовых актов ряда субъектов Российской Федерации, позволяет сделать вывод о том,

что регламентация процедуры выражения недоверия законодательным органом субъекта Российской Федерации высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации осуществляется с разной степенью детализации, отсутствует также единообразие в установлении сроков рассмотрения вопросов о выражении недоверия. Но существенным является то, что во всех этих нормативных правовых актов предусмотрено право высшего должностного лица присутствовать при рассмотрении вопроса о выражении ему недоверия, что является гарантией соблюдения его прав.

Поскольку на федеральном уровне процедура выражения законодательным органом субъекта Российской Федерации высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации не имеет достаточной правовой регламентации, представляется целесообразным использовать существующий опыт правовой регламентации данного вопроса на уровне субъектов Российской Федерации. При этом необходимо установить единообразные сроки рассмотрения вопроса о выражении недоверия. Ключевым моментом в изменении федерального законодательства в исследуемом вопросе, должно быть внесение в него нормы, закрепляющей, что высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации вправе присутствовать на заседаниях законодательного органа субъекта Российской Федерации, давать устные и письменные пояснения по возникающим вопросам, представлять документы, имеющие значение для принятия решения и требовать их рассмотрения.

#### Библиографический список

1. Кондрашев А.А. Органы публичной власти субъектов Российской Федерации в свете конституционной реформы 2020 года: коллизии и пробелы // Енисейские политико-правовые чтения: сб. науч. статей по материалам XIV Всерос. науч.-практ. конф. с междуна. участием. Красноярск, 2022. – С. 133-141.

2. Шугрина Е.С. Понятие и элементы конституционно-правовой ответственности в работах академика О.Е. Кутафина // Актуальные проблемы конституционного и муниципального права: сб. статей, посвящ. 75-летию со дня рождения академика О.Е. Кутафина / отв. ред. В.И. Фадеев. – М., 2012. – С. 119-120.

Рецензент: Соколова А.И., к.ю.н., доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

## **НОБЕЛЬ АРТЁМ РОБЕРТОВИЧ**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 610002, Кировская область, г. Киров, ул. Ленина, 99, [arnobel@msalkirov.ru](mailto:arnobel@msalkirov.ru)

### **ПРИНЦИП ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ХОДАТАЙСТВ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ**

#### **NOBEL ARTEM ROBERTOVICH**

PHD in Law, Docent Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Procedure Volga-Vyatka Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Kirov, [arnobel@msalkirov.ru](mailto:arnobel@msalkirov.ru)

### **THE PRINCIPLE OF MANDATORY CONSIDERATION OF PETITIONS IN PROCEEDINGS ON CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES: CONCEPT, CONTENT AND PROBLEMATIC ASPECTS**

**Аннотация.** Раскрываются понятие и содержание принципа обязательности рассмотрения ходатайств в производстве по делам об административных правонарушениях. Выделены проблемы законодательного регулирования порядка заявления и разрешения ходатайств, вынесения решений по результатам их рассмотрения, сформулированы предложения по изменению действующего законодательства.

**Ключевые слова:** принцип обязательности рассмотрения ходатайств; производство по делам об административных правонарушениях; административный процесс; принципы; административное правонарушение; административная ответственность.

**Review.** The concept and content of the principle of mandatory consideration of petitions in proceedings in cases of administrative offenses are revealed. The problems of legislative regulation of the procedure for filing and resolving petitions, making decisions based on the results of their consideration are highlighted, and proposals are formulated to change the current legislation.

**Keywords:** the principle of mandatory consideration of petitions; proceedings in cases of administrative offenses; administrative process; principles; administrative offense; administrative responsibility.

Закрепленная в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. (далее – КоАП РФ) система принципов не в полной мере отражает актуальную сущность административной ответственности и производства по делам об административных правонарушениях в связи с чем нуждается в совершенствовании. Важность существенного обновления системы принципов подтверждена в Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Принцип обязательности рассмотрения ходатайств находит нормативное отражение в ст. 24.4 КоАП РФ и подчеркивается Конституционным Судом Российской Федерации<sup>1</sup>.

В толковом словаре «ходатайство» определяется как официальная просьба<sup>2</sup>, в науке – в качестве официального обращения о производстве процессуальных действий<sup>3</sup>, о предоставлении возможности использовать то или иное право<sup>4</sup>, о принятии предусмотренных законом решений<sup>5</sup>.

По общему правилу, правом заявления ходатайств обладают участники производства, однако действующее законодательство об административных правонарушениях предоставляет такую возможность лицам, не наделенным данным статусом, но имеющим в деле частный или публичный интерес. Так, субъекты, указанные в ч. 3 ст. 27.18 КоАП РФ,<sup>6</sup> вправе заявлять ходатайство о применении залога за арестованное суд-

<sup>1</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1339-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. С. 865.

<sup>3</sup> Лупинская П.А. Ходатайства и жалобы // Проблемы кодификации уголовно-процессуального права / Акад. наук СССР, Ин-т государства и права; [редкол.: В.М. Савицкий (отв. ред.) и др.]. М., 1987. С. 67.

<sup>4</sup> Алексеев А.Г. Вопросы теории и практики заявления, рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном процессе Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2005. С. 6.

<sup>5</sup> Номинова Д.Д. Обязательность рассмотрения ходатайства как одно из общих условий предварительного расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2007. № 2 (5). С. 157.

<sup>6</sup> Судовладелец, страховщик, компетентный орган государства флага судна.

но; собственник орудия (предмета) административного правонарушения – о восстановлении срока обжалования постановления (ч. 7 ст. 30.12 КоАП РФ); судебный пристав-исполнитель и должностное лицо органа внутренних дел – о продлении срока содержания иностранного гражданина (лица без гражданства) в специальном учреждении (ч. 2 ст. 27.19.1 КоАП РФ); должностное лицо, уполномоченное на возбуждение дела по ст. 15.27.3 КоАП РФ – о наложении ареста на имущество (ч. 5 ст. 27.20 КоАП РФ). Приведенные положения свидетельствуют о необходимости дополнения ст. 24.4 КоАП РФ нормами о наделении лиц, не являющихся участниками производства правом заявлять ходатайства в целях реализации публичных интересов и защиты нарушенных прав.

Содержанием рассматриваемого принципа являются требования: 1) принятия всех процессуальных обращений, поступающих от участников производства и иных лиц; 2) обязательного вынесения по результатам их рассмотрения процессуального акта.

КоАП РФ прямо предусматривает возможность заявления следующих ходатайств: о рассмотрении дела по месту жительства; об отводе; об отложении рассмотрения дела; о привлечении уполномоченного по защите прав предпринимателей; о предоставлении эксперту дополнительных материалов; об изменении адреса направления извещений; о применении залога; о продлении срока содержания в специальном учреждении; о наложении ареста; о продлении срока административного расследования; об исправлении опечаток, опечаток и ошибок; о применении систем видеоконференц-связи; о восстановлении срока; о разъяснении способа и порядка исполнения постановления; об отсрочке (рассрочке); о приостановлении исполнения административного ареста; о приведении к немедленному исполнению постановления об административном

выдворении; о досрочном прекращении административного приостановления деятельности; об освобождении от обязательных работ, либо их исполнении в большем или меньшем объеме.

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить иные ходатайства, используемые в ходе производства: об исключении доказательств<sup>7</sup>, о допуске защитника<sup>8</sup>, о прекращении дела<sup>9</sup>, о передаче дела по подведомственности<sup>10</sup>, о возмещении процессуальных издержек<sup>11</sup>, о замене административного штрафа предупреждением<sup>12</sup>, о допросе свидетелей<sup>13</sup>, о привлечении специалиста<sup>14</sup>, о проведении экспертизы<sup>15</sup>, о постановке вопросов эксперту<sup>16</sup>, об истребовании документов и сведений<sup>17</sup>, о ведении протокола<sup>18</sup>, об ознакомлении с материалами дела<sup>19</sup>, о представлении возражений на протокол об административном правонарушении<sup>20</sup>, об объединении дел<sup>21</sup>.

В зависимости от преследуемых участниками производства и иными лицами целей, а также выполняемых функций указанные выше ходатайства могут быть разделены на следующие группы: 1) направленные на обеспечение прав субъектов производства в процессе доказывания; 2) направленные на обеспечение надлежащей организации производства, прав его участников и иных лиц; 3) направленные на обеспечение надлежащего порядка исполнения наказаний и достижение целей последнего; 4) направленные на принятие определенных процессуальных решений.

Правила производства закрепляют необходимость представления ходатайства исключительно письменной форме, что не согласуется с отдельными положениями КоАП РФ, предполагающими возможность выражения участниками производства собственной позиции в устной форме. Например, свидетель, понятой и специалист, лицо, в отношении которого ведется производство вправе представить замечания соответ-

<sup>7</sup> Решение Азнакаевского городского суда Республики Татарстан от 09.06.2021 по делу № 12-49/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>8</sup> Решение Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 01.06.2022 по делу № 12-475/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>9</sup> Решение Кармаскалинского районного суда Республики Башкортостан от 17.02.2020 по делу № 12-8/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>10</sup> Определение Ясенского районного суда Оренбургской области от 19.01.2022 по делу N 12(2)-3/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>11</sup> Определение Московского областного суда от 13.12.2022 N 12-2447/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>12</sup> Постановление Благоварского межрайонного суда Республики Башкортостан от 03.08.2020 № 12-49/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>13</sup> Решение Демского районного суда города Уфы от 25.11.2021 № 12-211/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>14</sup> Решение Дятьковского городского суда Брянской области от 30.01.2023 по делу № 12-1/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>15</sup> Решение Верховного суда Республики Башкортостан от 27.07.2020 № 21-716/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>16</sup> Решение Железнодорожного районного суда города Пензы от 02.06.2023 по делу № 2-387/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>17</sup> Решение Ленинского районного суда города Чебоксары от 01.03.2021 по делу № 12-110/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>18</sup> Решение Автозаводского районного суда города Тольятти от 29.06.2020 по делу № 12-558/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>19</sup> Решение Салаватского межрайонного суда Республики Башкортостан от 13.10.2021 № 12-64/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>20</sup> Решение Менделеевского районного суда Республики Татарстан от 30.12.2019 по делу № 12-104/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>21</sup> Постановление Ленинского районного суда города Тамбова от 27.02.2020 № 5-31/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ственно о правильности отражения показаний (ч. 3 ст. 25.6 КоАП РФ), о совершаемых процессуальных действиях (ч. 4 ст. 25.7, ч. 4 ст. 25.8 КоАП РФ), о содержании протокола об административном правонарушении (ч. 4 ст. 28.2 КоАП РФ). Данные замечания могут содержать ходатайства по поводу обстоятельств проведения конкретного процессуального действия, его результатов и правильности их закрепления в соответствующем акте. Кроме того, установление исключительно письменной формы ходатайства противоречит требованию устности, согласно которому участники производства и иные лица вправе оглашать собственную позицию по делу, в том числе содержание различных ходатайств<sup>22</sup>. Исходя из буквального толкования ст. 24.4 КоАП РФ устные просьбы участников производства и иных лиц в отношении имеющих юридическое значение обстоятельств не являются ходатайствами, несмотря на их заявление в ходе, либо по окончании соответствующего процессуального действия, при рассмотрении дела или пересмотре постановления (решения). Действующие нормативные положения, по нашему мнению, излишне формализуют процесс производства, поэтому его участников и иных лиц следует наделять правом заявлять ходатайства в письменной и устной форме. При этом все устные ходатайства должны фиксироваться субъектами административной юрисдикции в протоколе проводимого процессуального действия, протоколе о рассмотрении дела, постановлении (определении) или решении<sup>23</sup>.

В науке представлены мнения о необходимости соответствия ходатайств признакам законности, обоснованности, мотивированности и относимости<sup>24</sup> как условий для их принятия и рассмотрения. По нашему мнению, выделение подобных требований является чрезмерным. Сущность рассматриваемого принципа состоит в том, что субъекты административной юрисдикции не вправе отказать в удовлетворении любого из поступивших ходатайств, либо оставить их без рассмотрения по причине необоснованности, немотивированности, недостаточной аргументации или незаконности. То есть каким бы ходатайство не было содержательно, оно подлежит обязательному рассмотрению. При этом законность, обоснованность и мотивированность, с одной стороны, должны выступать критериями оценки доводов, содержащихся в ходатайстве, влияющих на формирование внутреннего убеждения раз-

решающего его субъекта юрисдикции, а с другой стороны, данные признаки можно определить в качестве обязательных характеристик решения, принимаемого по результатам разрешения ходатайства, которое должно основываться на законе и содержать мотивированные выводы в пользу его удовлетворения, либо отклонения, подтверждающиеся имеющимися в деле доказательствами. Однако, поскольку целью ходатайства является реализация процессуальных прав участниками производства и иными лицами, следует признать, что последовательное, обоснованное и аргументированное выражение собственного мнения в тексте ходатайства, либо устно, безусловно, будет способствовать лучшему восприятию субъектом административной юрисдикции позиции заинтересованного лица. Таким образом, обоснованность, мотивированность, законность и относимость, не являясь релевантными признаками ходатайства, тем не менее влияют на реальную возможность достижения лицом, его заявившим, предполагаемого результата, посредством доведения позиции по делу до разрешающего его субъекта.

КоАП РФ не ограничивает участников и иных лиц в количестве ходатайств, которые могут быть поданы на различных стадиях производства, не запрещает возможность повторного заявления ранее рассмотренных ходатайств. Отсутствие законодательного регулирования данного вопроса на практике может приводить к злоупотреблениям, выражающимся в представлении как значительного количества ходатайств, так и их повторности с целью затягивания производства по делу об административном правонарушении. По верной оценке О.В. Желевой<sup>25</sup>, средством предупреждения подобных действий является принятие решений об отказе в удовлетворении заявленных ходатайств. Для правового обоснования соответствующих решений в производстве по делам об административных правонарушениях предлагаем использовать по аналогии разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации в отношении уголовного судопроизводства<sup>26</sup> ввиду однородности регулируемых правоотношений. Данный вывод подтверждается судебной практикой по делам об административных правонарушениях, когда необоснованные ходатайства об отложении рассмотрения дела<sup>27</sup> отклонялись вследствие наличия в действиях участников производства признаков злоупотребления правом.

<sup>22</sup> Нобель А.Р. Понятие и содержание принципа непосредственности и гарантии его реализации в производстве по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 4 (161). С. 15.

<sup>23</sup> Например, действующее уголовно-процессуальное законодательство позволяет заявлять ходатайства как в письменной, так и в устной форме, при этом последние подлежат занесению в протокол следственного действия или судебного заседания (ч. 1 ст. 120 УПК РФ).

<sup>24</sup> Зебницкая А.К. Ходатайства на стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 42; Желева О.В. Требования к ходатайствам частных лиц в досудебном производстве как необходимое условие добросовестной реализации прав участников уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 175-177.

<sup>25</sup> Желева О.В. Требования к ходатайствам частных лиц в досудебном производстве как необходимое условие добросовестной реализации прав участников уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 178.

<sup>26</sup> Согласно п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» в случае явно недобросовестного использования процессуальных полномочий в ущерб другим участникам процесса отказ в удовлетворении ходатайства может не признаваться нарушающим право на защиту. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>27</sup> Постановление Октябрьского районного суда города Рязани от 24.03.2020 по делу № 5-270/2020, решение Дальнеконстантиновского районного суда Нижегородской области от 17.01.2022 по делу № 12-3/2022, Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2023 № 16-1550/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Процессуальный порядок разрешения ходатайств достаточно фрагментарно представлен в ст. 24.4 КоАП РФ. Во-первых, ходатайство по общему правилу подлежит немедленному рассмотрению, то есть закон не закрепляет оснований для продления, либо переноса срока его рассмотрения<sup>28</sup>. Однако, в ряде случаев КоАП РФ прямо предусматривает особый порядок разрешения отдельных ходатайств, к числу которых относятся: ходатайства участников производства и иных лиц, не наделенных властными полномочиями<sup>29</sup>; ходатайства участников производства и иных субъектов, выполняющих публичные функции<sup>30</sup>. Во-вторых, разрешение ходатайства сопряжено с обязательным вынесением процессуального акта в виде определения, которое должно соответствовать закону, содержать выводы в пользу его удовлетворения, либо отклонения, обоснованные имеющимися в деле доказательствами<sup>31</sup>. Принцип

обязательности рассмотрения ходатайств предполагает недопустимость отказа в их принятии и непропорциональность действий субъектов административной юрисдикции, не вынесших решений по существу изложенных в них доводов, что подтверждается правоприменительной практикой, квалифицирующей не разрешение ходатайства в качестве существенно нарушения, влекущего отмену вынесенного решения<sup>32</sup>, возвращение протокола об административном правонарушении<sup>33</sup>.

Таким образом, принцип обязательности рассмотрения ходатайств закрепляет процессуальные требования к органу, должностному лицу, судье, в производстве которых находится дело, выражающиеся в недопустимости отказа в принятии ходатайства, необходимости полной и всесторонней оценки всех представленных доводов с объективацией решения по их существу в выносимом определении.

#### Библиографический список

1. Алексеев А.Г. Вопросы теории и практики заявления, рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2005. – 22 с.
2. Желева О.В. Требования к ходатайствам частных лиц в досудебном производстве как необходимое условие добросовестной реализации прав участников уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 415. – С. 175-181.
3. Зебницкая А.К. Ходатайства на стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 215 с.
4. Lupinskaya P.A. Ходатайства и жалобы // Проблемы кодификации уголовно-процессуального права / Акад. наук СССР, Ин-т государства и права; [редкол.: В.М. Савицкий (отв. ред.) и др.]. – М., 1987. – 129 с.
5. Нобель А.Р. Понятие и содержание принципа непосредственности и гарантии его реализации в производстве по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 4 (161). – С. 11-18.
6. Номинова Д.Д. Обязательность рассмотрения ходатайства как одно из общих условий предварительного расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2007. – № 2 (5). – С. 156-161.

<sup>28</sup> Решение Преображенского районного суда города Москвы от 15.10.2019 № 12-703/2019, решение Благовещенского городского суда Амурской области от 14.04.2023 по делу № 12-351/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>29</sup> Например, ходатайство лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, судовладельца, страховщика или компетентного органа государства флага судна о применении залога за арестованное судно рассматривается судом, в производстве которого находится дело в десятидневный срок с возможностью продления, но не более чем на пятнадцать дней (ч.ч. 1, 4-5 ст. 27.18 КоАП РФ); ходатайство защитника (законного представителя) юридического лица об отмене ареста на имущество рассматривается судьей в производстве которого находится дело в пятидневный срок (ч.ч. 11, 13 ст. 27.20 КоАП РФ); ходатайство иностранного гражданина о приведении к немедленному исполнению постановления об административном выдворении рассматривается судом по месту нахождения специального учреждения, в котором содержится иностранец в пятидневный срок (ч.ч. 2-3 ст. 32.9 КоАП РФ); ходатайство субъекта, привлеченного к административной ответственности, Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте РФ о досрочном прекращении административного приостановления деятельности рассматривается судьей, органом, должностным лицом, назначившими данное административное наказание в пятидневный срок (ч. 3 ст. 32.12 КоАП РФ).

<sup>30</sup> Например, ходатайство судебного пристава-исполнителя, должностного лица органа внутренних дел о продлении срока содержания иностранного гражданина (лица без гражданства) в специальном учреждении рассматривается судом по месту нахождения такого учреждения в пятидневный срок (ч.ч. 2-3 ст. 27.19.1 КоАП РФ); ходатайство прокурора, должностного лица, уполномоченного на возбуждение дела об административном правонарушении, предусмотренного ст. 15.27.3 КоАП РФ о наложении ареста на имущество рассматривается судьей в производстве которого находится дело не позднее следующего дня после дня его поступления (ч.ч. 5, 7 ст. 27.20 КоАП РФ); ходатайство прокурора, должностного лица, уполномоченного возбуждать дела об административных правонарушениях по статье 15.27.3 КоАП РФ, судебного пристава-исполнителя об отмене ареста на имущество рассматривается судьей в производстве которого находится дело в пятидневный срок (ч.ч. 11, 13 ст. 27.20 КоАП РФ).

<sup>31</sup> Общие требования к определению установлены в ст. 29.12 КоАП РФ.

<sup>32</sup> Решение Октябрьского районного суда города Белгорода от 25.02.2021 № 12-205/2021; Решение Коминтерновского районного суда города Воронежа от 20.01.2020 № 12-41/2020 (12-718/2019); Постановление Салаватского межрайонного суда Республики Башкортостан от 14.02.2022 № 5-65/2022; Решение Горномарийского районного суда Республики Марий Эл от 08.12.2020 по делу № 12-1-154/2020; Решение Ленинского районного суда города Ульяновска от 04.08.2021 по делу № 12-761/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>33</sup> Определение Шебекинского районного суда Белгородской области от 29.04.2020 по делу № 5-140/2020; Определение Салаватского межрайонного суда Республики Башкортостан от 18.01.2022 № 5-45/2022; Определение Кировского районного суда города Самары от 25.11.2019 № 5-738/2019; Определение Оричевского районного суда Кировской области от 28.01.2021 по делу № 5-50/2021; Определение Люблинского районного суда города Москвы от 27.07.2020 № 05-0896/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

---

7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

Рецензент: Кошечкина Е.В., заведующий кафедрой гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент.

---

## **СТРЕЛЕЦ ЮРИЙ ШЛЕМОВИЧ**

доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета, 460018, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, post@mail.osu.ru

## **ГУЛЕНИНА СВЕТЛАНА ВАЛЕНТИНОВНА**

кандидат психологических наук, директор Института развития образования Оренбургского государственного университета, 460018, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, post@mail.osu.ru

## **СУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ**

### **STRELETS YURY JHLEMOVICH**

DPh, Professor of Philosophy, Culture, Sociology Studies Chair of Orenburg State University, Orenburg, Pobedy prospect, 13, post@mail.osu.ru

### **GULENINA SVETLANA VALENTINOVNA**

Candidate of Psychological Sciences, director of the Institute of Educational Development of the Orenburg State University, Orenburg, Pobedy prospect, 13, post@mail.osu.ru

## **SUBJECTIVITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: ECONOMIC AND LEGAL ASPECTS OF THE PROBLEM**

**Аннотация.** В статье анализируется развитие инновационных информационных технологий, искусственного интеллекта в экономическом и правовом аспектах. На базе статистических данных исследуются риски применения ИИ в сфере занятости, и не только низкоквалифицированного, но и креативного труда. В области экономики субъектность ИИ имеет условный характер, связанный с частичной или полной заменой им человека-субъекта экономических отношений. В правовом аспекте субъектность ИИ носит остродискуссионный характер, где сталкиваются позиции сторонников и противников наделяния ИИ субъектностью физического, юридического или «электронного лица».

Проблема широкого и многоотраслевого применения ИИ способна привести общество к опасным экономическим и культурным последствиям, что требует эффективного правового регулирования этими процессами.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, правовая субъектность, информационные технологии, экономическая занятость, когнитивная психология, философия мышления, риски научно-технического прогресса.

**Review.** The article analyzes the development of innovative information technologies, artificial intelligence in economic and legal aspects. On the basis of statistical data the risks of AI application in the sphere of employment, and not only low-skilled, but also creative labor are investigated. In the field of economics, the subjectivity of AI has a conditional character associated with its partial or complete replacement of a human subject of economic relations. In the legal aspect, the subjectivity of AI has an acute discussion character, where the positions of supporters and opponents of giving AI the subjectivity of a physical, legal or "electronic person" clash.

The problem of widespread and multi-sectoral application of AI can lead society to dangerous economic and cultural consequences, which requires effective legal regulation of these processes.

**Keywords:** artificial intelligence, legal subjectivity, information technology, economic employment, cognitive psychology, philosophy of thinking, risks of scientific and technological progress.

По своей актуальности, исследования в сфере информационных технологий (ИТ) и, особенно, технологий искусственного интеллекта (ИИ) явно превосходят сейчас все остальные. Они определили и новый тип складывающегося общества – информационный, где появляются целые отрасли, сектора экономики и культуры, основанные на создании и предоставлении цифровых услуг.

В 2020 году около 70% крупнейших российских компаний использовали в своей работе ИИ, а ежегодные темпы роста его применения оцениваются в 15–20%. Так, финансовый эффект от внедрения искусственного интеллекта в ПАО «Сбербанк» составил около 240 млрд. руб. (2022 г.).

В то же время ИИ несёт в себе потенциальные риски и угрозы, заставляющие учёных предостере-

гать «капитанов индустрии» от беспредельного использования инновационных технологий в сфере производства и услуг. Частичное или, тем более, полное замещение работников искусственными устройствами, имитирующими интеллектуальную деятельность человека, может привести к существенным экономическим, и правовым последствиям. Это может коснуться не только сферы низкоквалифицированного труда, но и вполне креативного слоя, занятого выработкой сложных нестандартных решений.

Насколько ИИ способен на это в теоретическом плане? Р.Л. Солсо отмечает: «Я не знаю другой такой области когнитивной психологии, где происходили бы столь ожесточенные споры о моделировании человеческого мышления машинами: о «жестком» направлении ИИ ...»

В качестве отправной точки полезно рассмотреть дихотомию, предложенную философом из Беркли Джоном Сирлом (John Searl, 1980). Он описал две позиции в ИИ: «жесткую» и «мягкую»; согласно мягкой позиции, ИИ может использоваться как инструмент в исследованиях человеческого познания; а жесткая предполагает, что соответствующим образом запрограммированный компьютер обладает разумом и способен к пониманию. У «мягкого» ИИ мало оппонентов; почти все признают важность компьютеров в исследовании человеческого познания, и к этому почти нечего добавить. Жесткий ИИ, опровергаемый Сирлом, вызвал бурю протеста<sup>1</sup>.

Еще один теоретический-философско-психологический аспект, так же, как и первый касается принципиального отличия (тождества) человека от машины, или естественного интеллекта от искусственного. Это понадобится нам для решения важного, в юридическом отношении, вопроса: о субъектности ИИ.

«Способность выполнять такие функции, как перевод по сложным правилам, не означает, что тот, кто это делает, понимает значение «выходных данных». Человеческий разум обладает *произвольностью* (см. Searl, 1983), которая, согласно этому автору, определяется как свойство мысленных состояний и событий, направляющее их на объекты и ситуации в окружающем мире. К таковым относятся убеждения, страхи, желания и намерения. Независимо от того, насколько «неотлично» поддельное мышление от «настоящего» (человеческого), они не есть одно и то же, поскольку у мыслящего человека есть намерения и поскольку между этими двумя «мыслящими» есть физические различия: одного сделали органическим способом, а второго – электронным»<sup>2</sup>.

Р.Л. Солсо говорит о произвольности как важнейшем признаке человеческого: в деятельности и мышлении, т.е. о свободе воли – обязательном начале *ответственности*, без которой субъектность становится чем-то номинальным, условным.

Так, в социально-экономическом плане условная субъектность ИИ может быть связана с его возмож-

ностью заменить «человеческие субъекты», хотя бы в масштабах их деятельности, на уровне заменяемых функций. Для автопарка нет большой разницы между водителем-человеком и роботом (с точки зрения их работы, конечно, вне других обстоятельств, типа зарплаты, социального обеспечения и т.п.) Существенная экономия, при этом, возможна, что и подталкивает менеджеров к внедрению ИИ. По мнению известного западного футуролога Э. Тоффлера, мы находимся внутри «третьей волны» технологической революции, связанной с распространением информационных технологий, и это приводит к тектоническим сдвигам во всех социальных сферах.

С точки зрения Д. Белла, автора теории постиндустриального общества информационные технологии стали системообразующим фактором в сфере труда и досуга и, следовательно, нуждаются в различных формах регулирования, в том числе, правового: в 2023 году в мире встала проблема использования мер уголовной ответственности за создание фото-видеоматериалов, обработанных с помощью технологии DeepFake.

По мнению российских социологов А.В. Резаева и Н.Д. Трегубова широкое использование технологий ИИ изменяет социальную среду человека, что приводит к появлению «искусственной социальности».

Сфера труда и занятости, несомненно, - одна из ключевых в социальной системе. В рамках рынка труда формируются разнообразные социальные отношения, требующие решения таких социокультурных вопросов, как условия труда, статус работников, возможность профессионального роста, взаимоотношения работников и работодателей и т.д. Появление в этой сложной многообразной сфере ИИ представляется и логичным, и своевременным: согласно McKinsey Global Institute, внедрение ИИ в промышленности к 2025 году даст экономический эффект в размере 5 триллионов долларов; к 2030 году около 47% рабочих мест в мире займут робототехнические устройства.

К 2026 году, как утверждают эксперты, внедрение ИИ обеспечит увеличение ВВП России на 1%, а уже в 2021 г. экономический эффект от него составил более 300 млрд рублей.

Практика показывает, что основные риски, связанные с ИИ, относятся не к уменьшению рабочих мест: по данным Всемирного экономического форума 2020 года, потеря рабочих мест составит примерно 85 миллионов, однако, благодаря ИИ появится 97 миллионов новых.

В исследовании 2022 года А.А. Алешковского, А.А. Гребенюка, И.Н. Сидорова были выявлены такие социальные риски использования технологий ИИ как рост экономического неравенства, увеличение структурной безработицы, рост киберпреступности и угроза снижения приватности жизни граждан. Последние, кстати, относятся к ИИ скорее положительно

<sup>1</sup> Солсо Р.Л. Когнитивная психология: пер. с англ. Москва: Тривола, 1996. С. 498.

<sup>2</sup> Там же. С.500.

(или нейтрально), чем отрицательно: 57% поддерживают его применение во всех сферах жизнедеятельности, и только 21% опасается, что их занятость может быть подвергнута «замене на машину».

К наиболее «рискованным» в этом плане профессиям относятся средне- и высококвалифицированные «белые воротнички»: инженеры, строители, статистики, кредитные аналитики, бухгалтеры, программисты и т.п. Наименее вероятна замена работников физического труда: уборщиц, горничных, работников общепита, массажистов, маляров и штукатуров, фитнес-тренеров и т.п. Довольно мифическими оказываются рассуждения о замене с помощью ИИ, профессий и видов труда монотонно-физического, рутинного характера.

В исследовании McKinsey Global Institute был дан анализ 2000 видов деятельности, каждый из которых оценивался по параметрам: чувственное восприятие, когнитивные способности, обработка естественного языка, социально-эмоциональные и физические способности. В результате был сделан вывод о риске потери рабочих мест во всем мире для 1,2 миллиардов человек, и большинство из них – жители стран с высоким уровнем развития (США, Китай, Япония, страны Евросоюза). В РФ потеря рабочего места грозит 35,4 млн человек.

Другая картина возникает при исследовании влияния технологий ИИ на удовлетворенность работников выполнением своих функций: она демонстрирует, что 63% опрошенных пользователей ни в производственном и финансовом секторах экономики признали улучшение удовольствия от работы.

Для российского общества, часто находящегося в условиях экономической неопределенности, приоритетны вопросы финансовой безопасности, а, отсюда, значимость материальных трудовых мотивов выше чисто психологических. Угроза потери работы из-за внедрения ИИ беспокоит больше, чем возможное увеличение удовлетворения от работы.

В отношении освещения проблемы в официальных СМИ, стоит отметить, что они игнорируют случаи негативных социальных последствий применения ИИ в сфере занятости. Исключением стало освещение ситуации со Сбербанком в 2018 году, когда здесь было уволено 70% менеджеров среднего звена, по причине именно «роботизации» их деятельности.

Таким образом, использование технологий ИИ в экономической сфере общества не может быть оценено однозначно «положительно или «негативно, все зависит от условий и особенностей области применения ИИ, от того, какие критерии оценки лежат в её основе, а также, от рисков и последствий использования ИИ в средне- и долгосрочной перспективе.

Очевиден вывод о необходимости трезвого отношения к инновациям в информационно-технологической сфере, т.е. расчета и управления рисками негативных социально-экономических последствий их

широкого использования.

Эффективное управление, в свою очередь, базируется на его *правовой* поддержке и регулировании.

Согласно Указу Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», необходимо определить Национальную стратегию развития ИИ на период до 2030 года, принимая во внимание, что «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека».

(Некогда теологи ещё средневековья решали проблему конгениальности человеческого разума Божественному, которые, конечно, не равнозначны, но интеллектуально соразмерны, так что человек в принципе может постигать Бога, его помыслы и заповеди).

*Сопоставимость* – критерий потенциальной соразмерности искусственного интеллекта естественному, дающий надежду говорить о хотя бы условной субъектности ИИ.

Правовое регулирование вопросов, связанных с применением искусственного интеллекта, постоянно сталкивается с рядом проблем: определением ИИ, его возможностей и ограничений, отсутствием четких правил и норм для установления ответственности, при том, что ИИ не обладает автономией воли и эмоциональной составляющей деятельности.

До сих пор идут споры о субъектности ИИ: можно ли присвоить ему статус юридического лица, за действия которого будут нести ответственность его учредители-создатели, или возникает необходимость введения нового субъекта права – «электронного лица»<sup>3</sup>.

В общем виде, правосубъектность – это свойство и способность быть участником правоотношения в качестве субъекта. Антропоцентрический подход предполагает, что это только граждане, люди, способные приобретать и осуществлять свои гражданские права (что, в полном объеме, происходит с наступлением совершеннолетия, и закрепляет за его носителями определенные права и обязанности).

Критики такого подхода говорят, что на сегодняшний день права могут быть закреплены и за юридическими лицами, антропологическая природа которых очевидно иная. И, в целом, сущность и объем прав определяется государственной политикой, которая может быть самой различной<sup>4</sup>.

«Наиболее радикальным и, что закономерно, наименее популярным среди представителей научного сообщества подходом является концепция индивидуальной правосубъектности искусственного интеллекта. Сторонниками данного подхода выдвинута

<sup>3</sup> Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 38-55.

<sup>4</sup> Gaon A.H. Artificially Intelligent Copyright: Rethinking Copyright Boundaries: PhD dissertation. Toronto: York University, 2019. P. 48.

идея «полной инклюзивности...» с признанием за ИИ-системами собственных интересов<sup>5</sup>.

На другом основании, считает возможным «присвоить» правосубъектность технологическим системам А.И. Овчинников: они не имеют субъективной воли, но могут присутствовать в Едином государственном реестре. Стал же, по этой причине, носителем ограниченной правосубъектности робот Френ Пеппер – первый «гуманоид в мире»<sup>6</sup>.

В статье Вэй Дэпэн «Правовая природа искусственного интеллекта» прочитывается склонность считать ИИ потенциально правосубъектным, в силу его способности, автономно выполнять независимые и динамичные действия, которые превзошли реальные представления о вещах, особенно с появлением гуманоидных роботов с социальными возможностями<sup>7</sup>. (Автор ссылается на ситуацию, когда интеллектуальное устройство София получило в октябре 2017 г. гражданство Саудовской Аравии).

Сопоставление различных позиций в отношении возможности наделить ИИ правосубъектностью показывает, что до единого мнения в этом вопросе ещё далеко. Если правоведы, в своем большинстве, считают данную возможность неоправданной, размывающей нормативные берега самого понятия «правосубъектность», с его тремя составляющими: правоспособностью (иметь права и обязанности), дееспособностью (создавать своими действиями возможность приобретения прав и обязанностей) и деликтоспособностью (нести юридическую ответственность за правона-

рушения), то экономисты, разработчики ИИ и т.п. «практики» склонны включать его в состав юридических субъектов, как это делается, например, в отношении детей или недееспособных людей.

Подводя итог дискуссии по данной проблеме, хотелось бы солидаризироваться с мнением К.Д. Дегтяревой: «Существуют серьезные доктринальные споры о форме и основаниях правосубъектности ИИ, который бесспорно является специфическим субъектом/объектом правоотношений ... Наделение ИИ правосубъектностью возможно в двух формах: физического или юридического лица. Первая форма не слишком удачна с точки зрения основания её возникновения-факта рождения»<sup>8</sup>. (ИИ не присущи активное целеполагание, душа, мировоззрение. Возможно лишь их имитация).

«Вторая форма более применима к ИИ, но также несовершенна, поскольку он не отвечает классическим критериям юридического лица: наличие обособленного имущества, способность нести самостоятельную имущественную ответственность и др.»<sup>9</sup>.

Человечество, по мнению К.Д. Дегтяревой, стоит на пороге отказа от принципа антропоцентризма в правовом регулировании ИИ: «Представляется, что наиболее перспективным направлением правового регулирования является разграничение ответственности между системами ИИ и их разработчиками, а также обычными пользователями. При этом, будущая правовая материя должна отвечать основным этическим и правовым принципам»<sup>10</sup>.

#### Библиографический список

1. Вэй Дэпэн. Правовая природа искусственного интеллекта // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2024. – № 3. – С. 69–76.
2. Дегтярева К.Д. Правовой статус искусственного интеллекта // Актуальные исследования. – 2023. – № 28 (158), ч. II. – С. 35–37.
3. Овчинников А.И. Тенденции развития права в условиях нового технологического уклада // Философия права. – 2018. – № 3. – С. 26–32.
4. Солсо Р.Л. Когнитивная психология: пер. с англ. – Москва: Трикола, 1996. – 600 с.
5. Филиппова И.А., Коротеев В.Д. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – № 2.
6. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т.13. №2. – С. 38-55.
7. Gaon A.H. Artificially Intelligent Copyright: Rethinking Copyright Boundaries: Ph. D. dissertation. – Toronto: York University, 2019. – 390 p.

Рецензент: Воропаев Д.Н., и.о. заведующего кафедрой общегуманитарных дисциплин, социально-экономических, математических и естественнонаучных дисциплин Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат философских наук, доцент.

<sup>5</sup> Филиппова И.А., Коротеев В.Д. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/budushee-iskusstvennogo-intellekta-obekt-ili-subekt-prava> (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>6</sup> Овчинников А.И. Тенденции развития права в условиях нового технологического уклада // Философия права. 2018. № 3. С. 27.

<sup>7</sup> Вэй Дэпэн. Правовая природа искусственного интеллекта // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 74.

<sup>8</sup> Дегтярева К.Д. Правовой статус искусственного интеллекта // Актуальные исследования. 2023. № 28 (158), Ч. II. С. 35-37.

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> Там же.

---

## Раздел второй

# ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

**АКМАНОВ ДМИТРИЙ РУСТЕМОВИЧ**

магистрант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный специалист отдела взыскания дебиторской задолженности юридических лиц АО «Мосэнергосбыт», 125993, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9, [dakmanov01@mail.ru](mailto:dakmanov01@mail.ru)

## ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПОДСУДНОСТИ ДЕЛ ОБ ОБРАЩЕНИИ ВЗЫСКАНИЯ НА ЗАЛОЖЕННУЮ НЕДВИЖИМОСТЬ

**AKMANOV DMITRY RUSTEMOVICH**

master's student at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Chief Specialist of the Department for Collecting Accounts Receivable from Legal Entities of Mosenergosbyt JSC, 125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, [dakmanov01@mail.ru](mailto:dakmanov01@mail.ru)

## PROBLEMS OF TERRITORIAL JURISDICTION IN THE CASES OF FORECLOSURE ON PLEDGED REAL PROPERTY

**Аннотация.** В статье проанализирована правовая природа требования об обращении взыскания на предмет залога, его соотношение с притязаниями по обеспеченному залогом обязательству. Сделан вывод о том, что иски об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество должны рассматриваться судами по месту нахождения этого имущества. Обосновано, что правила исключительной территориальной подсудности распространяются также на случаи, когда требования об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество заявляются совместно с требованиями о взыскании долга по основному (обеспеченному залогом) обязательству. В тех случаях, когда существует конкуренция между судами при применении правил исключительной подсудности, subsidiarily подлежат применению правила альтернативной и договорной подсудности, позволяющие произвести окончательный выбор компетентного суда из ограниченного количества вариантов. При этом необоснованной видится продиктованная необходимостью следования правилам исключительной подсудности практика выделения судами требований об обращении взыскания на предмет залога в отдельное производство, приводящая к их разделному рассмотрению с требованиями о взыскании задолженности по обеспеченному залогом обязательству.

**Ключевые слова:** подсудность, исключительная подсудность, исключительно-альтернативная подсудность, залог, обращение взыскания на предмет залога, недвижимость, соединение требований, выделение требований, публичный интерес.

**Review.** The article analyzes the legal nature of the foreclosure claim on the collateral, its relationship with the claims on the obligation secured by the pledge. It is concluded that claims for foreclosure on pledged real property should be considered by the courts at the location of this property. It is proved that the rules of exclusive territorial jurisdiction also apply to cases when claims for foreclosure on pledged real property are filed jointly with claims for debt collection under the main (secured by pledge) obligation. In cases where there is competition between courts in applying the rules of exclusive jurisdiction, the rules of alternative and contractual jurisdiction are subject to subsidiary application, allowing for the final selection of a competent court from a limited number of options limited by the rules of exclusive jurisdiction. At the same time, the practice dictated by the need to follow the rules of exclusive jurisdiction of the courts of separating claims for foreclosure on the subject of collateral into separate proceedings, leading to their separate consideration with claims for debt collection on the obligation secured by collateral, seems unreasonable.

**Keywords:** jurisdiction, exclusive territorial jurisdiction, exclusive-alternative jurisdiction, pledge, foreclosure on the collateral, real property, connecting of claims, allocation of claims, public interest.

Как известно, закрепленные в цивилистических процессуальных кодексах правила территориальной подсудности направлены на установление относимости рассмотрения и разрешения по первой инстанции тех или иных дел к ведению конкретных судов одного и того же звена судебной системы<sup>1</sup>. Правила распределения судебных дел по территориальному принципу направлены на обеспечение удобства сторон, снижение количества необоснованных обращений истца в суд и потому исходят из учета места жительства или адреса ответчика, особенностей предмета спора, существа заявленных требований, взаимной связи таких требований, наличия между сторонами спора соглашения об определении подсудности<sup>2</sup>.

При этом в настоящее время вряд ли можно утверждать, что действующие правила определения территориальной подсудности дел позволяют однозначно и просто установить компетентный суд. Это обусловлено, в частности, недостаточной детализацией отдельных правоположений (особенно в части регулирования подсудности по связи дел), неоднозначностью некоторых используемых законом формулировок, затрудняющих толкование соответствующих норм (в частности, касающихся исключительной подсудности)<sup>3</sup>.

Указанные проблемы проявляются и при рассмотрении судами дел, возникающих из залоговых споров. Неоднозначный характер правовой природы права залога и возникающих из него требований нередко создают сложности при разрешении вопросов о территориальной подсудности.

Так, в судебной практике отсутствует единообразный подход к решению вопроса о том, являются ли требования об обращении взыскания на заложенное

недвижимое имущество требованиями о правах на это имущество, что делает не вполне ясной возможность применения к ним правил ст. 30 ГПК РФ, ст. 38 АПК РФ.

Согласно правовой позиции, которую неоднократно излагал ранее действовавший Высший Арбитражный Суд РФ, иски об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество должны предъявляться в суд по месту нахождения этого имущества<sup>4</sup>. В качестве одного из аргументов называлось то, что удовлетворение указанных требований влечет необходимость государственной регистрации перехода прав на недвижимое имущество<sup>5</sup>.

Согласно утвердившейся в судебной практике позиции, указанная необходимость говорит о том, что требование подлежит рассмотрению по правилам исключительной подсудности<sup>6</sup>.

Вместе с тем, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П указывается, что спор об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество не является спором о правах на это имущество<sup>7</sup>. Указанная позиция также была поддержана Верховным Судом РФ в ряде судебных актов<sup>8</sup>.

При этом примечательно, что начиная со второго квартала 2020 года в судебных актах Верховного Суда РФ применение правил исключительной подсудности к искам об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество стало аргументироваться тем, что иски о любых правах на недвижимое имущество должны рассматриваться по месту нахождения такой спорной недвижимости<sup>9</sup>.

Проблема определения подсудности дел рассматриваемой категории не разрешается и Федеральным законом от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 12.06.2024)

<sup>1</sup> Гражданский процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2014. С. 162 (автор гл. 11 «Подсудность гражданских дел» – Д.Б. Абушенко); Самсонова М.В. Проблемы совершенствования института подсудности гражданских дел // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 2. С. 83.

<sup>2</sup> Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. / Под ред. В.А. Томсинова. М.: Издательство «Зерцало», 2003. С. 149.; Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1894. С. 258.

<sup>3</sup> Любимова Е.В. Критерии подсудности в гражданском и административном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020. С. 120-127, 147.

<sup>4</sup> Обзор правовых позиций Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам частного права. Ноябрь 2013 г. // Вестник ВАС РФ. 2014. № 1; Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.12.2005 № 99 (ред. от 01.07.2014) «Об отдельных вопросах практики применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 3; постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.09.2013 № 1192/13 по делу № А64-7845/2012; определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.03.2011 № ВАС-2529/11 по делу № А71-9367/2010-Г13 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2011 № ВАС-17289/10 по делу № А66-6683/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>6</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 3; постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 54 «О некоторых вопросах подсудности дел по искам о правах на недвижимое имущество» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 11; определение Верховного Суда РФ от 11.11.2024 № 305-ЭС24-20072 по делу № А40-51352/2024; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.10.2024 № 305-ЭС24-9309 по делу № А40-257853/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>7</sup> Пункт 5.1. Постановления Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3356.

<sup>8</sup> Определение Верховного Суда РФ от 30.03.2020 № 305-ЭС20-3921 по делу № А41-89477/2019; определение Верховного Суда РФ от 03.08.2018 № 308-ЭС18-13054 по делу № А53-6407/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>9</sup> Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.04.2022 № 16-КГ22-4-К4; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.04.2020 № 67-КГ20-2, 9-249/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

«Об ипотеке (залоге недвижимости)»<sup>10</sup>. В ст. 52 указанного закона содержится лишь отсылка к общим положениям о подсудности, содержащимся в ГПК РФ и АПК РФ.

Образовавшуюся неопределенность призвано было устранить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» (далее – постановление Пленума ВС РФ о залоге), п. 67 которого предусматривает, что иски об обращении взыскания на недвижимое имущество должны рассматриваться с соблюдением правил об исключительной подсудности<sup>11</sup>.

Однако, ожидаемый эффект не наступил. В постановлениях судов различных инстанций все также приводится позиция о том, что дела об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество не подпадают под правила исключительной подсудности. Обосновывается это, как правило, следующим:

- к искам, предметом которых являются требования не вещного, а обязательственного характера, не применяются правила об исключительной подсудности<sup>12</sup>. В свою очередь, требование об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество является обязательственным, что делает невозможным его рассмотрение по правилам исключительной подсудности<sup>13</sup>;

- требование об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество не порождает самостоятельный спор о правах на это имущество, поскольку причиной возникновения такого рода спорных отношений является неисполнение должником основного обязательства, предполагающего удовлетворение требований кредитора за счет стоимости предмета залога, в связи с чем правила исключительной подсудности к таким правоотношениям не применимы<sup>14</sup>.

Действительно, установленный законом порядок обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество обладает некоторыми неоднозначными чертами, заставляющими усомниться в вещно-правовой природе требования залогодержателя.

Прежде всего в соответствии с положениями гл. IX Закона об ипотеке без содействия суда по общему правилу обратиться взыскание на предмет залога залогодержатель не может. Исключением являются случаи достижения между залогодателем и залогодержателем соглашения о внесудебном порядке обращения взыскания на заложенное имущество, а также ситуации, при которых права залогодержателя удостоверяются закладной.

При этом вещные права, по мнению некоторых ученых, должны осуществляться действиями самого управомоченного лица, а третьи лица (в том числе суд) при их осуществлении, как правило, никакой роли не играют<sup>15</sup>.

Необходимость содействия публичной власти в осуществлении прав залогодержателя нередко служит основанием суждений о том, что требование об обращении взыскания на предмет залога имеет обязательственно-правовую природу<sup>16</sup>.

Кроме того, в доктрине отмечается, что требование об обращении взыскания на заложенное имущество является сугубо личным, лишенным абсолютного характера, поскольку залогодержатель, предъявляя такое требование, как обычный кредитор, должен доказать наличие основного обязательства, факт его нарушения. Ему могут быть выдвинуты возражения, касающиеся существа основного обязательства<sup>17</sup>.

Конечно же нельзя отрицать того, что требование об обращении взыскания на предмет залога, представляющее собой правомочие, возникающее из права залога, осуществляется в форме несколько отличной от той, которая присуща осуществлению ряда иных вещных правомочий. Однако также нельзя игнорировать существо указанного залогового требования, имеющего непосредственную направленность на предмет залога, а не на личность залогодателя.

Право залога связывает залогодержателя с переданным в залог имуществом таким образом, что в случае ненадлежащего исполнения должником обеспеченного залогом обязательства залогодержатель

<sup>10</sup> Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 12.06.2024) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // СЗ РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.

<sup>11</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.

<sup>12</sup> Данное положение впервые было отражено в определении Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2011 № ВАС-9924/11 по делу № А40-62274/09-7-471. В дальнейшем оно получило широкое распространение в практике судов нижестоящих инстанций при рассмотрении дел об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество.

<sup>13</sup> Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.05.2024 № 09АП-28146/2024 по делу № А40-245888/2023; определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.01.2024 № 88-526/2024 по делу № 13-1782/2023; определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.01.2024 № 88-1094/2024 по делу № 13-1926/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>14</sup> Пункт 2.1 Обзора судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22.05.2013 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9; определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23.08.2024 № 88-25737/2024 по делу № 2-5286/2024; апелляционное определение Московского областного суда от 10.04.2024 по делу № 33-13319/2024; определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.03.2024 № 88-4873/2024 по делу № 33-10018/2023; апелляционное определение Московского городского суда от 12.02.2024 по делу № 33-2476/2024 по делу № 2-180/2023; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2021 № 09АП-8834/2021-ГК, 09АП-12924/2021-ГК по делу № А40-23292/2020; постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26.02.2020 № 07АП-8052/2019(2) по делу № А45-20443/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>15</sup> Новоселова А.А., Подшивалов Т.П. Вещные иски: проблемы теории и практики: монография. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 24.

<sup>16</sup> Мочалова В.А. Гражданско-правовые вопросы обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество: Науч.-практ. пособие. М.: Юстициформ, 2013. С. 82.

<sup>17</sup> Демущкина Е. Вещно-правовая защита при осуществлении права залогодержателя на удовлетворение требований за счет стоимости заложенного недвижимого имущества // Хозяйство и право. 2009. № 8. С. 87.

может в любое время, независимо от воли любых иных третьих лиц, получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества. При этом такая связь существует независимо оттого, в чьей собственности находится предмет залога и, как следствие, безотносительно к личности залогодателя. Реализовать своё право на получение удовлетворения из стоимости заложенного имущества залогодержатель может, заявив требование в отношении заложенного имущества, которое, как справедливо отмечает Д.В. Дождев, представляет собой имущественное благо, непосредственно принадлежащее залогодержателю<sup>18</sup>. В связи с этим судебный порядок обращения взыскания на предмет залога нельзя считать а priori свойственным праву залога.

Рассмотрение дела в данном случае во многом направлено на недопущение злоупотреблений со стороны залогодателя или залогодержателя и обеспечение надлежащего порядка использования залогодержателем своего права<sup>19</sup>.

Другое дело, что реализация заложенного недвижимого имущества, вряд ли может быть осуществлена без содействия третьих лиц. Согласно положениям ст. 56, 59, 59.1 Закона об ипотеке в зависимости от конкретных фактических обстоятельств продажа заложенной недвижимости в целях удовлетворения имущественных интересов залогодержателя может осуществляться с привлечением органов принудительного исполнения, иных организаторов торгов, оценщиков, а также силами самого залогодателя. Для этого необходимо волеизъявление приобретателя заложенного имущества. Оставление же залогодержателем заложенного недвижимого имущества за собой не может быть осуществлено без участия нотариуса<sup>20</sup>. В этом смысле порядок осуществления права залога не соответствует изложенным выше представлениям о порядке осуществления вещных прав.

Однако действительно ли всегда вещным правам свойственно осуществление исключительно действиями управомоченных лиц без стороннего содействия? Анализ российского и зарубежного опыта позволяет дать отрицательный ответ на поставленный вопрос.

Так, российскому правопорядку известны вещные права, осуществление правомочий из которых ставится в зависимость от совершения активных действий третьими лицами. Примерами тому могут служить, в частности, право хозяйственного ведения, обладатель которого может распорядиться принадлежащем ему на таком праве недвижимым имуще-

ством лишь при наличии выраженного на то согласия собственника этого имущества (п. 2 ст. 295 ГК РФ), правомочия сервитуария по использованию чужого земельного участка, реализация которых в ряде случаев возможна лишь тогда, когда собственник такого земельного участка надлежащим образом организует проезд через земельный участок, переносит возможные ограждения (заборы, калитки), обеспечивает пропускной режим и т.д.<sup>21</sup>

Гражданским кодексом Франции (далее – ФГК), в свою очередь, предусматриваются обязанности собственника служащего земельного участка, без осуществления которых использование сервитуарием своих прав, вытекающих из сервитута, затрудняется или вовсе становится невозможным. Согласно ст. 699 ФГК собственник служащего земельного участка обязан по указанию сервитуария за свой счет произвести необходимые для осуществления или сохранения сервитута работы<sup>22</sup>. Аналогичные положения содержатся и в ст. 71 книги 5 Гражданского кодекса Нидерландов, предусматривающей, возможность возложения на собственника служащего земельного участка обязанностей по содержанию обремененного сервитутом земельного участка или объектов, прочно связанных с этим участком<sup>23</sup>.

Таким образом, законом в некоторых случаях допускаются исключения из правила о том, что реализация вещного права не зависит от действий других лиц<sup>24</sup>. В доктрине справедливо отмечается, что отдельные вещные права и возникающие из них правомочия требуют для своей реализации осуществления третьими лицами действий, носящих по отношению к таким вещным правам и правомочиям акцессорный характер<sup>25</sup>.

Поэтому установление судебного порядка осуществления права залога, невозможность реализации заложенного недвижимого имущества без содействия третьих лиц не могут сами по себе свидетельствовать о размывании вещно-правовой характеристики требования об обращении взыскания на предмет залога.

Абсолютный характер такого требования проявляется в том, что праву залогодержателя получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества корреспондирует субъективная обязанность всех лиц (в том числе залогодателя) не нарушать это право, в том числе не чинить препятствий залогодержателю в получении указанного удовлетворения.

Следует также отметить, что законом гарантируется сохранение залога при смене собственника залого-

<sup>18</sup> Дождев Д.В. Вещный момент в залоговом праве: отечественная доктрина и исторические уроки // Гражданское право. 2015. № 2. С. 10.

<sup>19</sup> Евдокимова Е.А. К вопросу о необходимости и формах публичного контроля за реализацией права залога // Закон. 2017. № 8. С. 180-189.

<sup>20</sup> Абз. 2 п. 60 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.

<sup>21</sup> Пункт 12 Обзора судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 11.

<sup>22</sup> Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / Пер. с фр. В.Н. Захватаева. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 223.

<sup>23</sup> Гражданский кодекс Нидерландов. Книги 2, 3, 5, 6 и 7 / Отв. ред. Ф.Й.М. Фельдбрюгге. Лейден: Изд. Лейденского университета, 2000. С. 259.

<sup>24</sup> Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 52.

<sup>25</sup> Монахов Д.А. Сервитуты: монография. Москва: Статут, 2023. С. 62.

женного имущества (п. 1 ст. 353 ГК РФ)<sup>26</sup>. Соответственно, с переходом права собственности на предмет залога происходит замена лица, которое должно привлекаться в качестве ответчика по исковому требованию залогодержателя об обращении взыскания на предмет залога, что также свидетельствует о вещном характере данного требования.

Таким образом, по правовой природе иски об обращении взыскания на заложенное имущество отличаются от исков, возникающих из обеспечиваемых залогом обязательств. При этом нельзя отрицать объективную связь этих исков. Они имеют во многом схожее фактическое основание. Непременным условием их удовлетворения является установление судом фактов неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обеспеченного залогом обязательства.

Тем не менее, основания указанных исков не являются полностью идентичными. Если для разрешения иска из основного (обеспеченного) обязательства факт обладания истцом правом залога не имеет значения, то судьба иска об обращении взыскания на заложенное имущество прямо зависит от установления данного факта.

Предметы указанных исков также не тождественны. Требования иска об обращении взыскания на предмет залога направлены непосредственно на имущество, находящееся в залоге. В результате их удовлетворения неизбежно возникает необходимость перехода прав (государственной регистрации перехода прав - если в залоге находится недвижимость) на заложенное имущество, что не свойственно каким-либо иным исковым требованиям.

Таким образом, требования об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество являются самостоятельными требованиями о правах на это имущество, имеющими вещно-правовой характер, удовлетворение которых влечет необходимость государственной регистрации перехода прав на недвижимое имущество. Поэтому иски об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество подлежат рассмотрению по правилам исключительной подсудности.

Сделанный вывод имеет важное практическое значение, поскольку позволяет правильно разрешать вопросы, связанные с определением подсудности дел, в которых иски об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество соединяются с исками о взыска-

нии долга по основному (обеспеченному) обязательству<sup>27</sup>.

В цивилистических процессуальных кодексах правила об исключительной подсудности сформулированы в качестве императивных (ст. 30 ГПК РФ, ст. 38 АПК РФ). В этом смысле не теряет своей актуальности выраженная Ю.К. Осиповым более полувека назад позиция о том, что возможность рассмотрения исков, в отношении которых установлена исключительная подсудность в иных судах, кроме тех, которые предусмотрены законом, исключена<sup>28</sup>. Обозначенное предопределило укоренение в доктрине<sup>29</sup>, в судебной практике<sup>30</sup>, связанной со спорами о правах на недвижимость, идеи о приоритете исключительной подсудности, выражающейся в том, что при объединении истцом в один иск нескольких требований, не все из которых заявляются о правах на недвижимое имущество, дело, в котором разрешаются указанные требования, подлежит рассмотрению по месту нахождения спорной недвижимости.

Свое отражение вышеуказанная идея нашла и в практике рассмотрения судами залоговых споров. Так, в настоящее время встречаются случаи рассмотрения дел, объединяющих в себе требования об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество и о взыскании задолженности по основному (обеспеченному) обязательству, по месту нахождения заложенной недвижимости<sup>31</sup>.

Интерес вызывают ситуации, при которых залогом недвижимости обеспечиваются обязательства о передаче прав на иное недвижимое имущество. В практике довольно редки примеры заявления исков с требованиями о передаче прав на недвижимое имущество, вытекающими из основного обязательства, и об обращении взыскания на иную заложенную недвижимость. Однако заявление таких исков вполне возможно, что следует, в том числе, из п. 28 постановления Пленума ВС РФ о залоге. Думается, что к таким искам, по аналогии должны применяться правила ст. 31 ГПК РФ, ст. 36 АПК РФ, предоставляющие истцу право выбрать компетентный суд.

Аналогичным образом должен решаться вопрос о подсудности дел об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество, когда предметом залога являются несколько объектов недвижимого имущества, расположенных на территории, относящейся к юрисдикции разных судов.

<sup>26</sup> О сохранении залога при переходе прав на имущество от залогодателя – должника к покупателю в рамках исполнительного производства указывается в п. 68 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.

<sup>27</sup> Далее по тексту для удобства такие иски будут также упоминаться в качестве объединенных исков.

<sup>28</sup> Осипов Ю.К. Подведомственность и подсудность гражданских дел. М.: Госюриздат, 1962. С. 98.

<sup>29</sup> Любимова Е.В. Указ. соч. С. 131.; Ерохина Т.П. Некоторые проблемы подсудности в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 170.

<sup>30</sup> Апелляционное определение Московского городского суда от 27.09.2022 № М-8608/2022 по делу № 33-36177/2022; определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.02.2020 по делу № 88-1903/2020; постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 16.12.2010 № Ф09-10664/10-С4 по делу № А71-9367/2010-Г13 // СПС «Консультант Плюс».

<sup>31</sup> Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 06.09.2024 № 88-17135/2024 по делу № 33-5646/2023; определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20.08.2024 № 88-15002/2024; определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30.07.2024 по делу № 88-18512/2024; постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.10.2023 № 13АП-33378/2023 по делу № А56-80560/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

В доктрине справедливо отмечается, что правила исключительной подсудности дел по месту нахождения недвижимого имущества направлены на защиту интересов государства, в частности, на уменьшение затрат на выявление и сбор доказательств, обеспечение удобства при совершении проверочных действий<sup>32</sup>. В этом смысле независимо от того, какой из судов по месту нахождения недвижимых объектов выберет истец для подачи иска, обозначенные затраты на выявление и сбор доказательств будут оставаться по большей части неизменными. С точки зрения публичного интереса, например, не имеет значения, какой из судов будет направлять судебные запросы в органы публичной власти. Поэтому кажется вполне целесообразным, предоставление истцу-залогодержателю при подаче искового заявления, содержащего в себе требования об обращении взыскания на предмет залога, права выбора между судами, в пределах территориальной юрисдикции которых находятся спорные недвижимые объекты. Примечательно, что такой подход находит свое отражение и в судебной практике<sup>33</sup>.

Вышеприведенные случаи обуславливают необходимость выделения такого вида территориальной подсудности в гражданском процессе, как **исключительно-альтернативная**.

Выявленное отсутствие публичного интереса в том, какой из судов по месту нахождения недвижимых объектов будет рассматривать исковое заявление, содержащее в себе требования об обращении взыскания на предмет залога, свидетельствует также о возможности выбора сторонами компетентного суда из ограниченного количества вариантов путем заключения соглашения. Тем более, что действующему процессуальному законодательству известны случаи ограничения сторон в выборе компетентного суда при заключении соглашений о подсудности (ч. 1 ст. 31 ГПК РФ, ч. 6 ст. 38 АПК РФ).

Определенные возражения вызывает обоснован-

ная необходимостью следования правилам исключительной подсудности практика выделения судами требований об обращении взыскания на предмет залога в отдельное производство, что приводит к их разделному рассмотрению с требованиями о взыскании задолженности по обеспеченному обязательству<sup>34</sup>.

Выделение судом в отдельное производство требования об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество позволяет формально соблюсти правила территориальной подсудности в отношении каждого из совместно заявленных требований. Однако такое решение не отвечает принципам процессуальной целесообразности и экономии<sup>35</sup>. В силу этого представляется нецелесообразным одновременное проведение двух судебных процессов, в которых устанавливаются схожие фактические обстоятельства.

Более того, параллельное проведение судебных процессов, в ходе которых выясняются схожие обстоятельства, чревато тем, что суды могут сделать различные по своему содержанию выводы относительно этих обстоятельств и в результате принять противоречащие друг другу судебные акты. Это, в случае вступления таких судебных актов в законную силу, подрывает свойство исключительности судебного решения, противоречит задачам гражданского и арбитражного судопроизводства.

Таким образом, обозначенная практика выделения исковых требований в отдельные производства не может быть признана обоснованной.

Подводя итог, подчеркнем, что вопрос о подсудности исков, содержащих в себе требования об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество, должен разрешаться судами в строгом соответствии с материально-правовой природой залоговых требований, а также исходя из необходимости принятия законных, обоснованных и не противоречащих друг другу судебных решений.

#### Библиографический список

1. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. / Под ред. В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 464 с.
2. Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1894. – 534 с.
3. Гражданский процесс: учебник / отв. ред. В. В. Ярков. 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфотропик Медиа, 2014. – 784 с.
4. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – 960 с.
5. Демушкина Е. Вещно-правовая защита при осуществлении права залогодержателя на удовлетворение требований за счет стоимости заложенного недвижимого имущества // Хозяйство и право. – 2009. – № 8. – С. 83-92.

<sup>32</sup> Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 138.; Осипов Ю.К. Указ. соч. С. 100; Любимова Е.В. Указ. соч. С. 131.

<sup>33</sup> Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2023 № 88-23616/2023 по делу № 2-819/2023; апелляционное определение Московского городского суда от 30.01.2018 по делу № 33-4127/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>34</sup> Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.03.2024 № 09АП-12097/2024 по делу № А40-287751/2023; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-12803/2024-ГК от 7 марта 2024 года по делу № А40-247600/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>35</sup> Важность принципа процессуальной экономии не раз подчеркивалась в постановлениях Конституционного Суда РФ. См., например: постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. № 2-П, от 19 марта 2010 г. № 7-П, от 30 ноября 2012 г. № 29-П, от 11 ноября 2014 г. № 28-П // СПС «КонсультантПлюс».

- 
6. Дождев Д.В. Вещный момент в залоговом праве: отечественная доктрина и исторические уроки // Гражданское право. – 2015. – № 2. – С. 6-11.
  7. Евдокимова Е.А. К вопросу о необходимости и формах публичного контроля за реализацией права залога // Закон. – 2017. – № 8. – С. 180-189.
  8. Ерохина Т.П. Некоторые проблемы подсудности в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 208 с.
  9. Любимова Е.В. Критерии подсудности в гражданском и административном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2020. – 202 с.
  10. Монахов Д.А. Сервитуты: монография. – Москва: Статут, 2023. – 227 с.
  11. Мочалова В.А. Гражданско-правовые вопросы обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество: Науч.-практ. пособие. – М.: Юстицинформ, 2013. – 224 с.
  12. Новоселова А.А., Подшивалов Т.П. Вещные иски: проблемы теории и практики: монография. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 279 с.
  13. Осипов Ю.К. Подведомственность и подсудность гражданских дел. – М.: Госюриздат, 1962. – 112 с.
  14. Самсонова М.В. Проблемы совершенствования института подсудности гражданских дел // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 2. – С. 80-89.
  15. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. – М.: Статут, 2017. – 560 с.

Рецензент: Гузий Д.А., к.ю.н., старший преподаватель кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

---

**БАРИНОВ ЕВГЕНИЙ ХРИСТОФОРОВИЧ**

доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры судебной медицины и медицинского права ФГБОУ ВО «РУМ» Минздрава России, г. Москва, ул. Федеративный проспект, д. 17, корп. 6, профессор кафедры судебной медицины РУДН Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, [ev.barinov@mail.ru](mailto:ev.barinov@mail.ru)

**БАРИНОВ АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ**

старший лаборант кафедры судебной медицины и медицинского права, травматологии и ортопедии ФГБОУ ВО «РУМ» Минздрава России адрес: Россия, 111396 г. Москва, ул. Федеративный проспект, д. 17, корп. 6, [andrey\\_ch9@mail.ru](mailto:andrey_ch9@mail.ru)

**КАЛИНИН РУСЛАН ЭДУАРДОВИЧ**

кандидат медицинских наук, ассистент кафедры судебной медицины РУДН, Россия 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, [kalinin-re@rudn.ru](mailto:kalinin-re@rudn.ru)

**ФОКИНА ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА**

кандидат медицинских наук, доцент кафедры судебной медицины и медицинского права ФГБОУ ВО «РУМ» Минздрава России; адрес: Россия, 111396 г. Москва, ул. Федеративный проспект, д. 17, корп. 6, [F990ks@yandex.ru](mailto:F990ks@yandex.ru)

**ЧЕРКАЛИНА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА**

кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры судебной медицины и медицинского права ФГБОУ ВО «РУМ» Минздрава России; адрес: Россия, 111396 г. Москва, ул. Федеративный проспект, д. 17, корп. 6

**ФОКИН АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ**

лаборант кафедры судебной медицины и медицинского права, ФГБОУ ВО «РУМ» Минздрава России адрес: Россия, 111396 г. Москва, ул. Федеративный проспект, д. 17, корп. 6, [kayst1ne101@gmail.com](mailto:kayst1ne101@gmail.com)

**УСТАНОВЛЕНИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ  
МЕЖДУ МЕДИЦИНСКИМИ МАНИПУЛЯЦИЯМИ  
И ОСЛОЖНЕНИЯМИ ПРИ ЛЕЧЕНИИ АРТРОЗА**

**BARINOV EVGENY KHRISTOFOROVICH**

MD, Professor, Professor of the Department of Forensic Medicine and Medical Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "RUM" of the Russian Ministry of Health, Moscow, Federativny Prospekt St., 17, Bldg. 6, Professor of the Department of Forensic Medicine, Peoples' Friendship University of Russia, 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 6 [ev.barinov@mail.ru](mailto:ev.barinov@mail.ru)

**BARINOV ANDREY EVGENIEVICH**

St. laboratory assistant of the department of forensic medicine and medical law, traumatology and orthopedics of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «RUM» of the Ministry of Health of the Russian Federation address: Russia, 111396 Moscow, ul. Federativny prospect, 17, bldg. 6, [andrey\\_ch9@mail.ru](mailto:andrey_ch9@mail.ru)

---

### **KALININ RUSLAN EDUARDOVICH**

PhD in Medicine, assistant lecturer of the Department of forensic medicine of the Medical Institute, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN), 117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya street, 6, kalinin-re@rudn.ru

### **FOKINA EKATERINA VALERYEVNA**

candidate of medical sciences, associate professor of the department of forensic medicine and medical law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «RUM» of the Ministry of Health of the Russian Federation; address: Russia, 111396 Moscow, ul. Federativny prospect, 17, bldg. 6, F990ks@yandex.ru

### **CHERKALINA ELENA NIKOLAEVNA**

candidate of medical sciences, senior lecturer of the department of forensic medicine and medical law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «RUM» of the Ministry of Health of the Russian Federation; address: Russia, 111396 Moscow, ul. Federativny Prospekt, 17, Bldg. 6

### **FOKIN ALEXEY SERGEYEVICH**

Laboratory Assistant, Department of Forensic Medicine and Medical Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «RUM» of the Ministry of Health of the Russian Federation Address: Russia, 111396 Moscow, Federativny Prospekt, 17, Bldg. 6, kayst1ne101@gmail.com

## **ESTABLISHING A CAUSE-AND-EFFECT RELATIONSHIP BETWEEN MEDICAL MANIPULATIONS AND COMPLICATIONS IN THE TREATMENT OF ARTHROSIS**

**Аннотация.** Судебно-медицинская травматология исторически сложилась как одна из важнейших областей судебной медицины. Однако в последнее время бурный рост числа экспертиз, связанных с результатами оказания медицинской помощи, привел к тому, что клиническая травматология прочно заняла не менее заметное место в повседневной экспертной практике, чем оценка телесных повреждений, а вопросы патогенеза и танатогенеза при травмах стали рассматриваться с точки зрения правильности диагностики и лечения, а не только в аспекте воздействия травмирующей силы (1,2,3,4,5).

**Ключевые слова:** дефекты оказания медицинской помощи, ятрогенные осложнения, гиалуроновая кислота, судебно-медицинская экспертиза.

**Abstract.** Forensic traumatology has historically developed as one of the most important areas of forensic medicine. However, recently, the rapid growth in the number of examinations related to the results of medical care has led to the fact that clinical traumatology has firmly taken no less a prominent place in everyday expert practice than the assessment of bodily injuries, and the issues of pathogenesis and thanatogenesis in injuries began to be considered from the point of view of the correctness of diagnosis and treatment, and not only in the aspect of the impact of traumatic force (1,2,3,4,5).

**Keywords:** defects in medical care, iatrogenic complications, hyaluronic acid, forensic examination.

**Цель исследования.** Совершенствование методики проведения комиссионной судебно-медицинской экспертизы дефектов оказания медицинской помощи, а также оптимизация клинической тактики в сфере травматологии и ортопедии.

**Материалы и методы.** Изучены материалы гражданского дела, связанного с патологией суставов, включая медицинскую документацию и заключения комиссионных судебно-медицинских экспертиз. Проведены экспертно-правовой анализ и клинический разбор с позиций профилактики юридических

рисков в работе практикующего врача.

**Результаты.** Причиной обращения в суд стали осложнения в виде гнойного артрита и флегмоны кистей рук после внутрисуставных инъекций гиалуроновой кислоты в межфаланговые суставы. Препараты на основе солей гиалуроновой кислоты в настоящее время широко применяются в амбулаторном лечении артрозов, в том числе и мелких суставов. В большинстве случаев такие инъекции хорошо переносятся пациентами, однако встречаются и осложнения, в том числе воспалительного характера.

По данному делу суд назначил комиссионную судебно-медицинскую экспертизу, которая сделала ряд выводов:

- после внутрисуставного введения препарата диагностировано наличие экссудативно-некротического разлитого воспаления II пальцев кистей рук, при этом отмечена симметричность патологического процесса и отсутствие выделенной микрофлоры по результатам бактериологических исследований раневого отделяемого;

- применение препарата для лечения артроза суставов кистей проводилось по показаниям вне обострения воспалительного процесса;

- достоверно высказаться о правильности техники выполнения внутрисуставного введения препарата по имеющимся данным не представляется возможным в виду отсутствия в предоставленных на экспертизу материалах детальной описания процедуры и объема введенного препарата;

- введение препарата проведено с соблюдением асептики, на что указывает отсутствие выделенной микрофлоры по результатам бактериологических исследований раневого отделяемого;

- развитие асептического экссудативно-некротического воспаления в тканях вторых пальцев обеих кистей после введения препарата было обусловлено либо индивидуальной реакцией организма на компоненты препарата, либо побочным действием этого препарата на организм.

Результаты экспертизы по понятным причинам устроили истца, в связи с чем было заявлено ходатайство о назначении повторной экспертизы, которое суд удовлетворил. При этом в данном случае понять мотивы такого решения не представляется возможным. Выводы экспертов были обоснованы, не содержали противоречий, в судебном заседании один из членов экспертной комиссии эти выводы подтвердил. В определении суда о назначении повторной экспертизы не было дано никакой оценки первой экспертизы, причины назначения повторной экспертизы не затронуты. Фактически суд назначил повторную экспертизу из-за того, что так захотел истец. К сожалению, такая тенденция на сегодняшний день является отличительной чертой «врачебных дел» не только в гражданском, но и в уголовном процессе и связана с высоким уровнем недоверия следователей и судей к заключениям судебно-медицинской экспертизы в тех случаях, когда эксперты не находят дефектов оказания медицинской помощи и/или прямой причинной связи недостатков в ее оказании с неблагоприятным исходом. Заметно стремление правоохранительной и судебной систем удовлетворить все требования истцов и потерпевших любой ценой, подчас игнорируя фактические обстоятельства дела и процессуальные нормы. Такой уклон в рассмотрении судебных дел о ятрогенных осложнениях медицинских вмешательств создает дополнительные риски как для лечащих врачей и медицинских организаций, так и для экспертов, оказавшихся в положении субъектов, работа которых постоянно перепроверя-

ется по несколько раз лишь на том основании, что их выводы не выгодны одной из сторон процесса, а юридические процедуры по-прежнему не могут создать альтернативных механизмов рассмотрения правовых споров в сфере здравоохранения, возлагая всю ответственность за итоговые решения на судебно-медицинскую экспертизу.

Примечательно также то, как был поставлен единственный вопрос на обе экспертизы: «Существует ли причинно-следственная связь между образовавшимися у истца флегмонами на кистях правой и левой рук и инъекциями препарата, содержащего гиалуроновую кислоту, а также его (препарата) объемом?» Суд интересовало только наличие причинной связи без уточнения ее характера, при этом вопрос о дефектах оказания медицинской помощи перед экспертами не ставился. Однако установленной причинной связи недостаточно, чтобы принять решение об удовлетворении иска, ведь причинная связь имеет юридическое значение как один из признаков объективной стороны деликта только при наличии другого признака – противоправного деяния, т.е. применительно к «врачебным делам» – дефекта оказания медицинской помощи, выразившегося в нарушении порядка ее оказания, стандартов, клинических рекомендаций или критериев качества. Презумпция вины причинителя вреда в гражданском процессе (ч. 2 ст. 1064 ГК РФ) не означает, что всякое осложнение медицинского вмешательства должно априори считаться виновным нарушением правил оказания медицинской помощи, так как вина – это субъективная сторона деликта, а деяние – объективная, т.е. нарушение обязательных требований к оказанию медицинской помощи может быть как виновным, так и невиновным. При этом в компетенции экспертов находится установление факта нарушений нормативных документов, регулирующих оказание медицинской помощи, а вина устанавливается судом.

Повторная комиссионная судебно-медицинская экспертиза подтвердила, что причинно-следственная связь между образовавшимися флегмонами на кистях правой и левой рук и инъекциями препарата гиалуроновой кислоты, а также его объемом, отсутствует. Ошибки в технике введения препарата путем внутрисуставной инъекции могут заключаться в повреждении тканей, но не в гибели тканей с развитием гнойного воспаления. В инструкции к препарату имеется предупреждение о том, что «в редких случаях могут возникнуть воспалительная реакция, септический артрит или артралгия, которые могут быть связаны или не связаны с применением». Таким образом, осложнение в виде флегмоны обеих кистей – редкий и потому непредсказуемый побочный эффект препарата, не связанный с действиями врача.

Важно отметить, что у пациентки имелась тяжелая форма псориаза с поражением суставов, в основе которого лежат аллергические механизмы аутоиммунного типа. Вероятно, одной из причин развития воспаления явилась болезненно измененная реактивность иммунной системы, породившая патологичес-

кую реакцию на препарат.

**Обсуждение.** Данный пример иллюстрирует правильный подход экспертных комиссий к оценке осложнений медицинского вмешательства. Эксперты не пошли на поводу у суда и не стали подходить формально к ответу на не вполне корректный вопрос. «После» не значит «вследствие». Временной фактор – это лишь один из критериев причинной связи. Причина всегда предшествует следствию, но не всё, что ему предшествует, является причиной. Очевидно, что для установления хронологии событий специальные знания в области медицины не требуются, и судебно-медицинская экспертиза с этой целью назначаться не может. Следовательно, назначая экспертизу, суд тем самым подтверждает необходимость именно медицинской оценки причинных связей, учитывающей обоснованный риск, с которым сопряжено конкретное медицинское вмешательство, и возможность развития осложнений даже при безупречном его выполнении. С другой стороны, эксперты должны помнить о том, что вопрос о причинной связи решается ими не для самих себя, а в целях принятия процессуального решения по делу, т.е. причинно-следственная связь должна рассматриваться не как абстрактное философское понятие, а как юридическая категория, имеющая правовое значение. Не нужно делать выводы о наличии прямой причинной связи между медицинским вмешательством и его осложнениями, если дефекты оказания медицинской помощи не установлены. Такой вывод не имеет юридического значения, может ввести правоприменителя в заблуждение и привести к незаконному привлечению медицинских работников или организаций к ответственности за невиновное причинение вреда.

В составе материалов дела имелась переписка пациентки с врачом, из которой следовало, что больная перед лечением не знала ни название препарата, ни возможных побочных эффектов. Данный факт нельзя обойти вниманием. Информирование пациентов о сути запланированного лечения и рисках, с которыми оно связано, является не менее ответственным этапом оказания медицинской помощи, чем методически и технически правильное выполнение манипуляций. Особенно важно предоставить пациенту полную информацию при оказании платных медицинских услуг, так как при рассмотрении гражданских исков суд в этих случаях применяет законодательство о защите прав потребителей, что может повлечь решение о возврате денежных средств в размере стоимости услуг и наложение штрафа на организацию-исполнителя, а также присуждение компенсации морального вреда, причем доказывать прямую

причинную связь истцу для этого не потребуется, достаточно будет выводов судебно-медицинской экспертизы о наличии недостатков оказания медицинской помощи. При наличии же причинной связи возмещению подлежит еще и вред здоровью, а размер компенсации морального вреда может вырасти в десятки раз.

**Заключение.** Медицинская практика в области травматологии и ортопедии сопряжена с риском юридической ответственности. В последнее время спикеры врачебного сообщества акцентируют внимание на рисках сложных, высокотехнологичных хирургических операций и агрессивных инвазивных вмешательств, однако приведенные выше примеры из экспертной практики показывают, что причиной судебных разбирательств может стать несоблюдение элементарных требований к первой помощи пострадавшему с травмой или недостаточная коммуникация с пациентом перед проведением несложной амбулаторной процедуры. Ключ к профилактике таких ситуаций – надлежащее исполнение организаторской функции лечащего врача, возложенной на него федеральным законом, в том числе в части определения способа транспортировки и сопровождения больного, а также соблюдения принципа действительно информированного согласия на медицинское вмешательство как обязательного предварительного условия всякого лечения.

Комиссионная судебно-медицинская экспертиза с участием высококвалифицированных врачей по профилю оказанной медицинской помощи по-прежнему остается основным средством урегулирования правовых споров и конфликтов в здравоохранении. В этой связи представляется целесообразным включение в учебные программы подготовки в ординатуре вопросов организации и производства судебно-медицинской экспертизы по делам, связанным с неблагоприятными исходами медицинской помощи, в том числе в сфере травматологии и ортопедии.

Заключение судебно-медицинской экспертизы по делам, связанным с исками пациентов к медицинским организациям, является важнейшим средством доказывания и, как следствие, главным объектом оспаривания в судебном процессе, в связи с чем от экспертов требуется особо тщательный подход к обоснованию выводов как с нормативно-правовой, так и с научной точки зрения. Однако сложившаяся судебная практика оставляет назначение повторной экспертизы на полное усмотрение суда, в связи с чем сам факт ее назначения не должен рассматриваться как свидетельство некачественной экспертной работы.

#### Библиографический список

1. Баринев Е.Х., Ромодановский П.О., Черкалина Е.Н., Михеева Н.А., Татаринцев А.В. Медико-правовая осведомленность медицинских работников (монография). – М.: НП ИЦ «ЮрИнфоЗдрав». – 2011. – 120 с.
2. Баринев Е.Х. Судебно-медицинская экспертиза в гражданском судопроизводстве по медицинским делам (монография). – М.: НП ИЦ «ЮрИнфоЗдрав». – 2013. – 164 с.
3. Баринев Е.Х. Потребности Гражданского судопроизводства в судебной медицине (монография). LAP LAMBERT Academic Publishing RU. – 2017. – 192 с.

---

4. Баринов Е.Х., Каченкова Е.С. Ошибка проведения процедуры коронарографии, повлекшая смерть пациента // Медицинское право: теория и практика – 2019. – № 10 (5). – С. 55-57.

5. Калинин Р.Э., Баринов Е.Х. Выход эксперта за пределы компетенции и его правовые последствия в гражданском процессе // Вестник судебной медицины. – 2019. – №3. – С. 50-54.

Рецензент: Дадабаев В.К., заведующий кафедрой судебной медицины с курсом правоведения ФГБОУ ВО «Тверской государственной медицинской университет» МЗ РФ, доктор медицинских наук, доцент.

---

## БЕРДЕГУЛОВА ЛЮБОВЬ АЛЕКСЕЕВНА

кандидат юридических наук, доцент Оренбургского института (филиала)  
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), berdegulova-lyub@mail.ru

### РОЛЬ НОТАРИУСА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

**BERDEGULOVA LIUBOV ALEKSEEVNA**

PHD in Law, Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin University (MSLA),  
berdegulova-lyub@mail.ru

### THE NOTARY'S ROLE IN PROVIDING EVIDENCE ON THE INTERNET

**Аннотация.** Статья посвящена исследованию места нотариата и роли нотариуса в сфере обеспечения доказательств в сети Интернет. В статье подчеркивается, что роль нотариуса при обеспечении доказательств в сети Интернет возрастает в условиях расширения использования интернет-технологий и внедрения их во все сферы общественной жизни. Обеспечение нотариусами доказательств в Интернете позволяет придать осязаемую форму средствам доказывания для целей установления обстоятельств дела в досудебном и судебном порядке защиты прав. Нотариусы могут зафиксировать информацию, представленную в сети Интернет не только в отношении свершившегося правонарушения, но и иметь упреждающую направленность на потенциальную процедуру доказывания. Общим недостатком российского процессуального законодательства является отсутствие в отраслевых кодифицированных актах норм об обеспечении доказательств нотариусом.

**Ключевые слова:** доказательства, нотариальная деятельность, нотариальная охрана, нотариальное действие, обеспечение доказательств, сеть Интернет, средства доказывания.

**Annotation.** The article is devoted to the study of the place of the notary and the role of the notary in the field of providing evidence on the Internet. The article emphasizes that the role of a notary in providing evidence on the Internet is increasing with the increasing use of Internet technologies and their introduction into all spheres of public life. The provision of evidence by notaries on the Internet makes it possible to give a tangible form to the means of proof for the purpose of establishing the circumstances of the case in pre-trial and judicial protection of rights. Notaries can record information provided on the Internet not only in relation to the committed offense, but also have a proactive focus on a potential evidentiary procedure. A common disadvantage of Russian procedural legislation is the absence of standards in industry-specific codified acts on the provision of evidence by a notary.

**Keywords:** evidence, notarial activity, notarial protection, notarial action, provision of evidence, Internet, means of proof.

С расширением использования интернет-технологий и внедрения их во все сферы общественной жизни обостряется вопрос об оптимальном механизме защиты гражданских прав.

В современных реалиях применение информационных технологий стало неотъемлемой частью жизни большинства граждан. В соответствии с аналитическими данными, представленными во Всемирном отчете об использовании цифровых технологий в 2025 году (англ. Digital 2025 Global Overview) в 2024 году установлено, что порядка 5,56 миллиарда человек, что составляет 67,9% населения во всем мире, являются интернет-пользователями<sup>1</sup>. В Российской Федерации удельный вес интернет-пользователей является еще более высоким и достигает до 90,4% общей доли всего населения, проживающего на территории нашего государства, составляя 130,4 миллиона человек. Такой высокий показатель обусловлен усилиями государства и его единой политикой в на-

правлении цифровизации общественных отношений<sup>2</sup>. В настоящее время популярными являются используемые интернет-порталы государственных услуг, медиаплатформы, социальные сети и самые разнообразные мобильные приложения. При таком повсеместном использовании интернет-технологий число нарушений прав граждан, должностных лиц, закономерно растет, что требует от государства мер, адекватных соответствующему действию.

На протяжении значительного периода времени нарушениям прав человека в интернет-пространстве противопоставить было нечего и такие противозаконные действия оставались без наказания. Однако, с развитием научно-технического прогресса для противодействия обширному спектру противоправных деяний был сконструирован достаточно эффективный превентивный механизм. Как правило, речь идет о блокировке сайтов, нарушающих российское законодательство, которые производятся при активном

---

<sup>1</sup> Digital 2025 Global Overview: Всемирный отчет об использовании цифровых технологий в 2025 году. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report> (дата обращения: 27.02.2025).

<sup>2</sup> Там же.

содействии Роскомнадзора.

При нарушении прав каких-либо субъектов востребован судебный порядок их защиты. Вместе с тем в отличие от иных случаев нарушений субъективных прав, которые осуществлены офлайн, особой сложностью характеризуется процесс доказывания факта такого нарушения.

За 2024 год нотариусом совершено 47258 нотариальных действий по обеспечению доказательств, из них подавляющее большинство доказательственных действий, а именно 30625 затронули необходимость фиксации доказательств в сети Интернет<sup>3</sup>.

Приведенные статистические данные подчеркивают важность обращения к нотариусам как к органу бесспорной юрисдикции с целью фиксации информации о фактах и обстоятельствах.

Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 в статьях 35, 102, 103 содержат нормативные предписания, закрепляющие правовую основу совершения исследуемого нотариального действия. Общим недостатком российского процессуального законодательства является отсутствие в отраслевых кодифицированных актах норм об обеспечении доказательств нотариусом.

Комплексный анализ нотариального и процессуального законодательства ведет нас к умозаключению об общей превентивной составляющей, которая представляет собой цель обеспечения доказательств в Интернете, и вместе с тем функцию института нотариата.

Большинство авторов подчеркивает роль внесудебного обеспечения доказательств в части облечения этой задачи для участников гражданского и арбитражного судопроизводства<sup>4</sup>.

По мнению Т.В. Коноплянниковой, И.З. Шагивалеевой, важность нотариального обеспечения доказательств во всемирной телекоммуникационной сети аргументируется, по крайней мере тем, что судебное обеспечение доказательств затрачивает значительно более длительный период, что в свою очередь грозит риском утраты необходимого средства доказывания<sup>5</sup>.

Связь обеспечения доказательств нотариусами в Интернете с электронными доказательствами обнаруживает Н.А. Каплунова, исследующая их в части разрешения брачно-семейных споров<sup>6</sup>.

Является ли акт нотариуса об обеспечении доказательства в Интернете разновидностью электронно-

го доказательства? Электронное доказательство представляет собой сведения, существующие в электронной форме и содержащие в себе эвентуальную информацию, которая способствует установлению истины в спорной ситуации. По большому счету, протокол нотариуса об обеспечении доказательства представляет собой акт, который фиксирует электронное доказательство, но сам по себе электронным доказательством не является. Нотариус не создает средство доказывания ввиду того, что выступает в качестве лица, осуществившего исследование и осмотр соответствующих электронных сведений, представленных на сайте, мессенджере, электронной почте и т.д.

М.Н. Москаленко в контексте исследования аргументирует целесообразность использования термина «интернет-доказательство»<sup>7</sup>. Однако, представляется оперирование такой терминологической единицей не вполне корректно в семантическом аспекте. Хотя мысль автора понятна и логична, вместе с тем речь идет не просто о разновидности доказательства, а правильнее рассматривать особую форму закрепления соответствующего доказательственного средства.

В.А. Григоревский в институте обеспечения доказательств вычленяет важные критерии невозможности или затруднительности сохранения средств доказывания в качестве основного побудительного фактора, оправдывающего его существование<sup>8</sup>. Данные критерии действительно выступают в качестве основной определяющей характеристики, которая формирует цель введения данного правового института, а именно сохранение и фиксация соответствующего доказательства. Более того, в правовой норме статьи 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате законодатель в качестве условия обращения к нотариусу указал на риски утраты возможности представления доказательств в суд или в иные органы, уполномоченные принимать соответствующие жалобы или претензии.

Обеспечение нотариусами доказательств в Интернете позволяют девиртуализировать и придать осязаемую форму средствам доказывания для целей установления обстоятельств дела в досудебном и судебном порядке защиты прав. Фактически, такие доказательства нотариусами запечатлеваются и консервируются в том виде, в каком изначально были представлены.

<sup>3</sup> Сводный отчет по Министерству юстиции России «Сведения о нотариате в Российской Федерации за 2024 год» // Официальный интернет-портал Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-gossijskoj-federacii-za-2024-god/> (дата обращения: 25.02.2025).

<sup>4</sup> Бегичев А.В. Правозащитная деятельность нотариата в сфере соблюдения прав и законных интересов участников гражданского оборота при обеспечении доказательств: автореф. дис. ... докт. юрид. н. Москва, 2017. С. 3; Каплунова Н.А. Нотариальные документы в электронном формате как средства доказывания в области брачно-семейных отношений // Legal Concept. 2024. № 2. С.56; Максименкова Ю.А. Нотариальное обеспечение доказательств в сети Интернет // Аграрное и земельное право. 2023. № 8 (224). С.81.

<sup>5</sup> Коноплянникова Т.В., Шагивалеева И.З. Нотариальное обеспечение доказательств в сети интернет // Восточно-европейский научный журнал. 2021. № 5-2 (69). С. 25.

<sup>6</sup> Каплунова Н.А. Нотариальные документы в электронном формате как средства доказывания в области брачно-семейных отношений // Legal Concept. 2024. № 2. С. 56.

<sup>7</sup> Москаленко И.В. Превентивный правоохранный механизм реализации гражданского (частного) права: цивилистический анализ нотариальной деятельности: автореферат дис. ... докт. юрид. н. Санкт-Петербург, 2006. С. 4.

<sup>8</sup> Григоревский В.А. Обеспечение доказательств в системе институтов гражданского и арбитражного процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. н. Москва, 2023. С. 3.

Следует обратить на то, что нотариусы фиксируют информацию, представленную в информационно-телекоммуникационной сети не только в отношении свершившегося правонарушения. Их действия могут иметь упреждающую направленность на потенциальную процедуру доказывания в случае, если как такового нарушения еще не произошло. Например, нотариус может произвести осмотр переписки в мессенджере, из которой следует признание контрагентом долга или иной обязанности перед заявителем. К моменту обращения в нотариальную контору нарушения обязанности, вытекающей из договорного обязательства, еще не случилось. Однако, зафиксированное нотариусом сообщение может быть в дальнейшем представлено в суд при разрешении возникшего спора между сторонами.

В целях разъяснения процедуры совершения анализируемого нотариального действия решением Правления Федеральной Нотариальной Палаты были утверждены Методические рекомендации, в которых приведен перечень форм, в которых законодательство допускает обеспечительную меру, направленную на сохранение доказательств<sup>9</sup>. Нотариусы вправе обеспечить: во-первых, допрос свидетеля, во-вторых, осмотр письменных доказательств, в-третьих, осмотр вещественных доказательств, в-четвертых, произвести назначение экспертизы. Однако, следует обратить внимание, что анализ обеспечения доказательств в Интернете позволил обнаружить определенную специфику, связанную с дистанционным характером онлайн-коммуникации и технологических процессов установления соединения. Обеспечение доказательств в информационно-телекоммуникационной сети предполагает действия нотариуса, которые сводятся лишь к визуальному осмотру интернет-страницы, содержащей юридически значимую информацию для судебного или административного разбирательства. Соответственно, для данной вариации доказательственно-обеспечительного нотариального действия, как правило, невозможно непосредственное исследование вещественных доказательств, а назначение экспертизы может быть и вовсе не актуальным.

С учетом характера обеспечения доказательств в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в ходе внедрения в российский правопорядок удаленных нотариальных действий было признано обоснованным отнесение к их числу и данного действия, которое не требует личного присутствия в нотариальной конторе при его совершении. В случае удаленного формата совершения обеспечительного действия составляет протокол не в бумажном, а в электронном виде и направляется заявителю через личный кабинет, что соответствует положениям статьи 44.3 Основ законодательства Российской Феде-

рации о нотариате. Преимуществом удаленного формата обеспечения доказательств в Интернете является возможность обращения к нотариусам не только на территории родного региона, но и выбрать любой другой субъект Российской Федерации. Практика показывает, что на территории центральных и густонаселенных регионов (например, Московской области, города Москвы, Санкт-Петербурга и др.) удаленные нотариальные действия нотариусы совершают с большим энтузиазмом и активностью, тогда как в малонаселенных регионах и регионах с заметной этнической составляющей нотариусы доверяют к традиционным способам коммуникации и количество удаленных нотариальных действий значительно меньше по сравнению с первой группой.

Также, учитывая разность часовых поясов в России, заявители могут оперативно обратиться к нотариусам, работающим в регионах, где рабочий день еще не завершен, и быстро зафиксировать соответствующее доказательство, относительно которого имеются серьезные опасения о его сохранности в течение нескольких часов.

Как разъясняется в Методических рекомендациях, представленных Федеральной Нотариальной Палатой, осмотр сайтов и переписки в мессенджерах в рамках обеспечения доказательств во Всемирной сети отнесено к случаям, не терпящим отлагательства, тогда как в отношении обычных доказательств допускается некоторое промедление и подготовка, необходимая для извещения всех заинтересованных лиц (п. 2.12 Методических рекомендаций по обеспечению доказательств нотариусами).

Данный подход подтверждается и материалами судебной практики, в частности последовательно зафиксирован в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов», где указывается на то, что нотариус не обязан извещать владельца сайта о времени и месте совершения данного обеспечительного действия<sup>10</sup>.

Спорным остается вопрос осмотра переписки в электронном почтовом ящике, которая, как указывается, сама по себе не может быть легко устранима и может быть извлечена в дальнейшем. Однако, в этом случае, цель нотариального обеспечения доказательств нивелируется, поскольку сохраняется возможность представления доказательств непосредственно суда. Вместе с тем современный уровень цифровых и информационных технологий позволяет завладеть доступом к электронному почтовому ящику и удалить в нём его содержимое без возможности восстановления.

<sup>9</sup> Методические рекомендации по обеспечению доказательств нотариусами (утв. решением Правления ФНП, протокол от 26 июня 2023 г. № 10/23) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.02.2025).

<sup>10</sup> Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.vsrfl.ru/files/> (дата обращения: 26.02.2025).

Кроме того, малейшее промедление также негативно сказывается на сохранимости средств доказывания. В крайнем случае, возможно привлечение специалистов в интернет-технологии высочайшего уровня, компетенции которых позволили бы восстановить необходимую информацию. С сожалением следует констатировать, что крайне сложно найти такого специалиста, да и его услуги являются достаточно дорогостоящими.

В соответствии с пунктом 120 Приказа Министерства юстиции РФ от 30 августа 2017 г. № 156 «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования»<sup>11</sup> нотариус обязан на стадии установления необходимого юридического состава, предвещающей этап непосредственного совершения нотариального действия по обеспечению доказательств в Интернете, опросить заявителя по вопросу целесообразности и необходимости нотариального закрепления доказательства с изложением причин и оснований.

Исследование нотариальной практики показало, что нотариусы часто ограничиваются сухой констатацией факта невозможности или крайней затруднительности сохранения средства доказывания до исследования его судом или иным органом государственной власти. Вместе с тем, полагаем оправданным вменение нотариусам обязанности раскрывать, что подразумевается под затруднительностью. В отношении доказательств в сети Интернет, в формулировке следует зафиксировать риск утраты доказательства в связи с сохраняющейся возможностью удаления содержания интернет-страницы, аккаунта со стороны, разместившей информацию, нарушающую права и законные интересы заявителя или иного пострадавшего лица.

Протокол о фиксации доказательства в Интернете является электронным документом, подтверждающим непосредственное исследование доказательств юридически значимых обстоятельств и фактов путем осмотра нотариусом интернет-страницы, электронной почты, социальной сети, мессенджеров и иных виртуально-цифрового источника информации.

Важным аспектом, определяющим роль нотариуса при доказывании юридически значимых обстоятельств, является возложение персональной ответ-

ственности на нотариальный орган при распределении имущественных рисков между самим нотариусом, нотариальной палатой субъекта Федерации, в котором он осуществляет свою деятельность, и Федеральной нотариальной палатой. Подобная ответственность является гарантией соблюдения нотариусами законодательства и его непосредственной заинтересованности в следовании букве закона, поскольку в противном случае он может быть привлечен к ответственности за фальсификацию средств доказывания.

При рассмотрении дела суды исходят из презумпции достоверности доказательства, обеспеченного нотариусом. Оспаривать такие акты довольно проблематично. При этом нотариус может стать невольным пособником конструирования недостоверного доказательства. При умысле лица, обращающегося к нотариусу, может быть сфабрикована и фальсифицирована переписка по электронной почте или в мессенджере, которая якобы исходит от контрагента. В настоящее время не представляет сложности создать поддельный аккаунт и страницу в социальных сетях, на которых будет вестись противозаконная деятельность. В этом случае установить поддельный характер сайта-двойника нотариусу крайне проблематично по причине отсутствия специальных технических познаний. В связи с этим, нотариус не должен нести ответственность за содержания доказательства, которое он обеспечил, при невозможности установления фальсификата интернет-источника. Вместе с тем у ответчика в ходе судебного разбирательства имеется непосредственная возможность опровергнуть соответствующее доказательство, инициируя проведение необходимой экспертизы.

Подводя итог вышеизложенному, следует аргументировать актуальность применения цифровых возможностей при нотариальном обеспечении доказательств в сети Интернет, поскольку совершение указанного нотариального действия при расширении цифровизации судопроизводственной процедуры и применении онлайн-форматов при разрешении гражданско-правовых споров способно благотворно воздействовать на результативность как претензионного (досудебного) порядка урегулирования правового конфликта, так и оптимизировать судебную защиту нарушенных прав, повысить её эффективность при сокращении темпоральных и финансовых затрат.

#### Библиографический список

1. Бегичев А.В. Правозащитная деятельность нотариата в сфере соблюдения прав и законных интересов участников гражданского оборота при обеспечении доказательств: автореф. дис. ... докт. юрид. н. – Москва, 2017. – 35 с.
2. Григоревский В.А. Обеспечение доказательств в системе институтов гражданского и арбитражного процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. н. – Москва, 2023. – 24 с.
3. Каплунова Н.А. Нотариальные документы в электронном формате как средства доказывания в области брачно-семейных отношений // Legal Concept. – 2024. – № 2. – С. 55-62.

<sup>11</sup> Приказ Министерства юстиции РФ от 30 августа 2017 г. № 156 «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 24.02.2025).

---

4. Коноплянникова Т.В., Шагивалеева И.З. Нотариальное обеспечение доказательств в сети интернет // Восточно-европейский научный журнал. – 2021. – № 5-2 (69). – С. 24-27.

5. Максименкова Ю.А. Нотариальное обеспечение доказательств в сети Интернет // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8 (224). – С.80-83.

6. Москаленко И.В. Превентивный правоохранный механизм реализации гражданского (частного) права: цивилистический анализ нотариальной деятельности: автореферат дис. ... докт. юрид. н. – Санкт-Петербург, 2006. – 38 с.

Рецензент: Янева Р.Р., доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

---

## **БУЯНОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА**

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, тел. 8 (3532) 72-22-77, e-mail: oEVBuyanova@msal.ru, ekbuyanova@yandex.ru

### **ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ УЧЕТА МНЕНИЯ РЕБЕНКА ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С ВОСПИТАНИЕМ ДЕТЕЙ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ УГРОЗА?**

#### **BUYANOVA EKATERINA VLADIMIROVNA**

Candidate of Law, Associate Professor of civil Law and Process Orenburg Institute (branch) of Moscow State University of Law named after O.E. Kutafin (MSLA), Orenburg, Str. Komsomolskaya, 50, тел. 8 (3532) 72-22-77, e-mail: oEVBuyanova@msal.ru, ekbuyanova@yandex.ru

### **THE OBLIGATION TO TAKE INTO ACCOUNT THE CHILD'S OPINION WHEN CONSIDERING DISPUTES BY THE COURTS, RELATED TO PARENTING: NECESSITY OR THREAT?**

**Аннотация:** В статье анализируются вопросы обязательности учета мнения ребенка при рассмотрении судами споров, связанных с воспитанием детей в контексте внесенного 22 января 2024 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроекта, по смыслу которого предлагается изменить в Семейном кодексе Российской Федерации подход к определению наивысших и важнейших «интересов ребенка» и разграничить понятия «интересы ребенка» и «мнение родителей». Автором последовательно анализируются основные угрозы основам национальной безопасности и приоритетным направлениям государственной политики по сохранению традиционных семейных ценностей, которые усматривают авторы законопроекта в действующей норме ст. 57 Семейного кодекса Российской Федерации. Производится исследование нормативной, эмпирической и теоретической основ вопроса, процессуальный статус несовершеннолетних в делах, связанных с воспитанием детей и процессуально-правовая квалификация высказываемого ими мнения по вопросам, затрагивающим их интересы. Также осуществляется оценка предлагаемых изменений в свете концепции дружественного к ребенку правосудия. Комплексный анализ вопроса позволил автору сформулировать ряд предложений по совершенствованию действующего гражданского процессуального и семейного законодательства через призму сохранения традиционных семейных ценностей в Российской Федерации.

**Ключевые слова:** интересы детей, мнение родителей, национальная безопасность, традиционные семейные ценности, дела по спорам, связанным с воспитанием детей

**Annotation:** The article analyzes the issues of the obligation to take into account the child's opinion when considering disputes related to child rearing by the courts in the context of the draft law submitted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on January 22, 2024, which proposes to amend the approach to defining the highest and most important «interests of the child» in the Family Code of the Russian Federation and to distinguish between the concepts of «interests of the child» and «parents' opinion». The author consistently analyzes the main threats to the foundations of national security and the priority areas of state policy for the preservation of traditional family values, which the authors of the bill see in the current norm of Article 57 of the Family Code of the Russian Federation. The study examines the normative, empirical and theoretical foundations of the issue, the procedural status of minors in cases related to the upbringing of children, and the procedural and legal qualifications of their opinions on issues affecting their interests. The proposed changes are also being evaluated in the light of the concept of child-friendly justice. A comprehensive analysis of the issue allowed the author to formulate a number of proposals for improving the current civil procedure and family legislation through the prism of preserving traditional family values in the Russian Federation.

**Keywords:** the interests of children, the opinion of parents, national security, traditional family values, cases of disputes related to the upbringing of children

На сегодняшний день сохранение традиционных семейных ценностей в Российской Федерации является одним из ключевых направлений российской политики. Подтверждением тому служит издание

Президентом Российской Федерации Указа от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных цен-

ностей»<sup>1</sup> (далее – Основы духовно-нравственных ценностей). В п. 5 и п. 14 Указа крепкая семья, брак и многодетность названы в числе важнейших традиционных ценностей российского государства, а сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей (в том числе защита института брака как союза мужчины и женщины) – одной из первостепенных задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей (ст. 24 Указа). Сказанное свидетельствует о том, что защита традиционных семейных ценностей является одним из инструментов защиты интересов российского государства.

Следует отметить, что защита интересов государства в сфере семейных правоотношений, возможна, среди прочего, и посредством реформирования института учета мнения ребенка при рассмотрении судами споров, связанных с воспитанием детей. Именно этот межотраслевой институт представляет интерес ввиду того, что в отношении него сравнительно недавно были предприняты попытки реформирования. Так, 22 января 2024 г. депутаты от трех парламентских фракций Дмитрий Кузнецов и Дмитрий Гусев (СРЗП), Олег Матвейчев (ЕР), Иван Мусатов и Станислав Наумов (ЛДПР) Комитета по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства внесли в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроект, которым было предложено изменить в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) подход к понятию «интересы ребенка». В целях защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, включая ценности традиционной российской семьи, формирования эффективного механизма защиты детей от деструктивных идей и внедрения нетрадиционных ценностей, защиты здоровья детей и предотвращения вовлечения их в конфликт родителей, законопроектом предлагается *исключить* положения об обязательном учете мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет.

Одновременно с этим, в соответствии с традиционными российскими семейными ценностями, ввести норму об обязательности учета мнения родителей в ходе любого судебного или административного разбирательства по вопросу, затрагивающему интересы ребенка, за исключением случаев, когда это не противоречит интересам ребенка.

В целях устранения правовой неопределенности, вызванной западной концепцией «наилучших интересов ребенка» и комплексной институционализации в семейное право традиционных российских семейных ценностей, предлагается закрепить в Семейном кодексе Российской Федерации следующие положения об интересах ребенка: «Статья 57. Право ребенка

на учет его интересов и мнения его родителей»<sup>2</sup>.

Предлагалось следующее содержание новой редакции статьи:

«Учет мнения родителей в ходе любого судебного или административного разбирательства по вопросу, затрагивающему интересы ребенка, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит интересам ребенка.

Интересы ребенка заключаются в создании ему условий, необходимых для его жизни и благополучного развития в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями.

Наивысшими интересами ребенка являются защита его жизни и здоровья и сохранение детско-родительских отношений.

К числу важнейших относятся следующие интересы ребенка:

- а) крепкая семья и сохранение брака родителей;
- б) формирование и сохранение в глазах ребенка авторитета родителя;
- в) управление, руководство родителем ребенком и контроль над ним;
- г) воспитание в родной семье, обоими родителями;
- д) не разлучаться с обоими родителями вопреки желанию родителей, в том числе при их раздельном проживании;
- е) сохранение на весь период детства индивидуальности ребенка, включающей в себя семейные связи и общение ребенка со всеми членами его семьи, в том числе с родителем и иными родственниками, проживающими отдельно;
- ж) обеспечение ребенку реальной возможности перенять жизненный опыт, мировоззрение, религиозные и иные убеждения обоих родителей и всех членов семьи старших поколений (включая дедушек и бабушек), формирование семейной, гражданской, национально-культурной идентичности, любви к своей семье и Отечеству, знания их истории, в том числе при раздельном проживании родителей;
- з) содействие ребенку со стороны каждого из родителей в сохранении семейных связей ребенка и в воспитании нравственного отношения к другому родителю и членам семьи старших поколений (включая дедушек и бабушек), почитания родителей, уважения к старшим;
- и) получение воспитания и образования, основанного на традиционных российских духовно-нравственных ценностях».

Из содержания пояснительной записки к указанному законопроекту можно выделить три группы угроз, которые представляет ст. 57 СК РФ, предусматривающая обязательность учета мнения ребенка при рассмотрении судами споров, связанных с воспита-

<sup>1</sup> Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=mbucthe7ph923630032> (дата обращения: 14.06.2025).

<sup>2</sup> В настоящее время данная статья носит название: «Право ребенка выражать свое мнение», и закрепляет следующие положения: «Ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы». Далее подчеркивается, что учет мнения достигшего возраста 10 лет ребенка обязателен, «за исключением случаев, когда это противоречит его интересам».

нием детей и, соответственно, предопределяющих, по мнению авторов законопроекта, необходимость реформирования указанных положений:

**во-первых, психологическое насилие над ребенком, причинение вреда его психическому и физическому здоровью, разрушение семейных связей ребенка.** Речь идет о психотравмирующих ситуациях, складывающихся при расторжении брака, при которых ребенок становится инструментом манипулирования одного из родителей, когда родители не могут достигнуть соглашения по вопросам о воспитании ребенка и порядке общения с ним. В ситуации повышенной взаимной агрессии родителей ребенок может лишаться возможности общения с отдельно проживающим родителем, к которому он сохраняет привязанность. Такого родителя искусственно делают «чужим», обрывая всяческое взаимодействие с ребенком, возможно, даже перевозят в другую местность для проживания, лишая, тем самым, ребенка возможности аккумулирования опыта и традиций «второй стороны», которая составляет его неразрывное генетическое целое. Подобного рода искаженная психологическая картина семейных и детско-родительских отношений может привести не только к психическим расстройствам, но и формированию в сознании ребенка деформированной картины мира, выражающейся, к примеру, в пропаганде отрицания брака и деторождения, концентрации на собственном «я», и, как следствие, агрессии, высокомерию, жестокости, депрессии. Указанные факторы разрушают истинное понимание у ребенка традиционных семейных ценностей и нивелируют гармоничное семейное развитие ребенка. По мнению авторов законопроекта, проблема заключается в том, что правоприменители, по большей части, судьи, рассматривающие «родительские» споры, не имеют возможности различить подлинные и навязанные интересы ребенка, в силу чего возведение «неопознанных» интересов ребенка в приоритет и абсолют, в конечном итоге, напротив, приводит к вынесению решений, прямо противоречащих истинным интересам ребенка;

**во-вторых, угроза атомизации семьи и общества, ухудшение демографической ситуации.** В сущности, речь идет о проецировании модели поведения родителей на собственную жизнь, когда ребенок неосознанно испытывает трудности в процессе создания собственной семьи, или, создав семью, опасается появления детей, так как боится повторения судьбы своих родителей, а, возможно, и повторяет судьбу своих родителей, отдаляясь от ребенка. Таким образом, наблюдается процесс социального разобщения, распада и сепарации семьи и общества, что неизбежно приводит к ухудшению демографической ситуации в государстве, напрямую угрожая процессам народосбережения, народонаселения, стагнации национальной идентичности, а в более глобальных масш-

табах – дестабилизирует национальную безопасность Российской Федерации;

**в-третьих, угроза традиционным семейным ценностям, и актуальная возможность внедрения в жизнь семьи и общества чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей (деструктивной идеологии).** Речь идет о том, что в современных условиях несовершеннолетний ребенок, в силу несформированности психики и устойчивых мировоззренческих позиций, подвержен воздействию деструктивной зарубежной идеологии, лженаучным идеям и концепциям, пропагандирующим отказ от института семьи, деторождения, многодетности, распространяющим трансгендерные идеи, агрессию, суицид, разжигание межнациональной и межрелигиозной розни и совершение противоправных действий. В особенности, в условиях всеобщей гаджетизации детского и подросткового населения страны. Указанные обстоятельства, по мнению авторов законопроекта, также создают реальную угрозу национальной безопасности российского государства.

Анализируя указанные в пояснительной записке к изложенному законопроекту угрозы, имеет смысл обратить внимание на некоторые противоречия и непоследовательность в изложении аргументов:

1. При рассмотрении судами дел о расторжении брака и определении места жительства ребенка, суд учитывает обстоятельства, прямо указанные в законе – финансовая возможность родителей содержать детей, социальное благополучие обоих родителей, жилищные условия – установление или неустановление которых на законодательном уровне позволяет суду оставить его с одним из родителей. При этом именно факт привязанности детей к одному из родителей может иметь решающее значение<sup>3</sup>. Например, при рассмотрении Кежемским районным судом Красноярского края дела по иску И. к Х. об определении места жительства несовершеннолетних детей ответчик (отец детей) указывал, что занимает руководящую должность, размер его дохода позволяет создать более комфортные материально-бытовые условия проживания детей, чем у матери детей, которая проживает в неблагоустроенной квартире, получает пособие по уходу за ребенком, не имея иного дохода. Удовлетворяя требования истца, Кежемский районный суд указал в решении, что преимущество в материально-бытовом положении одного из родителей не является безусловным основанием для отказа в удовлетворении требований другого родителя при наличии иных равных условий. При вынесении решения суд исходил из интересов детей, а именно, из их привязанности к матери в силу малолетнего возраста, создания матерью условий для воспитания и содержания детей, факта постоянного проживания детей с матерью с рождения, положительных характеристик истца<sup>4</sup>. Убеждены, в данном случае ника-

<sup>3</sup> Гурьянов С. Судьбоносное лишение: у детей могут отобрать право выбора при разводе родителей. В Госдуме предлагают конкретизировать понятие «интересы ребенка». URL: <https://iz.ru/1639305/> (дата обращения: 14.06.2025).

<sup>4</sup> Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70036426/> (дата обращения: 14.06.2025).

кой «правоприменительной деформации», о которой говорится в пояснительной записке, не наблюдается. Суд принял решение, основываясь на фактических обстоятельствах и с учетом интересов малолетних детей.

2. Родительское манипулирование мнением ребенка действительно происходит на практике, но суд оценивает мнение ребенка наряду с другими средствами доказывания, не наделяя его свойствами «привилегированности». Вместе с тем, если по каким-либо причинам судом принято отличное от позиции ребёнка решение, ему необходимо его обосновать, основываясь на фактических обстоятельствах дела. Такое положение закрепляется с целью недопущения ущемления интересов малолетнего ребёнка, для обеспечения ему нормальных условий жизнедеятельности и благоприятной психоэмоциональной среды<sup>5</sup>. Кроме того, при решении вопросов по семейным делам суд действительно оценивает доказательства, в том числе и «по своему личному убеждению», но в каждом судебном акте есть опора на четкие юридические механизмы<sup>6</sup>. Так, по одному из дел городской суд вынес решение об определении места жительства несовершеннолетней дочери с отцом, несмотря на то, что в судебном заседании девочка пояснила, что хотела бы жить с мамой. Такое решение было обосновано, во-первых, тем, что желание проживать с матерью вызвано отсутствием контроля за дочерью с её стороны, полной безнадзорностью ребёнка, что привело к её асоциальному поведению, кражам сотовых телефонов в школе. Во-вторых, по месту жительства матери у несовершеннолетней даже не имелось спального места и места приготовления уроков. В-третьих, суд принял во внимание подростковый возраст девочки и указал на важность получения ребёнком заботы и должного контроля со стороны родителей<sup>7</sup>.

3. Представленный в законопроекте список «интересов ребенка» представляется недостаточно полным. Впрочем, видится невыполнимой задача сформулировать на уровне законодательства исчерпывающий перечень «универсальных интересов» ребенка, применимых «на все случаи жизни». Не случайно в семейном законодательстве закреплена ситуационная норма, предполагающая принятие судом решения с учетом конкретных обстоятельств<sup>8</sup>.

4. Нельзя исключать ситуации, при которых может возникнуть противоречие между учетом одних наивысших интересов ребенка – жизни и здоровья – с другим наивысшим интересом – сохранением детско-родительских отношений. Или в случае, когда «со-

хранение на весь период детства индивидуальности ребенка» (важнейший интерес) окажется невозможным при «управлении, руководстве родителем ребенком и контроле над ним» (также выделено в качестве важнейшего интереса в предлагаемом законопроекте). Более того, разработчики законопроекта не дают ответа на вопрос о том, как предлагаемое толкование интересов ребенка будет сочетаться с отсутствием на сегодня в России эффективных механизмов профилактики и предотвращения семейно-бытового насилия» (к примеру, п. «д» законопроекта).

5. Обращая внимание на используемую терминологию, эксперты справедливо подчеркивают, что оперирование в тексте законопроекта выражением «руководство и управление детьми», хотя в интересах ребенка, не согласуется с основным интересом ребенка в семье, – заботой о нем. Более того, положение о сохранении авторитета родителей вовсе «переводит проблему в плоскость неюридической терминологии»<sup>9</sup>.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) говорит о том, что граждане, включая детей, осуществляют права в «своем интересе». Вместе с тем, следует учитывать, что права у всех одинаковые, а вот интересы разные. То, что авторы законопроекта предлагают понимать в качестве «интереса» – например, «воспитываться в семье», «общаться с родными», – это именно права, а интересы каждого конкретного ребенка должны определяться с учетом индивидуальных особенностей каждой семьи<sup>10</sup>.

7. Предлагаемый в законопроекте перечень интересов ребенка в большей степени представляет собой определенную концепцию приоритетов, с учетом которой суду будет сложно сформировать предмет доказывания по конкретному делу, предусматривающему обязательный учет мнения ребенка. Опять же, суду необходимо учитывать конкретные фактические обстоятельства по делу.

8. Не совсем понятно, почему в законопроекте в качестве обоснования берутся только дела о расторжении брака. Ведь судебная практика знает массу других дел, при рассмотрении которых требуется обязательный учет мнения ребенка: при оспаривании записи об отцовстве; при подаче иска о возврате детей, когда кто-то из родителей в нарушение закона удерживает у себя ребенка; при разрешении вопросов о воспитании, образовании, выборе вида и формы обучения; при усыновлении (удочерении) или отмене усыновления (удочерения); при передаче на

<sup>5</sup> Право ребёнка выразить свое мнение! (Ленинградская область, Тихвинский муниципальный район). URL: [https://tikhvin.org/adnim/stryktpodr/kszn/opеka/newslіst.php?element\\_id=21978](https://tikhvin.org/adnim/stryktpodr/kszn/opеka/newslіst.php?element_id=21978) (дата обращения: 14.06.2025).

<sup>6</sup> Ячменникова П. Руководство к детству. Парламентарии предлагают конкретизировать семейное законодательство. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6465517> (дата обращения: 14.06.2025).

<sup>7</sup> Мнение ребенка при разводе. URL: <https://planeta-zakona.ru/blog/mnenie-rebyenka-pri-razvode.html/> (дата обращения: 14.06.2025).

<sup>8</sup> Право ребёнка выразить свое мнение! (Ленинградская область, Тихвинский муниципальный район). URL: [https://tikhvin.org/adnim/stryktpodr/kszn/opеka/newslіst.php?element\\_id=21978](https://tikhvin.org/adnim/stryktpodr/kszn/opеka/newslіst.php?element_id=21978) (дата обращения: 14.06.2025).

<sup>9</sup> Ячменникова П. Руководство к детству / Парламентарии предлагают конкретизировать семейное законодательство. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6465517> (дата обращения: 14.06.2025).

<sup>10</sup> Гурьянов С. Судьбоносное лишение: у детей могут отобрать право выбора при разводе родителей. В Госдуме предлагают конкретизировать понятие «интересы ребенка». URL: <https://iz.ru/1639305/> (дата обращения: 14.06.2025).

воспитание к приёмным родителям. Во всех указанных случаях напрямую затрагиваются важнейшие интересы ребенка, поэтому учёт его мнения по ним особо значим.

10. И, наконец, верно эксперты указывают на то, что, несмотря на отсутствие четкого определения термина «интересы ребенка», закон и сложившаяся судебная практика достаточным образом раскрывают его, а для реальной поддержки семьи нужны «комплексные изменения..., а не теоретические формулировки»<sup>11</sup>.

Резюмируя все вышеизложенное, считаем целесообразным обратиться к нормативному регулированию, судебной практике и доктрине по анализируемому вопросу.

Прежде всего, следует отметить, что право ребенка выражать свое мнение, и обязанность государственных органов – это мнение учитывать, прямо закреплены в Конвенции ООН о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.). Это право приобретает с момента, когда ребенок становится способным к формулированию и высказыванию собственных взглядов, мнений, позиций, т.е. момент определяется исходя из уровня психического (эмоционального) и интеллектуального развития ребёнка (ст. 12 и ст. 13 Конвенции о правах ребенка). Следовательно, ребенок может быть опрошен в суде вне зависимости от возраста.

Конвенция провозглашает, что именно семья закладывает основы воспитания ребенка в духе терпимости, справедливости, равенства. Родители закладывают фундамент, необходимый для гармоничного и успешного существования, развития личности и взаимодействия с окружающим миром. Поэтому обеспечение полноценной реализации правового статуса ребенка в рамках семьи должно быть приоритетным направлением государственной деятельности для развития институтов семьи и детства<sup>12</sup>.

По каким вопросам ребенок может выражать свое мнение? Прежде всего, это вопросы, которые непосредственно затрагивают его интересы: увлечения, образование, круг общения, взаимоотношения с родителями и другими родственниками. Необходимо понимать, что ребенок – это полноправный член семьи, вне зависимости от возраста, а ребенок, достигший возраста 10 лет, уже имеет собственные взгляды, мнения и желания. И именно в семье он должен иметь право свободно высказывать свое мнение и право быть услышанным.

В свете сказанного не совсем понятна ситуация, при которой проблему напряженных психологических отношений между родителями авторы законо-

проекта предлагают решать посредством исключения нормы об обязательном учете мнения ребенка из действующего законодательства. В обстоятельствах, когда родители враждуют, выплескивают друг на друга отрицательные эмоции, на наш взгляд, именно ребенок может выступить в качестве некоего арбитра и способен представить объективную картину взаимоотношений в семье, рассказать лично о своих истинных чувствах, устремлениях и переживаниях.

В доктрине гражданского процессуального права обсуждению подвергался вопрос о том, в какой форме должно быть выражено мнение ребенка по вопросам, затрагивающим его интересы: устной или письменной. Если мнение ребенка выражается в письменной форме, оно будет являться письменным доказательством, а если в устной – объяснением лица, участвующего в деле<sup>13</sup>. Однако никогда не ставился вопрос о его исключении из числа средств доказывания по делам, возникающим из споров, связанным с воспитанием детей ввиду того, что ребенок является лицом, участвующим в деле, независимо от возраста. Более того, оно выступает необходимым доказательством по тем категориям дел о воспитании ребенка, которые предусматривают обязательный учет его мнения судом. Так, согласно факту одного из дел, мать с двумя детьми после расторжения брака переехала в Прагу. Отец заявил в российском суде иски о признании права собственности на место жительства сына с ним, ребёнку на тот момент было 5 лет. Мнение мальчика и его старшей сестры было выяснено органами опеки и попечительства через разговор по телефону. Мальчик рассказал, как его зовут, сколько ему лет, где и с кем он живёт, как он видится с папой, чем занимается его сестра – «собирает роботов». Сказал, что ему нравится жить с мамой, но и в России бы он остался. Также он порассуждал, что в будущем все будут жить вместе, как раньше, сообщил, что ему нравится жить и в Чехии, и в России. Старшая сестра чётко и коротко отвечала на вопросы специалиста, относительно судебного спора. Сказала, что родители могли бы сами определиться и договориться. Это можно было бы сказать и решить всем вместе. Указала, что брату будет лучше жить с мамой. Мнение детей было оформлено двумя документами с соответствующими названиями «Мнение несовершеннолетнего по вопросу судебного разбирательства, затрагивающего права несовершеннолетнего» и приложено к материалам судебного дела<sup>14</sup>. В удовлетворении исковых требований судом было отказано. Вместе с тем, как видно из опроса мальчика, ему одинаково комфортно с обоими родителями, а самый лучший вариант – снова жить вместе, и не важно, где – в Праге или России<sup>15</sup>.

<sup>11</sup> Ячменникова П. Руководство к детству / Парламентарии предлагают конкретизировать семейное законодательство. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6465517> (дата обращения: 14.06.2025).

<sup>12</sup> Право ребёнка выражать свое мнение! (Ленинградская область, Тихвинский муниципальный район). URL: [https://tikhvin.org/adnim/stryktpodr/kszn/opeka/newslist.php?element\\_id=21978](https://tikhvin.org/adnim/stryktpodr/kszn/opeka/newslist.php?element_id=21978) (дата обращения: 14.06.2025).

<sup>13</sup> Беспалов Ю.Ф. Защита гражданских прав ребенка в Российской Федерации: учебно-практическое пособие. М.: «Ось-89», 2004. С. 68.

<sup>14</sup> Мнение ребенка при разводе. URL: <https://planeta-zakona.ru/blog/mnenie-rebyenka-pri-razvode.html/> (дата обращения: 14.06.2025).

<sup>15</sup> Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 июля 2011 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70036426/> (дата обращения: 14.06.2025).

Несомненный интерес представляет еще один случай из судебной практики. Отец девочки обратился в суд с иском к матери ребенка. Свои требования он мотивировал тем, что после расторжения брака между сторонами дочь проживает с ним, он ответственно заботится о воспитании и содержании ребенка. В свою очередь, мать предъявила встречный иск, настаивая на том, что занимается воспитанием дочери, создает ей надлежащие материально-бытовые условия. Дочь привязана к ней и нуждается в ее внимании и заботе. Кроме того, она проживает в квартире, которая находится в благоустроенном районе с развитой инфраструктурой, необходимой для поддержания и полноценного развития дочери. Девочка, выражая свою позицию, отметила, что доброжелательно относится к обоим родителям, любит их, но в настоящее время она проживает с отцом и хотела бы остаться с ним. Суд первой инстанции, удовлетворяя исковые требования, акцентировал внимание на том, что изменение порядка воспитания негативно отразится на условиях воспитания и развития девочки, что не будет соответствовать ее интересам. Суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил, исходя из следующего: судом не установлены исключительные обстоятельства для разлучения дочери с матерью при разрешении вопроса о месте ее жительства; несовершеннолетняя дочь не осознает свои собственные интересы, ребенок обосновывает их исключительно удобством проживания по месту жительства отца; отсутствие негативного влияния матери на развитие ребенка. Суд кассационной инстанции поддержал позицию суда апелляционной инстанции. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами судов апелляционной и кассационной инстанции не согласилась и, по сути поддержав позицию суда первой инстанции, указала следующее: суд, в нарушение статьи 57 СК РФ, не принял во внимание мнение самой несовершеннолетней, достигшей десятилетнего возраста на момент разрешения спора судом, выразившей желание проживать с отцом, и пришел к выводу о необходимости определения места жительства ребенка по половому (гендерному) признаку с матерью; судом не было учтено, что определение места жительства ребенка с одним из родителей не исключает возможности другого родителя полноценно общаться с ребенком, а также принимать участие в его воспитании без каких-либо ограничений<sup>16</sup>.

Оценивая приведенные примеры из судебной практики, имеет смысл задуматься над тем, а какие может за собой привести последствия ситуация, при которой суд не прислушается к мнению ребенка, не произведет тщательную оценку фактических обстоятельств по делу, и определит проживание ребенка с родителем, намерение на проживание с которым, он

не выражал в судебном заседании, поставит в приоритет мнение одного из родителей, как на то указывают авторы законопроекта? А ребенок не пожелает добровольно «переходить» к другому родителю, это повлечет за собой стадию принудительного исполнения решения суда и сложную с эмоциональной точки зрения процедуру отобрания ребенка. Разве такое развитие событий не нанесет ребенку психологический урон? Безусловно, вопросы национальной безопасности и сохранения традиционных семейных ценностей важны, но нельзя забывать и об интересах ребенка.

Более того, в случаях, когда двое законных представителей не могут договориться между собой, разве можно исключать ситуации влияния на их мнение деструктивной зарубежной идеологии? Возможно, обусловленных корыстными интересами? Следовательно, на пути достижения несомненно важной цели по сохранению традиционных семейных ценностей, следует начинать не с того, что исключать норму об учете мнения ребенка по делам, связанным с его воспитанием, и подменять мнение ребенка мнением родителей, а попытаться восстановить институт семьи, прививать со школьной скамьи любовь к Родине, а также учить детей договариваться, а не спешить разрешить свои вопросы в суде. Это требует повышения качества подготовки правоприменителя, более тщательной и внимательной работы с семьей<sup>17</sup>. В этой связи вполне подходят инструменты медиации и закрепления на уровне законодательства возможности участия ребенка в процедуре медиации.

Кроме того, в подавляющем большинстве случаев в делах по спорам, связанным с воспитанием детей, прокурор участвует в форме дачи заключения по делу. Поэтому возникает вопрос: какие еще дополнительные гарантии нужно предусмотреть, чтобы улучшить процесс практической реализации нормы ст. 57 СК РФ в ее действующей редакции?

Думается, разработчики законопроекта пытаются бороться с верхушкой айсберга, не видя всю проблему целиком. Регулируя судебную процедуру, возможно предусматривать только разрешительные и запрещающие меры, не углубляясь в суть и причину проблемы, так как, во-первых, выяснение причин конфликта не является целью правосудия, во-вторых, судопроизводство осуществляется в рамках установленных процессуальных сроков, и, в-третьих, процесс рассмотрения гражданского дела в суде производится по правилам нормативно детализированной гражданской процессуальной формы, которая не рассчитана на психотерапевтический эффект, о котором очень много сказано в пояснительной записке к законопроекту. И различного рода экспертизы (психологические, психолого-педагогические, психолого-психиатрические), о которых идет речь в пояснительной записке, не способны решить указанную проблему, и не

<sup>16</sup> Обзор судебной практики, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2024 г. Определение № 16-КГ23-20-К4. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/33619/> (дата обращения: 14.06.2025); Отцов равняют по матери. URL: <https://fparf.ru/news/media/ottsov-ravnyaют-po-materi/> (дата обращения: 14.06.2025).

<sup>17</sup> Гурьянов С. Судьбоносное лишение: у детей могут отобрать право выбора при разводе родителей. В Госдуме предлагают конкретизировать понятие «интересы ребенка». URL: <https://iz.ru/1639305/> (дата обращения: 14.06.2025).

потому, что отсутствуют специалисты в этой области, а потому, что корень этих проблем кроется в семейных, межличностных отношениях, с которыми нужно работать длительное время, и которые невозможно выявить в рамках одного судебного заседания или экспертного исследования. Суд призван охранять интересы ребенка, но не разбираться в психологических проблемах семьи.

Еще один аспект, на который хотелось бы обратить внимание. Думается, указанные изменения являются первым шагом на пути отказа от элементов дружественного к ребенку правосудия. От правосудия, которое обращено к ребенку. Правосудие, которое стало элементом «детоцентризма», как отрицательной тенденции современности. Представляется, те глобальные проблемы, о которых сказано в пояснительной записке, невозможно решить только путем отказа от обязательности учета мнения ребенка в суде по спорам, связанным с воспитанием детей. Судебный этап и судебная процедура – это центральное звено в цепочке защиты интересов ребенка, на котором принимается решение, обеспечиваемое силой принудительного исполнения. И судья, дистанцированный от ребенка в этом споре, и впервые видящий его в судебном заседании, не может принять объективного решения. И если сейчас у него есть возможность спросить мнение ребенка, посмотреть на его психологическую реакцию, возможно, даже назначить экспертизу, то если мы вообще исключим эту возможность из законодательства, это полностью «отвернет» от ребенка систему правосудия. Не нужно идеи ювенальной юстиции возводить в абсолюты, но следует помнить, что дружественное к ребенку правосудие свидетельствует об изменении концептуальных подходов к организации правосудия с участием несовершеннолетних, усилении межведомственного взаимодействия, судебная специализация и развитие восстановительных технологий, в частности, семейной медиации. Ведь сами же разработчики законопроекта говорят преимущественно о психологическом воздействии, которое испытывает на себе ребенок. Именно поэтому нужно работать с родителями и детьми, исключив формальный подход, соблюдать разумные границы и не впадать в крайно-

сти. Всему миру давно понятно, что в отношении ребенка должно быть особое правосудие, и не учитывать мнение ребенка в этом правосудии, – не в его интересах.

Кроме того, актуальной является проблема последующего контроля. Ясно, что с вынесением решения суда конфликт не заканчивается. Поэтому необходимо наблюдать, как дальше развиваются отношения в семье, продолжать работать с родителями и детьми: в России есть прекрасные проекты по реализации семейной медиации и на стадии принудительного исполнения<sup>18</sup>. Нельзя не согласиться с исследователями, которые указывают на то, что необходимо создание комплексной системы защиты интереса ребенка, в которой учтены и мнение ребенка, и мнение родителей, и мнения специалистов, которые сейчас у нас вообще учитывают редко<sup>19</sup>.

В этой связи позитивные цели, ради которых разработан данный законопроект, остаются не совсем ясными: «Главной проблемой регулирования интересов детей является отсутствие должной правовой базы, регулирующей данные правоотношения. На сегодняшний день в праве отсутствуют должные механизмы определения интересов детей, а также механизмы их эффективной защиты. Данные обстоятельства требуют от законодателя принятия соответствующих нормативно-правовых актов». Что, в данном случае, означают «должные механизмы определения интересов детей»? Вероятно, отчасти по указанным выше причинам, отчасти по причинам другого порядка и свойства, указанный законопроект был отклонен Государственной Думой Российской Федерации 30.10.2024 г.<sup>20</sup>

В заключение хотелось бы отметить, что весь мир, включая Россию, последовательно идет по пути расширения прав детей, в отдельных случаях даже и прав еще не рожденных детей. Отказаться от обязательств по учету мнения ребенка, то есть, в том числе ребенка 15-17 лет, значит, сделать ничем не обоснованный «шаг назад»<sup>21</sup>. Именно поэтому любые «эксперименты» в вопросах учета мнения ребенка и его интересов должны быть скрупулезно продуманными и выверенными, и обязательно разрабатываться с учетом разумного баланса интересов государства, с одной стороны, и интересов семьи, с другой.

#### Библиографический список

1. Беспалов Ю.Ф. Защита гражданских прав ребенка в Российской Федерации: учебно-практическое пособие. – М.: «Ось-89», 2004. – 191 с.
2. Гурьянов С. Судьбоносное лишение: у детей могут отобрать право выбора при разводе родителей. В Госдуме предлагают конкретизировать понятие «интересы ребенка». URL: <https://iz.ru/1639305/>.

Рецензент: Томина А.П., заведующий кафедрой гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

<sup>18</sup> Социальный проект «Родители навсегда»: сохраняя важное. URL: <https://mediatoraltay.ru/> (дата обращения: 14.06.2025).

<sup>19</sup> Гурьянов С. Судьбоносное лишение: у детей могут отобрать право выбора при разводе родителей. В Госдуме предлагают конкретизировать понятие «интересы ребенка». URL: <https://iz.ru/1639305/> (дата обращения: 14.06.2025).

<sup>20</sup> Законопроект № 534677-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» (в части определения наивысших и важнейших интересов ребенка). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/534677-8?ysclid=mc1hbo5t40106796954> (дата обращения: 14.06.2025).

<sup>21</sup> Гурьянов С. Судьбоносное лишение: у детей могут отобрать право выбора при разводе родителей. В Госдуме предлагают конкретизировать понятие «интересы ребенка». URL: <https://iz.ru/1639305/> (дата обращения: 14.06.2025).

---

## **ЕФИМЦЕВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА**

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); профессор кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»; профессор кафедры гражданского и предпринимательского права УВО «Университет управления «ТИСБИ», 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, post@oimsla.edu.ru

## **РОДИОНОВА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА**

юрисконсульт по работе с исполнительными листами отдела по работе в исполнительном производстве ПАО «Т Плюс», 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, post@oimsla.edu.ru

## **НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСПАРИВАНИЯ ИСКЛЮЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ИЗ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЕСТРА**

### **EFIMTSEVA TATIANA VLADIMIROVNA**

Doctor of Law, associate professor, head of the Department of entrepreneurial and natural-resources law of the Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin University (MSLA); Professor of the Department of Civil Law and Procedure Orenburg State University; Professor of the Department of Civil and Business Law TISBI University of Management, 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, post@oimsla.edu.ru

### **RODIONOVA MARIA SERGEEVNA**

Legal Adviser for Work with Writ of Execution of the Department for Work in Enforcement Proceedings PJSC T Plus, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, post@oimsla.edu.ru

## **SOME ASPECTS OF CHALLENGING THE EXCLUSION OF A LEGAL ENTITY FROM THE UNIFIED STATE REGISTER**

***Аннотация.** В настоящей статье на основе анализа законодательства, практики его применения и научной литературы раскрываются некоторые аспекты исключения юридического лица из единого государственного реестра. В частности, обращается внимание на условия, порядок и последствия проведения процедуры исключения юридического лица из реестра, а также на проблемы оспаривания такого решения регистрирующего органа, которые иллюстрируются конкретными примерами из судебной практики.*

***Ключевые слова:** юридическое лицо, правоспособность, единый государственный реестр юридических лиц, регистрирующий орган, ликвидация, исключение, обязательство, добросовестность.*

***Annotation.** Based on the analysis of legislation, its application practice and scientific literature, this article reveals some aspects of the exclusion of a legal entity from the unified state register. In particular, attention is drawn to the conditions, procedure and consequences of the procedure for excluding a legal entity from the register, as well as to the problems of challenging such a decision by the registering authority, which are illustrated by specific examples from judicial practice.*

***Keywords:** legal entity, legal capacity, unified state register of legal entities, registration authority, liquidation, exclusion, obligation, good faith.*

Право на судебную защиту включает в себя не только право на обращение в суд, но и гарантированную государством возможность получения реальной защиты, предполагает конкретные гарантии, которые позволяли бы реализовать его в полном

объеме, обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости. Одним из важных факторов, определяющих эффективность восстановления нарушенных прав, является своевременность

защиты прав участвующих в деле лиц<sup>1</sup>.

Процедура исключения юридических лиц<sup>2</sup> из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) играет ключевую роль в поддержании достоверности государственного реестра и защиты законных интересов добросовестных участников хозяйственного оборота<sup>3</sup>. Исключение организаций, которые не ведут активной деятельности, позволяет предотвратить злоупотребления и нарушения, что способствует созданию более прозрачной и стабильной экономической среды.

Ликвидация юридического лица<sup>4</sup> регулируется следующими документами: статьями 61-64.2. Гражданского кодекса РФ; главой VII Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»<sup>5</sup> (далее – Закон о государственной регистрации); Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 18.05.2015 № 10-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 21.1. Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Отделсервис»»<sup>6</sup>. Процедура исключения юридического лица из ЕГРЮЛ регламентирована статьями 64.2. ГК РФ и 21.1. Закона о государственной регистрации. Исключение недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ является процедурой, направленной на юридическое закрепление факта прекращения деятельности юридическим лицом, и осуществляется регистрирующим органом самостоятельно. При этом данная процедура по своим последствиям приравнена к ликвидации<sup>7</sup>, так как согласно пункту 2 статьи 64.2. ГК РФ в этом случае наступают правовые последствия, применимые к ликвидированным юридическим лицам. Но исключение юридического лица из ЕГ-

РЮЛ имеет и самостоятельные последствия, которые не присущи ликвидации<sup>8</sup>.

В соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 21.1. Закона о государственной регистрации регистрирующий орган принимает решение о предстоящем исключении юридического лица из ЕГРЮЛ, если юридическое лицо соответствует следующим двум признакам, а именно не представляет документы отчетности в налоговый орган в течение 12 месяцев и не осуществляет операции по банковским счетам. Однако из системного толкования указанных выше правовых норм следует, что наличие предусмотренных в статье 21.1. Закона о государственной регистрации условий для исключения юридического лица из ЕГРЮЛ само по себе не может являться безусловным основанием для принятия такого решения, которое может быть принято только при фактическом прекращении деятельности юридического лица<sup>9</sup>.

Исключение недействующего юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц по решению регистрирующего органа допускается и в тех случаях, когда указанное лицо имеет задолженность по налогам, сборам, пеням и санкциям перед бюджетами разных уровней. Решение вопроса о целесообразности обращения в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом при условии наличия достаточной вероятности погашения в деле о банкротстве задолженности по обязательным платежам относится к компетенции уполномоченных органов в делах о банкротстве<sup>10</sup>.

Кроме того, в литературе в качестве еще одного основания для исключения юридического лица из ЕГРЮЛ названо то обстоятельство, что юридическое лицо не может быть ликвидировано из-за отсутствия у него средств на оплату расходов, необходимых для его ликвидации, и эти расходы невозможно возложить на его учредителей (участников), о чем

<sup>1</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 143-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевченко Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктами 1-3 статьи 21.1. и пунктом 8 статьи 22 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», а также частями 2 и 3 статьи 201 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Суханов Е.А. О Концепции развития законодательства о юридических лицах // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 5-12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kontseptsii-razvitiya-zakonodatelstva-o-yuridicheskikh-litsah?ysclid=ma6l3tckzr449927871> (дата обращения: 08.04.2025).

<sup>3</sup> Ефимцева Т.В. Некоторые аспекты обеспечения экономической безопасности предприятий в современной России / Актуальные вопросы правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: монография / под общ. ред. Т.В. Ефимцевой. Москва: ИНФРА-М, 2022. С. 28-35.

<sup>4</sup> Мазин Д.И. Содержание и правовые аспекты процедуры ликвидации юридических лиц // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». 2020. № 4. С. 371-380. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-pravovye-aspekty-protsedury-likvidatsii-yuridicheskikh-lits?ysclid=ma6jni5o50398312829> (дата обращения: 08.04.2025).

<sup>5</sup> Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431.

<sup>6</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 18.05.2015 № 10-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 21.1. Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Отделсервис»» // СЗ РФ. 2015. № 22. Ст. 3304.

<sup>7</sup> В июне 2023 года Закон о государственной регистрации дополнен новой статьей 21.3., вводящей с 1 июля 2023 года особый порядок исключения юридического лица, отнесенного к субъектам малого и среднего предпринимательства, из ЕГРЮЛ в связи с решением учредителей (участников) о прекращении деятельности такого юридического лица.

<sup>8</sup> По каким основаниям может быть ликвидировано юрлицо // СПС «КонсультантПлюс», 2025.

<sup>9</sup> Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 10.

<sup>10</sup> Постановление Пленума ВАС РФ от 20.12.2006 № 67 (ред. от 15.02.2013) «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о банкротстве отсутствующих должников и прекращении недействующих юридических лиц» // Вестник ВАС РФ. 2007. № 2.

свидетельствуют положения подпункта «а» пункта 5 статьи 21.1. Закона о государственной регистрации<sup>11</sup>.

При поступлении заявления о принудительной ликвидации юридического лица, отвечающего признакам недействующего юридического лица, данное заявление возвращается арбитражным судом заявителю применительно к пункту 1 части 1 статьи 129 АПК РФ, за исключением случаев, когда решение об исключении недействующего юридического лица из реестра не принято ввиду поступления возражений или признано недействительным в судебном порядке. Если указанные обстоятельства выясняются в процессе производства по делу о ликвидации юридического лица, производство по делу подлежит прекращению на основании пункта 1 части 1 статьи 150 АПК РФ<sup>12</sup>.

Процесс исключения юридического лица из ЕГРЮЛ включает в себя несколько этапов, каждый из которых имеет свои временные рамки и особенности:

1) Проверка юридического лица на соответствие признакам недействительности.

2) Принятие решения о предстоящем исключении: регистрирующий орган уведомляет о намерении исключить юридическое лицо из реестра.

3) Срок для подачи возражений: любые лица, чьи права могут быть затронуты, имеют три месяца для подачи возражений (п. 3 ст. 21.1. Закона о государственной регистрации).

4) Исключение из реестра: по истечении срока для подачи возражений регистрирующий орган принимает окончательное решение об исключении юридического лица из ЕГРЮЛ.

5) Срок для обжалования исключения юридического лица из ЕГРЮЛ.

На схеме ниже представлен алгоритм процесса исключения юридического лица из ЕГРЮЛ с указанием конкретных сроков.



В зависимости от основания для исключения юридического лица из ЕГРЮЛ разнятся сроки для принятия решения о предстоящей ликвидации, после чего налоговая инспекция вносит в ЕГРЮЛ соответствующую запись. Далее предоставляется трехмесячный срок для подачи возражений со стороны любых лиц, чьи права могут быть затронуты (п. 3 ст. 21.1.

Закона о государственной регистрации). После истечения срока для подачи возражений регистрирующий орган принимает решение об исключении юридического лица из ЕГРЮЛ, и с этого момента начинает течь срок на обжалование, равный одному году. Этот срок закреплен в пункте 8 статьи 22 Закона о государственной регистрации. Следовательно, исключение недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ может быть обжаловано кредиторами или иными лицами, чьи права и законные интересы затрагиваются данными действиями, в течение года со дня, когда они узнали или должны были узнать о нарушении своих прав.

В соответствии с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 18.05.2015 № 10-П, решение о предстоящем исключении юридического лица из ЕГРЮЛ должно приниматься с учетом предусмотренных пунктами 3 и 4 статьи 21.1. Закона о государственной регистрации гарантий, направленных на защиту кредиторов и иных лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются таким исключением.

Правовые гарантии в части возможности предъявления регистрирующему органу возражений относительно предстоящего исключения юридического лица (как фактически недействующего) из ЕГРЮЛ направлены на выявление лиц, заинтересованных в сохранении правоспособности должника и защите своих прав и законных интересов в судебном порядке, а в части судебного обжалования исключения — на обеспечение возможности восстановления регистрационного учета по обращению этих лиц на основании решения суда.

Согласно АПК РФ для признания ненормативного акта недействительным, решения и действия (бездействия) незаконными необходимо наличие одновременно двух условий: несоответствие их закону или иному нормативному правовому акту и нарушение прав и законных интересов заявителя в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности.

В настоящее время при схожих обстоятельствах суды часто принимают противоположные решения. Получается, что доводы заинтересованных лиц о том, что деятельность компании не прекращалась, в силу чего она неправомерно исключена из ЕГРЮЛ, суд может как принять, так и отклонить. И, по-видимому, окончательный «вердикт» по этому вопросу может вынести только Верховный Суд РФ.

В качестве критерия оценки судебной практики по данной категории дел рассмотрим подробнее две ситуации<sup>13</sup>.

Первая ситуация — доказательство деятельности юридического лица в виде Протокола общего собра-

<sup>11</sup> Стасюк Ю.С. Особенности оспаривания решения налогового органа об исключении юридического лица из ЕГРЮЛ // Молодой ученый. 2021. № 27 (369). С. 220-222.

<sup>12</sup> Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 61 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса юридического лица» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 16.08.2013. № 32.

<sup>13</sup> Анализ судебной практики по делам об исключении юридического лица, как недействующего, из ЕГРЮЛ. Питер Консалтинг. Юридические и бухгалтерские услуги. URL: <https://www.lawprofi.com/informatsiya/stati/analiz-sudebnoj-praktiki-po-delam-ob-isklyuchenii-yuridicheskogo-litsa-kak-nedejstvuyushchego-iz-egryul.html> (дата обращения: 08.04.2025).

ния участников. В судебном деле № А21-4122/2010 садоводческое товарищество было исключено регистрирующим органом из ЕГРЮЛ по признакам недействительности, предусмотренным в Законе о государственной регистрации. Однако, по мнению суда, данные признаки являются лишь формальными, а из смысла самой статьи выходит, что общество должно фактически прекратить свою деятельность, только тогда оно может быть исключено из ЕГРЮЛ. Отсутствие операций по счетам и непредставление отчетности не может являться критерием для исключения общества из ЕГРЮЛ. В этой ситуации на обозрение суда представителем садоводческого товарищества были представлены протоколы общего собрания участников, именно они и стали доказательством деятельности товарищества. Вывод напрашивается следующий: доказательством фактического осуществления деятельности организации может являться протокол общего собрания участников.

Вторая ситуация – доказательство деятельности юридического лица в виде подтвержденной ошибки регистрирующего органа. В судебном деле №А56-69255/2011 спор с налоговым органом дошел до кассационной инстанции, однако и это ничего не дало. Суд был на стороне юридического лица и обязал регистрирующий орган восстановить запись о компании в ЕГРЮЛ. Доводом в этой ситуации служило то, что в отношении общества была введена процедура наблюдения, а исключение его из ЕГРЮЛ стало нарушением прав кредиторов общества-банкрота. Причиной оспаривания решения регистрирующего органа стали также нарушения, допущенные при публикации сообщения об исключении общества из ЕГРЮЛ. В частности, в объявлении не был указан орган, принявший решение об исключении общества из ЕГРЮЛ, не были указаны сроки и порядок предъявления претензий кредиторами. Вывод здесь однозначный: ошибки регистрирующего органа вполне можно использовать как доказательство в суде для восстановления записи о компании в ЕГРЮЛ.

В принципе, если юридическое лицо хочет работать, а его несправедливо исключили из ЕГРЮЛ, то можно воспользоваться приведенными выше доводами. Правда, большинство юридических лиц, наоборот, стремятся к тому, чтобы регистрирующий орган сам их вычеркнул из ЕГРЮЛ, чтобы не тратиться на процедуру ликвидации, которая достаточно дорогостоящая.

Интересным представляется пример по рассматриваемой тематике из практики ПАО «Т Плюс»<sup>14</sup>. Так, ПАО «Т Плюс» обратилось с иском к ООО «ТКС-Монтажник» о взыскании задолженности по оплате услуг теплоснабжения в размере один миллион рублей. В ходе рассмотрения дела су-

дом установлено, что регистрирующий орган внес запись об исключении ответчика из ЕГРЮЛ. Данное обстоятельство скрывалось должником и стало известно участникам процесса только спустя девять месяцев с момента ликвидации юридического лица. В связи с этим возник риск прекращения производства по делу и утраты возможности взыскания задолженности. ПАО «Т Плюс» подало административный иск об оспаривании решения налогового органа о ликвидации должника. Цель истца состояла в том, чтобы не допустить прекращения производства по делу первоначального должника и признать незаконным решение регистрирующего органа о ликвидации ООО «ТКС-Монтажник».

Юрисконсультами ПАО «Т Плюс» доказано, что единственным способом защиты права компании является признание недействительным решения налоговой инспекции об исключении должника из ЕГРЮЛ. Обратим внимание на аргументы, на которых основывалась позиция ПАО «Т Плюс»:

1. Должник продолжал вести хозяйственную деятельность после своего исключения и активно принимал участие в судебных разбирательствах, что доказывает фактическое осуществление деятельности ООО «ТКС-Монтажник». В представленных обстоятельствах суд согласился с доводами истца.

2. Отсутствие других реальных способов взыскания долга с ООО «ТКС-Монтажник».

3. Злоупотребление ООО «ТКС-Монтажник» своими правами и введение участников процесса в заблуждение, так как ООО не заявило о прекращении им своей деятельности.

В результате Арбитражный суд Оренбургской области признал решение регистрирующего органа незаконным и восстановил правоспособность должника. Отмена решения о ликвидации позволила взыскать задолженность в размере один миллион рублей фактически в безнадежной ситуации и изменить негативную судебную практику, в том числе на уровне апелляционной и кассационной инстанций.

Итак, в заключение отметим, что процедура исключения юридических лиц из ЕГРЮЛ является важным инструментом для обеспечения прозрачности и законности в хозяйственном обороте, поскольку позволяет не только поддерживать достоверность государственного реестра, но и защищать интересы добросовестных участников хозяйственного оборота от возможных злоупотреблений со стороны недобросовестных компаний. Эффективная реализация данной процедуры способствует созданию более стабильной и предсказуемой бизнес-среды, что является залогом устойчивого экономического развития нашей страны.

#### Библиографический список

1. Ефимцева Т.В. Некоторые аспекты обеспечения экономической безопасности предприятий в современной России / Актуальные вопросы правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: монография / под общ. ред. Т.В. Ефимцевой. – Москва: ИНФРА-М, 2022. – С. 28-35.

<sup>14</sup>Судебное дело № А47-12024/2023 / Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/278dd72b-fa39-412c-952e-426701fc89c8> (дата обращения: 08.04.2025).

- 
2. Мазин Д.И. Содержание и правовые аспекты процедуры ликвидации юридических лиц // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». – 2020. – № 4. – С. 371-380.
  3. Стасюк Ю.С. Особенности оспаривания решения налогового органа об исключении юридического лица из ЕГРЮЛ // Молодой ученый. – 2021. – № 27 (369). – С. 220-222.
  4. Суханов Е.А. О Концепции развития законодательства о юридических лицах // Журнал российского права. – 2010. – № 1. – С. 5-12.

Рецензент: Томина А.П., заведующий кафедрой гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

## **ЗАСЕМКОВА ОЛЕСЯ ФЕДОРОВНА**

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права  
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993, г. Москва, ул. Садовая-  
Кудринская, 9, ofzasemkova@msal.ru

### **К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В СФЕРЕ ИСКУССТВА**

#### **ZASEMKOVA OLESYA FEDOROVNA**

PHD in Law, associate professor of the Department of Private International Law of the  
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya  
str., 9, ofzasemkova@msal.ru

### **RESOLVING ART-RELATED DISPUTES**

**Аннотация.** Статья посвящена особенностям разрешения споров по делам в сфере искусства. На основании проведенного анализа, делается вывод о недостаточной эффективности рассмотрения таких дел в государственных судах и предпочтительности их урегулирования при помощи альтернативных способов (ADR), таких как посредничество (медиация) и арбитраж.

**Ключевые слова:** искусство, рынок произведений искусства (арт-рынок), арбитраж, посредничество, Арбитраж по делам в сфере искусства (CAfA).

**Review.** The article is devoted to the peculiarities of art-related disputes. On the basis of the conducted analysis, a conclusion is made about insufficient effectiveness of consideration of such cases in state courts and preference of their resolution by alternative dispute resolution methods (ADR), such as mediation and arbitration.

**Keywords:** art, art market, arbitration, mediation, the Court of Arbitration for Art (CAfA).

Рынок произведений искусства (арт-рынок) традиционно считается одним из самых нерегулируемых, но прибыльных в мире<sup>1</sup>. С увеличением числа сделок, заключаемых в отношении произведений искусства, растет и число споров, возникающих между их участниками. Такие споры могут носить как договорный, так и внедоговорный характер и затрагивать не только правовые, но и культурные, исторические, религиозные и даже политические вопросы.

Так, известные арт-дилеры и аукционные дома (такие, как Sotheby's) часто оказываются вовлечены в споры с первоначальными владельцами и покупателями произведений искусства, касающиеся установления их подлинности, законности способа приобретения и т.д. К числу наиболее известных таких дел относятся, например, спор между наследниками Греты Молл, позировавшей для одной из картин Анри Матисса, и Лондонской национальной галереей относительно того, кому принадлежит данная картина<sup>2</sup>, а также спор, который привел к закрытию одной из наиболее известных галерей в США – Knoedler & Co. – после того, как было установлено, что многие из проданных ею картин являются подделками<sup>3</sup>. Не

меньше споров возникает между художниками, коллекционерами, реставраторами, музеями, художественными фондами и иными участниками арт-рынка.

На протяжении долгого времени фактически единственным способом разрешения таких споров являлось обращение в государственный суд, что не всегда приводило к удовлетворительным для сторон результатам. Отсутствие у судей специальных знаний и опыта в данной сфере, а также невозможность обеспечения конфиденциальности разбирательства часто приводят к игнорированию судебных решений арт-рынком и приданию гораздо большего веса мнению широко известных искусствоведов, что ставит под вопрос эффективность судебного разбирательства по данной категории дел. Не меньшей проблемой для судей государственных судов является сложность возникающих вопросов, например, вопроса о том, как далеко простираются права художника, решившего уничтожить свою работу после ее продажи (как это имело место с картиной Бэнкси «Девочка с воздушным шаром», купленной на аукционе и уничтоженной при помощи специального устройства,

<sup>1</sup> Miller M.H. The Big Fake: Behind the Scenes of Knoedler Gallery's Downfall // Art News. URL: <https://www.artnews.com/art-news/artists/the-big-fake-behind-the-scenes-of-knoedler-gallery-s-downfall-6179/> (дата обращения: 11.04.2023); Nikas L., A Shah M. The Mediation and Arbitration of International Art Disputes. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=a1d0d92a-1116-4407-907f-981210e88164> (дата обращения: 11.04.2023).

<sup>2</sup> Внуки музы Анри Матисса пытаются отсудить у Лондонской галереи ее портрет за \$ 30 млн. Дело дошло до Верховного суда США. URL: <https://rtvi.com/stories/vnuki-grety-moll-pitautsya-vernut-portret-kotoroy-napisal-matiss/?ysclid=lg7slrj4i9762830468> (дата обращения: 08.04.2023).

<sup>3</sup> Knoedler & Co. Gallery Settles Art-Fraud Case. URL: [https://translated.turbopages.org/proxy\\_u/en-ru.ru.8227eaf6-64313e69-a930cf37-74722d776562/https/www.wsj.com/amp/articles/knoedler-co-gallery-settles-art-fraud-case-1455120395](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8227eaf6-64313e69-a930cf37-74722d776562/https/www.wsj.com/amp/articles/knoedler-co-gallery-settles-art-fraud-case-1455120395) (дата обращения: 08.04.2023).

встроенного в рамку, сразу после последнего удара молотка, ознаменовавшего ее продажу)<sup>4</sup>.

Наиболее часто такая проблема возникает в делах, связанных с защитой авторских прав, доктриной добросовестного использования (*fair use*), а также установлением подлинности произведений искусства, разбирательства по которым зачастую превращаются в битву мнений экспертов. Так, в деле *Greenberg Gallery Inc. v Bauman* суд, рассматривавший вопрос о принадлежности мобили авторству известного скульптора Александра Колдера, проигнорировал заключение всемирно известного эксперта, заявившего о том, что спорная скульптура является подделкой<sup>5</sup>, и отдал предпочтение мнению другого специалиста, не обладающего столь богатым опытом и знаниями в данной сфере. В итоге, несмотря на решение суда, мобиль был исключен из каталога скульптур Колдера, и так и не был продан.

Осознавая недостаточность знаний и опыта в вопросе установления подлинности и авторства произведений искусства, в другом деле, также касавшемся работ Колдера, суд отказался рассматривать данный вопрос<sup>6</sup>.

Не менее яркой иллюстрацией проблем, возникающих при разрешении подобных споров в государственных судах, является дело об установлении подлинности картин, предположительно принадлежащих авторству художников группы *Plough*, где недостаточная компетентность судей привела к затягиванию разбирательств, длившегося почти 100 лет (с 1918 по 2018 гг.)<sup>7</sup>.

Указанные проблемы привели экспертов к признанию предпочтительности урегулирования споров, возникающих в сфере искусства, посредством альтернативных способов (далее - ADR), таких как экспертная оценка, посредничество (медиация) и арбитраж<sup>8</sup>. Несмотря на существенные различия между вышеуказанными ADR, все они имеют следующие основные преимущества перед разбирательством в государственных судах:

1) гибкость процедуры урегулирования спора и возможность учета не только правовых, но и моральных, религиозных, исторических и культурных аспектов соответствующего дела;

2) возможность привлечения к урегулированию

спора нейтральной третьей стороны, избранной сторонами из числа лиц, обладающих необходимыми знаниями и навыками в соответствующей области;

3) предоставление сторонам больших возможностей для сохранения деловых отношений, характерных для рынка произведений искусства, предполагающего значительную степень доверия и личные связи между его участниками;

4) возможность сохранения конфиденциальности не только выносимого решения, но и самого факта существования спора, что особенно важно в делах, касающихся установления подлинности и авторства произведений искусства.

Учитывая вышеуказанные преимущества ADR, в рамках различных организаций и объединений были созданы специальные центры и приняты специальные правила, учитывающие особенности споров в сфере искусства. Рассмотрим некоторые такие центры и правила.

**1. Центр арбитража и посредничества Всемирной организации интеллектуальной собственности** (далее – ВОИС) предоставляет услуги по урегулированию споров, в том числе возникающих в сфере искусства и культурного наследия, путем арбитража и посредничества (медиации)<sup>9</sup>. Для удобства сторон, намеревающихся воспользоваться услугами Центра, был создан Список посредников, арбитров и экспертов, представляющих различные правовые системы и обладающих специальными познаниями в данной сфере. Существование указанного Списка, однако, не ограничивает стороны в назначении в качестве арбитра, посредника или эксперта лица, не включенного в него (при условии его соответствия требованиям беспристрастности и независимости и иным критериям, установленным сторонами).

Начиная с 2011 г. ВОИС сотрудничает с Международным советом музеев (ИКОМ). Результатом такого сотрудничества стало принятие Правил посредничества (медиации) в сфере искусства и культурного наследия<sup>10</sup>, которые могут использоваться для урегулирования споров, возникающих между различными участниками арт-рынка (включая галереи, музеи, художников, общины коренных народов и др.) по поводу возвращения, реституции, хранения, приобретения, прав интеллектуальной собственнос-

<sup>4</sup> Самоуничтожение работы Бэнкси – гениальная акция или пиар? URL: <https://www.bfm.ru/news/396549?ysclid=lg80q8zll5422172873> (дата обращения: 11.04.2023).

<sup>5</sup> *Greenberg Gallery et al. v. Bauman*, 817 F. Supp. 167 (DC 1993), *aff'd without opinion*, 36 F.3d 127, D.C. Cir. (1994).

<sup>6</sup> *Thome v. Alexander & Louisa Calder Found.*, 70 A.D.3d 88, 103, 890 N.Y.S.2d 16 (2009).

<sup>7</sup> *The Plough. The Longest Running Forgery Case in History*. URL: <https://ploughinart.org> (дата обращения: 02.04.2023).

<sup>8</sup> Campfens E. *Restitution of Looted Art: What About Access to Justice?* // *Santander Art and Cultural Law Review*. 2018. Issue 4. No. 2. Pp. 185-220; Guidera L. *The art of the deal* // *The Resolver: The Quarterly Magazine of the Chartered Institute of Arbitrators*. 2019. Issue 1. Pp. 8-10; Bhutoria S., Ghaffari S., Motamedi A. *Art Disputes and the Court of Arbitration for Art: Evolution or Revolution?* // *The American Review of International Arbitration*. 2021. URL: <https://aria.law.columbia.edu/art-disputes-and-the-court-of-arbitration-for-art-evolution-or-revolution/?cn-reloaded=1> (дата обращения: 12.04.2023); Arsic M. *Mediation in Cultural Heritage Disputes: Pro et Contra*. URL: [http://thinktank.grn.global/wp-content/uploads/2020/12/Associate\\_Milica\\_Arsic\\_-\\_Working\\_Paper\\_-\\_Mediation\\_in\\_Cultural\\_Heritage\\_Disputes.pdf](http://thinktank.grn.global/wp-content/uploads/2020/12/Associate_Milica_Arsic_-_Working_Paper_-_Mediation_in_Cultural_Heritage_Disputes.pdf) (дата обращения: 13.04.2023); Deli M., Proietti V. *Art-related disputes and ADR methods* // *Revista de direito internacional*. 2020. Volume 17. Issue 3. Pp. 127-149; Gwozdziwicz-Matan P. *Alternative dispute resolution in art-related cases* // *Problemy Prawa Prywatnego Międzynarodowego*. 2018. Issue 22. Pp. 51-67.

<sup>9</sup> *WIPO Alternative Dispute Resolution (ADR) for Art and Cultural Heritage*. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/center/specific-sectors/art/> (дата обращения: 11.04.2023).

<sup>10</sup> *WIPO and ICOM to Collaborate in Cultural Heritage and Museum Areas*. URL: [https://www.wipo.int/pressroom/en/articles/2011/article\\_0015.html](https://www.wipo.int/pressroom/en/articles/2011/article_0015.html) (дата обращения: 11.04.2023).

ти и других вопросов, связанных с искусством и культурным наследием<sup>11</sup>.

Согласно данным Правилам, роль посредника (медиатора) заключается в оказании содействия сторонам в урегулировании спора. При этом он не вправе выносить решение, а в случае невозможности достижения соглашения должен предложить сторонам альтернативные способы урегулирования спора, такие как экспертная оценка или арбитраж. При проведении процедуры посредничества (медиации) посредник должен учитывать положения Этического кодекса ИКОМ для музеев, а также правила, закрепленные в применимых конвенциях (например, Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г., Конвенции ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предотвращение незаконного ввоза, экспорта и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г., и др.). Важное значение имеет также ст. 31 Правил, которая предусматривает приостановление сроков исковой давности в отношении спора, по которому проводится процедура посредничества (медиации).

Несмотря на определенные преимущества рассмотрения споров по данным Правилам, на сайте указанных организаций отсутствует информация о количестве рассмотренных на их основе дел.

**2. Служба посредничества ЮНЕСКО** занимается урегулированием споров, связанных с возвратом незаконно вывезенных и похищенных культурных ценностей (Intergovernmental Committee for Promoting the Return of Cultural Property, CPRCP)<sup>12</sup>, однако также, как и ВОИС, практически не рассматривает споры в сфере искусства.

**3. Австралийский Центр арт-права (Art Law's Alternative Dispute Resolution Centre)** предоставляет услуги по урегулированию споров посредством процедуры посредничества (медиации), обязательного экспертного определения и необязательной экспертной оценки<sup>13</sup>.

Согласно Руководящим принципам проведения ADR, опубликованным на сайте Центра, обязательное экспертное определение (binding expert determination) - один из видов ADR, при котором нейтральная третья сторона, выбранная на основе квалификации и опыта в соответствующей сфере, рассматривает спорный вопрос (в качестве которого может выступать как вопрос существования спора, так и отдельный вопрос, решение которого позволит сторонам достичь согласия по другим вопросам) и выносит по нему определение, являющееся обязатель-

ным для сторон.

Еще одним вариантом ADR, предлагаемым Центром, является необязательная экспертная оценка (non-binding expert evaluation), предполагающая назначение нейтральной третьей стороны, которая рассматривает спор и дает рекомендации относительно фактических обстоятельств дела, применимых законов, а в некоторых случаях возможных или желательных результатах, а также способах их достижения. Выводы такого эксперта являются необязательными для сторон. Однако во многих случаях беспристрастное мнение третьего лица позволяет спорящим сторонам пересмотреть свои позиции и в дальнейшем разрешить спор. Как и обязательное экспертное определение, необязательная экспертная оценка может проводиться как по вопросу существования спора, так и по отдельным вопросам, имеющим существенное значение для достижения сторонами согласия по иным вопросам.

Наряду с этим, Центр предоставляет услуги посредников (медиаторов).

Как отмечается в документах Центра, основными преимуществами указанных способов урегулирования споров в сфере искусства являются:

1) экономия средств и времени: все указанные выше способы урегулирования споров (особенно обязательное экспертное определение и необязательная экспертная оценка) обычно обходятся сторонам спора дешевле, чем обращение в суд или арбитраж, поскольку: а) требуют меньше подготовительной работы; б) могут быть организованы очень быстро, без каких-либо задержек и промедлений; в) спор, на разрешение которого в суде или арбитраже может уйти несколько месяцев, может быть разрешен гораздо быстрее, а сама процедура менее формализована;

2) конфиденциальность, которая также характерна для арбитража<sup>14</sup>.

Необходимым условием обращения в Центр является наличие между сторонами соглашения об использовании ADR, а также наличие хотя бы у одной из них подписки на Центр арт-права. При отсутствии таковой, каждая сторона уплачивает Центру 100 долл. США в качестве сбора. После этого одна из сторон направляет письменный запрос на ADR с указанием: наименования сторон спора и их контактных данных; копию договора, содержащего оговорку о разрешении спора путем ADR; краткое описание спора; наименование стороны, являющейся подписчиком Центра, либо заявку на такую подписку, либо плату за обслуживание ADR в размере 100 долл. США. Пос-

<sup>11</sup> Art and Cultural Heritage Mediation. An alternative litigation resolution method adapted to art and cultural heritage fields. URL: [https://icom.museum/wp-content/uploads/2018/07/110701\\_DP\\_Mediation\\_EN.pdf](https://icom.museum/wp-content/uploads/2018/07/110701_DP_Mediation_EN.pdf) (дата обращения: 11.04.2023); Chechi A. The Settlement of International Cultural Heritage Disputes. Oxford University Press, 2014. Pp. 103, 104; Vadi V., Schneider H. Art, cultural heritage and the market: ethical and legal issues. Springer, 2014. P. 104.

<sup>12</sup> Cultural Property Repatriation News and Issues. URL: <https://culturalpropertyrepat.blogspot.com/2017/05/intergovernmental-committee-for.html> [https://icom.museum/wp-content/uploads/2018/07/110701\\_DP\\_Mediation\\_EN.pdf](https://icom.museum/wp-content/uploads/2018/07/110701_DP_Mediation_EN.pdf) (дата обращения: 11.04.2023).

<sup>13</sup> Arts Law's Alternative Dispute Resolution Guidelines. URL: <https://www.artslaw.com.au/information-sheet/arts-laws-alternative-dispute-resolution-guidelines/> (дата обращения: 11.04.2023).

<sup>14</sup> Arts Law Centre of Australia. Alternative Dispute Resolution – Binding Expert Determination and Non-Binding Expert Evaluation. URL: [https://www.artslaw.com.au/images/uploads/NEW\\_ADR-binding\\_expert\\_determination\\_and\\_non-binding\\_expert\\_evaluation.pdf](https://www.artslaw.com.au/images/uploads/NEW_ADR-binding_expert_determination_and_non-binding_expert_evaluation.pdf) (дата обращения: 11.04.2023).

ле получения такого запроса Центр направляет сторонам копию Руководящих принципов проведения ADR и информационных бюллетеней, содержащих информацию о различных ADR, предоставляемых Центром.

При этом в случае отсутствия в соглашении сторон указания на вид ADR, будет проводиться обязательное экспертное определение или необязательная экспертная оценка, и лишь при несогласии сторон на обе эти процедуры – посредничество (медиация).

После определения способа урегулирования спора Центр предоставляет сторонам информацию о кандидатурах двух возможных специалистов (посредников либо экспертов), имеющих опыт в соответствующей сфере, и их гонорарах. После назначения соответствующего лица и выбора удобных для сторон дат, проводится сама процедура урегулирования спора, которая завершается (в зависимости от выбранной процедуры) подписанием медиативного соглашения, вынесением экспертного определения или необязательной экспертной оценки<sup>15</sup>.

**4. Проект Арбитражной палаты Милана (далее - САМ) – ADR Art & Cultural Heritage (ADR Arte)** предоставляет услуги по урегулированию споров в сфере искусства посредством процедуры посредничества (медиации)<sup>16</sup>. Как отмечается на сайте САМ, основными преимуществами процедуры, проводимой по Правилам ADR Arte, являются:

1) возможность выбора сторонами нейтральной третьей стороны – посредника (медиатора), обладающего необходимыми знаниями в соответствующей сфере;

2) возможность привлечения арт-консультантов, способствующих достижению консенсуса между сторонами;

3) скорость проведения процедуры посредничества (медиации), срок которой, как правило, не превышает 45 дней;

4) обязательный характер медиативного соглашения, подписанного сторонами, которое подлежит исполнению в соответствии с законодательством Италии<sup>17</sup>.

Согласно рассматриваемым Правилам, процедура посредничества (медиации) в САМ может проводиться двумя различными способами:

1) в соответствии с обычной процедурой, предусмотренной законодательством Италии о посредничестве (Законом от 4 марта 2010 г. № 28)<sup>18</sup> для урегулирования внутренних споров;

2) в соответствии с процедурой, предусмотренной Правилами ускоренного посредничества (медиации) (Fast Track Mediation Rules)<sup>19</sup> и являющейся более гибкой за счет возможности адаптации Правил к потребностям сторон спора. Как правило, данная процедура используется для разрешения сложных дорогостоящих споров, имеющих международный (трансграничный) характер.

Несмотря на некоторые различия между указанными процедурами, сам процесс посредничества (медиации) по ним схож. В обоих случаях сторона, желающая инициировать посредничество, уведомляет об этом Службу посредничества САМ, которая в свою очередь, уведомляет об этом другую сторону спора. После этого, второй стороне дается 20 дней на то, чтобы уведомить САМ о своем решении – присоединиться к процедуре или отказаться от нее. В первом случае после оплаты сторонами расходов и назначения посредника (медиатора) начинается процесс урегулирования спора, который завершается либо заключением медиативного соглашения, подлежащего исполнению в соответствии с итальянским законодательством, либо решением об обращении к иным способам разрешения спора ввиду невозможности достижения договоренности<sup>20</sup>. В случае же отказа стороны от участия в процедуре, она прекращается.

Несмотря на преимущества урегулирования споров в сфере искусства посредством данной процедуры, она не пользуется особой популярностью. В частности, в период с 2015 по 2018 гг. стороны воспользовались Правилами ADR Arte всего 55 раз, причем медиативные соглашения были достигнуты лишь по 17 спорам<sup>21</sup>.

**5. Проект Арбитражной палаты Венеции (Camera Arbitrale di Venezia) – Progetto Arte**<sup>22</sup> - предусматривает возможность разрешения как внутренних, так и международных (трансграничных) споров, возникающих в сфере искусства, в арбитраже, проводимом по специально принятому для этого Регламенту<sup>23</sup>.

<sup>15</sup> Arts Law's Alternative Dispute Resolution Guidelines. URL: <https://www.artslaw.com.au/information-sheet/arts-laws-alternative-dispute-resolution-guidelines/> (дата обращения: 13.04.2023).

<sup>16</sup> Art-related disputes. URL: <https://www.camera-arbitrale.it/en/mediation/art-related-disputes.php?id=526> (дата обращения: 11.04.2023).

<sup>17</sup> The benefits of ADR Art & Cultural Heritage. URL: <https://www.camera-arbitrale.it/en/mediation/art-related-disputes/the-benefits-of-adr-art-cultural-heritage.php?id=661> (дата обращения: 11.04.2023).

<sup>18</sup> Decreto Legislativo 4 marzo 2010, n. 28. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.legislativo:2010-03-04;28!vig=> (дата обращения: 11.04.2023).

<sup>19</sup> Camera Arbitrale di Milano. Fast Track Mediation. URL: <https://www.camera-arbitrale.it/it/mediazione/fast-track-mediation.php?id=484> (дата обращения: 11.04.2023).

<sup>20</sup> Milan Chamber of Arbitration. Activation and Procedure. URL: <https://www.camera-arbitrale.it/en/mediation/art-related-disputes/activation-and-procedure.php?id=662> (дата обращения: 10.04.2023).

<sup>21</sup> ADR Art & Cultural Heritage Statistics 2018 (01.01.2018-31.12.2018). URL: <https://www.camera-arbitrale.it/upload/documenti/statistiche/adr-art-facts-figures-2018.pdf> (дата обращения: 07.04.2023).

<sup>22</sup> Progetto Arte – II Regolamento degli Arbitrati in materia di Arte. URL: <http://www.camera-arbitrale-veneziana.com/?IdPagina=568> (дата обращения: 07.04.2023).

<sup>23</sup> Regolamento Degli Arbitrati In Materia Di Arte. URL: [http://www.camera-arbitrale-veneziana.com/supporto/RegolamentoArbitrati\\_Arte\\_2021\(2\).pdf](http://www.camera-arbitrale-veneziana.com/supporto/RegolamentoArbitrati_Arte_2021(2).pdf) (дата обращения: 07.04.2023).

Необходимым условием рассмотрения спора в Арбитражной палате Венеции является наличие арбитражного соглашения, которое может быть заключено в форме отдельного соглашения, оговорки в контракте или посредством обмена письмами или другими документами.

Само разбирательство по данному Регламенту аналогично арбитражу, проводимому по регламенту любого постоянно действующего арбитражного института с некоторыми отступлениями, обусловленными спецификой споров в сфере искусства. Разбирательство инициируется путем подачи уведомления об арбитраже, далее следует обмен процессуальными документами и формирование состава арбитража. Спор рассматривается одним или тремя арбитрами, в качестве которых назначаются лица, соответствующие требованиям беспристрастности и независимости и иным критериям, установленным сторонами.

При этом согласно ст. 22 Регламента и ст. 8 Кодекса этики, являющегося приложением к Регламенту, арбитр (в случае, когда это позволяет характер спора и прямо не исключено сторонами) предпринимает попытку примирения сторон, в том числе путем приглашения их к проведению процедуры посредничества (медиации) в Арбитражной палате Венеции, которая также может быть возобновлена на любой стадии арбитражного разбирательства.

В случае необходимости проведения технической экспертизы арбитр вправе назначить одного или нескольких экспертов из числа лиц, включенных в список, составленный Арбитражной палатой, и обладающих необходимыми знаниями и опытом в соответствующей сфере.

При необходимости разрешения спора относительно подлинности произведения искусства арбитр может просить Совет директоров Арбитражной палаты о назначении научного комитета, состоящего из трех членов, которые в течение 30 дней с момента принятия назначения, должны предложить арбитражу кандидатуру одного или нескольких экспертов, обладающих специальными знаниями по соответствующему вопросу (ст. 27 Регламента).

При выборе права ключевое значение отводится принципу автономии воли сторон (*lex voluntatis*), а при отсутствии такового применяется национальное право, которое арбитры считают наиболее подходящим для разрешения спора, с учетом характера отношений сторон, их статуса, контрактов, заключенных сторонами, и иных связующих факторов, имеющих отношение к делу (ст. 38 Регламента).

Вынесенное арбитражем решение исполняется в соответствии с положениями Нью-Йоркской конвен-

ции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., применимой к решениям международного коммерческого арбитража.

**6. Арбитраж по делам в сфере искусства (Court of Arbitration for Art, CAfA)** был создан в 2018 г. по инициативе нью-йоркского юриста Уильяма Чаррона (William Charron) при содействии Нидерландского арбитражного института (далее - NAI) и некоммерческой организации Authentication in Art (далее - AiA)<sup>24</sup>. Основной целью его создания являлось повышение качества выносимых решений и обеспечение признания их арт-рынком, что должно обеспечиваться за счет привлечения к рассмотрению споров признанных экспертов в соответствующей сфере.

Компетенция CAfA определена достаточно широко: споры, связанные с изобразительным искусством, включая дела о мошенничестве, краже произведений искусства, установлении их подлинности и оценке, авторских правах, праве собственности, реституции, а также споры, возникающие из разных договоров.

Необходимым условием рассмотрения споров в данном Арбитраже является наличие арбитражного соглашения, которое может быть заключено в форме арбитражной оговорки, включенной в договор, либо в виде отдельного соглашения (третейской записи), заключенного уже после возникновения спора. Тексты типовых арбитражных оговорок, предназначенных для передачи спора в CAfA, опубликованы на его сайте:

«Все споры, претензии, разногласия и требования, возникающие в связи с настоящим или последующим соглашением сторон, подлежат разрешению в соответствии с Арбитражным регламентом CAfA, состоящим из Регламента Нидерландского арбитражного института (NAI) с дополнениями и изменениями, внесенными Регламентом AiA/NAI»<sup>25</sup>.

По умолчанию местом разбирательства является Гаага (Нидерланды), что, однако, не препятствует сторонам выбрать иное место проведения слушаний. Язык разбирательства – английский (если стороны не договорились об ином).

Процесс разрешения споров в CAfA аналогичен процедуре в любом коммерческом арбитраже, а также Арбитражной палате Венеции, о которой речь шла ранее, с модификациями, необходимыми для адаптации разбирательства под нужды сторон споров, возникающих в сфере искусства.

Разбирательство инициируется путем подачи уведомления об арбитраже. После обмена процессуальными документами производится назначение арбитров, число которых должно быть нечетным (пункт 1 статьи 12 Регламента).

<sup>24</sup> New tribunal aims to provide expertise and impartiality for art disputes. URL: <https://www.theartnewspaper.com/2018/05/07/new-tribunal-aims-to-provide-expertise-and-impartiality-for-art-disputes> (дата обращения: 11.03.2023); New Court at the Hague Will Deal Exclusively with Art Disputes. URL: <https://www.smithsonianmag.com/smart-news/new-court-hague-will-deal-exclusively-art-disputes-180969052/> (дата обращения: 11.03.2023); Gilbert L. New Tribunal Aims to Provide Expertise and Impartiality for Art Disputes // Art Newspaper. 2018. URL: <https://www.theartnewspaper.com/2018/05/07/new-tribunal-aims-to-provide-expertise-and-impartiality-for-art-disputes> (дата обращения: 13.04.2023); Danziger Ch., Danziger Th. On the Case: Exploring Real World Art Law Issues // Artnet. 2014. URL: <https://news.artnet.com/market/on-the-case-exploring-real-world-art-law-issues-11677> (дата обращения: 13.04.2023).

<sup>25</sup> CAfA Arbitration Clause. URL: [https://cafa.world/arbitration/arbitration\\_clause/](https://cafa.world/arbitration/arbitration_clause/) (дата обращения: 01.04.2023).

По умолчанию количество арбитров составляет 3 (за исключением случаев, когда сумма спора не превышает 1,5 млн евро или стороны договорились об ином) (п. 2 ст. 12 Регламента). При этом каждая сторона вправе назначить по одному арбитру, а третий назначается избранными сторонами арбитрами и выполняет роль председателя состава арбитража (п. 3 ст. 12).

В качестве арбитров, как правило, выступают лица, упомянутые в рекомендованном CAfA Списке, в который включены юристы, имеющие опыт ведения судебных дел или консультирования клиентов по спорам в сфере искусства или международного коммерческого арбитража. Назначение арбитров из числа лиц, не включенных в указанный Список, возможно только с согласия администратора NAI и требует раскрытия их имен и прочих сведений о них, а также причин отказа от арбитров, включенных в Список. При этом единственной уважительной причиной, позволяющей отступить от Списка, является желание стороны назначить арбитра, имеющего опыт в соответствующей сфере, и отсутствие такового в Списке (ст. 11 Регламента).

В ходе разбирательства стороны могут заявить определенные ходатайства, включая ходатайство о присоединении дополнительной стороны, о проведении ускоренного или упрощенного разбирательства и др.

Сама процедура рассмотрения спора и, в частности, слушания, проводится так, как сочтут наиболее подходящим арбитры (при условии обеспечения равного отношения к сторонам, предоставления им разумных возможностей для представления своей позиции по делу и сохранения конфиденциальности). При этом арбитры должны действовать так, чтобы избежать ненужных задержек, промедлений, а также обеспечить справедливое и эффективное разбирательство.

В целях предотвращения «битвы экспертов», имевшей место в упоминавшемся ранее деле *Greenberg Gallery Inc. v Bauman*, Регламент CAfA предусматривает ряд вопросов, экспертиза по которым может проводиться исключительно экспертами, привлекаемыми составом арбитража из числа лиц, включенных в Список экспертов NAI/AiA. К числу таких вопросов отнесены установление подлинности и авторства произведений искусства, а также проведение криминалистической экспертизы. По остальным вопросам эксперты могут назначаться как арбитрами, так и сторонами спора.

В случае возникновения сложного технологического вопроса, касающегося, например, аутентичности арт-объекта, арбитры (с согласия сторон) могут назначить советника, который будет консультировать их.

Наряду с этим, арбитры вправе по своей инициативе или по запросу одной из сторон проводить фи-

зический осмотр спорных произведений искусства и осматривать доказательства на месте (ст. 30 Регламента).

Особенности имеет и процесс определения применимого права: при отсутствии соглашения сторон спор разрешается на основе права страны основного места нахождения продавца (если он известен в момент совершения сделки) либо (если спор возник по другому вопросу) – права страны основного места нахождения владельца соответствующего произведения искусства в момент начала арбитража, дополняемого отраслевой практикой (ст. 13).

Как и Регламент NAI, Арбитражный регламент CAfA предусматривает возможность публикации решений, вынесенных арбитражем (без указания лиц, вовлеченных в разбирательство), в арбитражном журнале *Tijdschrift voor Arbitrage*. Необходимым условием для этого является отсутствие возражений сторон, которые могут быть поданы в течение двух месяцев с даты вынесения решения. При этом решения публикуются вместе с их мотивировочной частью и списком произведений искусства, являвшихся предметом спора, что необходимо для обнародования информации относительно подлинности соответствующего произведения. Вместе с тем, если сам факт возникновения спора может оказать негативное влияние на репутацию стороны либо стоимость произведения искусства, то сторона вправе запретить публикацию решения.

Помимо арбитража CAfA предоставляет услуги по урегулированию споров в сфере искусства путем посредничества (медиации), проводимой по специально принятому для этого Регламенту<sup>26</sup>. Необходимым условием для этого является заключение сторонами медиативной оговорки, рекомендованный текст которой опубликован на сайте CAfA:

«В целях урегулирования любого спора, претензии, разногласия или требования, которые возникли или могут возникнуть в связи с настоящим или последующим соглашением сторон, любая из сторон вправе подать запрос о посредничестве (медиации) в секретариат Нидерландского арбитражного института (NAI) в соответствии с Регламентом CAfA, состоящим из Регламента процедуры посредничества (медиации) Нидерландского арбитражного института, дополненного и измененного Дополнительным регламентом посредничества (медиации) AiA/NAI»<sup>27</sup>.

Важной особенностью Регламента CAfA является возможность назначения посредника (медиатора) только из числа лиц, включенных в Список, рекомендованный CAfA<sup>28</sup> (ст. 4), что должно способствовать обеспечению эффективной процедуры урегулирования спора. Как и в случае с арбитражем, отступление от такого Списка возможно лишь с согласия администратора CAfA и при наличии уважительных причин.

Важным аспектом посредничества (медиации),

<sup>26</sup> CAfA Mediation Rules in force as of 1 January 2019 (NAI Mediation Rules and AiA/NAI Adjunct Mediation Rules Combines). URL: <https://www.cafa.world/docs/CAfA%20Mediation%20Rules.pdf> (дата обращения: 11.04.2023).

<sup>27</sup> Rules and Clauses. URL: [https://www.cafa.world/mediation/rules\\_and\\_clauses/](https://www.cafa.world/mediation/rules_and_clauses/) (дата обращения: 11.04.2023).

<sup>28</sup> Pool of Mediators. URL: <https://www.cafa.world/mediation/pool/> (дата обращения: 11.04.2023).

проводимого CAfA, является конфиденциальность и возможность принудительного исполнения медиативного соглашения, которое для этих целей может быть изложено в арбитражном решении в соответствии со ст. 1069 Гражданского процессуального кодекса Нидерландов (*Wetboek van Burgerlijke Rechtsvordering*), и, соответственно, иметь силу такового<sup>29</sup>.

Услуги по урегулированию споров в сфере искусства (включая арбитраж и посредничество (медиацию)) предоставляют также частные компании, такие как *British Art Resolve*<sup>30</sup> и *Art Global*.

Важную роль в обеспечении эффективного урегулирования споров в данной сфере играют также различные научно-исследовательские организации, такие как Женевский центр арт-права (*Geneva Art-Law Centre*), интегрированный с юридическим факультетом Женевского университета и получающий значительную поддержку от Фонда арт-права (*Art Law Foundation*)<sup>31</sup>, основанного в 1991 г.

При поддержке Швейцарского национального научного фонда (*Swiss National Science Foundation, SNSF*) Женевский центр проводит исследование на тему «Альтернативные способы урегулирования споров (ADR) и культурные ценности», в котором анализируются преимущества использования ADR в сфере искусства и изучаются причины, по которым стороны могут отдать предпочтение конкретным способам разрешения споров. Наряду с этим, Центр проводит исследования практических, этических и правовых последствий ADR и сравнивает их с последствиями судебного разбирательства.

Одним из важнейших результатов работы Центра является создание базы данных *ArThemis*, содержа-

щей информацию о разрешении споров в сфере искусства посредством ADR и позволяющей осуществлять поиск по способу урегулирования спора, хронологии дела, примененному для разрешения спора механизму и правовым вопросам.

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим следующее:

1. Многочисленные проблемы, возникающие при рассмотрении споров в сфере искусства в государственных судах, свидетельствуют о низкой эффективности данного способа разрешения споров. В связи с этим, стороны таких споров все чаще отдают предпочтение альтернативным способам их урегулирования (ADR), таким как обязательное экспертное определение, необязательная экспертная оценка, посредничество (медиация) и арбитраж.

2. Наиболее предпочтительными способами урегулирования споров в сфере искусства являются посредничество (медиация) и арбитраж.

3. Наиболее предпочтительным среди арбитражных институтов, разрешающих споры в сфере искусства, является Арбитраж по делам в сфере искусства (CAfA), предусматривающий привлечение к разрешению споров специалистов в соответствующей области, а также установление ограничений на возможность проведения экспертизы по наиболее важным вопросам, таким как установление подлинности и авторства произведений искусства, проведение криминалистической экспертизы. Указанные особенности позволяют избежать «битвы экспертов», назначенных сторонами, повысить качество выносимых арбитражем решений, и, как следствие, обеспечить признание их арт-рынком.

#### Библиографический список

1. Arsic M. *Mediation in Cultural Heritage Disputes: Pro et Contra*. URL: [http://thinktank.grn.global/wp-content/uploads/2020/12/Associate\\_Milica\\_Arsic\\_-\\_Working\\_Paper\\_-\\_Mediation\\_in\\_Cultural\\_Heritage\\_Disputes.pdf](http://thinktank.grn.global/wp-content/uploads/2020/12/Associate_Milica_Arsic_-_Working_Paper_-_Mediation_in_Cultural_Heritage_Disputes.pdf).
2. Bhutoria S., Ghaffari S., Motamedi A. *Art Disputes and the Court of Arbitration for Art: Evolution or Revolution?* // *The American Review of International Arbitration*. – 2021. URL: <https://aria.law.columbia.edu/art-disputes-and-the-court-of-arbitration-for-art-evolution-or-revolution/?cn-reloaded=1>.
3. Campfens E. *Restitution of Looted Art: What About Access to Justice?* // *Santander Art and Cultural Law Review*. – 2018. – Issue 4. – No. 2. – Pp. 185-220.
4. Chechi A. *The Settlement of International Cultural Heritage Disputes*. – Oxford University Press, 2014. – 334 p.
5. Danziger Ch., Danziger Th. *On the Case: Exploring Real World Art Law Issues* // *Artnet*. – 2014. URL: <https://news.artnet.com/market/on-the-case-exploring-real-world-art-law-issues-11677>.
6. Deli M., Proietti V. *Art-related disputes and ADR methods* // *Revista de direito internacional*. – 2020. – Volume 17. – Issue 3. – Pp. 127-149.
7. Gilbert L. *New Tribunal Aims to Provide Expertise and Impartiality for Art Disputes* // *Art Newspaper*. – 2018. URL: <https://www.theartnewspaper.com/2018/05/07/new-tribunal-aims-to-provide-expertise-and-impartiality-for-art-disputes>.
8. Guidera L. *The art of the deal* // *The Resolver: The Quarterly Magazine of the Chartered Institute of Arbitrators*. – 2019. – Issue 1. – Pp. 8-10.
9. Gwozdziwicz-Matan P. *Alternative dispute resolution in art-related cases* // *Problemy Prawa Prywatnego Międzynarodowego*. – 2018. – Issue 22. – Pp. 51-67.

<sup>29</sup> Motamedi A., De Roji H., Ghaffari S. *Mediation in Art Law: A New Era with the CAfA?* URL: <https://mediate.com/mediation-in-art-law-a-new-era-with-the-cafa/> (дата обращения: 11.04.2023).

<sup>30</sup> *Art Resolve*. *Transforming cultural property disputes*. URL: <https://artresolve.org/art-disputes-mediation-adr-services/> (дата обращения: 01.04.2023).

<sup>31</sup> FDA. *Fondation pour le droit de l'art*. URL: <https://artlawfoundation.com/foundation/> (дата обращения: 12.04.2023).

- 
10. Miller M.H. The Big Fake: Behind the Scenes of Knoedler Gallery“s Downfall // Art News. URL: <https://www.artnews.com/art-news/artists/the-big-fake-behind-the-scenes-of-knoedler-gallery-s-downfall-6179/>.
  11. Motamedi A., De Roji H., Ghaffari S. Mediation in Art Law: A New Era with the CAfA? URL: <https://mediate.com/mediation-in-art-law-a-new-era-with-the-cafa/>.
  12. Nikas L., A Shah M. The Mediation and Arbitration of International Art Disputes. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=a1d0d92a-1116-4407-907f-981210e88164>.
  13. Vadi V., Schneider H. Art, cultural heritage and the market: ethical and legal issues. – Springer, 2014. – 360 p.

Рецензент: Терентьева Л.В., д.ю.н., профессор кафедры международного частного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

## КОМЛЕВ МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ

преподаватель кафедры гражданского права ФГАОУ «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, maksim-komlev@mail.ru

### СООТНОШЕНИЕ «PROMISSORY ESTOPPEL» И «WAIVER» В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ ПРАВЕ

#### KOMLEV MAKSIM SERGEEVICH

Lecturer of the Department of Civil Law, Dostoevsky Omsk State University, 644077, Omsk, Mira avenue, 55a, maksim-komlev@mail.ru

### THE COMPARISON «PROMISSORY ESTOPPEL» AND «WAIVER» IN ANGLO-AMERICAN LAW

**Аннотация.** Автором осуществлен анализ условий применения правовых механизмов запрета противоречивого поведения (*promissory estoppel*) и отказа от осуществления прав по договору (*waiver*) в англо-американском праве, проведено разграничения указанных явлений. На основе полученных результатов даны рекомендации по возможности учета зарубежного опыта при разграничении запрета противоречивого поведения и отказа от осуществления прав по договору в российском праве.

**Ключевые слова.** Запрет противоречивого поведения, отказ от осуществления прав по договору, эстоппель, недобросовестность, договор.

**Review.** The author has analyzed the conditions for the application of the legal mechanisms of the contradictory behavior prohibition (*promissory estoppel*) and the renounce of rights under a contract (*waiver*) in Anglo-American law, and has differentiated these phenomena. Based on the results obtained, recommendations have been given on the possibility of taking into account foreign experience when distinguishing between the prohibition of contradictory behavior and the waiver of rights under a contract in Russian law.

**Key words.** The contradictory behavior prohibition, *waiver*, *estoppel*, *unconscientiousness*, *contract*.

В последние годы в отечественной правовой науке активно прорабатывается вопрос о заимствовании в российское право зарубежных правовых институтов. В сфере договорного права это выразилось во включении в ГК РФ ст. 450.1 ГК РФ, регулирующей вопросы отказа от осуществления прав по договору.

В отечественной правовой доктрине отсутствует единство позиций относительно правовой природы конструкции, указанной в п. 5-7 ст. 450.1 ГК РФ, например, А.Г. Карапетов отмечает, что в ст. 450.1 ГК РФ отсутствует четкое разграничение между эстоппелем и отказом от осуществления прав по договору<sup>1</sup>.

В силу этого представляет интерес изучение различий между аналогичными правовыми институтами, существующими в англо-американском праве, имеющими наименование *promissory estoppel* и *waiver*. Обе конструкции применяются в сходных отношениях, возникающих между несколькими сторонами, в рамках которых одна сторона при наличии нескольких вариантов возможного поведения придерживается одного из них, а в дальнейшем стремится отказаться от него. Однако в зависимости от об-

стоятельств, сопутствующих описанной ситуации, в англо-американском праве она может быть разрешена на основе запрета противоречивого поведения (*promissory estoppel*) или отказа от осуществления прав по договору (*waiver*).

Сперва следует отметить, что одним из явлений, подлежащих анализу в рамках настоящей статьи, является *promissory estoppel*, который, несмотря на наименование, не является видом *estoppel* в англо-американском праве, а считается самостоятельным правовым явлением, хотя и имеющим сходные цели и результаты действия. Как отмечает исследователь Ян Халберда, в отличие от *estoppel*, данный вид возник в праве справедливости, а не в общем праве<sup>2</sup>. При этом его роль сводится не к пресечению противоречивого поведения, как у обычного *estoppel*, а к восполнению встречного предоставления (*consideration*), являющегося одним из обязательных элементов договора в англо-американском праве<sup>3</sup>. Аналогичные представления высказываются и индийскими юристами, отмечающими, что *promissory estoppel* нельзя отнести ни к договорному праву, ни к *estoppel*, а в его основе лежит идея о смягчении положений закона<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. С. 1088.

<sup>2</sup> Halber J. Na pograniczu common law i equity law. Początki doktryny estoppel w prawie angielskim // Wydawnictwo Gdanskiej Szkoły Wyższej. 2017. S. 245.

<sup>3</sup> Hill v. Mayers (1990) 802 P.2d 694. URL: <https://law.justia.com/cases/oregon/court-of-appeals/1990/802-p-2d-694.html> (дата обращения: 15.02.2025).

<sup>4</sup> Krishnaprasad K.V., Niranjana V. and other. Foundations of Indian Contract Law. Oxford: Oxford University Press. 2024. P. 122-123.

Разграничение promissory estoppel и estoppel было необходимо для того, чтобы у читателей не возникло путаницы между ними, что могло бы привести к неверной оценке дальнейшего сравнения правовых явлений, отметим также, что к promissory estoppel нельзя автоматически применять положения, регулирующие estoppel.

После отграничения promissory estoppel от estoppel считаем целесообразным перейти к выделению условий, необходимых для применения promissory estoppel. К ним можно отнести:

1) ясное и недвусмысленное обещание;  
2) обоснованное доверие у лица, получившего обещание;

3) несправедливость изменения своей позиции.

1. Ясное и недвусмысленное обещание.

Раскрывая первый пункт, нужно отметить, что английский правовед Г. Трайтель указывает на возможность применения promissory estoppel только в отношении обещания, способного породить договорное обязательство, если же оно не обладает достаточной степенью определенности, чтобы быть офертой, то оно и не приведет в действие доктрину promissory estoppel<sup>5</sup>. Соответственно, обещание, данное стороной правоотношения, должно содержать четкую и однозначную информацию о позиции одной из сторон, при этом конкретность такой информации должна быть равна оферте. Немаловажно отметить, что такое обещание может быть дано не только в результате активных действий стороны, но и в результате её молчания или бездействия, но только в случае, если с учетом других обстоятельств дела такое молчание или бездействие может исключить двусмысленные оценки поведения со стороны разумного участника гражданского оборота<sup>6</sup>.

2. Обоснованное доверие у лица, получившего обещание.

Promissory estoppel как специальное средство преодоления формализма закона должно защищать разумного участника гражданского оборота, имеющего среднестатистические способности к оценке поведения иных субъектов права. Именно с точки зрения такого среднего участника гражданского оборота и производится оценка обоснованности возникновения доверия к действиям другой стороны. Как отмечено в деле *McCutcheon v. David Macbrayne Ltd*, в задачу суда входит выяснение не фактических намерений каждой из сторон, а установления того, какие выво-

ды мог бы сделать разумный участник оборота из позиции другой стороны<sup>7</sup>. Если же доверие возникло в результате неверной оценки поведения первой стороны или стало исключительно результатом внутренней воли и суждений второй стороны, то доверие не может считаться разумным и обоснованным, основания для применения promissory estoppel отсутствуют.

3. Несправедливость подрыва обоснованного доверия.

В современном английском праве несправедливость подрыва доверия в настоящий момент сводится к приравниванию его к ущербу<sup>8</sup>. Аналогичные представления сформированы и в США, в которых даже с учетом отличающихся правовых систем отдельных штатов признают, что promissory estoppel может применяться только при возникновении ущерба у доверившейся стороны<sup>9</sup>, более того, в применении promissory estoppel отказывают, если отсутствуют доказательства возникновения материальных потерь<sup>10</sup>.

Учитывая, что механизм изменения договора во многом схож с заключением и требует помимо оферты и акцепта наличия встречного предоставления, то и при изменении договора существует возможность применения promissory estoppel. Именно в этом случае возникают спорные ситуации, требующие разграничения promissory estoppel с отказом от осуществления прав по договору (waiver).

После краткого изложения условий применения promissory estoppel следует рассмотреть доктрину waiver. Её можно охарактеризовать как отказ от осуществления права по договору, однако такая характеристика будет крайне упрощенной, не отражающей всего многообразия конструкций, скрывающихся под этим именем.

Единого определения данной доктрины в англо-американском праве нет.

Исследователь Олссон под waiver понимает отказ стороны от принадлежащего ей права путем заявления или поведения, при котором другая сторона может ссылаться на это как на доказательства факта наличия или прекращения правоотношения<sup>11</sup>. Адам Крамер определяет его как ситуацию, при которой сторона отказывается от своих прав или преимуществ, предусмотренных договором<sup>12</sup>. В судебной практике довольно распространено определение waiver как явления, подразумевающего, что сторона

<sup>5</sup> Treitel G. The law of contract, 14th. London: Sweet & Maxwell Ltd, 2015. P. 144-145.

<sup>6</sup> *Genomind Inc v. UnitedHealth Grp* (2021) Civil Action 21-373. URL: <https://casetext.com/case/genomind-inc-v-unitedhealth-grp> (дата обращения: 18.02.2025).

<sup>7</sup> *McCutcheon v David MacBrayne Ltd* (1964) UKHL 7. URL: [https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1964/1964\\_SC\\_HL\\_28.html](https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1964/1964_SC_HL_28.html) (дата обращения: 20.02.2025).

<sup>8</sup> *Bank of Ireland v. McGettigan & Anor* (2021) IEHC 622. URL: <https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ie/cases/IEHC/2021/2021IEHC622.html> (дата обращения: 17.02.2025).

<sup>9</sup> Tory A. Weigand. Promissory Estoppel's Avoidance of Injustice and Measure of Damages: The Final Frontier // *Suffolk Journal of Trial and Appellate Advocacy*. 2018. Vol. 23. Issue 1. Article 5. P. 24-26.

<sup>10</sup> *Whitehall Oil Company v. Boagni* (1969) 229. So. 2d 702. URL: <https://casetext.com/case/whitehall-oil-company-v-boagni-3> (дата обращения: 25.02.2025).

<sup>11</sup> Olsson E. Waiver and Estoppel // *Australian construction law newsletter*. №80. 2001. P. 18.

<sup>12</sup> Kramer A. Contracts: waiver. URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/Document/I8cf1f48ae82f11e398db8b09b4f043e0/View/FullText.html?transitionType=SearchItem&contextData=\(sc.Search\)](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/Document/I8cf1f48ae82f11e398db8b09b4f043e0/View/FullText.html?transitionType=SearchItem&contextData=(sc.Search)) (дата обращения: 25.02.2025).

добровольно и намеренно отказалась от известного ей права либо осуществило действие или бездействие, несовместимое с этим правом<sup>13</sup>.

Уже из указанных формулировок можно увидеть некоторое сходство с доктриной *promissory estoppel*, в которой сторона создает у другого участника представления о тех или иных фактах, а в дальнейшем меняет своё решение.

Однако необходимо отметить, что термин «waiver» в англо-американском праве является многогранным. О неоднозначности трактовки понятия *waiver* высказывались еще в начале XX века, указывая, что под ним понимаются сразу несколько конструкций, относящихся к договорному праву, праву справедливости и обычному отказу от ответственности<sup>14</sup>.

Подобная неясность сохраняется и в настоящее время, Шон Вилкэн и Карим Гхали, анализируя судебную практику, отмечают, что судьи уклоняются от того, чтобы давать определение *waiver*, считая, что оно является размытым и нечетким явлением<sup>15</sup>. Эван МакКендрик отмечает, что у понятия «waiver» существует несколько значений: *waiver by estoppel* (вэйвер через эстоппель) и *waiver by election* (вэйвер через выбор)<sup>16</sup>, которые по своей сути представляют разные явления со сходным наименованием. О неоднородности правовых конструкций, обозначаемых «waiver», говорится и в *Chitty on Contracts*, где отмечается, что под *waiver*, во-первых, понимается ситуация, при которой одна из сторон добровольно соглашается с требованием другой стороны не настаивать на исполнении какого-либо условия, установленно-го договором, после чего суд может постановить, что такая сторона отказалась от своего права требовать, чтобы договор исполнялся в соответствии с его первоначальным содержанием (*waiver by election*), во-вторых, *waiver* (в смысле «*waiver by estoppel*») может быть признан имевшим место, если без какой-либо просьбы одна сторона заявляет другой, что она не будет требовать исполнения условий договора или полагаться на соблюдение отдельных условий договора, а другая сторона действует, полагаясь на созданное первой стороной представление<sup>17</sup>.

Таким образом, из этого следует, что в англо-американской доктрине есть позиция о существовании двух разновидностей *waiver*: зависящей от выбора стороны (*waiver by election*) и зависящей от восприятия поведения другой стороной (*waiver by estoppel*). Исследователи, разделяющие *waiver by election* и *waiver by estoppel*, кроме этого отграничи-

вают их и от *promissory estoppel*. Например, Шон Вилкэн и Карим Гхали считают, что *waiver by estoppel* и *promissory estoppel* – это явления разной правовой природы, так как в механизме *promissory estoppel* важнейшее значение имеет поведение доверившейся стороны и лишь во вторую очередь оцениваются действия лица, создавшего представление; кроме того, для *promissory estoppel* не имеет никакого значения знание действующего лица о наличии у него права, для *waiver by estoppel* знание действующей стороны о наличии у неё права, от которого осуществляется отказ, является обязательным элементом; далее, для *waiver by estoppel* достаточно самого поведения стороны, для *promissory estoppel* помимо поведения требуется установления разумного доверия другой стороны, а также наличие у неё ущерба<sup>18</sup>. Аналогичная позиция о самостоятельности *waiver by election*, *waiver by estoppel* и *promissory estoppel* изложена в деле *Persimmon Homes (South Coast) LTD v. Hall Aggregates (South Coast)*<sup>19</sup>.

Вторая позиция заключается в отрицании существования *waiver by estoppel*. Сторонники этого подхода считают *waiver by estoppel* одним из способов реализации *promissory estoppel*, например, именно такое понимание было высказано в деле *United Americas St. Bank v. Wild West Chrysler Plymouth*<sup>20</sup>. Именно эта позиция и является доминирующей в настоящий момент, Эван МакКендрик, являющийся её сторонником, отмечает, что разграничение *promissory estoppel* и *waiver by estoppel* на практике невозможно<sup>21</sup>.

На наш взгляд, разграничение между *promissory estoppel* и *waiver by estoppel* действительно носит призрачный характер, так как отличия, приводящиеся в доктрине, не могут дать однозначного ответа. В частности, первым различием называют сферу действия, отмечая, что *waiver by estoppel* может применяться только в договорных отношениях, а *promissory estoppel* в договорных и внедоговорных отношениях, но это неизбежно порождает пересечение сфер их действия в договорном праве, следовательно, сферы действия не вносят конкретику в данный вопрос. Вторым критерием называют необходимость установления знания лица о наличии у него вариантов поведения и осознанность выбора одного из имеющихся вариантов для применения *waiver by estoppel* и отсутствие такого знания для применения *promissory estoppel*. Рассматривая его, можно отметить, что он дает четкую границу между *promissory estoppel* и *waiver*, но не дает никакого представления о границах

<sup>13</sup> *Steele Commc'ns Inc. v. Journal Broad. GRP. Of Kan. Inc* (2017) 388 P.3d 84. – URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5ca3d0cb342cca12333cfc72> (дата обращения: 01.03.2025).

<sup>14</sup> Campbell C. *The Doctrine of Waiver* // *Michigan Law Review*. 1904. Vol. 3. № 1. P. 9-10.

<sup>15</sup> Wilken S, Ghaly K. *The law of waiver, variation and estoppel*, 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 20-21.

<sup>16</sup> McKendrick E. *Contract Law*, 12th ed. London: Sweet & Maxwell Ltd, 2017. P. 105.

<sup>17</sup> Hugh Beale. *Chitty on Contracts*. London, 32nd Ed: Sweet & Maxwell Ltd, 2018. Vol. 1. P.756.

<sup>18</sup> Wilken S, Ghaly K. *Op.cit.* P. 23-24.

<sup>19</sup> *Persimmon Homes (South Coast) LTD v. Hall Aggregates (South Coast)* (2009) NPC 118. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff71b60d03e7f57ea79e3> (дата обращения: 01.03.2025).

<sup>20</sup> *United American St. Bank v. Wild West Chrysler Plymouth* (1977) 221 Kan. 523. URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/591494d1add7b049345c3690> (дата обращения: 01.03.2025).

<sup>21</sup> McKendrick E. *Op. cit.* P. 105.

promissory estoppel, waiver by estoppel и waiver by election, так как и для waiver by estoppel и для waiver by election такое знание является обязательным.

Именно невозможность разграничения waiver by estoppel и promissory estoppel стала причиной того, что в 2024 году Верховный Суд Великобритании поставил точку в этом вопросе, определив, что waiver by estoppel является разновидностью promissory estoppel<sup>22</sup>.

Таким образом, нам видится, что в настоящее время ранее существовавшее деление на waiver by estoppel и waiver by election утратило свою актуальность, уступив своё место делению на waiver by election (именуемый в настоящее время waiver) и promissory estoppel. На основании этого в дальнейшем считаем необходимым сфокусироваться именно на различиях promissory estoppel и waiver.

Прежде чем начать разграничение promissory estoppel и waiver стоит отметить, что грань между ними достаточно тонкая. Настолько тонкая, что в XIX веке Верховный Суд США отметил, что доктрина waiver, применяемая с целью избежать строгого соблюдения условий, содержащихся в договорах, является лишь другим названием доктрины эстоппель<sup>23</sup>. А практически сто лет спустя лорд Деннинг в деле *AP v. Texas Bank* отметил, что если ранее estoppel и waiver, возможно, и отличались друг от друга, то в настоящий момент слились в один общий принцип<sup>24</sup>.

Но, как представляется, разграничение promissory estoppel и waiver всё-таки возможно, более того, имеет не только теоретическую, но и практическую значимость.

После анализа приводившихся выше определений waiver можно сделать вывод, что его основным компонентом является осознанный выбор лица, совершенный путем явного или конклюдентного волеизъявления. Чтобы лицо могло быть признано сознательно отказавшимся от реализации права, логично предположить, что оно должно знать о наличии у него этого права и, зная о существовании такого права, сделать выбор не использовать его. Именно выбор лица и его последующая ответственность за него и являются причинами того, что лицо не может отрицать совершенный выбор, что было особо подчеркнуто в деле *Prather v. Colorado Oil Gas Corp.*: «намерение отказаться от известных прав имеет существенной значение»<sup>25</sup>. При этом знание лица о наличии у него права

может быть явным (например, о наличии такого права указано в законе или в договоре), а также выводимым, основанным на анализе действий такого лица<sup>26</sup>. Нужно также учитывать, что имеет значение знание именно лица, против которого пытаются применить waiver, если о наличии у него права известно иным лицам, но не ему, то нельзя говорить о совершении в таких условиях выбора.

Иными словами, waiver – это доктрина договорного права, основанная на диспозитивности сторон гражданского правоотношения, на свободе реализации ими своих прав при одновременной ответственности за совершенные действия, необходимости отвечать за выбранные варианты поведения. Как отмечает Малком Кларк, waiver возникает лишь в ситуации взаимоисключающего выбора, если же никакого выбора нет и не может быть, то это является promissory estoppel<sup>27</sup>.

Таким образом, основанием для защиты права с применением waiver является предшествующий этому осознанный отказ стороны от этого права. Договорный характер waiver можно проследить также в следующем: стороны могут заранее согласовать в договоре, что положения о waiver не применяются<sup>28</sup> или что сторона отказывается (waiver) от реализации какого-либо своего права<sup>29</sup> (чаще всего выражается в отказе стороны обращаться в суд в случае причинения убытков или вреда в рамках исполнения договора).

Как отмечал Джон С. Эварт, отказ от права может быть однозначно согласован сторонами, в таком случае представляет собой двусторонний контракт, а может быть и односторонним в том смысле, что управомоченная сторона в той или иной форме (активно или пассивно) отказывается от реализации своего права, тем самым выбирает между использованием или неиспользованием, из-за этого для применения waiver необходимо доказать, что сторона совершила выбор<sup>30</sup>.

В отличие от этого promissory estoppel является судебной доктриной<sup>31</sup>, направленной на защиту доверившейся стороны правоотношения от несправедливых действий другой стороны. То есть целью promissory estoppel является не осуществление предполагаемого намерения стороны на отказ от права, а недопустимость несправедливых намерений одной из сторон, выразившихся во введении в заблуждение

<sup>22</sup> *Ciaran Charles Little & Anor v. Olympian Homes Limited* (2024) EWHC 1766 (Ch). URL: <https://caselaw.nationalarchives.gov.uk/ewhc/ch/2024/1766> (дата обращения: 26.03.2025).

<sup>23</sup> *Insurance Company v. Wolff*. (1877) 95 U.S. 326. URL: <https://casetext.com/case/insurance-company-v-wolff> (дата обращения: 26.03.2025).

<sup>24</sup> *Amalgamated Investment & Property Company Ltd v Texas Commerce International Bank Ltd.* (1981) EWCA Civ J0731-3. URL: <https://vlex.co.uk/vid/amalgamated-investment-property-company-793782577> (дата обращения: 26.03.2025).

<sup>25</sup> *Prather v. Colorado Oil Gas Corp.* (1975) 218 Kan. 111. URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/591495a0add7b049345d229d#p117> (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>26</sup> *Flott v. Wenger Mixer Manufacturing Co.* (1961) 189 Kan. 80. URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914c92eadd7b049347f03b8#p90> (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>27</sup> Malcolm C. Waiver and Estoppel: Cold Fusion in the Court of Appeal? // *The Cambridge Law Journal*. 1990. Vol. 49. №2. P. 209.

<sup>28</sup> Olsson E. Op. cit. P. 19.

<sup>29</sup> Keith N. Hylton. Waivers // *Nebraska Law Review*. 2023. № 1(102). P. 172-173.

<sup>30</sup> John S. Ewart. Waiver or Election // *Harvard Law Review*. 1916. Vol. 29. № 7. P. 728-729.

<sup>31</sup> *Stecline Commc'ns Inc. v. Journal Broad. GRP. Of Kan. Inc* (2017) 388 P.3d 84. URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5ca3d0cb342cca12333cfc72> (дата обращения: 01.03.2025).

стороны с последующим изменением поведения и возникновением ущерба у другой стороны<sup>32</sup>. Из-за того, что promissory estoppel не является договорной доктриной, его действие не может быть отменено или скорректировано соглашением сторон, в определенном смысле promissory estoppel можно считать императивной нормой, пресекающей несправедливость.

Различаются и элементы promissory estoppel и waiver, например, как было показано выше, для promissory estoppel необходимо доказать факт доверия, а также возникновение ущерба в результате изменения позиции. Но для waiver доверие и добросовестность другой стороны в принципе не имеют никакого значения, так как данная конструкция не направлена на восстановление справедливости, а препятствует стороне отказаться от сделанного ею выбора, то есть фокусируется не на субъекте, который положился на сделанный выбор, а на субъекте, который этот выбор сделал, в силу этого отпадает и признак ущерба, поскольку отказ от ранее сделанного выбора неправомерен уже сам по себе, так как нарушает основополагающий принцип договорного права «*res sunt servanda*». Именно различия по элементному составу и отмечают суды в качестве критерия разграничения данных конструкций.

Различаются и правовые последствия их применения. Блокирование возможности реализации права при promissory estoppel, по общему правилу, носит временный характер, сторона сохраняет возможность использования права в дальнейшем после уведомления другой стороны об этом, waiver же влечет полную невозможность использования данного права<sup>33</sup>, которая не может быть восстановлена впоследствии.

Разницу в ситуациях, при которых действуют waiver и estoppel, наглядно показывает Малкольм Кларк, отмечающий, что, когда страховщику известно что-то, что дает ему право расторгнуть договор или отказаться от исполнения обязательств из-за нарушений его другой стороной, он должен выбрать, воспользоваться этим правом или нет, и то, что следует за этим, является случаем waiver, но если по той или иной причине страховщик указывает, что он не станет в будущем настаивать на исполнении какого-либо условия, необходимости сообщения информации, то это является promissory estoppel<sup>34</sup>. Иными словами, для waiver такое право на момент отказа от его осуществления должно существовать, если же сторона указывает, что будет снисходительно относиться к нарушениям, совершаемым в будущем, то это promissory estoppel, так как нет права, от которого можно было бы отказаться.

Следовательно, можно сделать следующие выводы о соотношении promissory estoppel и waiver:

1. Основным элементом для waiver является совершение осознанного выбора между договорными

правами, имеющимися у данного лица, а если лицо не знает о наличии у него какого-либо права, то нельзя говорить о наличии выбора и о применении waiver. Для promissory estoppel не имеет значение знание субъекта.

2. Waiver является констатацией уже совершенного отказа от осуществления права, имеет договорную природу. Promissory estoppel же препятствует реализации имеющегося у лица права, если такая реализация будет несправедливой.

3. Форма реализации waiver и promissory estoppel одинакова, может иметь разные проявления, в том числе и в конклюдентных действиях. «Форма может выражаться в любой форме» – опять же тавтологичная фраза.

4. Для waiver не имеет значение, изменила ли другая сторона своё поведение после совершения выбора первой, положила ли она на него или нет, для promissory estoppel изменение позиции и возникновение доверия является критически важным.

5. В результате promissory estoppel у доверившейся стороны обязательно должен возникнуть ущерб, при waiver ущерб может отсутствовать.

6. Waiver представляет собой осознанный и однозначный отказ от осуществления права, что влечет постоянный эффект, promissory estoppel же носит временный характер блокировки, если в дальнейшем реализация права станет соответствовать требованиям справедливости, то сторона сможет его использовать ранее заблокированное право повторно.

Таким образом, можно сделать вывод, что waiver и promissory estoppel, имея сходные правовые последствия – блокирование права стороны договора, – имеют различную природу. Waiver – институт договорного права, предусматривающий невозможность отказа лица от осознанно выбранной им позиции относительно реализации прав по договору, очень отдаленно его можно охарактеризовать как недопустимость одностороннего отказа от обязательства, так как ранее сторона своим поведением приняла на себя дополнительные обязательства не использовать право, из-за этого для его применения не имеют значения действия другой стороны договора. Promissory estoppel же – институт права справедливости, блокирование права одной стороны связано с необходимостью защиты второй стороны обязательства, которая положила на представление или заверения первой стороны, в этом случае краеугольным камнем как раз является установление разумности поведения доверившейся стороны договора, отчего и зависит, получит такая сторона правовую защиту или нет.

Аналогичное разграничение запрета противоречивого поведения и отказа от осуществления прав по договору, как представляется, может быть использовано и в российском праве.

<sup>32</sup> Flott v. Wenger Mixer Manufacturing Co. (1961) 189 Kan. 80. URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5914c92eadd7b049347f03b8#p90> (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>33</sup> Compagnia Tirrena di Assicurazioni S.P.A. v. Grand Union Insurance Co. LTD. (1991) 2 Lloyd's Rep 143. URL: <https://www.ilaw.com/ilaw/doc/view.htm?id=150151> (дата обращения: 03.03.2025).

<sup>34</sup> Malcolm C. Waiver, Estoppel and Election. URL: <https://bila.org.uk/wp-content/uploads/old/4ff4163f977990.58593360.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).

В случае установления противоречивого поведения в договорных отношениях относительно использования имеющихся прав судам необходимо выявить, имело ли лицо выбор использовать или не использовать право, было ли ему известно о наличии у него такого выбора. Если первоначальное поведение стороны является недвусмысленным волеизъявлением не использовать имеющееся у него право, то такое поведение должно рассматриваться в качестве сделки. Учитывая, что односторонний отказ стороны от сделки не допускается в силу принципа «*роста sunt servanda*», закрепленного в ст. 310 ГК РФ, доказывание недобросовестности лица, отказывающегося от ранее сделанного выбора, в таком случае не имеет правового значения. Если же из поведения стороны выявить четкое и однозначное поведение не представляется возможным (невозможно установить, совершен ли выбор) или такой стороне не было известно о наличии у неё возможнос-

ти использования договорного права, то спор должен быть разрешен с использованием запрета противоречивого поведения, при этом право противоречащей стороны будет в этом случае подлежать ограничению только при установлении ее недобросовестности.

Из этого следует, что и в российском праве отказ от осуществления прав по договору может быть отделен от запрета противоречивого поведения по критерию наличия или отсутствия сделки относительно использования своего договорного права.

Подводя итог, можно отметить, что наработки англо-американской правовой системы в разграничении запрета противоречивого поведения и отказа от осуществления права могут быть использованы в российском гражданском праве, однако, как представляется, использование указанных наработок должно осуществляться не слепо, а с учетом различий континентального и англо-американского права.

#### Библиографический список

1. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. Карапетов А.Г. – М.: М-Логос, 2017. – 1120 с.
2. Campbell C. The Doctrine of Waiver // *Michigan Law Review*. – 1904. – Vol. 3. – № 1. – P. 9-17.
3. Halber J. Na pograniczu common law i equity law. Początki doktryny estoppel w prawie angielskim // *Wydawnictwo Gdanskiej Szkoły Wyższej*. – 2017. – S. 245-252.
4. Hugh Beale. *Chitty on Contracts*, 32nd Ed. – London: Sweet & Maxwell Ltd, 2018. – Vol. 1. – 2565 p.
5. John S. Ewart. Waiver or Election // *Harvard Law Review*. – 1916. – Vol. 29. – № 7. – P. 724-730.
6. Keith N. Hylton. Waivers // *Nebraska Law Review*. – 2023. – № 1(102). – P. 171-221.
7. Kramer A. Contracts: waiver. URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/Document/18cf1f48ae82f11e398db8b09b4f043e0/View/FullText.html?transitionType=SearchItem&contextData=\(sc.Search\)](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/Document/18cf1f48ae82f11e398db8b09b4f043e0/View/FullText.html?transitionType=SearchItem&contextData=(sc.Search)).
8. Krishnaprasad K.V., Niranjan V. and other. *Foundations of Indian Contract Law*. – Oxford: Oxford University Press, 2024. – 640 p.
9. Malcolm C. Waiver and Estoppel: Cold Fusion in the Court of Appeal? // *The Cambridge Law Journal*. – 1990. – Vol. 49. – № 2. – P. 206-209.
10. Malcolm C. Waiver, Estoppel and Election. URL: <https://bila.org.uk/wp-content/uploads/old/4ff4163f977990.58593360.pdf>.
11. McKendrick E. *Contract Law*, 12th ed. – London: Sweet & Maxwell Ltd, 2017. – 434 p.
12. Olsson E. Waiver and Estoppel // *Australian construction law newsletter*. – 2001. – № 80. – P. 17-21.
13. Tory A. Weigand. Promissory Estoppel's Avoidance of Injustice and Measure of Damages: The Final Frontier // *Suffolk Journal of Trial and Appellate Advocacy*. – 2018. – Vol. 23. – Issue 1. – Article 5. – P. 1-87.
14. Treitel G. *The law of contract*, 14th. – London: Sweet & Maxwell Ltd, 2015. – 1388 p.
15. Wilken S, Ghaly K. *The law of waiver, variation and estoppel*, 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 538 p.

Рецензент: Парыгина Н.Н., доцент кафедры гражданского права юридического факультета Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», кандидат юридических наук, доцент.

---

**ПОЗДНЯКОВА АННА СЕРГЕЕВНА**

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса  
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),  
460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, oAPozdniakova@msal.ru

**ПОЗДНЯКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ**

полицейский МУ МВД России «Оренбургское», 460040, Оренбургская область,  
г.Оренбург, пр. Гагарина, 21, pzdncv01@mail.ru

**СОСТОЯНИЕ ДОЧЕРНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО СТАТУСА  
ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ**

**POZDNYAKOVA ANNA SERGEEVNA**

candidate of legal sciences, Associate Professor of the Department of Civil law and  
civil procedures of Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named  
after O.E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50,  
oAPozdniakova@msal.ru

**POZDNYAKOV ALEXANDER ALEKSEEVICH**

Police officer of the Orenburg Regional Police Department of the Ministry of Internal  
Affairs of Russia, 460040, Orenburg, 21 Gagarin Ave., pzdncv01@mail.ru

**THE STATE OF SUBSIDIARY STATUS AS AN ELEMENT  
OF THE LEGAL STATUS OF A LIMITED LIABILITY COMPANY**

**Аннотация.** Статья посвящена анализу оснований возникновения и правовых последствий отношений дочерности, определяющих статус общества с ограниченной ответственностью. Исследуются вопросы привлечения к ответственности основного общества по долгам дочернего, а также в случае несостоятельности (банкротстве) последнего. Сделан вывод о том, что основное общество вправе определять решения дочернего, но исходя из принципа добросовестности участников гражданского оборота может делать это до определенной степени, не парализуя волю дочернего общества и не превращая его тем самым в свое обособленное подразделение.

**Ключевые слова:** общество с ограниченной ответственностью, дочернее общество, зависимое общество, основное общество, преобладающая доля участия, солидарная ответственность, субсидиарная ответственность, указания дочернему обществу, согласие основного общества, контролирующее лицо, регрессные обязательства.

**Review.** The article is devoted to the analysis of the grounds for the emergence and legal consequences of subsidiary relations that determine the status of a limited liability company. The issues of holding the parent company accountable for the debts of the subsidiary, as well as in the event of insolvency (bankruptcy) of the latter, are being investigated. It is concluded that the parent company has the right to determine the decisions of the subsidiary, but based on the principle of good faith of participants in civil turnover, it can do so to a certain extent without paralyzing the will of the subsidiary and thereby turning it into its own separate division.

**Key words:** limited liability company, subsidiary, parent company, dominant participation, joint liability, subsidiary liability, directions to the parent company, the consent of the main society, controlling person, recourse obligations.

Возможность одних юридических лиц создавать другие юридические лица закреплена действующим законодательством и реализуется по разным причинам. Создание коммерческих организаций, находящихся в зависимости у иных организаций, обусловлено главной целью получения прибыли. Так, некоммерческие организации могут инициировать создание коммерческих организаций с целью направ-

ления полученной ими прибыли на достижение уставных целей, материально-хозяйственное обеспечение различных видов общественно полезной деятельности их учредителей<sup>1</sup>. При этом зависимость между коллективными субъектами может быть разной. Пунктом 1 статьи 6 Закона об обществах с ограниченной ответственностью (далее – Закон об ООО<sup>2</sup>) предусмотрено право общества с ограниченной от-

---

<sup>1</sup> Суханов Е.А. О систематике юридических лиц в современном российском праве // Кодификация российского частного права 2019. Под ред. Д.А. Медведева. «Статут», 2019. С. 85.

<sup>2</sup> Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

ветственностью создавать на территории РФ и за ее пределами дочерние и зависимые общества. Общество признается зависимым, если основное общество имеет более двадцати процентов уставного капитала первого общества (п. 4 ст. 6 Закона об ООО). По мнению А.В. Габова, цель закрепления связи «преобладающее – зависимое» заключается в реализации одной из линий развития – специфики управления<sup>3</sup>. В данном случае имеет место основанная на участии в уставном капитале имущественная зависимость, поскольку успешность деятельности зависимого общества в пределах участия основного отражается на материальном положении последнего. Зависимость же дочернего общества является организационной и определяется таким критерием, как возможность основного общества определять решения, принимаемые дочерним обществом. К примеру, увеличение размера участия основного общества в уставном капитале дочернего более пятидесяти процентов свидетельствует о качественном преобразовании имущественной зависимости в организационную. Как справедливо отмечает И.С. Шиткина, право одного хозяйственного общества (или товарищества) определять решения другого общества, которое в связи с этим становится дочерним, является «доминирующим для возникновения отношений дочерности»<sup>4</sup>. Если такая возможность реализуется, данное обстоятельство предопределяет ответственность основного общества по обязательствам дочернего. Таким образом, состояние дочерности является особым видом зависимости одного хозяйственного общества от другого, влекущим вполне определённые правовые последствия.

Самостоятельность и ответственность являются базовыми составляющими участия юридических лиц в гражданском обороте. Гражданское законодательство, признавая юридическое лицо субъектом права (ст. 48 ГК РФ), наделяет его как участника экономических отношений такими свойствами, как равенство, имущественная самостоятельность и автономия воли (п. 1 ст. 2 ГК РФ). Допуская создание юридическим лицом филиалов и представительств как обособленных подразделений, закон вместе с тем позволяет создавать дочерние общества, которые, однако, должны обладать вышеперечисленными признаками, прежде всего, автономией воли, организационной самостоятельностью. С учетом изложенного не может быть и речи о создании фиктивных субъектов, которые формально наделены собственным интересом, но фактически представляют собой инструмент для реализации интересов других лиц. Такая ситуация противоречит принципу самостоятельности и независимости юридического лица. Продолжая традицию образности выражений в корпоративном праве, заметим, что «дочка» изначально является «со-

вершеннолетней», то есть, с самого момента создания обладает собственной правосубъектностью. Ситуацию серьезным образом осложняет то обстоятельство, что основное общество вправе определять решения дочернего, но исходя из принципа добросовестности участников гражданского оборота может делать это до определенной степени, не парализуя волю дочернего общества и не превращая его тем самым в свое обособленное подразделение.

Конструкция «сложного юридического лица», в которой правами юридического лица одновременно могли наделяться как организация в целом, так и отдельные предприятия (организации), входящие в ее состав, была известна советскому праву и применялась в отношении трестов, организаций потребительской кооперации<sup>5</sup>. На сегодняшний день разделение правосубъектности не допускается, исходя из чего одно юридическое лицо не может быть частью другого. Вместе с тем в современной реальной экономике достаточно распространенными являются отношения холдингового типа, что требует институционализации отношений экономической зависимости юридических лиц. Однако, из содержания положений статьи 67.3 Гражданского кодекса РФ, а также статьи 6 Закона об ООО следует лишь защита прав кредиторов дочернего общества и его участников, правовой статус самого дочернего общества никак не обозначен. При этом нуждаются в уточнении два основных момента: каким образом следует распределять убытки после расчетов с кредиторами между основным и дочерним обществом в случае возложения солидарной ответственности на основное общество по долгам дочернего, а также какова судьба дочернего общества в случае его несостоятельности по вине основного общества и привлечения последнего к субсидиарной ответственности по его долгам? Представляется, что отсутствие специального правового регулирования данных вопросов в большей мере способствует использованию корпоративного контроля в целях мошенничества, иной противоправной деятельности. Прав А.Н. Захаров, отмечающий, что «правовое регулирование должно быть направлено на минимизацию вмешательства основного общества в дела дочернего, а главной функцией такого регулирования является поддержание принципа самостоятельности юридического лица и независимости от его участников»<sup>6</sup>.

Пунктом 2 ст. 67.3 ГК РФ определен перечень оснований, при наличии которых, несмотря на отношения дочерности, ответственность основного общества по долгам дочернего не наступает. К таковым относятся: голосование основного хозяйственного общества по вопросу об одобрении сделки на общем собрании участников дочернего общества, а также одоб-

<sup>3</sup> Габов А.В. Экономическая зависимость юридических лиц: отдельные размышления о развитии института // Гражданское право. 2022. № 3. С. 14.

<sup>4</sup> Шиткина И.С. Основания и правовые последствия отношений дочерности хозяйственных обществ (комментарий к ст. 6 Закона об ООО) // Хозяйство и право. 2020. № 7 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2021. С. 143.

<sup>6</sup> Захаров А.Н. Привлечение основного общества к солидарной ответственности по обязательствам дочернего общества : дис. ... канд. юрид. наук: М., 2015. С. 10.

рение сделки органом управления основного хозяйственного общества, если необходимость такого одобрения предусмотрена уставом дочернего и (или) основного общества. По мнению И.С. Шиткиной, «совершенно очевидно, что целью этих поправок было фактически «заблокировать» применение нормы ответственности основного общества по сделкам дочернего, совершенным последним в ходе текущей хозяйственной деятельности»<sup>7</sup>. Д.В. Ломакин, расценивая данное ограничение как неоправданное, отмечает, что если экономика-правовая связь между обществами строится по модели преобладающего участия основного общества в уставном капитале дочернего, то «общее собрание акционеров последнего – это та основная форма, посредством которой контролирующий субъект влияет на процесс волеобразования зависимого лица», такой акт одобрения сделки легитимирует ее совершение и представляет собой выражение согласия<sup>8</sup>. Соглашаясь с приведенным утверждением автора, отметим, что в рассматриваемой ситуации речь идет о корпоративных процедурах, соблюдение которых известно третьим лицам в силу закона (п. 6 ст. 52 ГК РФ). Такая явная демонстрация организационной зависимости (прозрачный механизм воздействия основного общества на дочернее) предполагает ее обязательный учет кредиторами при принятии решения о заключении сделки с дочерним обществом, что обоснованно исключает ответственность основного общества. Отметим, что преобладающее участие основного общества в уставном капитале дочернего, в силу которого основное общество имеет возможность определять решения, принимаемые дочерним, само по себе является признаком дочерности. Однако данного обстоятельства недостаточно для привлечения к ответственности основного общества по долгам дочернего.

Если же со стороны основного общества имеет место фактическое воздействие, оформленное в виде электронных сообщений, протоколов совещаний, служебных записок и т.п., выявить и довести до сведения третьих лиц какую-либо системность относительно категорий или количества сделок, в отношении которых осуществляется такое воздействие, не представляется возможным. А.В. Габов, размышляя о феномене экономической зависимости юридических лиц, описывает ситуацию, в которой лица, формально являющиеся самостоятельными субъектами правоотношений, «в реальности реализуют интересы иных лиц или, говоря иначе, *решения которых принимаются не из собственного рационального экономического интереса, который преследовало бы в ана-*

*логичных условиях любое свободное от влияния лицо, а представляют собой реализацию интереса другого лица (лиц), которое (которые) в силу различных оснований (связи) может (могут) влиять на принятие решения таким формально самостоятельным лицом* (выделено А.В. Габовым – авт.)»<sup>9</sup>. К сожалению, примеры подобного рода зависимостей не являются редкостью. Так, в одном из определений Верховного Суда РФ приведена следующая формулировка: «Основная функция ООО «Дальняя степь» состояла в том, что общество должно было выступать в качестве *средства*, с помощью которого Фонд Эрмитаж владел акциями ПАО «Газпром» и акциями других российских предприятий»<sup>10</sup>. В такой ситуации очевидна угроза правам и интересам кредиторов дочернего общества в части возможности злоупотреблений основным обществом и совершения им действий мошеннического характера, когда конструкция юридического лица используется в противоречии с ее назначением, а организация является фиктивной. Примерами мер по предотвращению подобных нарушений являются более строгие требования к раскрытию информации о каждом из обществ, а также приведение в действие механизма «снятия корпоративных покровов».

Таким образом, ответственность основного общества по долгам дочернего порождает лишь неявные, скрытые способы воздействия, ориентирами для наличия которых выступают названные в п. 2 ст. 6 Закона об ООО обстоятельства, как-то: преобладающее участие одного (основного) хозяйственного общества или товарищества в уставном капитале другого хозяйственного общества, либо заключенный между ними договор, или иной способ определять решения, принимаемые дочерним обществом. Как видим, данный перечень является открытым, а названные обстоятельства определяются ситуативно, а потому нуждаются в судебной оценке. Так, В.В. Громов, написавший свою работу задолго до внесения изменений в ГК РФ с 01.09.2014, а также изменений, внесенных Федеральным законом от 29.06.2015 № 210-ФЗ<sup>11</sup>, под возможностью основного хозяйственного общества определять решения дочернего общества, в частности, предлагал понимать возможность определять решения хотя бы одного любого органа управления дочернего общества, а также так называемое «косвенное» преобладающее участие, либо наличие отношений служебной подчиненности между единоличными исполнительными органами основного и дочернего хозяйственных обществ<sup>12</sup>. Верховный Суд РФ в определении от 18.12.2018 № 305-ЭС18-12143 по

<sup>7</sup> Шиткина И.С. Указ. соч.

<sup>8</sup> Ломакин Д.В. Принцип самостоятельной ответственности юридического лица: правило и исключения // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 101.

<sup>9</sup> Габов А.В. Экономическая зависимость юридических лиц: отдельные размышления о развитии института // Гражданское право. 2022. № 3.

<sup>10</sup> Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757(2,3) по делу № А22-941/2006 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>11</sup> Федеральный закон от 29.06.2015 № 210-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 4001.

<sup>12</sup> Громов В.В. Правовой статус основного хозяйственного общества как субъекта гражданско-правовой ответственности по обязательствам дочернего общества. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 12-13.

делу № А40-113011/2017, включенном впоследствии в обзор судебной практики, указал, что фактическая возможность определять решения о привлечении к ответственности основного общества не связана напрямую с размером участия одного общества в уставном капитале другого или наличием договора между ними, а обусловлена, например, корпоративной структурой группы компаний, порядком заключения сделок, установленным внутри такой группы, степенью участия в управлении обществом со стороны иных участников общества и т.д. Поэтому отсутствие формального признака контроля (50% и более участия в уставном капитале дочернего общества) не препятствует установлению наличия иной фактической возможности определять решения, принимаемые дочерним обществом. Удовлетворение таким дополнительным критериям подлежит оценке с учетом доказательств, представленных сторонами<sup>13</sup>.

Правило о солидарной ответственности основного хозяйственного общества по сделкам, заключенным дочерним обществом во исполнение обязательных для него указаний основного общества, в первую очередь, направлено на правовую защищенность кредиторов. Ответственность основного общества является ответственностью из деликта и носит предпринимательский характер, поскольку возлагается независимо от его вины. Единственным основанием, исключаящим ответственность предпринимателя, является действие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств (п. 3 ст. 401 ГК РФ).

По результатам реализации мер ответственности подлежат применению общие правила регрессных обязательств, возникающие на основании факта возмещения одним лицом вреда, причиненного действиями иного лица. Сущность охранительного регрессного правоотношения состоит в восстановлении правового положения регредента, совершившего действия за других лиц, поскольку основной его функцией является компенсационная<sup>14</sup>. В соответствии с положениями п. 2 ст. 1081 ГК РФ причинитель вреда, возместивший совместно причиненный вред, вправе требовать с каждого из других причинителей вреда долю выплаченного потерпевшему возмещения в размере, соответствующем степени вины этого причинителя вреда.

По мнению А.В. Габова в данном случае имеет место ответственность основного общества за собственные действия, которыми формально независимое дочернее общество было понуждено совершить сделку<sup>15</sup>. Вместе с тем в регрессном обязательстве необходимо определять степень вины каждого общества. Возложение ответственности в полном объеме

на основное общество возможно лишь в ситуации, когда будет доказано полное отсутствие автономии воли у дочернего общества. Как представляется, полного освобождения основного общества от ответственности в регрессном обязательстве быть не может, поскольку это противоречит самой сути ответственности основного общества по долгам дочернего, носящей «исключительный характер, когда основное общество злоупотребляет «оболочкой юридического лица», специально создает дочернее общество, чтобы переложить на него ответственность, избегая при этом возложения такой ответственности на себя»<sup>16</sup>. Подобные действия основного общества представляют собой самостоятельное гражданское правонарушение в виде злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). Отметим, что понятие вины основного общества в данном случае применимо не к самому ведению предпринимательской деятельности, а к объему и способам воздействия на дочернее общество.

При невозможности установления степени вины каждого общества доли выплаченного потерпевшему возмещения признаются равными (п. 2 ст. 1081 ГК РФ). К примеру, Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.04.2023 № 09АП-10619/2023 по делу № А40-254760/2022 установлено, что истец (ООО) заключил с третьим лицом договор займа для пополнения оборотных средств с уплатой процентов за пользование займом в размере 15,5% годовых. После исполнения договора истец просил половину выплаченных сумм в виде процентов за пользование займом взыскать с другого общества, ссылаясь на то обстоятельство, что между сторонами имеются взаимоотношения основного и дочернего общества. В удовлетворении иска отказано в связи с неустановлением обстоятельств того, что ответчик имел возможность давать обязательные указания для исполнения генеральному директору истца в одностороннем порядке. Суд пришел к выводу об отсутствии оснований для привлечения ответчика к солидарной ответственности.

В случае несостоятельности (банкротства) дочернего общества вина основного общества является необходимым условием ответственности, являющейся субсидиарной. Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 53 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»<sup>17</sup>, порядок предварительного обращения кредитора к основному должнику может считаться соблюденным, если кредитор предъявил последнему письменное требование и получил отказ должника в его удовлетворении либо не получил ответа на свое

<sup>13</sup> См. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 24.04.2019 года // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>14</sup> Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений. Инфотропик Медиа, 2022 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>15</sup> Габов А.В. Ответственность основного акционерного общества по сделкам, заключенным дочерним обществом во исполнение указаний или с согласия основного общества // Государство и право. 2016. № 4. С. 90.

<sup>16</sup> Шиткина И.С. Указ. соч.

<sup>17</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 9. 1997. № 5.

требование в разумный срок. С учетом изложенного привлечение основного общества к субсидиарной ответственности возможно в рамках дела о банкротстве дочернего общества.

В соответствии с пунктом 5 ст. 129 ФЗ № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)<sup>18</sup> конкурсный управляющий при наличии оснований, установленных федеральным законом, вправе предъявлять требования по обязательствам должника к основному обществу как контролирующему лицу. Как отмечает Г.В. Цепов, «из данной нормы вытекает не что иное, как обязанность контролирующего лица, руководя делами должника, не совершать никаких действий, которые, умышленно или неумышленно, могут привести к несостоятельности должника. Буквальное толкование приведенной нормы заставляет прийти к выводу о принципиальной невозможности заниматься предпринимательской деятельностью, используя конструкцию коммерческой корпорации»<sup>19</sup>. И далее делает вывод о том, что контролирующее лицо должно отвечать перед кредиторами должника за злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ), то есть за «те действия по руководству делами юридического лица, которые совершаются с намерением причинить вред кредиторам или являются иным заведомо недобросовестным осуществлением прав по руководству делами юридического лица»<sup>20</sup>.

Законодатель действительно в данном случае использует вину в качестве мерила гражданско-правовой ответственности применительно к самой предпринимательской деятельности за превышение пределов допустимого риска при угрозе несостоятельности, не делая никаких исключений относительно объема и способов воздействия, как это имело место в п. 2 ст. 67.3 ГК РФ. С позиции кредиторов совсем не важно, явной или скрытой является экономическая зависимость дочернего общества от основного, достаточно установить лишь состояние дочерности, а также то, что основное общество воспользовалось возможностью определять решения, принимаемые дочерним обществом. При этом действует презумпция вины основного общества.

Вместе с тем, как отмечено выше, в регрессном обязательстве необходимо установление вины каждого общества в возникновении долга, приведшего к несостоятельности дочернего общества. Заметим, что в регрессных обязательствах ответственность, возложенная по признаку причинения, реализуется на основании внутренне присущего ей признака – виновного причинения вреда. Пункт 3 ст. 67.3 ГК РФ закрепляет право участников дочернего общества требовать возмещения основным обществом (товарище-

ством) убытков, причиненных по его вине дочернему обществу. Однако и у самого дочернего общества есть право регресса к основному обществу, которым оно может воспользоваться в рамках дела о банкротстве. Пленум ВАС РФ в пункте 53 своего Постановления от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»<sup>21</sup> разъяснил возможность обратиться с подобным иском после завершения конкурсного производства либо прекращения производства по делу о банкротстве в общеисковом порядке в пределах оставшегося срока исковой давности. Но в случаях, когда стоит вопрос о праве на существование дочернего общества, требования о возмещении упомянутых убытков все же должны быть предъявлены и рассмотрены в рамках дела о банкротстве.

В свою очередь, пунктом 3 ст. 61.15 Закона о банкротстве привлеченное к субсидиарной ответственности лицо наделяется правом регресса к должнику по делу о банкротстве в размере выплаченной суммы, которое удовлетворяется после всех других требований, включенных в реестр требований кредиторов, и требований, подлежащих удовлетворению после требований, включенных в такой реестр. Как отмечает О.В. Гутников, такая возможность существует у контролирующего лица, если оно «формально» привлечено к субсидиарной ответственности<sup>22</sup>. Думается, подобной ситуации с участием основного и дочернего общества возникнуть не может, поскольку основное общество привлекается к ответственности лишь при условии наличия его вины.

Несмотря на ограниченную правосубъектность дочернего общества как должника в деле о банкротстве, вопрос о его самостоятельности и праве на существование сохраняет свою актуальность до окончательного разрешения регрессных требований. Так, В.Ф. Попондопуло, рассматривая вопросы банкротства в рамках предпринимательской группы, негативно отзываясь о возможности рассмотрения дел о банкротстве в отношении ее участников в одном производстве. «Представляется, что такая форма консолидации размывает понятие юридического лица, ведет к утрате правосубъектности должников – юридических лиц, входящих в одну группу. Российское законодательство о банкротстве предусматривает достаточно правовых средств..., например: оспаривание сделок должника в деле о банкротстве, привлечение к ответственности контролирующих должника лиц (которые, в свою очередь, могут быть признаны банкротами при недостаточности их средств для удовлетворения требований кредиторов основного должника) и др.»<sup>23</sup>.

<sup>18</sup> Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

<sup>19</sup> Цепов Г.В. Можно ли судить за алчность? Ответственность контролирующих лиц коммерческой корпорации перед кредиторами за принятие чрезмерного предпринимательского риска при угрозе несостоятельности // Закон. 2016. № 8 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>20</sup> Цепов Г.В. Указ. соч.

<sup>21</sup> Вестник ВАС РФ. 2012. № 8.

<sup>22</sup> Гутников О.В. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики. Отв. ред. О. В. Гутников. М., Статут, 2021. С. 511.

<sup>23</sup> Попондопуло В.Ф. Правосубъектность как общая предпосылка правообладания: дискуссионные вопросы // Журнал российского права. 2025. № 3. С. 73.

Таким образом, состояние дочерности хозяйственного общества само по себе не ограничивает его самостоятельность, однако предполагает наличие контроля со стороны основного общества за его действиями. При этом организационное воздействие со стороны основного общества может иметь место как в отношении конкретных сделок, так и в отношении всей деятельности дочерного общества. Отсутствие у контролируемого лица автономии воли свидетельствует не только о состоянии дочерности, влекущем ответственность основного общества по долгам до-

черного, но и свидетельствует о совершении основным обществом гражданско-правового нарушения, выразившегося в несоблюдении закрепленного в ст. 48 ГК РФ принципа самостоятельности и ответственности юридического лица. Думается, данное нарушение, представляющее собой злоупотребление правом, может быть пресечено в судебном порядке по иску заинтересованного лица на основании статьи 1065 ГК РФ «Предупреждение причинения вреда» о принудительной ликвидации фиктивного юридического лица.

#### Библиографический список

1. Габов А.В. Экономическая зависимость юридических лиц: отдельные размышления о развитии института // Гражданское право. – 2022. – № 3. – С. 11-21.
2. Габов А.В. Ответственность основного акционерного общества по сделкам, заключенным дочерним обществом во исполнение указаний или с согласия основного общества // Государство и право. – 2016. – № 4. – С. 81-95.
3. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. – М.: Проспект, 2021. – 1040 с.
4. Громов В.В. Правовой статус основного хозяйственного общества как субъекта гражданско-правовой ответственности по обязательствам дочерного общества. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 27 с.
5. Гутников О.В. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики. Отв. ред. О. В. Гутников. – М., Статут, 2021. – 526 с.
6. Захаров А.Н. Привлечение основного общества к солидарной ответственности по обязательствам дочерного общества: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 243 с.
7. Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений. Инфотропик Медиа, 2022.
8. Ломакин Д.В. Принцип самостоятельной ответственности юридического лица: правило и исключения // Вестник гражданского права. – 2020. – № 1. – С. 93-110.
9. Попондопуло В.Ф. Правосубъектность как общая предпосылка правообладания: дискуссионные вопросы // Журнал российского права. – 2025. – № 3. – С. 67-78.
10. Суханов Е.А. О систематике юридических лиц в современном российском праве // Кодификация российского частного права 2019. Под ред. Д.А. Медведева. «Статут», 2019. – С. 83-96.
11. Цепов Г.В. Можно ли судить за алчность? Ответственность контролирующих лиц коммерческой корпорации перед кредиторами за принятие чрезмерного предпринимательского риска при угрозе несостоятельности // Закон. – 2016. – № 8.
12. Шиткина И.С. Основания и правовые последствия отношений дочерности хозяйственных обществ (комментарий к ст. 6 Закона об ООО) // Хозяйство и право. – 2020. – № 7.

Рецензент: Томина А.П., заведующий кафедрой гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

---

## Раздел третий

# УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

### **ГРИШИНА ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА**

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, 117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69, *Grishina.K.ru@yandex.ru*

### **САЮШКИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА**

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50, *elena.zrb@mail.ru*

## ОТКАЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ: ТЕОРИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРАКТИКА

### **GRISHINA EKATERINA PAVLOVNA**

*candidate of legal sciences, associate professor of the department of organization of judicial and law enforcement activities of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, 117418, Moscow, Novocheremushkinskaya st., 69, *Grishina.K.ru@yandex.ru**

### **SAYUSHKINA ELENA VLADIMIROVNA**

*candidate of legal sciences, associate professor of the department of criminal procedure law and forensic science of the Orenburg Institute (branch) of the University named after O. E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya st., 50, *elena.zrb@mail.ru**

## THE REFUSAL OF THE PUBLIC PROSECUTOR TO CHARGE: THEORY, LEGISLATION, PRACTICE

**Аннотация:** Проводимая в Российской Федерации глобальная политико-правовая реформа в качестве значимого направления реализации заложенных в ней перспектив предполагает ревизию законодательства о судебной деятельности и обоснование направлений его преобразования в контексте достижения правового состояния, способного обеспечить баланс публичных и частных интересов. В уголовно-процессуальном праве одной из проблем доктринального и юридического характера в озвученном контексте является отказ государственного обвинителя от обвинения, который затрагивает как публичные (государственные), так и частные (личные) интересы, прежде всего подсудимого и потерпевшего. В то же время, несмотря на особую значимость, нормативное регулирование процедуры и последствий озвученного отказа нуждается в обновленном научном осмыслении и корректировке регламентирующих его законоположений.

**Ключевые слова:** прокурор, государственный обвинитель, подсудимый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, публичные и частные интересы, поддержание обвинения, прокурор, судебное заседание, суд, отказ от обвинения, обоснование, состязательность.

**Review:** *The global political and legal reform being carried out in the Russian Federation as a significant direction for the implementation of the prospects laid down in it involves an audit of legislation on judicial activity and justification of the directions of its transformation in the context of achieving a legal state capable of ensuring a balance of public and private interests. In criminal procedure law, one of the problems of a doctrinal and legal nature in the voiced context is the refusal of the public prosecutor to charge, which affects both public (state) and private (personal) interests,*

*primarily the defendant and the victim. At the same time, despite its special importance, the regulatory regulation of the procedure and consequences of the voiced refusal needs an updated scientific understanding and correction of the legal provisions regulating it.*

**Keywords:** *prosecutor, public prosecutor, defendant, victim, civil plaintiff, civil defendant, public and private interests, prosecution, prosecutor, court session, court, rejection of charges, justification, adversarial.*

*«Водворить в России суд скорый, правый,  
милостивый и равный для всех подданных наших ...».  
Император Александр II*

Вектор глобальных политики-правовых реформ, проводимых в современной России, указывает на необходимость пересмотра основополагающих установок уголовно-процессуального права в контексте обеспечения состязательности уголовного судопроизводства, обеспечения и защиты прав, свобод и законных интересов его участников, дальнейшего развития национально-исторических традиций отечественного правосудия. Подобная установка была озвучена в Концепции судебной реформы в Российской Федерации от 24 октября 1991 г.<sup>1</sup> (далее – Концепция судебной реформы).

Принцип состязательности, за полноценную реализацию которого ратовали разработчики и вдохновители Концепции судебной реформы, предполагает разнозначную оценку доказательств как защиты, так и обвинения. Так, Е.Б. Мизулина в докторском диссертационном исследовании отмечает, что состязательность, равенство сторон и презумпция невиновности – три принципа, обуславливающие появление и разворачивание уголовного процесса как действительности правосудия<sup>2</sup>.

На сегодняшний день «осуществляемые в стране преобразования, нацеленные на формирование демократического правового государства, свободного от деформаций не только социально-политического и идеологического, но и правового характера, создают предпосылки для становления подлинного правосудия, действительно базирующегося на общепризнанных в цивилизованном мире принципах правосудия: презумпции невиновности, независимости и процессуального верховенства суда, реального равноправия и состязательности участников процесса»<sup>3</sup>.

Состязательный тип уголовного процесса находится «в неразрывной связи с учением об уголовном иске, предполагающим наличие сторон в споре и их процессуальное равноправие в деле. При этом начало диспозитивности позиционируется как принципиально важный режим существования состязательного процесса. Именно свободное распоряжение процессуальным правом на уголовный иск и производ-

ными от него правами, реализуемое стороной обвинения, является основой состязательного процесса»<sup>4</sup>.

Конституционный Суд Российской Федерации, раскрывая сущность состязательности в уголовном судопроизводстве, в Постановлении от 28 ноября 1996 г. № 19-П указал: «Этот конституционный принцип предполагает такое построение судопроизводства, при котором функция правосудия (разрешения дела) осуществляется только судом, отделена от функции спорящих перед судом сторон. При этом суд обязан обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение спора, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, и потому не может принимать на себя выполнение их процессуальных функций. В уголовном судопроизводстве состязательность означает строгое отграничение функций суда по разрешению дела от функций обвинения и защиты, каждая из которых возложена на определенных участников процесса»<sup>5</sup>.

Задача укрепления основ правовой государственности в Российской Федерации требует коренных изменений в сфере правосудия, в уголовном судопроизводстве, помимо прочих условий, это касается процессуального порядка вынесения судебного решения при отказе государственного обвинителя от обвинения, которое, с одной стороны, не должно быть панацеей от ограничения состязательных начал, а с другой – «плодить» необоснованные ситуации, связанные с оправданием виновных лиц по причине недоработок предварительного расследования, которые невозможно устранить при рассмотрении уголовного дела судом.

Ревизия процессуального порядка и последствий отказа государственного обвинителя от обвинения необходима, прежде всего по причине значимости подобной процедуры для создания условий, способствующих обеспечению баланса публичного и частного начал уголовного судопроизводства, равноценной защиты прав и законных интересов не только подсудимого, но и других участников процесса<sup>6</sup>.

Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»<sup>7</sup>

<sup>1</sup> Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 31.10.1991. № 44. Ст. 1435.

<sup>2</sup> Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 24.

<sup>3</sup> Никитина И.В. Принцип состязательности и проблемы его реализации в стадии судебного разбирательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 3.

<sup>4</sup> Карякин Е.А. Формирование истинности обвинительного приговора при производстве в особом порядке судебного разбирательства // Вестник ОГУ. 2007. № 3. С. 22.

<sup>5</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>6</sup> Гришина Е.П. Соотношение публичного, частного и состязательного начал в рамках исторической формы уголовного процесса России // Администратор суда. 2023. № 3. С. 44.

<sup>7</sup> Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

(далее – Закон о прокуратуре) устанавливается, что прокурор участвует в рассмотрении дел судами в случаях, предусмотренных процессуальным законодательством РФ и другими федеральными законами.

На основании ч. 3 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации<sup>8</sup> (далее – УПК РФ) в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность.

Дефиниция государственного обвинителя в уголовном процессе обычно выводится научными работниками на основе того, что он является уполномоченным должным лицом органа прокуратуры, осуществляющим в суде уголовное преследование в форме поддержания государственного обвинения либо при отсутствии к тому оснований делающее заявление об отказе от обвинения<sup>9</sup>. Существует и противоположная точка зрения, в частности, профессор В.С. Балакшин считает, что прокурор и государственный обвинитель – понятия не совместимые, поскольку прокурор в судебном заседании лишен каких-либо надзорных полномочий<sup>10</sup>.

Представляется, что государственный обвинитель – это наименование участника процесса, полномочия (помимо прочих, установленных УПК РФ и Законом о прокуратуре) которого может осуществлять только прокурор, поэтому явного терминологического противоречия в данном случае не усматривается.

Следует также отметить, что прокурор как субъект уголовного преследования и прокурор как обвинитель, наделенный правомочием отказа от обвинения, – участники уголовно судопроизводства, чье правовое положение обладает особенностями, устанавливаемыми ведомственными актами. В частности, в Приказе Генеральной прокуратуры РФ от 30 июня 2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» (далее – Приказ Генеральной прокуратуры № 376) устанавливается, что субъектом отказа от государственного обвинения, является прокурор, поддерживающий государственное обвинение в суде, а не прокурор, утвердивший данное обвинение<sup>11</sup>.

Согласно части четвертой ст. 15 УПК РФ, стороны обвинения и защиты равноправны перед судом, что предполагает их равные права и возможности на

различных стадиях уголовного судопроизводства. Приоритет органов расследования состоит в их процессуальной активности, обусловленный возложенной на них обязанностью расследовать преступление и решить вопрос о предъявлении обвинения. То обстоятельство, что обвинение осуществляется от имени государства, вовсе не должно трактоваться как обстоятельство, предоставляющее неограниченное право должностным лицам органов прокуратуры добиваться утверждения своей позиции, как непременно отвечающей интересам государства<sup>12</sup>.

Отечественными учеными высказано значительное число умозрений, характеризующих категорию отказа государственного обвинителя от обвинения, а также определяющих ее свойства как правового состояния.

Отдельные представители научного сообщества именуют отказ государственного обвинителя от обвинения правом распоряжения обвинением или правом распоряжаться обвинением<sup>13</sup>. В частности, представитель одной из ведущих российских школ уголовно-процессуального права – УрГЮУ А.О. Машовец полагает, что право на распоряжение обвинением олицетворяет собой ключевую – материальную составляющую диспозитивных полномочий государственного обвинителя как стороны в деле, как главы обвинительной власти, формулирующей и выдвигающей обвинение и поддерживающей его в суде<sup>14</sup>.

В.А. Фарафонова понимает под отказом государственного обвинителя от обвинения «отречение от обвинительного тезиса и прекращение обвинительной деятельности государственного обвинителя в случае несостоятельности утверждения о виновности подсудимого в рамках рассматриваемого уголовного дела, а также прекращение его уголовного преследования частично или полностью»<sup>15</sup>.

Действительно, «обладая процессуальной самостоятельностью, государственный обвинитель не вправе продолжать поддерживать обвинение, которое, по его мнению, в судебном заседании не доказано. В таких ситуациях он должен отказаться от поддержания обвинения в соответствии с ч. 4 ст. 37, ч. 7 ст. 246 УПК РФ»<sup>16</sup>.

Схожая позиция встречается в работах В.М. Савицкого, представляющего отказ прокурора от обвинения как его убежденность в неподтвержденности

<sup>8</sup> СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

<sup>9</sup> Кисленко И.Л. Криминалистические основы поддержания государственного обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 10.

<sup>10</sup> Балакшин В.С. Государственный обвинитель в российском уголовном процессе – кто он? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 7.

<sup>11</sup> Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 30 июня 2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». URL: <https://base.garant.ru/403733640/> (дата обращения: 01.04.2025).

<sup>12</sup> Горобец В. О соблюдении интересов правосудия при отказе государственного обвинителя от обвинения // Уголовный процесс. 2006. № 1. С. 77.

<sup>13</sup> Спирин А.В. О праве прокурора распоряжаться обвинением // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 149.

<sup>14</sup> Машовец А.О. Изменение обвинения, полный или частичный отказ от него государственным обвинителем в ходе судебного разбирательства // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 93.

<sup>15</sup> Фарафонова В.А. Проблемы отказа государственного обвинителя от обвинения в уголовном процессе // Вестник ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2020. Т. 4. № 12-2. С. 198.

<sup>16</sup> Ким С.С. Отказ государственного обвинителя от поддержания обвинения: основания, пределы, последствия // Право и правопорядок в фокусе научных исследований: сб. науч. трудов. – Т. 1. – Вып. 4: Хабаровск: ДГУПС, 2023. С. 124.

обвинения доказательствами или в недостаточности доказательств обвинения<sup>17</sup>. Очевидно, что подобная отрицательная оценка основывается не только на субъективном убеждении об отсутствии оснований для обвинения, но и на основе объективно складывающихся факторов, прежде всего, недостаточности доказательств, изобличающих подсудимого в совершении преступления. «Запоздалый» (после утверждения обвинительного заключения) отказ прокурора от обвинения может быть обусловлен и такой причиной как признание судом доказательств недопустимыми и исключение их из обвинения, а оставшихся доказательств оказывается недостаточно для обоснования позиции обвинения.

Так, например, по уголовному делу, рассмотренному Советским районным судом г. Воронежа, документы, оформленные сотрудниками ГИБДД и свидетельствующие о нахождении обвиняемого в момент совершения ДТП в состоянии опьянения, признаны недопустимыми доказательствами, как полученные с нарушением закона, что повлекло частичный отказ государственного обвинителя от обвинения<sup>18</sup>.

Отказ прокурора от обвинения может рассматриваться как ограничение государственной репрессии по отношению к подсудимому, что является важнейшим состоянием и требованием, предъявляемым к судебной власти в правовом государстве.

Обязанность государственного обвинителя отказаться от обвинения — вопрос не только юридический, но и этический. Об этом упоминается еще в статье 749 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.: «Если прокурор находит оправдание уважительным, то обязан заявить об этом суду по совести». Об этом же свидетельствует формулировка «служебный долг» в Приказе Генерального прокурора РФ. Как известно, обвинение человека, вина которого не доказана, противоречит элементарным нормам морали. Ситуация отказа от обвинения сложна тем, что определяющим ее фактором является внутреннее убеждение государственного обвинителя.

В то же время, не смотря на категоричную форму несогласия прокурора с обвинением, не следует рассматривать подобное решение как процессуальную зависимость судебной власти от органов обвинения. В частности, в независимом для правосудия ракурсе представляют рассматриваемую категорию В.В. Кальницкий<sup>19</sup> и И.А. Гизатуллин<sup>20</sup>.

Компиляция мнений представителей научного сообщества и судебной системы позволяет авторам сформулировать следующую дефиницию анализируемого понятия: «Отказ государственного обвини-

теля от обвинения — это мотивированное, основанное на законе обращение государственного обвинителя, адресованное суду, выражающееся в полном или частичном отказе от обвинения, то есть утверждения о совершении подсудимым деяния, запрещенного уголовным законом, указанного в обвинительном заключении, вследствие неподтверждения данного обвинения совокупностью доказательств, исследованных в процессе судебного разбирательства».

*Отказ государственного обвинителя от обвинения характеризуется следующими юридическими свойствами:*

- 1) осуществление в рамках реализации государственным обвинителем функции обвинения;
- 2) заявление прокурором в результате познанной им необходимости прекратить уголовное преследование лица, обвинение которого незаконно либо необоснованно<sup>21</sup>;
- 3) косвенное подтверждение продолжения реализации надзорных полномочий прокурора за результатами предварительного расследования;
- 4) заявление в категоричной форме, не допускающей альтернативного истолкования и сомнений в позиции обвинителя, влияние на принятие судом решения;
- 5) наступление в результате его заявления последствий правового характера для участников уголовного судопроизводства (потерпевшего, подсудимого, гражданского истца и гражданского ответчика);
- 6) мотивированность, обоснованность.

Немотивированный отказ прокурора от обвинения в суде невозможен по причине того, что не только потерпевший, но и суд в иной ситуации оказались бы в затруднительном положении по причине неведения и непонимания истинных причин этого отказа. Для суда это означало бы невозможность принятия законного и обоснованного решения, а для потерпевшего — невозможность должным образом защитить свои права и законные интересы.

Требование мотивированности отказа государственного обвинителя от обвинения подтвердил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 19 декабря 2003 г. № 18-П<sup>22</sup>, указав, что по конституционно-правовому смыслу положений ч. 7 и ч. 8 ст. 246 УПК РФ 254 УПК РФ предполагается, что полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, влекущий прекращение уголовного дела ... должен быть мотивирован со ссылкой на предусмотренные законом основания, а «вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для это-

<sup>17</sup> Савицкий В.М. Процессуальные последствия отказа прокурора от обвинения // Правоведение. 1972. №1. С. 70.

<sup>18</sup> Решение Острогожского районного суда Воронежской области от 25.10.2023 № 2-п45//2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/92ZxMScK55/> (дата обращения: 01.04.2025).

<sup>19</sup> См.: Кальницкий В.В. Составительское построение судопроизводства не должно препятствовать свободному формированию внутреннего убеждения судьи // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2003. № 4. С. 76.

<sup>20</sup> См.: Гизатуллин И.А. Отказ государственного обвинителя от обвинения в контексте обеспечения процессуальной свободы судьи // Правовое государство: теория и практика. 2022. №1 (67). С. 48.

<sup>21</sup> См.: Рукавишников П.П. Отказ государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. С. 7.

<sup>22</sup> Российская газета. 2003. № 257.

го материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты, и что законность, обоснованность и справедливость такого решения возможно проверить в вышестоящем суде» (п. 3 резолютивной части).

Обоснование прокурором мотивов отказа от обвинения также является необходимым условием принятия подобного отказа. И анализ судебной практики подтверждает данный тезис. К примеру, в постановлении Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 29 мая 2017 г. по уголовному делу № 1-166/2017 указано, что суд принял отказ государственного обвинителя – помощника прокурора Засвияжского района г. Ульяновска Исаевой И.В. от обвинения в полном объеме по ст. ст. 30 ч. 3, 228-1 п. п. «а», «б» УК РФ (по эпизоду от 17 сентября 2007 г.) после обоснования прокурором мотивов заявленного отказа<sup>23</sup>;

7) отсутствие препятствий для обжалования судебного решения.

Возможность, значимость и оправданность проверки вышестоящим судом решения, принятого при отказе прокурора от обвинения, неоднократно отмечал в своих правовых позициях Конституционный Суд РФ (Определение от 25 января 2012 г. № 105-О-О<sup>24</sup>, Определение от 25 сентября 2014 г. № 1904-О<sup>25</sup>, Определение от 10 февраля 2016 г. № 226-О<sup>26</sup> и др.).

8) возможность применения в дальнейшем мер гражданско-правовой защиты (предъявлению гражданского иска) прав потерпевшего (ч. 10 ст. 246 УПК РФ).

Право на предъявление потерпевшим гражданского иска после вынесения судом решения о прекращении уголовного дела в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения свидетельствует о комплексном (межотраслевом) характере защиты прав и законных интересов физических лиц и организаций, государственных интересов в Российской Федерации.

Цели отказа государственного обвинителя от обвинения – представляют собой социально значимый правовой результат, к достижению которого стремится прокурор, заявляя суду свой отказ. Эти цели не определены в законе и в ведомственных актах прокуратуры РФ, они могут быть выведены на основе ана-

лиза правовых норм и судебной практики. Прежде всего, отказываясь от обвинения, прокурор преследует цель реализовать одно из своих процессуальных полномочий (поддержать государственное обвинение, отказаться от государственного обвинения, изменить обвинения в сторону смягчения).

Целью отказа прокурора от обвинения в суде также является оказание суду помощи в обеспечении законности в судебном заседании, а также в вынесении в последующем законного, справедливого и обоснованного судебного решения. При этом следует отметить, что позиция государственного обвинителя, участвующего в деле, играет также важную роль в определении пределов судебного разбирательства<sup>27</sup>.

В качестве цели отказа от обвинения может быть названа и реализация своей гражданской позиции по уголовному делу, а также профессионального (служебного долга). Прежде, чем принять решение об отказе от обвинения, прокурор в своем сознании должен сформировать убежденность в правильности своего решения, а также определиться с основаниями своей позиции. В подобной ситуации возникает внутренне противоречие (несогласие с самим собой, сомнение) между убеждением относительно виновности подсудимого, которое сформировалось в сознании прокурора перед началом слушания дела или перед направлением этого дела в суд, и тем убеждением, которое у него сложилось на момент завершения исследования доказательств в суде<sup>28</sup>. И требуется принципиальность и твердость гражданкой позиции в признании несостоятельности выводов предварительного расследования.

По уголовному делу, рассмотренному Краснокамским городским судом Забайкальского края, государственный обвинитель заявил об отказе от обвинения, предъявленного Ф., в части нанесения побоев потерпевшей, поскольку представленные доказательства, имеющиеся в материалах уголовного дела, не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, вина подсудимого не доказана в данной части<sup>29</sup>.

Говоря о несогласованности выводов, полученных в ходе предварительного расследования и в судебном разбирательстве уголовного дела, можно выделить и такую цель отказа прокурора от обвинения

<sup>23</sup> Постановление Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 29.05.2017 по уголовному делу № 1-166/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2xuxAdrAi1h/233> (дата обращения: 01.04.2025).

<sup>24</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2012 № 105-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давыдова Валерия Геннадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 254 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&baseB&n=252273> (дата обращения: 01.04.2025).

<sup>25</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 1904-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Казаряна Геворга Овсеповича на нарушение его конституционных прав частью седьмой и пунктом 3 части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70774452/?ysclid=lv1ioqtie2278997177> (дата обращения 01.04.2025).

<sup>26</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2016 № 226-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. №5.

<sup>27</sup> Шапан А.В. Отказ прокурора от обвинения на стадии судебного разбирательства // Молодой ученый. 2023. № 13. С. 286.

<sup>28</sup> Савоськин А.В., Сошников И.В. Отказ прокурора от обвинения в уголовном судопроизводстве // Вопросы безопасности. 2022. № 4. С. 120.

<sup>29</sup> Постановление Краснокамского городского суда Забайкальского края от 30.10.2023 по уголовному делу № 1-287/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/54VYFFzae8Y/> (дата обращения: 01.04.2025).

как признание недочетов досудебных стадий производства по уголовному делу и, прежде всего, нарушений закона, допущенных в процессе осуществления прокурорского надзора за органами дознания и предварительного следствия, которые способны привести к незаконному осуждению лица.

Следование прокурором гражданской и профессиональной позиции (нередко в ущерб ведомственным интересам) по уголовному делу особо значимо, если рассматривается резонансное дело, особенно о посягательстве на государственные интересы. К примеру, определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 октября 2011 оставлено в силе определение Верховного Суда республики Татарстан о прекращении уголовного дела в связи с отказом прокурора от обвинения в отношении Т. и Н., которые органами предварительного следствия обвинялись в подстрекательстве к уклонению от оплаты налогов с физических лиц в крупном размере, уклонении от уплаты налогов с организации путем внесения в налоговую декларацию заведомо ложных сведений<sup>30</sup>.

Целью отказа от обвинения также является стремление обеспечить защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, организаций, безопасности государства. Данная обязанность возложена на прокурорских работников, помимо федеральных законов, также Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 17 сентября 2021 г. № 54<sup>31</sup>.

Правовые основания отказа государственного обвинителя от обвинения перечислены в ч. 7 ст. 246 УПК РФ. Таковыми являются:

отсутствие события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);

отсутствие в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

Данный пункт (следовательно – и отраженное в нем состояние), признан не противоречащим Конституции РФ Постановлением Конституционного Суда РФ от 15 июня 2021 г. № 28-П<sup>32</sup>.

Отсутствие в деянии состава преступления может означать наличие такого явления, смежного с преступлением как малозначительное деяние, т.е. деяния, не обладающего признаком общественной опасности<sup>33</sup>.

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что при определении малозначительности следует учитывать такие критерии, как: характер совершенного деяния,

роль лица в ее совершении, тяжесть последствий, содержание мотивов и целей и иных обстоятельств, не представляющих общественной опасности<sup>34</sup>:

непричастность обвиняемого к совершению преступления (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ);

основания, предусмотренные пунктами 1–6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ), являющиеся по своей уголовно-правовой и процессуальной природе реабилитирующими.

На основании ч. 7 ст. 246 УПК РФ, если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК.

Влияние отказа государственного обвинителя на характер принимаемого судом решения подтвердил Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики № 3 от 25 ноября 2015 г.<sup>35</sup>

В ситуации реализации права государственного обвинителя на отказ от поддержания обвинения и принятие данного отказа судом, возникает справедливый вопрос, связанный с правовыми последствиями данного решения, а именно: *каким же образом потерпевший может защитить свои права и законные интересы, в случае несогласия с отказом прокурора от обвинения?*

Устанавливая влияние отказа государственного обвинителя от обвинения на процессуальную судьбу потерпевшего следует упомянуть о Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью от 29 ноября 1985 г.<sup>36</sup>, которая содержит программное положение о праве жертв преступлений на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством (п. 4).

Принцип состязательности, за полноценную реализацию которого ратовали разработчики и вдохновители Концепции судебной реформы, презюмирует равнозначную оценку доказательств как защиты, так и обвинения. При этом не следует забывать, что

<sup>30</sup> Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.10.2011 по делу № 11-011-83. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/13881> (дата обращения: 01.04.2025).

<sup>31</sup> Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17.09.2021 № 54 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» (в ред. от 22.03.2023). URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_396068/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396068/) (дата обращения: 01.04.2025).

<sup>32</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2021 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса в связи с жалобой гражданина Д.К. Михайлова». URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_387518/#dst100038](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_387518/#dst100038) (дата обращения: 01.04.2025).

<sup>33</sup> См.: Комягин Р.А. Состав преступления: теоретическое моделирование понятия, структуры и соотношения с преступлением: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. С. 167.

<sup>34</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. №7.

<sup>35</sup> Обзор судебной практики № 3 за 2015 г. Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015 (в ред. от 28.03.2018). URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_189419/?ysclid=lvi7zcsr31630](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189419/?ysclid=lvi7zcsr31630) (дата обращения: 01.04.2025).

<sup>36</sup> Советская юстиция. 1992. № 9–10.

государственный обвинитель – не единственный участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения. К данной группе субъектов уголовно-процессуальных отношений относятся также потерпевший, гражданский истец, частный обвинитель и их представители.

Проблемы защиты прав этих участников в ситуации отказа государственного обвинителя от обвинения верно подмечены И.Б. Михайловской, не без основания полагавшей, что «являясь частью государственного механизма и вынося свои решения от имени государства, суд ограничен рамками действующего законодательства»<sup>37</sup>.

Обеспечение баланса публичных и частных начал уголовного судопроизводства, а также функционирование его в рамках организационно-правового режима, ориентированного на защиту как публичных и частных интересов, предполагает предоставление потерпевшему права возражать против прекращения уголовного дела при отказе государственного обвинителя от обвинения. Подобного состояния можно достичь посредством дополнения части 2 статьи 42 УПК РФ пунктом 16.1 в следующей редакции: «16.1) возражать против прекращения уголовного дела при отказе государственного обвинителя от обвинения в суде».

Видится оправданным также дополнение указанием на процессуальную природу и описанием процедуры выражения несогласия с прекращением уголовного дела Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»<sup>38</sup>.

Следует учитывать, что, если приведенный порядок будет предусмотрен законодательно, это не будет означать замену государственного (публичного) обвинения частным. Оно по своей правовой природе будет означать гарантию защиты прав потерпевшего, а также правовую форму этой защиты. Такой подход

законодателя вполне мог бы быть признан компромиссной парадигмой, предполагающей закрепление «состязательного начала с одновременным «реверансом» в сторону принципа материальной (объективной) истины посредством предоставления потерпевшему права на субсидиарный уголовный иск...»<sup>39</sup>.

Потерпевший не должен оставаться безучастным в ситуации, в которой решается судьба не только подсудимого, но и его самого. И, если потерпевший не возражает против прекращения уголовного дела в связи с отказом прокурора от обвинения, то он вполне может согласиться и с принятием судом соответствующего решения. Но, если потерпевший возражает против прекращения дела, то лишение этого участника возможности отстаивать свою позицию и защищать права, выглядит по меньшей мере негуманно.

Решение обозначенной проблемы видится в предоставлении потерпевшему права возражать против прекращения дела в ситуации отказа прокурора от обвинения и поддерживать обвинение против подсудимого самостоятельно. С этой целью вносится предложение о дополнении ст. 246 УПК РФ частью 7.2 (с учетом высказанного ранее предложения о дополнении данной нормы частью 7.1.) следующего содержания: «7.2. Если в ходе судебного разбирательства потерпевший заявит о своем несогласии с прекращением уголовного дела полностью или в части в связи с отказом государственного обвинителя от поддержания обвинения, слушание дела должно быть продолжено, а потерпевшему предоставлено право поддерживать обвинение самостоятельно».

Предложенные законодательные новации, в случае признания их законодателем, способны оказать весомую роль в создании надлежащей правовой основы достижения назначения уголовного судопроизводства, обеспечения публичных и частных интересов, а главное – принятия законного и обоснованного решения в ситуации отказа государственного обвинителя от обвинения в суде.

#### Библиографический список

1. Балакшин В.С. Государственный обвинитель в российском уголовном процессе – кто он? // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 1. – С. 5-9.
2. Гизатуллин И.А. Отказ государственного обвинителя от обвинения в контексте обеспечения процессуальной свободы судьи // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1 (67). – С. 42-59.
3. Головкин Л.В. Институты «отказа прокурора от обвинения» и «изменения обвинения в суде»: экзистенциальный аспект // Теория уголовного процесса: состязательность: моногр. в 2 ч. / под ред. Н.А. Колоколова. – М.: Юрлитинформ, 2013. – Ч. 1. – С. 238-275.
4. Горобец В. О соблюдении интересов правосудия при отказе государственного обвинителя от обвинения // Уголовный процесс. – 2006. – №1. – С. 77-78.
5. Гришина Е.П. Соотношение публичного, частного и состязательного начал в рамках исторической формы уголовного процесса России // Администратор суда. – 2023. – № 3. – С. 43-47.
6. Карякин Е.А. Формирование истинности обвинительного приговора при производстве в особом порядке судебного разбирательства // Вестник ОГУ. – 2007. – №3. – С. 22-28.
7. Кальницкий В.В. Состязательное построение судопроизводства не должно препятствовать свободному формированию внутреннего убеждения судьи // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. – 2003. – № 4. – С. 75-77.

<sup>37</sup> Михайловская И.Б. Суды и судьи: независимость и управляемость: монография. М.: Проспект, 2014. С. 2.

<sup>38</sup> Российская газета. 2010. № 147.

<sup>39</sup> Головкин Л.В. Институты «отказа прокурора от обвинения» и «изменения обвинения в суде»: экзистенциальный аспект // Теория уголовного процесса: состязательность: моногр. в 2 ч. / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2013. Ч. 1. С. 271–272.

- 
8. Кисленко И.Л. Криминалистические основы поддержания государственного обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2010. – 32 с.
  9. Ким С.С. Отказ государственного обвинителя от поддержания обвинения: основания, пределы, последствия // Право и правопорядок в фокусе научных исследований: сб. научн. трудов. – Т. 1. – Вып. 4: Хабаровск: ДГУПС, 2023. – С. 124-133.
  10. Комягин Р.А. Состав преступления: теоретическое моделирование понятия, структуры и соотношения с преступлением: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. – 255 с.
  11. Машовец А.О. Изменение обвинения, полный или частичный отказ от него государственным обвинителем в ходе судебного разбирательства // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 2 (36). – С. 93-96.
  12. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1993. – 269 с.
  13. Михайловская И.Б. Суды и судьи: независимость и управляемость: монография. – М.: Проспект, 2014. – 124 с.
  14. Никитина И.В. Принцип состязательности и проблемы его реализации в стадии судебного разбирательства: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 269 с.
  15. Рукавишников П.П. Отказ государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2008. – 23 с.
  16. Савицкий В.М. Процессуальные последствия отказа прокурора от обвинения // Правоведение. – 1972. – №1. – С. 70-79.
  17. Савоськин А.В., Сошникова И.В. Отказ прокурора от обвинения в уголовном судопроизводстве // Вопросы безопасности. – 2022. – № 4. – С. 119-127.
  18. Спирин А.В. О праве прокурора распоряжаться обвинением // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – №4. – С. 149-150.
  19. Фарафонова В.А. Проблемы отказа государственного обвинителя от обвинения в уголовном процессе // Вестник ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2020. – Т. 4. №12-2. – С. 198-202.
  20. Шапан А.В. Отказ прокурора от обвинения на стадии судебного разбирательства // Молодой ученый. – 2023. – №13. – С. 286-288.

Рецензент: Резепкин А.М., доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

## **ЖЕРЕБЯТЬЕВ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ**

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина» (МГЮА), мировой судья в отставке, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50, igoriviv@mail.ru

### **УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА И ЕГО РОЛЬ В ДОКАЗЫВАНИИ В РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ СУДОПРОИЗВОДСТВА\***

#### **ZHEREBYATYEV IGOR VLADIMIROVICH**

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Orenburg Institute (branch) Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Justice of the Peace retired, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, igoriviv@mail.ru

### **THE PARTICIPATION OF A SPECIALIST AND HIS ROLE IN PROVING IN VARIOUS TYPES OF LEGAL PROCEEDINGS**

**Аннотация.** В статье рассматривается участие специалиста в различных видах судопроизводства. Проводится сравнительный анализ процессуальных кодексов в отношении участия специалиста. Анализируются проблемы, связанные с процессуальной формой заключения специалиста, несоответствием заключения специалиста требованиям, предъявляемым к доказательствам. Выявлены пробелы в законодательной базе и правовом регулировании участия специалиста, сформулированы предложения по ее совершенствованию.

**Ключевые слова.** Специалист, эксперт, заключение специалиста, консультация специалиста, доказывание, доказательства, судопроизводство, показания, оценка доказательств, процессуальный статус.

**Annotation.** The report examines the participation of a specialist in various types of legal proceedings. A comparative analysis of the procedural codes in relation to the participation of a specialist is carried out. The problems related to the procedural form of a specialist's opinion, the inconsistency of a specialist's opinion with the requirements for evidence are analyzed. Gaps in the legislative framework and legal regulation of the participation of a specialist have been identified, and proposals for its improvement have been formulated.

**Keywords:** Specialist, expert, expert opinion, specialist consultation, proof, evidence, legal proceedings, testimony, evaluation of evidence, procedural status.

Специалист, а, м. Работник в области какой-н. определённой специальности. Подготовка специалистов. Узкий с. С. широкого профиля. Молодой с. (выпускник вуза или техникума, начинающий самостоятельную работу). С. по сосудистой хирургии<sup>1</sup>.

Данное определение имеет место быть в Толковом словаре С.И. Ожегова.

Учитывая, что специалисты в нашей жизни присутствуют объективно во всех областях общественных отношений, попробуем перенести осмысление этой категории в сферу юридической науки, а именно – что это за такой интересный участник в различных видах судопроизводства.

Итак. Согласно Конституции Российской Федерации, судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства (часть 2 статьи 118)<sup>2</sup>.

Мы в рамках настоящего исследования не будем рассматривать вопрос о различиях Кодекса админи-

стративного судопроизводства Российской Федерации (далее по тексту – КАС РФ) и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту – КоАП РФ), а именно – что же понимать под административным судопроизводством в его конституционно-правовом смысле. Поэтому в статье рассмотрим оба производства.

Начнем с конституционного судопроизводства.

Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» указывает, что в случаях, предусмотренных статьями 49 и 50 Закона о Конституционном Суде, судья-докладчик и Конституционный Суд вправе привлекать для консультаций, проведения проверок, исследования отдельных документов специалиста (специалистов), не заинтересованного в исходе дела. Требования Конституционного Суда Российской Федерации о проведении проверок, исследований, экспертиз; об установлении определенных обстоятельств; о привлечении специалистов; о даче разъяснений, консульта-

\* Отметим, что статья носит обзорный характер и не ставит в качестве своей цели рассмотрение возможности внесения каких-либо изменений и дополнений в анализируемые нормативно-правовые акты.

<sup>1</sup> <https://gufo.me/dict/ozhegov/специалист> (дата обращения: 10.06.2025).

<sup>2</sup> Здесь и далее все нормативно-правовые акты приводятся по состоянию на 10.06.2025 года из Справочно-правовой системы «Гарант».

ций и об изложении профессиональных мнений по рассматриваемым делам обязательны для всех органов, организаций и лиц, которым они адресованы.

Кроме того, параграф 35 Регламента Конституционного Суда РФ («Привлечение специалиста») определяет, что судья-докладчик или Конституционный Суд вправе привлекать для консультаций, проведения проверок, исследования отдельных документов специалиста (специалистов), не заинтересованного в исходе дела. В случае необходимости задание, для выполнения которого приглашен специалист, формулируется судьей-докладчиком в письменном виде.

Вместе с тем, статья 52 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» не относит специалиста к числу участников процесса. Не считает данный закон доказательством и заключение специалиста (только заключение эксперта).

#### КАС РФ.

Данный Кодекс в статье 48 упоминает специалиста в качестве иного участника процесса, наравне с экспертом, а статья 50 («Специалист») определяет, что специалистом является лицо, обладающее специальными знаниями и (или) навыками и назначенное судом для дачи пояснений, консультаций и оказания иной непосредственной помощи при исследовании доказательств и совершении иных процессуальных действий по вопросам, требующим соответствующих знаний и (или) навыков. Перед специалистом могут быть поставлены вопросы, связанные с установлением содержания положений нормативного правового акта, норм иностранного права, технических норм. Специалист может отказаться от дачи консультации по вопросам, выходящим за пределы его специальных знаний, а также в случае, если предоставленных ему материалов недостаточно для дачи консультации (части 1, 2 и 6 статьи 50 КАС).

Вместе с тем, Глава 6 КАС («Доказательства и доказывание») в качестве полноценного доказательства упоминает исключительно заключение эксперта.

#### КоАП РФ.

Данный Кодекс оперирует следующими интересующими нас в рамках исследования категориями. Первая – «Показания специальных технических средств» (статья 26.8), под которыми понимаются измерительные приборы, утвержденные в установленном порядке в качестве средств измерения, имеющие соответствующие сертификаты и прошедшие метрологическую поверку. Показания специальных технических средств отражаются в протоколе об административном правонарушении или постановлении по делу об административном правонарушении, вынесенном в случае, предусмотренном частью 3 статьи 28.6 настоящего Кодекса.

Показания специальных технических средств КоАП РФ расценивает как полноценное доказательство, которое возможно использовать в процессе доказывания обстоятельств дела об административном правонарушении, равно как и заключение эксперта (часть 2 статьи 26.2 Кодекса).

Вторая категория – такой участник производства

по делу об административном правонарушении, как специалист (статья 25.8 КоАП РФ). Согласно положениям приведенной статьи, в качестве специалиста для участия в производстве по делу об административном правонарушении может быть привлечено любое не заинтересованное в исходе дела совершеннолетнее лицо, обладающее познаниями, необходимыми для оказания содействия в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, а также в применении технических средств.

В соответствии с п.п. 2 части 2 статьи 25.8 КоАП РФ, специалист обязан участвовать в проведении действий, требующих специальных познаний, в целях обнаружения, закреплении и изъятия доказательств, давать пояснения по поводу совершаемых им действий.

Таким образом, и этот Кодекс не рассматривает в качестве полноценного доказательства именно заключение специалиста.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – ГПК РФ).

ГПК РФ при перечислении доказательств в положениях абзаца 2 части 1 статьи 55 также не упоминает в качестве такового заключение специалиста, только заключение эксперта. Вместе с тем, указанный Кодекс содержит статью 188 («Консультация специалиста»), согласно которой в необходимых случаях при осмотре письменных или вещественных доказательств, воспроизведении аудио- или видеозаписи, назначении экспертизы, допросе свидетелей, принятии мер по обеспечению доказательств суд может привлекать специалистов для получения консультаций, пояснений и оказания непосредственной технической помощи (фотографирования, составления планов и схем, отбора образцов для экспертизы, оценки имущества). Лицо, вызванное в качестве специалиста, обязано явиться в суд, отвечать на поставленные судом вопросы, давать в устной или письменной форме консультации и пояснения, при необходимости оказывать суду техническую помощь. Специалист дает суду консультацию в устной или письменной форме, исходя из профессиональных знаний, *без проведения специальных исследований* (выделено нами – И.Ж.), назначаемых на основании определения суда. Консультация специалиста, данная в письменной форме, оглашается в судебном заседании и приобщается к делу. Консультации и пояснения специалиста, данные в устной форме, заносятся в протокол судебного заседания (части 1, 2 и 3 упомянутой статьи ГПК РФ).

Идем дальше. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – АПК РФ).

И вновь при анализе текста данного процессуального Кодекса мы можем сделать вывод, что в качестве самостоятельного полноценного доказательства он предусматривает лишь заключение эксперта, но не специалиста (часть 2 статьи 64, статья 87.1). Но указанный Кодекс, в отличие от вышеназванных нормативных правовых актов, оперирует уже таким ви-

дом доказательств, как консультация специалиста (!). Также он предусматривает специалиста в качестве самостоятельного полноценного участника арбитражного процесса. О специалисте АПК РФ (статья 55.1) говорит следующим образом: специалистом в арбитражном суде является лицо, обладающее необходимыми знаниями по соответствующей специальности, осуществляющее консультации по касающимся рассматриваемого дела вопросам<sup>3</sup>.

В соответствии с нормами частей 1 и 2 статьи 87.1 АПК РФ, в целях получения разъяснений, консультаций и выяснения профессионального мнения лиц, обладающих теоретическими и практическими познаниями по существу разрешаемого арбитражным судом спора, арбитражный суд может привлекать специалиста. Советники аппарата специализированного арбитражного суда, обладающие квалификацией, соответствующей специализации суда, могут привлекаться в качестве специалистов. Специалист дает консультацию добросовестно и беспристрастно исходя из профессиональных знаний и внутреннего убеждения. Консультация дается в устной форме *без проведения специальных исследований* (выделено нами – И.Ж.), назначаемых на основании определения суда.

И, наконец, переходим к последнему виду судопроизводства – уголовному. Сразу отметим, что уголовное судопроизводство, как наиболее публичная из всех ранее рассмотренных видов деятельности, наибольшим образом внедряется в охраняемые Конституцией РФ и иными федеральными законами права, свободы и законные интересы личности. И будет, на наш взгляд, абсолютно справедливым сделать утверждение о том, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) должен в наибольшей степени быть точным в формулировках, не допускающих их двоякое толкование и применение. Иное бы приводило (а иногда, к сожалению, и приводит) к поистине катастрофическим последствиям для лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу в том или ином качестве. В полной мере это относится и к доказыванию обстоятельств уголовного дела, и к перечню видов доказательств.

УПК РФ единственный из анализируемых нами законодательных актов предусматривает в качестве действительно самостоятельного и полноценного доказательства не только заключение, но и показания специалиста (подпункт 3.1 части 2 статьи 74). И в соответствии с положениями части 3 статьи 80 УПК РФ под заключением специалиста понимается представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами.

Под показаниями специалиста УПК РФ понимает сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями статей 53, 168 и 271 настоящего Кодекса.

Вместе с тем, в определении самого понятия «специалист» УПК РФ недалеко ушел от своих *vis-a-vis*. Как указывает нам статья 58 Кодекса, специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Единственным, на наш взгляд, положительным моментом, которым действительно существенно отличается УПК РФ, и который направлен на попытку «усилить» сторону защиты в реализации принципа состязательности сторон при доказывании – это внедренная в 2017 году в статью 58 Кодекса часть 2.1: «Стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном настоящим Кодексом, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, за исключением случаев, предусмотренных статьей 71 настоящего Кодекса».

Еще одним существенным моментом, отличающим УПК РФ от иных проанализированных нами законов в части участия специалиста и его правового статуса, является то, что он вступает в производство по делу исключительно по инициативе судьи, суда (либо органа, ведущего производство по делу об административном правонарушении). И доказательства (в том числе полученные с помощью специалиста), по сути, формируются именно ими (включая консультацию специалиста в арбитражном судопроизводстве). Конечно же, практика, как обычно, вносит свои коррективы, и заключение специалиста может предоставляться и сторонами процесса (но только в качестве не отдельного вида доказательства, а как *иной документ*<sup>4</sup>). Но и здесь вопрос о доказательственной силе подобного документа остается «открытым».

Уголовно-процессуальный же кодекс в нормах о доказывании наделяет правом собирать *именно доказательства* (уже сформированные) не только дознавателя, следователя, прокурора и суд путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом, но и защитника (часть 3 статьи 86 УПК РФ)<sup>5</sup>. Об этом же

<sup>3</sup> Интересным будет отметить, что статьи 55.1 и 87.1 АПК РФ изначально отсутствовали в тексте Кодекса, который был дополнен ими только Федеральным законом от 08.12.2011 г. № 422-ФЗ.

<sup>4</sup> Сугубо личное мнение автора статьи. Полагаем, что этот вопрос является очень объемным и требует отдельного самостоятельного и углубленного изучения.

<sup>5</sup> Да, часть 2 статьи 86 УПК РФ говорит о том, что подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Но то, что эти документы и предметы приобретут статус полноценного доказательства, отвечающего всем требованиям к его свойствам, и будут в дальнейшем использоваться в процессе доказывания, всецело зависит от усмотрения лица, в производстве которого находится уголовное дело. Исходя же из буквального толкования уголовно-процессуального закона, защитник *a priori* собирает уже полноценные, сформированные доказательства.

правомочии защитника говорится и в подпункте 2 части 1 статьи 53 УПК РФ. Именно из этих положений, а также совокупности положений подпункта 3 части 1 статьи 53, частей 2 и 2.2 статьи 159, части 4 статьи 271 УПК РФ, многие ученые-процессуалисты делают вывод о том, что заключение специалиста в уголовном судопроизводстве приравнивается к заключению эксперта и в полной мере может подменять последнее, но мы с этим категорически не согласны<sup>6</sup>.

О проблемах этого высказано множество «за» и «против», причем не только касаясь уголовного судопроизводства. Исследователи в области иных видов судопроизводства также отмечают проблемность использования в качестве доказательства информацию, поступающую от специалиста в том его процессуальном статусе, как он закреплен в соответствующем законодательном акте (см. выше).

Подводя итог. Мнение автора по этому поводу многим покажется ретроградным. Но специалист, в том числе в уголовном судопроизводстве, – это все-таки больше вспомогательный, второстепенный, технический участник судопроизводства (как психолог, педагог и проч.). Нельзя считать и подменять (за-

нять) суждение (как указано в УПК) специалиста, помогающего изымать, например, носители информации с мобильных устройств подозреваемого/обвиняемого. И сопоставлять это суждение с той информацией, уже именно доказательственной, которая впоследствии может быть получена с этого устройства при экспертном исследовании. Мы не можем подменять заключение специалиста-водолаза о том, как, по его суждению, труп оказался в месте обнаружения последнего, внешние характеристики трупа в момент его обнаружения, его расположение по отношению к берегу, руслу течения и так далее. Но, тем не менее, это суждение ни в коем разе не должно подменять выводы эксперта и причинах, времени смерти.

Мы должны подразделять поступающую информацию как от специалиста, так и от эксперта. В любом случае, итог оценки всей совокупности собранных по делу доказательств – за тем органом или должностным лицом, в чьем производстве находится дело (в любом виде судопроизводства)<sup>7</sup>. Ибо итоговое решение по делу выносит не специалист, не эксперт, не переводчик, не свидетель.

Рецензент: Резепкин А.М., доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

<sup>6</sup> Дискуссия об этом идет уже десятка два лет, но нельзя подменять, например, внешний осмотр трупа врачом, с экспертным исследованием трупа на предмет времени смерти, причин смерти и т.д.

<sup>7</sup> Любое окончательное правоприменительное решение выносится, в итоге, государственным органом (в том числе судом). И государство же является гарантом его исполнения. Основы теории государства и права.

---

### **КУЗНЕЦОВ АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ**

доцент кафедры юриспруденции факультета Экономики и права ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный аграрный университет», доцент кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент, 460000, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18, tolik\_kuznetsov\_2013@mail.ru

### **КНЯЗЕВ КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ**

старший преподаватель кафедры организации деятельности органов внутренних дел в особых условиях Омской академии МВД России, г. Омск, ул. Перелета, 5, konstantin.knyazev.1986@mail.ru

## **К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАКТИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ, СВЯЗАННЫХ С ПРИСВОЕНИЕМ ИЛИ РАСТРАТОЙ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА**

### **KUZNETSOV ANATOLY VLADIMIROVICH**

associate Professor of the Department of Jurisprudence, Faculty of Economics and Law, Orenburg State Agrarian University, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Orenburg State University, Candidate of Law, Associate Professor, Chelyuskintsev str., 18, 460000, Orenburg, Russia tolik\_kuznetsov\_2013@mail.ru

### **KNYAZEV KONSTANTIN SERGEEVICH**

Lecturer of the Department of Organization of the activities of Internal Affairs Bodies in special conditions of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Flight str., 5, konstantin.knyazev.1986@mail.ru

## **ON THE ISSUE OF IMPROVING THE PRACTICE OF INVESTIGATING CRIMINAL CASES IN THE FORM OF AN INQUIRY RELATED TO THE APPROPRIATION OR EMBEZZLEMENT OF OTHER PEOPLE'S PROPERTY**

**Аннотация.** В статье авторы обращают внимание на актуальную уголовно-правовую проблему квалификации и расследования уголовных дел, связанных с присвоением или растратой чужого имущества. Важное место в обеспечении национальных интересов России в сфере экономики занимает уголовно-правовая борьба с присвоением или растратой. Общественная опасность данных форм хищения заключается в том, что преступления совершаются лицами, которым по различным законным основаниям (в силу выполнения должностных или служебных обязанностей, договорных отношений и т. п.), было вверено чужое имущество, то есть, были делегированы (полностью или частично) правомочия собственника по владению, пользованию и распоряжению этим имуществом.

При этом, остался не освещенным, с учётом практики применения УК РФ 1996 года, целый ряд проблемных вопросов теории и практики применения уголовно-правовых норм об ответственности за присвоение и растрату, оптимальности конструкции этих норм с учетом реальной социально-экономической обстановки в стране. В связи с этим авторы в статье выдвигают ряд предложений по оптимизации практики применения ст. 160 УК РФ.

**Ключевые слова:** присвоение или растрата, чужое имущество, вверенное имущество, отчуждение имущества, дознание.

**Annotation.** In the article, the authors draw attention to the urgent criminal law problem of qualification and investigation of criminal cases related to the appropriation or embezzlement of other people's property. An important place in ensuring Russia's national interests in the economic sphere is occupied by the criminal law fight against embezzlement or embezzlement. The public danger of these forms of theft lies in the fact that crimes are committed by persons who, for various legitimate reasons (due to the performance of official or official duties, contractual relations,

*etc. P.), someone else's property was entrusted, that is, the owner's powers to own, use and dispose of this property were delegated (in whole or in part).*

*At the same time, taking into account the practice of applying the Criminal Code of the Russian Federation in 1996, a number of problematic issues of the theory and practice of applying criminal law norms on liability for embezzlement and embezzlement, the optimality of the design of these norms, taking into account the real socio-economic situation in the country, remained not covered. In this regard, the authors in the article put forward a number of proposals to optimize the practice of applying Article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

**Keywords:** *embezzlement or embezzlement, other people's property, entrusted property, alienation of property, inquiry.*

По своей юридической природе присвоение и растрата относятся к числу наиболее «спорных» разновидностей имущественных преступлений. Законодательная конструкция необоснованного удержания и отчуждения вверенного имущества является продуктом исторического развития права и отражаемых им экономических отношений. В течение длительного времени они выкристаллизовывались для более точного обозначения тех корыстных имущественных посягательств, которые совершаются в сфере относительных обязательственных отношений, складывающихся в связи с передачей вещей другим лицам без перехода права собственности.

В структуре экономической преступности значительное место занимают посягательства на чужое имущество путем его присвоения или растраты, т.е. хищения чужого имущества, вверенного виновному (ст. 160 УК РФ). Данный состав преступления предусматривает наличие полномочий виновного по пользованию и распоряжению имуществом, вверенным ему в силу занимаемой должности.

Характерными чертами, отличающими совершаемые в современных условиях присвоения, являются:

а) активная адаптация расхитителей к новым формам и методам предпринимательской деятельности. Как показывает практика, лица, занимающиеся присвоением чужого имущества, достаточно оперативно реагируют на специфику, конъюнктуру и технические новации формируемых рыночных отношений, совершая преступления при помощи поддельных ценных бумаг, банковских документов, электронных кредитных карточек, средств связи и оргтехники (компьютеров, факс-модемов, множительных аппаратов);

б) совершение присвоений под видом заключения и осуществления от имени юридических лиц законных гражданско-правовых договоров. Такие действия, направленные на достижение преступного умысла, проводятся под прикрытием различного рода сделок и финансовых операций, к которым относятся купля-продажа, подряд, кредитование и т.д.;

в) прямое или косвенное вовлечение в преступную деятельность банковских структур. При совершении присвоений активно используются банковские операции с целью манипулирования денежными

средствами, включая безналичные расчеты и противоправные сделки по обналичиванию денег для дальнейшего их хищения;

г) кооперация расхитителей с общеуголовной преступностью, включая организованные преступные группы. Такое взаимодействие осуществляется в интересах достижения единых преступных целей: более эффективной подготовки, совершения и сокрытия присвоений, поиска новых источников приобретения и путей сбыта похищенного, расширения преступной деятельности.

До принятия нового УК РФ 1996 года в юридической литературе можно было встретить различные точки зрения по количеству форм хищения, предусмотренных в ст.92 (ст.147-1) УК РСФСР 1960 г. Так, Г.А. Матусовский считал, что в ст.92 (ст.147-1) УК РСФСР говорилось лишь об одной форме хищения, а понятия «присвоение», «растрата» и «хищение путем злоупотребления служебным положением», следует, по его мнению, рассматривать в качестве элементов внутри этой формы<sup>1</sup>.

Некоторые авторы предлагали выделять в рассматриваемой статье две самостоятельные формы хищения. Но и здесь не было единства мнений в том, какие две формы следует считать самостоятельными. Например, В. Фельдблюм придерживался позиции, что ст.92 (147-1) объединяет такие две формы хищения как присвоение и растрата, а понятие «злоупотребление служебным положением» является лишь характеристикой субъекта названного преступления<sup>2</sup>.

В.В. Устименко же считал, что «диспозиция ст.84 УК УССР (ст.147-1 УК РСФСР) по существу объединяет два самостоятельных преступления. Это хищение ... путем присвоения или растраты ... и хищение ... путем злоупотребления служебным положением»<sup>3</sup>.

Действующее уголовное законодательство признает присвоение и растрату формами хищения чужого имущества. Подавляющее большинство ученых-правоведов справедливо полагает, что в ст.160 УК РФ предусмотрена ответственность за хищение, совершение которого возможно в двух формах: присвоения и растраты.

Научные выводы относительно содержания того

<sup>1</sup> Матусовский Г.А. Экспертизы по делам о хищениях, совершаемых путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением // Современные проблемы судебной экспертизы и пути повышения эффективности деятельности судебно-экспертных учреждений в борьбе с преступностью. Киев, 1983. С. 118.

<sup>2</sup> Фельдблюм В. Квалификация хищений, совершенных путем присвоения или растраты либо злоупотребления служебным положением // Советская юстиция. 1975. № 19. С. 19-20.

<sup>3</sup> Устименко В.В. Специальный субъект преступления. Харьков, 1989. С. 84.

или иного уголовно-правового понятия должны, по нашему мнению, основываться на анализе различных обстоятельств, в том числе, и на толковании диспозиции исследуемой статьи уголовного закона. Проанализируем диспозицию части 1 статьи 160 УК РФ, которая гласит: «Присвоение или растрата, то есть хищение чужого имущества, вверенного виновному». Очевидно, что общим, что объединяет присвоение и растрату является то, что похищается имущество, которое вверено виновному. Считается, что именно этим признаком присвоение и растрата отличаются от всех остальных форм хищения. Хотя при мошенничестве путем злоупотребления доверием имущество также доверительно передается (вверяется) виновному для осуществления каких-либо действий (хранения, пользования и др.).

Возвращаясь к понятию «вверенное» имущество, следует отметить, что ни в научной литературе, ни в судебной практике нет единого мнения по вопросу: какое имущество считается вверенным виновному?

По мнению одних авторов, имущество следует считать вверенным лицу, если оно находилось под материальной ответственностью виновного<sup>4</sup>. Другие полагают, что понятие «вверенное имущество» предполагает осуществление правомочий при фактическом господстве над вещь<sup>5</sup>. Имущество вверено, считают третьи, когда «оно вручено с одновременным наделением определенными правомочиями и возложением обязанностей в отношении вверенного имущества; это должно быть надлежащим образом юридически оформлено путем приказа, заключения договора и т.д.»<sup>6</sup>.

В русском языке глагол «вверить», от которого происходит прилагательное «вверенное», означает – «на основании доверия отдать в чье-либо распоряжение, поручить чьим-либо заботам, попечению»<sup>7</sup>.

Буквальное толкование ст. 160 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что законодатель однозначно определил предметом присвоения и растраты только такое имущество, которое вверено виновному. Однако, при такой трактовке рассматриваемого понятия не подпадают под определение действия лиц, которым имущество непосредственно не вверено, а находится в их ведении (руководители организаций, главные бухгалтеры и др.), т.е. вверено подчиненным им лицам (как правило, материально ответственным).

Соответственно можно уверенно сказать, что согласно ч. 1 ст. 160 УК РФ субъектом присвоения и растраты является материально ответственное лицо, которому имущество вверяется для осуществления традиционных полномочий – распоряжения и управления.

Судебная практика предлагает считать имущество вверенным при обстоятельствах, когда:

1. Такое имущество находится в правомочном владении субъекта преступления;

2. Владение связано с осуществлением виновным в отношении имущества правомочий по управлению, распоряжению, доставке или хранению;

3. Правомочия в отношении похищаемого имущества возникают у лица в силу должностных обязанностей, договорных отношений или специального поручения со стороны собственника или владельца имущества.

Поэтому, понятие «вверенное имущество» раскрывается исходя не из особенностей или специфических признаков какого-либо имущества, хищение которого должно квалифицироваться по ст. 160 УК, а, по существу, характеризует положение субъекта данного посягательства по отношению к этому имуществу. «Чтобы признать имущество вверенным, – справедливо замечает Б.В. Волженкин, – мало установить, что он является его фактическим обладателем, «держателем». Необходимо, чтобы субъект на определенном правовом основании владел этим имуществом, осуществлял в отношении его соответствующие правомочия»<sup>8</sup>.

Принимая во внимание вышеизложенное, присвоение и растрата представляют собой самостоятельные формы хищения, которые отличаются между собой следующими признаками:

1) в присвоении всегда имеет место переход от правомочного владения вверенным имуществом к неправомочному, в то время как в растрате он отсутствует и лицо владеет вверенным имуществом только правомочно;

2) момент окончания присвоения и растраты не совпадает. Присвоение окончено, когда над вверенным имуществом установлено неправомочное владение; растрата – когда вверенное имущество отчуждено виновным.

3) разница в моменте окончания хищения влечет разницу в круге возможных соучастников и разницу в квалификации некоторых прикосновенных к хищению действий.

Присвоение не предшествует растрате. И растрата не является действием, следующим за присвоением.

Присвоение и растрату чужого имущества следует отличать от кражи. Отличительным признаком данного преступления является то, что специальный субъект такого хищения может завладеть имуществом, которое ему вверено на законных основаниях.

Исполнителем присвоения и растраты может быть только лицо, которое наделено соответствующими правомочиями в отношении вверенного ему чужого имущества. При этом остальные соучастники, не об-

<sup>4</sup> Хакимов И.Х. Борьба с хищениями, совершенными путем присвоения и растраты в системе государственной и кооперативной торговле. Ташкент, 1964. С. 63.

<sup>5</sup> Матышевский П.С. Ответственность за преступления против социалистической собственности. Киев, 1983. С. 69.

<sup>6</sup> Владимирова В.А., Ляпунов Ю.И. Социалистическая собственность под охраной закона. М., 1979. С. 51; Они же: Ответственность за корыстные посягательства социалистическую собственность. М., 1986. С. 126-127.

<sup>7</sup> Словарь русского языка. М., 1985. Т. I. С. 140.

<sup>8</sup> Волженкин Б.В. Квалификация хищений государственного или общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением. Л., 1987. С.6.

ладающие признаками специального субъекта присвоения или растраты, согласно ч. 4 ст. 34 УК РФ должны нести уголовную ответственность за указанные преступления в качестве организаторов, подстрекателей или пособников.

Так, приговором Артинского районного суда М. был признан виновным в том, что в составе группы лиц по предварительному сговору вместе с Ж. и П. похитил из топливного бака трактора 110 л дизельного топлива, вверенного ему. Изменяя приговор, президиум Свердловского областного суда указал, что осужденные М., П. и Ж. правомочиями по распоряжению, хранению, управлению в отношении дизельного топлива не обладали. Данное обстоятельство не было учтено судом при вынесении приговора, который должен был квалифицировать их действия по ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 160 УК РФ, как пособничество в хищении чужого имущества. На этом основании осуждение М. по признаку группы лиц по предварительному сговору было исключено, а действия остальных осужденных переключены на ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 160 УК РФ<sup>9</sup>.

Решая вопрос об отграничении присвоения и растраты от кражи, суд должен установить, прежде всего, имелись ли у виновного соответствующие правомочия в отношении похищенного имущества. В этой связи необходимо остановиться на вопросе о правильности сложившейся практики юридической оценки хищений, совершаемых такими категориями работников, как водители, трактористы, в отношении используемого ими в работе бензина, дизельного топлива и иных горюче-смазочных материалов. Изучение дел показывает, что суды хищение указанными лицами бензина квалифицируют по ч. 1 ст. 160 УК РФ либо по ч. 3 ст. 160 УК РФ. Представляется, что в подобных случаях более правильная правовая оценка содеянного должна производиться по ст. 158 УК РФ.

Основным отличительным признаком хищения, предусмотренного ст. 160 УК РФ, является отношение субъекта преступления к похищенному имуществу.

Обязательным признаком присвоения или растраты является факт предварительной вверенности имущества лицу, которое, пользуясь сложившейся ситуацией, совершает хищение этого чужого имущества.

Зачастую на практике отграничить присвоение либо растрату от обмана или же от кражи непросто. Как при присвоении либо растрате, так и при мошенничестве в форме злоупотребления доверием обязательным признаком злоупотребления правомочиями являются особые доверительные отношения, сложившиеся между виновным и потерпевшим и имеющие под собой определенное юридическое основание. Сам факт вверения имущества виновному лицу является определенным актом доверия, поэтому после-

дующие присвоение или растрата вверенного имущества есть одновременно и злоупотребление оказанным доверием.

Приведем несколько примеров, расцененных учеными и практиками как присвоение и обман.

Одним из районных судов г. Пензы рассматривалось уголовное дело, по которому обвинение в присвоении денежных средств было предъявлено П., К. и Ш. Эти граждане в составе одной делегации были командированы за границу различными организациями. Каждому из них организацией, в которой они работали, была вверена под отчет определенная сумма денежных средств для компенсации командировочных расходов. По инициативе одного из них они решили присвоить эти деньги, другой из них впоследствии изготовил фиктивные квитанции о проживании в гостинице с указанием суммы оплаты, которые были представлены ими вместе с авансовыми отчетами в бухгалтерии командировавших их организаций. Суд признал каждого из обвиняемых виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159 УК РФ<sup>10</sup>.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приводит аналогичный по сути пример, однако указывает, что в такой ситуации имеет место не присвоение либо растрата, а обман, и действия лиц необходимо квалифицировать по ст. 159 УК РФ (мошенничество). Так, К., работающий водителем СП «Белвест», выезжал в служебную командировку и после возвращения представил фиктивные счета якобы за проживание в гостинице в г. Москве, на основании чего получил и присвоил деньги. Суд Октябрьского района г. Москвы квалифицировал содеянное К. как присвоение имущества, вверенного обвиняемому, по ч. 1 ст. 160 УК РФ. Однако, с такой квалификацией не согласен высший судебный орган, полагая, что К. завладел имуществом (получил деньги) путем обмана, а не присвоил вверенное ему имущество<sup>11</sup>.

Итак, для того, чтобы установить, что же имеет место: присвоение или обман, необходимо, в первую очередь, предложить критерий, на основании которого можно провести разграничение. Необходимо учитывать, что обманное завладение имуществом признается лишь в случае, когда виновный еще до момента получения имущества имел намерение его похитить, а не после его получения от собственника. Сущность присвоения состоит в том, что виновное лицо не исполняет возложенные на него обязанности относительно переданного имущества, тем самым нарушая то доверие, которое оказал ему собственник (потерпевший). А это, в свою очередь, никоим образом не может быть связано с тем, какие средства или способ действий выбирает виновный для гарантирования себе возможности не исполнять принятое обязательство.

<sup>9</sup> Архив Свердловского областного суда, 2003. Уголовное дело № 44у-201.

<sup>10</sup> Судебная практика по уголовным делам. Тематический сборник: учебно-практическое пособие / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2010. С. 25.

<sup>11</sup> Судебная практика по уголовным делам. Тематический сборник: учебно-практическое пособие / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2010. С. 26.

Использование обмана с подобной целью не превращает мошенничество в присвоение либо растрату, так как последние выражаются в обращении виновным в свою пользу вверенного ему имущества, отчуждении такого имущества или в потреблении его самим виновным. Безусловно, обман может иметь место и при присвоении либо растрате чужой вещи, но тогда он служит средством не присвоения или растраты, а удержания за собой вверенной вещи. Например, если лицо обманным образом уничтожает долговую расписку и таким образом оставляет у себя имущество другого лица, то в его действиях присутствует не мошенничество, а присвоение чужого имущества. При присвоении или растрате виновный сам завладевает имуществом, а обман применяется либо для сокрытия преступления, либо в качестве подготовительного действия для введения в заблуждение других лиц. Присвоение либо растрата выражаются в обращении виновным в свою пользу вверенного ему имущества, отчуждении такого имущества или в потреблении его самим виновным.

Деяния против собственности относятся к наиболее опасным видам преступлений по своей относительной распространенности, по значению ущерба, который может быть причинен этими преступлениями, а поэтому особенно важно глубокое изучение раздела уголовного права, посвященного проблемам борьбы с преступлениями, совершаемыми в экономической сфере. В новый УК РФ была включена Глава 23, предусматривающая ответственность за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях. В связи с этим возникает необходимость отграничения ст. 201 УК РФ от смежного деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ или ч. 1 ст. 160 УК РФ.

Лицо, осуществляющее те или иные полномочия в отношении имущества в связи с занимаемой им должностью, может присвоить или растратить переданные ему ценности, используя свое служебное положение. Данная ситуация охватывается ст. 201 УК РФ (злоупотребление полномочиями). Основное же отличие ст. 160 от ст. 201 УК РФ следует проводить по тому основанию, что при совершении злоупотребления служебными полномочиями имущество не находится во владении виновного, а вверено другим лицам.

Главным образом, должностное лицо определяет цели назначения и использования такого имущества, его передачи другим физическим и юридическим лицам, то есть хищение путем злоупотребления служебными полномочиями выражается в следующем:

а) противоправное завладение имуществом, находящимся в оперативно-хозяйственном управлении (распоряжении) виновного;

б) незаконное оформление документов, позволяющих приобретать имущество неправомерным путем.

Однако, в отличие от присвоения либо растраты для завладения чужим имуществом путем злоупотребления должностным лицом своими служебными полномочиями основным признаком является не

только наличие или отсутствие у виновного определенного полномочия в отношении имущества, но и использование для завладения чужого имущества официально предоставленных ему по должности служебных полномочий.

Если вверенное имущество отчуждено незаконно и безвозмездно, то при отсутствии корыстной цели действия виновного лица не должны рассматриваться как хищение.

Таким образом, можно обозначить ряд общих выводов и предложить критерии разграничения рассмотренных составов преступлений:

1) при наличии трудовых отношений между собственником и лицом, которому передано имущество, оно будет считаться вверенным и ответственность наступит по ст. 160 УК РФ;

2) в случае завладения имуществом в силу гражданско-правовых отношений виновное лицо должно нести ответственность как за злоупотребление доверием, например, по ст. 159 УК РФ;

3) при передаче имущества в силу иных правовых отношений имущество будет являться вверенным в случае документального факта передачи имущества и предоставления собственником полномочий по имуществу;

4) если имущество передано без документального оформления, то похитившее его лицо должно нести ответственность за злоупотребление доверием (по ст. 159 УК РФ), однако если имущество передано материально ответственному лицу, ответственность должна наступать по ч. 1 ст. 160 УК РФ с момента передачи имущества;

Считаем, что успехом доказывания обстоятельств дела о присвоении или растрате чужого имущества (ч. 1 ст. 160 УК РФ), является своевременность выявления следователем подобного факта или обращения потерпевшего с заявлением, а также незамедлительное и обоснованное возбуждение уголовного дела. Своевременное возбуждение уголовного дела позволит оперативно и полно собрать доказательственную базу, так как дела о присвоении или растрате зачастую раскрываются на первоначальном этапе расследования.

Однако, для возбуждения уголовного дела необходимы повод и достаточные основания.

В соответствии с ч. 1 ст. 140 УПК РФ поводами для возбуждения уголовного дела по ч. 1 ст. 160 УК РФ могут быть *заявление* свидетеля, потерпевшего; *сообщение* о совершенном преступлении, полученное, например, от оперативных сотрудников ОВД, из средств массовой информации и т.п.; *материалы уголовного дела*, находящегося у следователя в производстве по иному преступлению, где соответствующее лицо, является свидетелем, потерпевшим.

Для принятия решения по полученным материалам законодатель предоставляет дознавателю время, в течение которого могут проводиться проверочные действия, направленные на подтверждение или не подтверждение предположений о наличии признаков преступления.

Предметом предварительной проверки сообщения о присвоении или растрате, как считают некоторые правоведы, процессуалисты, могут служить обстоятельства, подлежащие установлению дознавателем до возбуждения уголовного дела. Таковыми являются:

- причастность конкретного материально-ответственного лица к присвоению или растрате;
- период, в течение которого совершалось хищение, время каждой преступной операции (создания излишков, реализация неучтенной продукции, распределение неучтенной прибыли);
- место совершения присвоения или растраты в целом и применительно к каждой конкретной операции;
- характер и размер вреда, причиненного присвоением или растратой;
- наименование и вид похищенного имущества, его принадлежность конкретному собственнику, на котором работает материально-ответственное лицо;
- наименование, вид, размер, период образования недостачи или излишков, выявленных ревизией (инвентаризацией);
- основные направления реализации присвоенного имущества и денежных средств

Для положительного решения вопроса о возбуждении уголовного дела не требуется достоверно установить факт преступления, и исследовать его в полном объеме. В материалах, служащих основанием к возбуждению уголовного дела, могут отсутствовать исчерпывающие данные обо всех признаках преступления (объективных – обстановка, орудия или средства, способ и др.). Однако, налицо должны быть достоверные данные о субъективных признаках (форма вины, цель).

Считаем целесообразным предложить правоприменителю выработанные наукой способы выявления признаков хищения, в смысле ч. 1 ст. 160 УК РФ, при проверке заявления или сообщения о преступлении<sup>12</sup>:

- изучение специфики деятельности организации, товарооборота и документооборота; состояния учета, хранения и расходования ТМЦ;
- исследование материалов текущих инвентаризаций, ведомственных ревизий и иных проверок ТМЦ, проводивших до совершения хищения;
- криминалистический анализ отдельных документов (с целью выявления фактов подчистки, травления, дописки и др.);
- сопоставление бухгалтерских данных о движении ТМЦ с данными, содержащимися в контрольных лентах кассовых аппаратов, товарных чеках и иных документах учета;
- документальные проверки или ревизии, проводимые специалистом по поручению дознавателя (при этом основаниями для назначения ревизии могут служить документы, обнаруженные органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность,

размер недостачи или излишка ТМЦ, иные данные о признаках хищения).

Необходимо отметить, что для правоприменителя может являться затруднительным процесс выявления, доказывания факта присвоения или растраты.

Выявить подобную ситуацию возможно:

а) оперативно-розыскным путем:

– когда в ходе реализации оперативно-розыскных мероприятий становится известно о факте присвоения или растраты;

– когда наблюдаются явные противоречия доказательственной базы по уголовному делу (в том числе количественной и качественной характеристике ТМЦ) с результатами проверок, ревизий;

б) в рамках следственных действий (полагаем, что наиболее оптимально выявить присвоение или растрату путем назначения проверок по учету ТМЦ, исследования книг и иных документов учета, очной ставки, когда сравниваются показания потерпевшего и подозреваемого и др.), в том числе и по другим уголовным делам.

Следует выделить несколько *типичных следственных ситуаций*, связанных с присвоением или растратой чужого имущества:

1. Когда дознаватель выявляет сам признаки преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 160 УК РФ, в рамках иного уголовного дела, находящегося в производстве:

– из показаний свидетелей, потерпевших иных участников уголовного процесса (когда ими сообщается одна информация о наличии имущества, его состоянии, а фактически наблюдается его отсутствие, недостача или излишки);

– из затребованной документации (по которой лицо имело право только пользоваться имуществом определенный промежуток времени, а фактически оно расходовало имущество, иным образом распорядилось им);

– по результатам следственных действий (когда выясняется необоснованное (незаконное) наличие имущества у лица, которое принадлежит другим физическим или юридическим лицам).

2. Когда лица сами обращаются с заявлением о факте присвоения или растраты:

– свидетель, потерпевший или другие лица заявляют о факте хищения чужого имущества;

– когда лицо сообщает о приготовлении к совершению хищения в форме присвоения или растраты (в данном случае необходимо первоначально дознавателю дать поручение оперативным подразделениям с целью задержания лица с личным и обеспечением доказательственной базы путем аудиовидеозаписи, изъятием орудий или средств совершения преступления, обеспечением наблюдения, прослушивание телефонных переговоров и др.);

3. Когда информация о хищении чужого имущества в форме присвоения или растраты становится

<sup>12</sup> Супрун С.В., Тимошенко С.Е., Николаев К.Д. Расследование присвоения или растраты дознавателем органа внутренних дел // Законодательство и практика. 2010. № 1(24). С. 51.

известной дознавателю от иных официальных источников:

– рапорт оперативного сотрудника, которому информация стала известна в ходе реализации оперативно-разыскных мероприятий (предварительная информация о рассматриваемом факте в данном случае известна оперативникам, поэтому принимать какие-либо организационные, процессуальные решения дознавателю легче);

– средства массовой информации, как правило, данные подобного характера требует детальной проверки. К тому же процесс сбора доказательств, в случае подтверждения информации, крайне затруднителен вследствие предания огласки сведений, которые должны были бы составлять следственную тайну.

Успех раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 160 УК РФ, во многом зависит от того, насколько своевременно, четко и последовательно с учетом сложившихся следственных ситуаций будут организованы и проведены необходимые первоначальные следственные, оперативно-разыскные и иные действия сразу же после обнаружения признаков преступного события.

В связи с этим следует предложить дознавателям *перечень основных обстоятельств, подлежащих установлению* в ходе расследования преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 160 УК РФ:

а) когда, где и кем совершены действия, связанные с присвоением или растратой чужого имущества;

б) способ совершения (путем присвоения или растраты);

в) кому и какой причинен вред;

г) обстоятельства, характеризующие личность преступника. При этом обязательно устанавливаются его отношения с свидетелем, потерпевшим, а также лицами, в интересах которых совершалось хищение;

д) какие обстоятельства способствовали совершению данного преступления;

е) продолжительность времени, в течение которого совершались указанные действия;

ж) количество эпизодов (фактов) за установленный период времени.

Успех последующих действий дознавателя по расследованию уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 160 УК РФ заключается в пра-

вильности построения следственных версий.

Время построения и характер версий определяют материалы (предварительной проверки, первоначальных следственных действий и др.) которыми располагает следователь, дознаватель. Типичными версиями по делам о преступлениях, связанных с присвоением или растратой вверенного имущества являются:

а) преступление совершено подозреваемым непосредственно или с помощью родственников, знакомых иных лиц;

б) хищение совершено в свою пользу или третьих лиц;

в) преступление совершено путем обмана, злоупотреблением доверия;

Итак, в целом, для объективного установления факта присвоения или растраты чужого имущества по уголовному делу, а, соответственно, и принятия законного решения, следует предложить дознавателям следующий алгоритм (последовательность) действий:

1. Оценить обстановку на момент совершения преступления.

В этом случае дознаватель должен определить состояние общественных отношений, охраняемых ч. 1 ст. 160 уголовного закона (имеет ли место их нарушение или нет, на какой стадии находится посягательство).

2. Определить, имело ли место хищение чужого имущества и в чем оно выразилось (в форме присвоения или растраты), насколько иным стало состояние общественных отношений, охраняемых ч. 1 ст. 160 УК РФ.

3. Определить было ли имущество вверено виновному или нет (если да, то, как документально это подтверждается).

4. Установить причинную связь между действиями лица, направленными на присвоение или растрату чужого имущества и наступившим ущербом. Она заключается в том, что при присвоении материальный ущерб причиняется от того, что лицо, которому вверено имущество начинает незаконно им обладать. При растрате имущество незаконно издерживается либо отчуждается лицом.

5. Квалифицировать противоправные действия по части 1 ст. 160 УК РФ.

#### Библиографический список

1. Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Ответственность за корыстные посягательства социалистическую собственность. – М., 1986. – 221 с.
2. Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Социалистическая собственность под охраной закона. – М., 1979. – 199 с.
3. Волженкин Б.В. Квалификация хищений государственного или общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением. – Л., 1987 – 22 с.
4. Матусовский Г.А. Экспертизы по делам о хищениях, совершаемых путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением // Современные проблемы судебной экспертизы и пути повышения эффективности деятельности судебно-экспертных учреждений в борьбе с преступностью. – Киев, 1983. – С. 117-119.
5. Матышевский П.С. Ответственность за преступления против социалистической собственности. – Киев, 1983. – 175 с.

- 
6. Супрун С.В., Тимошенко С.Е., Николаев К.Д. Расследование присвоения или растраты дознавателем органа внутренних дел. // Законодательство и практика. – 2010. – № 1(24). – С. 49-53.
  7. Устименко В.В. Специальный субъект преступления. – Харьков, 1989. – 103 с.
  8. Фельдблюм В. Квалификация хищений, совершенных путем присвоения или растраты либо злоупотребления служебным положением // Советская юстиция. – 1975. – № 19. – С.19-20.
  9. Хакимов И.Х. Борьба с хищениями, совершенными путем присвоения и растраты в системе государственной и кооперативной торговле. – Ташкент, 1964. – 163 с.

Рецензент: Чичкин А.В., заведующий кафедрой юриспруденции факультета Экономики и права ФГБОУ ВО «Оренбургский ГАУ», к.ю.н., доцент.

---

**КУКОВЯКИН АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ**

старший преподаватель кафедры уголовного права Омской академии  
МВД России, кандидат юридических наук, г. Омск, пр-т Комарова 5;  
aekukovyakin@mail.ru

## **УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОБРОВОЛЬНОГО СОГЛАСИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО НА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕЧАНИЯ К СТ. 122 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ**

**KUKOVYAKIN ALEXANDER EVGENIEVICH**

Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Omsk Academy of the  
Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Omsk, 5 Komarova Ave.;  
aekukovyakin@mail.ru

## **CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISATION OF THE VICTIM'S VOLUNTARY CONSENT TO THE INFLICTION OF HARM IN THE CONTEXT OF THE NOTE TO ARTICLE 122 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION. 122 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**Аннотация:** в данной статье рассматривается уголовно-правовая характеристика добровольного согласия потерпевшего на причинение вреда в контексте примечания к ст. 122 УК РФ «Заражение ВИЧ-инфекцией». Анализируются мнения научного сообщества, в которых приводятся различные доводы к оценке критериев добровольности и возможные подходы по совершенствованию их законодательной регламентации в отечественном уголовном законодательстве. В статье разбираются вопросы, связанные с оценкой добровольного согласия потерпевшего на причинение вреда. Указываются субъективные и объективные критерии оценки добровольного согласия потерпевшего на причинение вреда как основание освобождения от уголовной ответственности. Затруднения в оценке квалификации данного преступления связаны с отсутствием ясности в определении вышеуказанных факторов. Рекомендуется установить более четкий критерий освобождения от уголовной ответственности за данное преступление, чтобы исключить проблемы при квалификации.

**Ключевые слова:** добровольность, согласие потерпевшего, причинение вреда, освобождение от уголовной ответственности, предупреждение о заражении.

**Abstract:** this article considers the criminal-legal characteristic of the victim's voluntary consent to inflict harm in the context of the note to article 122 of the Criminal Code of the Russian Federation 'Infection with HIV infection'. The article analyses the opinions of the scientific community, in which various arguments are given to assess the criteria of voluntariness and possible approaches to improve their legislative regulation in domestic criminal legislation. The article deals with the issues related to the assessment of the voluntary consent of the victim to the infliction of harm. Subjective and objective criteria of assessment of voluntary consent of the victim to inflict harm as a basis for exemption from criminal liability are indicated. Difficulties in assessing the qualification of this offence are related to the lack of clarity in the definition of the above factors. It is recommended to establish a clearer criterion of exemption from criminal liability for this offence in order to exclude problems in qualification.

**Keywords:** voluntariness, consent of the victim, infliction of harm, exemption from criminal liability, contamination warning.

В 2003 году Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен примечанием к статье 122 «Заражение ВИЧ-инфекцией». В нем впервые закреплено правовое значение добровольного согласия на опасность заражения или заражение ВИЧ-инфекцией.

Следует отметить, что по замыслу законодателя все характерные условия и ситуации с ВИЧ-инфекцией должны были рассматриваться как факторы, имеющие уголовно-правовое значение. В частности, признаки ВИЧ-инфекции рассматриваются как факторы, влияющие на проявление уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 122 УК РФ. В то же время в некоторых случаях уголовная ответственность за данное преступление признается избыточной.

Важно подчеркнуть, что данное решение законодателя отражает стремление гуманизировать уголовный закон и более «справедливо» оценивать соответствующее преступление, что соответствует концепции реализации уголовно-правовой политики.

Основания освобождения от уголовной ответственности сводятся к факторам, которые объясняют отказ государства от применения карательных мер

к правонарушителю. Поскольку карательные меры, образующие уголовное наказание, применяются в момент и в связи с совершением преступления, лицо, его совершившее, должно быть подвергнуто наказанию всеми перечисленными мерами.

В связи с вышеизложенным не согласимся с утверждением Т.Т. Дубинина о том, что «основаниями освобождения от уголовной ответственности могут быть объективные реальности, представляющие собой существенные внутренние признаки совершенного преступления, освобождающие виновное лицо от уголовной ответственности»<sup>1</sup>.

Хотя эта точка зрения имеет устоявшуюся научную ценность, она не соответствует современным тенденциям в уголовном праве. Тем не менее, идея учета добровольного согласия была реализована на практике в процессе дифференциации уголовной ответственности за данное преступление. Вместе с тем, недостатков в дифференциации уголовной ответственности за данное преступление по-прежнему много.

По нашему мнению, согласие потерпевшего на заражение ВИЧ-инфекцией не должно являться основанием для освобождения от уголовной ответственности за данное преступление, даже если потерпевший был своевременно предупрежден о риске заражения ВИЧ-инфекцией. Правильнее было бы рассматривать его как специальное основание для освобождения от наказания.

В этой связи следует положительно оценить новеллу, в которой законодатель ввел специальные основания освобождения от уголовного наказания Федеральным законом от 27 июля 2009 года (примечание к ст. 134 УК РФ<sup>2</sup>). Данные изменения свидетельствуют о постоянном развитии уголовного законодательства и стремлении к более четкой регламентации различных аспектов уголовной ответственности.

Анализируя содержание примечания к ст. 122 УК РФ, можно сделать вывод, что освобождение от уголовной ответственности за поставление потерпевшего в опасность заражения ВИЧ-инфекцией осуществляется при наличии следующих условий:

- виновный своевременно предупредил потерпевшего о риске заражения ВИЧ-инфекцией;
- добровольное согласие потерпевшего на совершение действия, создавшего опасность заражения;
- обязательным условием освобождения от ответственности является совершение деяния, предусмотренного ч. 1 или ч. 2 ст. 122 УК РФ.

В то же время, в юридической литературе бытует мнение, что одного лишь сообщения о ВИЧ-инфекции достаточно и носители ВИЧ не обязаны разъяснять природу заболевания и способы минимизации риска заражения. Действительно, УК РФ не обязывает освобожденных лиц делать это. Однако поскольку в законе речь идет о предупреждении, а не о простом сообщении, информация, полученная жертвой, должна содержать сведения о характере угрожающей опасности. Это подчеркивает важность достаточного и четкого информирования жертвы, чтобы она могла принять осознанное решение<sup>3</sup>.

Справедливо также отмечается, что признак своевременного предупреждения означает, что ВИЧ-носитель или третье лицо информирует потерпевшего до совершения действия, создающего риск заражения. Однако для того, чтобы предупреждение считалось своевременным, оно должно быть не только сделано до начала общественно опасного поведения, но и дать потерпевшему достаточно времени для выбора варианта действий<sup>4</sup>.

Определение достаточности времени зависит от социальной роли правоприменителя и конкретных обстоятельств правовой деятельности, а также от конкретного контекста правонарушения. Это подчеркивает необходимость индивидуального подхода к каждому случаю с учетом всех обстоятельств дела.

Для применения ст. 122 УК РФ необходимо установить факт добровольного согласия потерпевшего на совершение действия, создавшего опасность заражения<sup>5</sup>.

Важно отметить, что согласие может не только отражать желания сторон, но и быть уступкой со стороны правонарушителя. Кроме того, согласие всегда материально, то есть поведение жертвы допустимо только в том случае, если она на него согласна. Однако законодатель не очень удачно определил предмет согласия, сосредоточившись на поведении и действиях жертвы. При этом поведение жертвы может быть пассивным, а отношение жертвы к поведению правонарушителя - необычным. Это подчеркивает сложность и многогранность проблемы добровольного согласия в уголовном праве<sup>6</sup>.

Согласие потерпевшего должно быть добровольным, что означает самостоятельное решение, принятое в условиях свободного выбора и без принуждения.

Добровольность исключает любое незаконное физическое или психическое воздействие, а также

<sup>1</sup> Дубинин Т.Т. Основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право в борьбе с преступностью / Отв. ред. А.М. Яковлев. М., 1981. С. 81.

<sup>2</sup> Гурова Д.В., Кузнецов А.В. Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 240 УК РФ // Актуальные аспекты обеспечения безопасности человека в условиях развития гражданского общества: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Оренбург, 2024. С. 110.

<sup>3</sup> Минькова А.М. Ответственность за передачу ВИЧ-инфекции по действующему уголовному законодательству России // Проблемы российского законодательства: история и современность: Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Р.В. Закомолдин. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2006. Ч. II. С. 162.

<sup>4</sup> См.: Минькова А.М. Указ. соч. С. 162; Ендольцева А.В. Освобождение от уголовной ответственности в случае, предусмотренном законодателем в примечании к ст. 122 УК РФ // Российский следователь. 2004. № 4. С. 20; Сидоренко Э. Заражение ВИЧ-инфекцией: вопросы уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2007. № 1. С. 58.

<sup>5</sup> Камнев Р.Г. Проблемы применения нормы об освобождении от уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией // Уголовное право. 2010. № 3. С. 42-44.

<sup>6</sup> Панкратов В.В. Добровольное согласие на заражение ВИЧ-инфекцией // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 49-50.

исключает обман. Однако если жертва дала согласие без намерения быть введенной в заблуждение, оценка гораздо сложнее. Это требует тщательного анализа всех обстоятельств дела и учета душевного состояния жертвы.

Важным является вопрос и о допустимом возрасте жертвы для признания ее согласия добровольным. Некоторые авторы связывают добровольность с полной дееспособностью лица (т.е. достижением 18 лет). Другие авторы, например Е. Сидоренко, критикуют такой подход, указывая на нецелесообразность использования гражданско-правовой концепции правоспособности в уголовном праве и существование двойных стандартов при оценке сознания и волевых возможностей правонарушителей и потерпевших. Это подчеркивает необходимость более глубокого анализа проблемы возраста и дееспособности в уголовном праве.

Законодатель не случайно не ограничил допустимый возраст потерпевшего, поскольку согласие потерпевшего имеет уголовно-правовое значение. Для реализации предписаний ст. 122 УК РФ потерпевший должен осознавать грозящую опасность и важность своего поведения. Это осознание зависит не только от возраста, но и от других жизненных обстоятельств, таких как воспитание, круг общения и образованность. Поэтому, даже если жертве не исполнилось 16 лет, добровольность согласия может быть признана, если преступник докажет, что жертва дала осознанное согласие. Это подчеркивает важность индивидуального подхода к каждому случаю и учета всех обстоятельств дела<sup>7</sup>.

Вопрос о форме выражения согласия остается спорным. Так, некоторые авторы утверждают, что согласие может быть выражено в различных формах – устно, письменно или посредством действия<sup>8</sup>. Ряд криминалистов предлагают различные подходы в зависимости от обстоятельств. Одни полагают, что форма согласия должна зависеть от категории преступления<sup>9</sup>, а другие, что устное согласие допустимо

только в случае совершения преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения и предъявления обвинения. В случае заражения ВИЧ-инфекцией, когда дела возбуждаются в публичном порядке, согласие должно быть оформлено в письменной форме, включая все значимые для потерпевшего обстоятельства. Это подчеркивает необходимость четкого и однозначного регулирования вопроса о форме согласия в уголовном праве<sup>10</sup>.

На наш взгляд, ни УК РФ, ни УПК РФ не дают оснований для такого решения вопроса. Это подчеркивает необходимость дальнейшего исследования и обсуждения данного вопроса в юридической литературе и на практике.

Резюмируя, мы предлагаем изложить примечание к ст. 122 УК РФ в следующей редакции: «Лицо, совершившее деяние, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи, освобождается от уголовного наказания, если другое лицо, подвергшееся опасности заражения, или лицо, зараженное вирусом ВИЧ, было своевременно предупреждено виновным о наличии заболевания и добровольно согласилось на совершение деяния, создавшего опасность заражения».

Аналогичная норма в виде примечания к ст. 121 «Заражение венерической болезнью» УК РФ также желательна, поскольку общественная опасность деяния значительно снижается, если заражение венерической болезнью происходит при добровольном согласии.

Таким образом, уголовно наказуемое заражение венерическим заболеванием либо заражение вирусом ВИЧ не возникают в результате добровольного согласия потерпевшего. Потерпевший добровольно соглашается на совершение действия, создающего опасность заражения, но заинтересованное лицо не дает добровольного согласия на совершение этого действия. Потерпевший может быть заражен, но только в том случае, если лицо его заразившее, знает о наличии у него этой болезни и своевременно предупреждает потерпевшего.

#### Библиографический список

1. Гурова Д.В., Кузнецов А.В. Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 240 УК РФ // Актуальные аспекты обеспечения безопасности человека в условиях развития гражданского общества: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Оренбург, 2024. – С. 110-112.
2. Дубинин Т.Т. Основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право в борьбе с преступностью / Отв. ред. А.М. Яковлев. – М., 1981. – С. 80-82.
3. Ендольцева А.В. Освобождение от уголовной ответственности в случае, предусмотренном законодателем в примечании к ст. 122 УК РФ // Российский следователь. – 2004. № 4. – С. 18-20.
4. Камнев Р.Г. Проблемы законодательной регламентации и практического применения основания освобождения от уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией // Российский следователь. – 2011. – № 23. – С. 28-31.
5. Камнев Р.Г. Проблемы применения нормы об освобождении от уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 42-44.

<sup>7</sup> Камнев Р.Г. Проблемы законодательной регламентации и практического применения основания освобождения от уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией // Российский следователь. 2011. № 23. С. 28-31.

<sup>8</sup> Расторопов С. Уголовно-правовое значение согласия лица на причинение вреда своему здоровью // Законность. 2003. № 10. С. 47.

<sup>9</sup> Сумачев А.В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве. М.: Юрист, 2003. С. 10 - 111.

<sup>10</sup> Сидоренко Э. Указ. соч. С. 58.

---

6. Минькова А.М. Ответственность за передачу ВИЧ-инфекции по действующему уголовному законодательству России // Проблемы российского законодательства: история и современность: Мат-лы межрегион. науч-практ. конф. / Отв. ред. Р.В. Закомолдин. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2006. – Ч. II. – С. 161-165.

7. Панкратов В.В. Добровольное согласие на заражение ВИЧ-инфекцией // Журнал российского права. – 2005. – № 5. – С. 45-51.

8. Расторопов С. Уголовно-правовое значение согласия лица на причинение вреда своему здоровью // Законность. – 2003. – № 10. – С. 47.

9. Сидоренко Э. Заражение ВИЧ-инфекцией: вопросы уголовно-правовой оценки // Уголовное право. – 2007. – № 1. – С. 55-59.

10. Сумачев А.В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве. – М.: Юрист, 2003. – С. 331 с.

Рецензент: Кузнецов А.В., доцент кафедры юриспруденции факультета Экономики и права ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный аграрный университет», к.ю.н., доцент.

## РЕЗЕПКИН АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, orenburg@msal.ru

## КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВ ЗАЩИТНИКА-АДВОКАТА И ЕГО ОБЯЗАННОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ

### REZEPKIN ALEKSANDR MIKHAILOVICH

candidate of legal sciences, associate professor of the department of criminal procedure law and criminalistics, Orenburg institute (branch) of the University named after O.E. Kutafina (MSLA), associate professor, 460000, Orenburg, st. Komsomolskaya, 50, post@oimsla.edu.ru

## CLASSIFICATION OF THE RIGHTS OF DEFENCE COUNSEL AND THEIR DUTIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

**Аннотация.** В настоящей статье раскрыта классификация прав защитника-адвоката, анализируются отдельные обязанности, затрагивается вопрос соотношения источников, определяющих порядок уголовного судопроизводства, отстаивается суждение о признании адвоката в качестве единственного субъекта, оказывающего квалифицированную юридическую помощь, гарантированную государством. Высказывается утверждение о целесообразности через классификацию прав и обязанностей не только определения специфики меры возможного или должного поведения адвоката, но и характеристики эффективности принципов уголовного процесса, а главное установления наличия или отсутствия гарантий их реализации в досудебном и судебном производстве.

**Ключевые слова:** Классификация, права, обязанности, защитник, адвокат, источники уголовно-процессуального законодательства, гарантии, принципы, досудебное и судебное производство.

**Annotation.** This article discloses the classification of the rights of a lawyer-lawyer, analyzes individual duties, addresses the issue of the correlation of sources determining the procedure of criminal proceedings, upholds the judgment on recognizing a lawyer as the only entity providing qualified legal assistance guaranteed by the state. It is argued that it is advisable through the classification of rights and obligations not only to determine the specifics of the measure of possible or proper behavior of a lawyer, but also to characterize the effectiveness of the principles of the criminal process, and most importantly, to establish the presence or absence of guarantees for their implementation in pre-trial and judicial proceedings.

**Keywords:** Classification, rights, duties, defense lawyer, lawyer, sources of criminal procedure legislation, guarantees, principles, pre-trial and judicial proceedings.

Общепризнано, что права, свободы и законные интересы человека превращаются в реальную ценность, когда они защищены, то есть гарантированы. Как отмечает С.Э. Либанова, гарантиями защиты конституционных прав выступают наряду с другими субъектами государство и адвокатура, поэтому важным элементом эффективной деятельности механизма обеспечения прав человека признается адвокатура, выполняющая конституционные функции по защите прав неограниченного круга лиц<sup>1</sup>. А.А. Воронов, на основе анализа действующего процессуального законодательства, законодательства об адвокатуре и ст.48 Конституции РФ, приходит к выводу, что адвокатура является универсальным субъектом оказа-

ния квалифицированной юридической помощи и обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина<sup>2</sup>. В самом непосредственном, сущностном значении адвокатская деятельность связывается с обеспечением права на правовую помощь, правовую защиту декларируемого и гарантируемого нормами международного права. Признание Российской Федерацией международных стандартов прав человека, интеграция в мировое сообщество, подверженность процессам глобализации, по мнению А.П. Галоганова, стали катализатором позитивных изменений национального законодательства; они существенно изменили статус адвоката и основы адвокатской деятельности<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См.: Либанова С.Э. Адвокатура в механизме обеспечения прав человека в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис...докт. юрид. наук. М., 2012. С. 4.

<sup>2</sup> См.: Воронов А.А. Роль адвокатуры в реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь: автореф. дис...докт. юрид. наук. М., 2008. С. 13.

<sup>3</sup> См.: Галоганов А.П. Правовой статус адвокатуры: российская законодательная модель и конституционные принципы обеспечения прав человека: автореф. дис...докт. юрид. наук. М. 2011. С. 3.

Устав Организации Объединенных Наций подтверждает право людей всего мира на создание условий, при которых законность будет соблюдаться, и провозглашает, как одну из целей достижение сотрудничества в создании и поддержании уважения к правам человека и основным свободам без разделения по признакам расы, пола, языка и религии. Всеобщая декларация прав человека утверждает принципы равенства перед законом, презумпцию невиновности, право на беспристрастное и открытое рассмотрение дела независимым и справедливым судом, а также все гарантии, необходимые для защиты любого лица, обвиненного в совершении наказуемого деяния. Международный пакт о гражданских и политических правах дополнительно провозглашает право быть выслушанным без проволочек и право на беспристрастное и открытое слушание дела компетентным, независимым и справедливым судом, предусмотренным законом. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах напоминает об обязанностях государств в соответствии с Уставом ООН содействовать всеобщему уважению и соблюдению прав человека и его свобод. Декларация об основных принципах юстиции для жертв преступления и превышения власти рекомендует принятие мер на международном и национальном уровне для улучшения доступа к юстиции и справедливому отношению, возмещению вреда, компенсации и помощи для жертв преступления<sup>4</sup>.

Необходимо также сослаться и на Основные положения о роли адвокатов, принятые в августе 1990 г. в Нью-Йорке 8-м Конгрессом ООН по предупреждению преступлений<sup>5</sup>, которые сформулированы так, чтобы помочь государствам – участникам в содействии и обеспечении надлежащей роли адвокатов, которая должна уважаться и гарантироваться правительствами при разработке национального законодательства и его применении, и должны приниматься во внимание, как адвокатами, так и судьями, прокурорами, членами законодательной и исполнительной властей, и обществом в целом. В ст. 14 Основных положений предусматривается, что адвокаты, оказывая помощь своим клиентам при осуществлении правосудия, должны добиваться соблюдения прав человека и основных свобод, признаваемых национальным и международным правом, и должны всегда действовать свободно и настойчиво в соответствии с законом и признанными профессиональными стандарта-

ми и этическими нормами<sup>6</sup>.

Гарантии охраны и защиты прав и свобод декларируются и в национальном законодательстве. В российском законодательстве такие положения закреплены в статьях 45 и 46 Конституции РФ, согласно которым каждому гарантируется защита, в том числе судебная, его прав, свобод и законных интересов. Важным конституционным положением, определяющим правовую природу адвокатской деятельности, является норма ст. 48, согласно которой каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. И главным субъектом, обеспечивающим такое право, является адвокат, в уголовном судопроизводстве наделенный процессуальным статусом защитника. Примечательно, что государство гарантирует оказание квалифицированной юридической помощи только адвокатом, подчеркивая его значимость и социальную ответственность.

В ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»<sup>7</sup> и процессуальном законодательстве определен широкий спектр профессиональных прав защитника-адвоката. Однако анализ практики применения отечественных нормативно-правовых актов и имеющихся к настоящему времени научных позиций показывает, что многие правовые нормы, призванные способствовать защитнику-адвокату эффективно осуществлять свою процессуальную функцию, носят несовершенный характер как в связи с их недостаточной проработанностью, так и в силу существующих дефектов правоприменения, препятствующих их реализации. Вследствие этих основных причин защитник-адвокат в большинстве случаев не имеет возможности осуществлять полноценную и эффективную профессиональную деятельность.

По мнению В.Л. Кудрявцева, процессуальное положение защитника-адвоката в уголовном судопроизводстве следует определять через его права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, с чем нельзя не согласиться<sup>8</sup>. Между тем, им не учитывается то обстоятельство, что процессуальное положение защитника-адвоката определяется не только УПК РФ и иным уголовно-процессуальным законодательством, но и ФЗ Об адвокатуре, который, как нам представляется, следует рассматривать как самостоятельный и не подчиненный УПК РФ элемент нормативной основы регулирования правоохранительной и правозащитной деятельности. К тому же, сравнитель-

<sup>4</sup> См.: Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. Выпуск № 22–23, 1999; Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 291; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 292; Декларация об основных принципах юстиции для жертв преступления и превышения власти (утверждена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. XXXII М., 1978. С. 215.

<sup>5</sup> См.: Основные положения о роли адвокатов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступлений в августе 1990 г. в Нью-Йорке) // Советская юстиция. М.: Юрид. лит., 1991. № 20. С. 19.

<sup>6</sup> См.: Там же. С. 19.

<sup>7</sup> Далее - ФЗ Об адвокатуре.

<sup>8</sup> См.: Кудрявцев В.Л. Право на получение квалифицированной юридической помощи в системе защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина // Право и правосудие: теория, история, практика: Сборник научных статей: Материалы международной научно-практической конференции, состоявшейся 27 мая 2010 г. в Северо-Кавказском филиале ГОУ ВПО РАП. В 3-х томах. Том 1. Краснодар, 2011. С. 93-97.

ный анализ положений ФЗ Об адвокатуре и УПК РФ свидетельствует о различном подходе законодателя к определению объема прав адвоката, участвующего в уголовном деле.

Для реализации адвокатом возможности оказания квалифицированной юридической помощи, ст. 6 ФЗ Об адвокатуре наделяет его определенными правами и ограничениями, которые имеют свою специфику в конкретном виде судопроизводства. Особенность заключается в том, что полномочия адвоката в определенной степени зависят от правового статуса лица, интересы которого он защищает. Права и обязанности защитника-адвоката по сравнению с правами и обязанностями адвоката являются более широкими, поскольку первый, в дополнение к правам и обязанностям, установленным в ФЗ Об адвокатуре, приобретает права и обязанности, установленные процессуальным законодательством. На основании чего следует признать существование в российском законодательстве двух уровней профессиональных прав и обязанностей защитника-адвоката: первый уровень – общий, который установлен ФЗ Об адвокатуре, второй – отраслевой, установленный положениями уголовно-процессуального законодательства РФ. Логично, что профессиональные права и обязанности первого уровня должны обладать приоритетом над профессиональными правами и обязанностями второго уровня, поскольку в том случае, если в УПК РФ установлен меньший, чем в ФЗ Об адвокатуре объем прав и обязанностей защитника-адвоката, правоприменителям необходимо руководствоваться положениями ФЗ Об адвокатуре. Применение процессуально-правовых норм не может осуществляться без учета положений норм ФЗ Об адвокатуре. Последние призваны уточнять, расширять, укреплять положение правовых гарантий, предоставленных защитнику-адвокату и закрепленных процессуальным законодательством.

Несмотря на это, проведенный нами анализ материалов следственной, судебной и адвокатской практики свидетельствует о том, что наличие противоречий между ФЗ Об адвокатуре и УПК РФ устойчиво воспринимается правоприменителями как коллизия, что, в силу законодательной конструкции ряда нормативных положений УПК РФ, является приказом применения норм УПК РФ, а не законодательства об адвокатуре.<sup>9</sup> В итоге, изначально правильно заложенный в законодательные акты смысл искажается в результате практики его применения, чему, несомненно, следует противодействовать силами юридической науки.

Особенным образом следует отметить, что профессиональные права и обязанности, предусмотренные ФЗ Об адвокатуре, защитник-адвокат приобретает ранее, чем процессуальные, поскольку он имеет возможность реализовывать их, начиная с момента заключения соглашения об оказании юридической помощи с доверителем, а весь спектр профессиональных прав и обязанностей ему становится доступным

уже после его вступления в предусмотренном УПК РФ порядке в досудебное или судебное производство по уголовному делу. Эту значимость подчеркивает и законодатель, устанавливая в ФЗ Об адвокатуре и нормах УПК РФ особые гарантии независимости адвоката. Примечательно, что в российской юридической науке не исследованы положения относительно соотношения гарантий независимости и института профессиональных прав и обязанностей защитника-адвоката.

Для того, чтобы смоделировать структуру системы профессиональных правомочий защитника-адвоката, то есть выявить их классы и виды, необходимо определить критерии (признаки, основания деления) их классификации. Во-первых, сообразно дифференциации деятельности адвоката их можно разделить на две базовые составляющие: организационно-обеспечительную и деятельную, предполагающую оказание квалифицированной юридической помощи. К числу организационно-обеспечительных относятся две группы: корпоративные (принадлежащие адвокату как члену адвокатской корпорации) и профессиональные (реализуемые в целях исполнения конкретного поручения). Примером корпоративных прав адвоката является выбор формы адвокатского образования, корпоративных обязанностей – исполнение решений органов адвокатских палат, принятых в пределах их компетенции. К числу профессиональных прав относится собирание сведений, необходимых для оказания юридической помощи, профессиональных обязанностей – запрет занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самоговора доверителя. Во-вторых, в зависимости от вида юридической помощи права и обязанности можно разделить на общие (предусмотренные ФЗ Об адвокатуре для оказания любых видов юридической помощи) и отраслевые (предусмотренные отраслевым законодательством для конкретной сферы общественных отношений – уголовного, гражданского, административного судопроизводства и т.д.). Как нам представляется, данная классификация позволяет определить специфику меры возможного или должного поведения адвоката, охарактеризовать особенности прав и обязанностей, эффективность принципов уголовного судопроизводства, общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства, а главное установить наличие или отсутствие гарантий их реализации в досудебном и судебном производстве по уголовному делу.

Представляется очевидным, что с точки зрения процессуального законодательства, например, подача жалобы на решение суда – это право защитника-адвоката, а с позиций исполнения адвокатом принятого поручения – это его обязанность. Именно поэтому субъективное право адвоката как участника материального или процессуального правоотношения может быть одновременно и его обязанностью, мерой должного поведения по отношению к доверителю.

<sup>9</sup> Ст. 1 ст.7 УПК РФ и др.

Вместе с тем, следует учитывать, что избрание конкретного правового способа исполнения поручения зависит, в первую очередь, от профессионального усмотрения адвоката и нередко требует согласования с доверителем<sup>10</sup>.

Руководствуясь тем, что к числу основных задач Государственной программы «Юстиция» в рамках подпрограммы «Обеспечение защиты публичных интересов, реализации прав граждан и организаций»<sup>11</sup> относятся: повышение статуса адвоката в профессиональном юридическом сообществе, обеспечение эффективного доступа адвоката к различной информации и документам, строгое соблюдение конфиденциального характера взаимоотношений между адвокатом и его доверителем, следует констатировать признание со стороны государства наличия проблем в регламентации и реализации профессиональных прав защитника-адвоката. Данное обстоятельство обуславливает необходимость в настоящем исследовании обратиться к классификационной регламентации профессиональных прав защитников-адвокатов.

Из всех существующих моделей классификации прав защитника-адвоката известных науке, нам представляется наиболее приемлемой классификация, разработанная А.В. Рагулиным<sup>12</sup>. Используя в качестве основания для классификации профессиональных прав защитника-адвоката свойства нормативного акта, в котором они закреплены, и анализ практики применения соответствующих правовых норм в процессе адвокатской деятельности, он приводит следующую, заслуживающую внимания классификацию, которая является оптимальной, востребованной и имеет выраженный прикладной характер.

### **1. Статусные профессиональные права защитника-адвоката:**

1.1. Профессиональные права защитника-адвоката, основанные на гарантиях независимости адвоката, предусмотренные ст.ст.8 и 18 ФЗ Об адвокатуре, ст.447-451 УПК РФ.

1.2. Профессиональные права защитника-адвоката, реализуемые посредством действий, производимых адвокатом, предусмотренные пп.1-7 ч.3 ст.6 ФЗ Об адвокатуре.

### **2. Отраслевые (уголовно-процессуальные) профессиональные права защитника-адвоката:**

2.1. Права защитника-адвоката, принадлежащие ему на всех стадиях уголовного судопроизводства (ст.7, ч.1 ст.11, ч.2 и ч.3 ст.18, ч.2 и ч.4 ст.49, п.2 ч.1

ст.53 и ч.3 ст.86, п.3 ч.1 ст.53 и ст.58, п.1 ч.1 ст.53, п.8 ч.1 ст.53, ст.119-122, п.8 ч.1 ст.53, ч.1 ст.62, ч.3 ст.211, ч.4 ст.214, ч.2 ст.215, ст.312 УПК РФ, ч.1 ст.21.1 Закона РФ «О государственной тайне»).

2.2. Права защитника-адвоката на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, которые он разделяет на:

1) Общие права защитника-адвоката на стадии предварительного расследования (ч.1 ст.11, ст.46 и 47, п.10 ч.1 ст.53 и ст.123-125, ч.2 ст.159 УПК РФ).

2) Права защитника-адвоката как участника следственных действий (ч.5 ст.166, п.6 ч.1 ст.53, ч.6 ст.166, ч.2 ст.53, п.5 ч.1 ст.53, ч.11 ст.182, п.4 ч.1 ст.53 и ч.8 ст.172 УПК РФ).

3) Права защитника-адвоката при назначении и производстве экспертизы (п.п.1-6 ч.1 ст.198, ч.1 ст.206 и ч.1 ст.207 УПК РФ).

4) Права защитника-адвоката на ознакомление с материалами предварительного расследования (п.6 ч.3 ст.6 ФЗ Об адвокатуре и пп. 6-7 ч.1 ст.53, ч.2 ст.222, ч.3 ст.226 УПК РФ).

5) Права защитника-адвоката при рассмотрении вопросов о мере пресечения (ч.2 ст.101, ч.2 ст.106, ч.2 ст.107, ч.4 ст.108, ч.2 ст.109 УПК РФ).

6) Права при рассмотрении отдельных вопросов, связанных с переводом уголовного дела в категорию дел особого производства (ч.2 ст.427, ч.1 ст.435 УПК РФ).

2.3. Права защитника-адвоката на судебных стадиях уголовного судопроизводства, которые также в свою очередь имеют подклассификационные группы, а именно:

1) Общие права защитника-адвоката на судебных стадиях уголовного судопроизводства (ч.1 ст.11, п.10 ч.1 ст.53, ст.127, ч.4 ст.389.1, 401.2, 412.1, ч.1 и 2 ст.357, ч.3 ст.227, п.9 ч.1 ст.53, ч.2 ст.415 и ч.4 ст.417 УПК РФ).

2) Права защитника-адвоката при рассмотрении уголовного дела в суде I инстанции (ч.1 ст.229 и ст.234, ч.1 ст.244, ч.2 ст.274, ст.278, 282-284, 287-290, ч.4 ст.271, ч.1 ст.248, ч.3 ст.248, ч.6 и ч.7 ст.292 УПК РФ и др.).

3) Права защитника-адвоката на обжалование судебного решения (ст.389.7, ст.401.12, 412.1, ч.3 и ч.4 ст.389.8, ч.2 ст.389.8, ч.2 ст.389.11 и ч.2 ст.401.12, 412.10 УПК РФ и др.).

Исследовав правомочия защитника-адвоката, нельзя оставить в стороне вопрос о корреспондирующих им обязанностях<sup>13</sup>.

<sup>10</sup> См.: Халатов С.А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе / С.А. Халатов. М.: НОРМА, 2002. С. 100.

<sup>11</sup> Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция»» (в редакции постановлений Правительства РФ от 11 ноября 2020 г. № 1812, от 15 февраля 2021 г. № 191-8, от 02 октября 2021 г. № 1675) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

<sup>12</sup> См.: Рагулин А.В. Профессиональные права адвоката-защитника в Российской Федерации. Вопросы теории и практики: дис...докт. юрид. наук. М., 2014. С. 71-80.

<sup>13</sup> Подробный анализ точек зрения авторов советского и российского периода см.: Арабули Д.Т. Процессуальное положение и деятельность адвоката-защитника в судебном разбирательстве по УПК РФ. Учеб. пособие. Оренбург: ОГАУ, 2002. С. 46-58; Кудрявцев В.Л. Актуальные проблемы совершенствования деятельности адвоката-защитника на судебном следствии: монография. Челябинск, 2003. С. 12-20; Адаменко В. Процессуальное положение защитника обвиняемого // Проблемы охраны прав граждан в сфере борьбы с преступностью. Межвузовский сборник научных трудов. Иваново, 1980. С. 32-33; Бекешко С.П. Защита в стадии судебного разбирательства в советском уголовном процессе: дис...канд. юрид. наук. Минск, 1955. С. 9-10; Некрасова М.П. Правовые и нравственно-психологические аспекты судебной защиты. Калининград: учеб. пособие / М.П. Некрасова. 1984. С. 25; Корнуков В.М. Личность в уголовном судопроизводстве: проблема обязанностей // Советское государство и право. 1988. № 5. С. 82-83.

«Защитник для выполнения своей функции обязан использовать «все указанные в законе средства и способы защиты, отмечалось в ст. 51 УПК РСФСР. К сожалению, эта норма не вошла в УПК РФ, и вопрос о процессуальных обязанностях защитника как субъекта доказывания остался открытым»<sup>14</sup>. По мнению ряда ученых, это связано с отсутствием в УПК РФ прямого указания на обязательные этапы в действиях защитника<sup>15</sup>. Так, в нормах УПК РФ, посвященных защитнику, используются термины: «защитник вправе» (ст.53), «адвокат не вправе» (ч.7. ст.49), «защитник не вправе» (ч.3 ст.53), «полномочия защитника» (ст.3), «защитник участвует» (ч.1 ст.248) и т. д. При этом, определяя правовое положение защитника в УПК РФ, законодатель не использует термин «обязанности защитника», а ст.7 ФЗ. Об адвокатуре не является компенсационным началом. В свете чего, в целях оптимизации надлежащей активности адвоката в досудебных и судебных стадиях уголовного процесса Л.Д. Калинин, И.Н. Мамаевым, В.В. Якомаскиной и О.А. Яшкиной предлагается в УПК РФ закрепить следующий алгоритм обязательных действий защитника:

- обязанность защитника незамедлительно уведомлять органы дознания, предварительного следствия и суд о принятой на себя защите;
- обязанность, а не только право защитника на первое свидание с подзащитным наедине и конфиденциально;
- обязанность вступившего в дело защитника ознакомиться со всеми документами, которые представлялись или должны были представляться его подзащитному, после чего обязательно согласовать с подзащитным тактику защиты по уголовному делу в условиях конфиденциального свидания;
- обязанность защитника участвовать при производстве всех следственных и иных процессуальных действий с его подзащитным;
- обязанность защитника в полном объеме ознакомиться со всеми материалами уголовного дела после объявления об окончании предварительного следствия;
- обязанность получения копий обвинительного акта и обвинительного заключения;
- обязанность защитника выражать свое отношение, письменно или устно, к выдвинутому обвинению в отношении подзащитного;
- обязанность защитника принимать активное участие в исследовании доказательств;
- обязанность ознакомиться с протоколом судебного заседания, при наличии оснований для этого подавать замечания на него;
- обязанность защитника, при желании подзащитного, обжаловать состоявшееся судебное решение<sup>16</sup>.

Считаем, что с данным алгоритмом согласиться нельзя, поскольку он ставит адвоката в заведомо «ка-

бальные условия», не учитывая того, что в качестве защитника могут допускаться не только адвокаты, но и близкие родственники и иные лица, а они не всегда являются сведущими в сфере юриспруденции, что уже указывает на невозможность выполнения отдельных действий, тем самым косвенно подтверждая признание приоритета адвокатуры в уголовном процессе. Кроме того, возникает вопрос о соответствии обозначенного алгоритма ст.3 ФЗ. Об адвокатуре, где одним из главных признаков, характеризующих адвокатуру, является ее независимость от органов государственной власти и органов местного самоуправления. Как нам представляется, указанные обязанности ограничивают не только деятельность защитника-адвоката, но и его клиента, которые вольны в рамках действующего законодательства сами определять тактику защитительной деятельности. Адвокат не является должностным лицом, он не зависит от органов государственной власти и органов местного самоуправления, что обуславливает особенности определения его статуса, комплекса прав и обязанностей в уголовном судопроизводстве. Что позволяет утверждать о необходимости соблюдения баланса между публичным и частным интересом, поскольку категоричная алгоритмизация в УПК РФ обязанностей защитника будет являться началом абсолютизации его зависимого процессуального положения от органов государственной власти и их должностных лиц, ответственных за своевременное расследование и рассмотрение уголовного дела, что не согласуется с идеей построения состязательного уголовного процесса России.

Руководствуясь изложенным, целесообразно сделать следующие выводы:

1. Важным конституционным положением, определяющим правовую природу адвокатской деятельности, является норма ст.48, согласно которой каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. И главным субъектом, обеспечивающим такое право, является адвокат, в уголовном судопроизводстве наделенный процессуальным статусом защитника. Примечательно, что государство гарантирует оказание квалифицированной юридической помощи только адвокатом, подчеркивая его значимость и социальную ответственность.

2. Процессуальное положение защитника-адвоката определяется не только УПК РФ и иными источниками уголовно-процессуального законодательства, но и ФЗ Об адвокатуре, который, как нам представляется, следует рассматривать как самостоятельный элемент нормативной основы регулирования правоохранительной и правозащитной деятельности.

3. Востребованность полномочий адвоката в определенной степени зависит от правового статуса лица, интересы которого он защищает. Права и обязанности защитника-адвоката являются более широ-

<sup>14</sup> См.: Игнатов С.Д. Адвокат и его деятельность в уголовном судопроизводстве России: монография. Ижевск, 2005. С. 19.

<sup>15</sup> См.: Калинин Л.Д., Мамаев И.Н., Якомаскина В.В., Яшкина О.А. Алгоритмы в деятельности адвоката-защитника на стадии судебного разбирательства как программа его обязательных процессуальных действий по обеспечению квалифицированной юридической помощи подзащитному // Адвокатская практика. 2009. № 6. С. 6-7.

<sup>16</sup> См.: Калинин Л.Д., Мамаев И.Н., Якомаскина В.В., Яшкина О.А. Указ. соч. С. 6-7.

кими по сравнению с правами и обязанностями адвоката.

4. Следует признать существование двух уровней профессиональных прав и обязанностей защитника-адвоката: первый уровень – общий, который установлен ФЗ Об адвокатуре, второй – отраслевой, установленный положениями уголовно-процессуального законодательства.

5. Применение процессуально-правовых норм не может осуществляться без учета положений норм ФЗ Об адвокатуре. Последние призваны уточнять, расширять, укреплять положение правовых гарантий, предоставленных защитнику-адвокату и закреплен-

ных процессуальным законодательством.

6. Классификация прав и обязанностей позволяет определить специфику меры возможного или должного поведения адвоката, охарактеризовать эффективность принципов уголовного процесса, а главное установить наличие или отсутствие гарантий их реализации в досудебном и судебном производстве.

7. Адвокат не является должностным лицом, он не зависит от органов государственной власти и органов местного самоуправления, что обуславливает особенности определения его статуса, комплекса прав и обязанностей в уголовном судопроизводстве.

#### Библиографический список

1. Адаменко В. Процессуальное положение защитника обвиняемого // Проблемы охраны прав граждан в сфере борьбы с преступностью. Межвузовский сборник научных трудов. – Иваново, 1980. – С. 32-42.
2. Арабули Д.Т. Процессуальное положение и деятельность адвоката-защитника в судебном разбирательстве по УПК РФ. Учеб. пособие. – Оренбург: ОГАУ, 2002. – 131 с.
3. Бекешко С.П. Защита в стадии судебного разбирательства в советском уголовном процессе: дис...канд. юрид. наук. – Минск, 1955. – 20 с.
4. Воронов А.А. Роль адвокатуры в реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь: автореф. дис...докт. юрид. наук. – М., 2008. – 58 с.
5. Галоганов А.П. Правовой статус адвокатуры: российская законодательная модель и конституционные принципы обеспечения прав человека: автореф. дис...докт. юрид. наук. – М., 2011. – 50 с.
6. Игнатов С.Д. Адвокат и его деятельность в уголовном судопроизводстве России: монография. – Ижевск, 2005. – 268 с.
7. Калинин Л.Д., Мамаев И.Н., Якомаскина В.В., Яшкина О.А. Алгоритмы в деятельности адвоката-защитника на стадии судебного разбирательства как программа его обязательных процессуальных действий по обеспечению квалифицированной юридической помощи подзащитному // Адвокатская практика. – 2009. – № 6. – С. 5-7.
8. Корнуков В.М. Личность в уголовном судопроизводстве: проблема обязанностей // Советское государство и право. – 1988. – № 5. – С. 81-84.
9. Кудрявцев В.Л. Актуальные проблемы совершенствования деятельности адвоката-защитника на судебном следствии: монография. – Челябинск, 2003. – 131 с.
10. Кудрявцев В.Л. Право на получение квалифицированной юридической помощи в системе защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина // Право и правосудие: теория, история, практика: Сборник научных статей: Материалы международной научно-практической конференции, состоявшейся 27 мая 2010 г. в Северо-Кавказском филиале ГОУ ВПО РАП. В 3-х томах. Том 1. – Краснодар, 2011. – С. 93-97.
11. Либанова С.Э. Адвокатура в механизме обеспечения прав человека в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис...докт. юрид. наук. – М., 2012. – 58 с.
12. Некрасова М.П. Правовые и нравственно-психологические аспекты судебной защиты. Учеб. пособие. – Калининград, 1984. – 48 с.
13. Рагулин А. В. Профессиональные права адвоката-защитника в Российской Федерации. Вопросы теории и практики: дис...докт. юрид. наук. – М., 2014. – 462 с.
14. Халатов С.А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе / С.А. Халатов. – М.: НОРМА, 2002. – 205 с.

Рецензент: Шамардин А.А., доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

---

## РОГОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА

доцент кафедры уголовного права и криминологии Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров, кандидат юридических наук, доцент. 610000 г. Киров, ул. Ленина, 99, natalia\_r60@mail.ru

### ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

#### ROGOVA NATALYA NIKOLAEVNA

Associate Professor at the Department of Criminal Law and Criminology Volgo-Vyatka Institute (branch) O. E. Kutafin University (MSLA), Kirov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. 610000 Kirov, Lenin str., 99, natalia\_r60@mail.ru

### FEATURES OF DETERMINING THE SIGNS OF THE OBJECTIVE SIDE OF ABUSE OF OFFICE

**Аннотация.** Исследованы некоторые проблемы квалификации признаков объективной стороны превышения должностных полномочий. На основе изученной судебной практики и позиций авторов сделан вывод о причинах неверной квалификации при определении полномочий должностного лица, оценке последствий совершенного преступления и причинно-следственной связи между действиями и наступившими вредными последствиями. В связи с введением особо квалифицирующего признака, предусматривающего совершение преступления с применением пытки, изменились подходы к оценке действий виновного. Аргументировано мнение, в каких случаях ответственность за действия, которые ранее получили оценку по п. «а» или «в» части 3 статьи 286 УК РФ, следует квалифицировать, согласно введенным особо квалифицированным признакам, по части 4 или 5 УК статьи 286 УК РФ. Показаны проблемы отграничения деяний, совершенных с применением насилия, предусмотренных в части 3, от составов, предусмотренных в частях 4 и 5 статьи 286 УК РФ. Особое значение в решении проблем квалификации деяния могут иметь официальные разъяснения Пленума ВС РФ, поскольку сложность применения рассматриваемого закона происходит в связи с наличием множества оценочных, многозначных признаков, имеющих во многих случаях спорный характер.

**Ключевые слова:** квалификация, пределы полномочий, существенный вред, применение насилия, разграничение, истязание, пытка, причинение смерти по неосторожности.

**Review.** Some problems of qualification of signs of the objective side of abuse of official authority are investigated. Based on the studied judicial practice and the positions of the authors, a conclusion is made about the reasons for incorrect qualifications in determining the powers of an official, assessing the consequences of a crime and the causal relationship between actions and the harmful consequences that have occurred. Due to the introduction of a particularly qualifying feature providing for the commission of a crime involving the use of torture, approaches to assessing the actions of the perpetrator have changed. The opinion is reasoned in which cases responsibility for actions that were previously assessed under paragraph «a» or «b» of part 3 of Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation should be qualified, according to the specially qualified criteria introduced, under part 4 or 5 of the Criminal Code of Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation. The problems of distinguishing acts committed with the use of violence provided for in Part 3 from the compositions provided for in Parts 4 and 5 of Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation are shown. Of particular importance in solving the problems of qualification of an act may be the official explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, since the complexity of the application of the law in question occurs due to the presence of many evaluative, ambiguous signs, which in many cases are controversial.

**Keywords:** qualifications, limits of authority, significant harm, use of violence, discrimination, torture, causing death by negligence.

Одним из важных направлений государственной политики Российской Федерации является разработка мер правового характера в области противодействия коррупции. Целью многих исследовательских работ в данной области стало изучение нормативных актов и практического материала для более полного определения проблем квалификации преступлений, связанных со взяточничеством, а также злоупотреблением и превышением должностных полномочий. Федеральным

законом от 14 июля 2022 года № 307-ФЗ статья 286 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) была дополнена особо квалифицированными составами. Действующая норма еще далека от совершенства, поэтому, как следствие, вызывает сложности при ее применении. Вместе с тем, надо признать, что проблемы в судебно-следственной практике связаны также с неверным толкованием и установлением признаков состава преступления.

Согласно статистическим данным Верховного Суда Российской Федерации в 2022 году за совершение преступления, предусмотренного данной статьей, было осуждено 1283 человека, при этом подавляющее большинство – 799 человек за совершение особо квалифицированного превышения должностных полномочий по части третьей статьи 286 УК РФ. В 2023 году по части 1 статьи 286 было осуждено – 354, оправдано – 11, по части 2 осуждено – 60, оправдано – 2, по части 3 осуждено – 486, оправдано – 19, по части 4 осуждено – 7, оправдано – 1 по части 5 осуждено – 1, оправдано – 0 лиц<sup>1</sup>. Таким образом, в 2023 году наибольшее количество уголовных дел было рассмотрено по ч.1 и ч.3 ст. 286 УК РФ.

Данное преступление посягает на права и интересы граждан и организаций, а также интересы государственного аппарата и аппарата органов местного самоуправления. Можно согласиться с мнением В.Н. Боркова: «В качестве объекта преступления выступают права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества или государства, а также честь, достоинство, здоровье потерпевших<sup>2</sup>. Объективная сторона преступления выражается в самом деянии, которое указано в диспозиции статьи, и заключается в совершении должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий, которые он выполняет, согласно нормативным актам и трудовому договору. Выход за пределы полномочий должен иметь явный, очевидный, как для правоохранительных органов, потерпевших лиц, так и для самого виновного, характер. Обязательным признаком преступления также являются материальные последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства. В судебной практике нередко возникают вопросы как по оценке самого деяния, которое должно выходить за пределы полномочий должностного лица, так и по оценке наступивших последствий. Особенно важно дать правильную оценку признакам, которые носят оценочный характер. Для устранения спорных вопросов в судебной и следственной практике Верховный Суд РФ опубликовал постановление, в котором дал подробное разъяснение оценочных признаков объективной стороны преступления<sup>3</sup>. Рассмотрим пример, когда исследователи, изучив практический материал о совершении деяния, предусмотренного статьей 286 УК РФ, вменяемого в вину главе администрации района С., пришли к выводу, что «материалами уголовного дела не доказывается, что в действиях названного лица имеются признаки превышения дол-

жностных полномочий»<sup>4</sup>. Этот вывод был сделан на основании изученных нормативных актов, регламентирующих обязанности должностного лица, а также разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Полномочия (права и обязанности) главы района определяются как федеральными законами, так и рядом подзаконных актов. Следовательно, сложность определения «явности» выхода за пределы полномочий нередко бывает обусловлена немалым количеством нормативных актов, определяющим обширный круг полномочий должностного лица. Если в нормативных актах содержится указание на полномочия, которые лицо и осуществило, даже с нарушениями закона или злоупотреблениями, оценка такого деяния не может отражать явный выход за пределы полномочий, и следовательно, квалификация по статье, предусматривающей ответственность за превышение должностных полномочий, является неверной. Действия должностного лица в этом случае следует квалифицировать как злоупотребление должностными полномочиями, либо по специальной норме, отражающей неправомерные действия должностного лица.

Также важно установить, что в результате совершения незаконных действий наступили последствия, указанные в диспозиции статьи. Как следует из кассационного определения суда, виновный являлся младшим инспектором группы надзора отдела безопасности, должностным лицом и совершил незаконные действия по получению наркотических средств и последующей попытке их проноса для передачи осужденным, за денежное вознаграждение. Обвиняемый был привлечен за взяточничество, преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, а также превышение должностных полномочий. Незаконные действия должностного лица повлекли за собой существенное нарушение интересов государства, поскольку был нарушен установленный порядок исполнения и отбывания наказания в органах уголовно-исполнительной системы государства. Своими действиями виновный дискредитировал органы государственной власти, сформировав у осужденных, отбывающих наказание в исправительном учреждении, мнение о возможности нарушать установленный режим отбывания наказания при содействии сотрудников учреждения уголовно-исполнительной системы. «Однако, – отметил суд кассационной инстанции, – при квалификации действий осужденного суд указал о существенном нарушении виновным прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества, что противоречит установленным обстоятельствам»<sup>5</sup>. Судебная коллегия исключила из приговора указание о

<sup>1</sup> Судебная статистика РФ. URL: stat. api-пресс.рф (дата обращения: 18.08.2024).

<sup>2</sup> Борков В.Н. Квалификация должностных преступлений: монография. М., 2018. С. 134-137.

<sup>3</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

<sup>4</sup> Аминов Д.И., Гладких В.И., Опокин А.Б. Обоснован ли вывод следствия о виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности за превышение должностных полномочий (п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ)? // Безопасность бизнеса. 2020. № 3. С. 59-64.

<sup>5</sup> Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14 ноября 2023 г. № 77-3568/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

наступлении альтернативных последствий, поскольку отсутствуют доказательства, свидетельствующие, какие именно права и законные интересы граждан или организаций, интересы общества были нарушены и находятся ли они в причинной связи с допущенными должностным лицом нарушениями (превышением) своих должностных обязанностей. Можно сделать вывод, что для вменения данного признака по ч.1 ст. 286 УК РФ требуются факты, доказательства, подтверждающие, что действия субъекта существенно нарушили права и законные интересы граждан. Наступление одного из последствий является необходимым и достаточным для того, чтобы считать преступление оконченным. Возможно наступление и нескольких перечисленных в законе последствий, которые могут повлиять на привлечение к уголовной ответственности, а также на вид и меру наказания должностного лица, хотя на квалификацию, то есть оценку совершенного деяния, не влияют.

Как показывают работы исследователей, изучивших судебную практику за некоторые периоды действия современного уголовного закона, можно сделать вывод, что преступные последствия выражаются в различных формах. Например, В.Н. Шиханов, приводя примеры из судебной практики, отметил: «Явное нарушение правильной работы учреждения, предприятия, организации или причинения им имущественного ущерба, нарушение общественного порядка; причинение материального и нематериального вреда, а также чести, достоинству и здоровью граждан»<sup>6</sup>. Общественная опасность наступления таких последствий очевидна, поскольку обязанностью должностных лиц является защита прав и законных интересов граждан. Для правильного определения последствий нужно квалифицировать понятие «существенность», которое может рассматриваться по-разному правоприменителем, и имеет явно оценочный характер. При определении существенности, очевидно, следует учитывать сумму причиненного имущественного ущерба, оценка которого, для граждан и организаций не может быть одинаковой. Поэтому при определении существенности следует учитывать материальное положение потерпевшего, а также и моральный вред, который при оценке должностных преступлений имеет немалое значение. Если превышение должностных полномочий совершается несколькими тождественными действиями, в форме продолжаемого преступления, которое характеризуется также стремлением к единой цели, вред складывается из ряда последствий, которые в совокупности приобретают характер существенного. В определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 01.09.2021 указано: «Каждое преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 286 УК РФ, должно иметь установленные следствием, определенные и свои общественно опасные последствия. При

совокупности преступлений последствия каждого из них не могут быть объединены единым умыслом и стремлением к единой цели»<sup>7</sup>.

Определение содержания причинной связи обусловлено закономерностями, которые законодатель учитывал при конструировании данного состава. Необходимо исследовать доказательства для установления факта, что последствия с неизбежностью наступили вследствие действий лица при явном превышении им своих должностных полномочий. Деяние совершается в основном в форме активных действий, поскольку превысить должностные полномочия в форме бездействия вряд ли возможно. Если в результате бездействия должностного лица наступают существенные последствия материального характера, квалифицировать такое поведение возможно как злоупотребление должностными полномочиями, либо по статьям, предусматривающим ответственность за такое бездействие, по специальным нормам, а при наличии неосторожной формы вины, как халатность, то есть преступление, предусмотренное ст. 293 УК РФ. Преступление считается оконченным только тогда, когда наступили последствия, указанные в законе.

Уголовная ответственность за данный вид преступления, таким образом, может наступить при исполнении субъектом своих полномочий и явном их превышении. При неправомерном характере действий субъекта, если они не были связаны с исполнением возложенных на него обязанностей, такое поведение нельзя рассматривать, как превышение должностных полномочий. В этом случае ответственность наступает на общих основаниях<sup>8</sup>. Превышение полномочий могут образовать такие неправомерные действия должностного лица, на которые закон не дает каких-либо разрешений. Например, применение насилия по отношению к задержанным гражданам. В этом случае должностное лицо осуществляет задержание граждан, и имеет право совершать такие действия согласно предписаниям закона, но при этом явно превышает свои полномочия.

На практике нередко бывают случаи превышения полномочий по приказу вышестоящего должностного лица. Большое значение при этом имеет характер такого приказа. Должностное лицо не привлекается к ответственности, если даже совершило действия, которые не входили в его компетенцию при выполнении законного приказа. В том случае, если субъект осознает, что выполняет незаконный приказ, тем самым совершает преступные действия, он несет ответственность на общих основаниях. Такое правило указано в ст. 42 УК РФ. Если лицо, выполняя незаконный приказ, при определенных обстоятельствах не осознавало, что совершает незаконные действия во исполнение обязательного приказа или распоряжения, уголовную ответственность за причинение вре-

<sup>6</sup> Шиханов В.Н. Уголовно-правовая характеристика преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: учеб. пособие: М. 2011. С. 62.

<sup>7</sup> Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 01.09.2021 г. № 77-4306/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>8</sup> Векленко В.В., Борков В.Н. Расширительное толкование превышения должностных полномочий // Российский следователь. 2019. № 6. С. 48-51.

да несет лицо, отдавшее незаконный приказ или распоряжение.

Возникают вопросы при квалификации данного состава по совокупности с другими преступлениями. В определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2021 г. говорится: «Одни и те же действия С. по заключению договора социального найма с Т.Т.И. после регистрации последней в муниципальной квартире судом квалифицированы как по ч. 2 ст. 286 УК РФ, так и по ч. 3 ст. 160 УК РФ, что в данном случае является излишним, поскольку осужденная превышала свои должностные полномочия с целью хищения имущества»<sup>9</sup>. В данном случае виновная преследовала цель хищения, - растратить муниципальную квартиру в пользу другого лица, заключив с ним договор социального найма, поэтому будет неверным дополнительно квалифицировать одни и те же действия по совокупности преступлений.

Если деяния, предусмотренные чч.1 и 2 ст. 286, совершены с применением насилия, или угрозой его применения, наступает, согласно санкции статьи, более строгое уголовное наказание. В п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ законодатель не указывает параметры насилия, но толкование статей Особенной части УК РФ, а также формулировки ч.4 и ч.5 данной статьи дают возможность прийти к выводу, что под применением насилия следует понимать причинение потерпевшему физического вреда здоровью, которое включает нанесение побоев, умышленное причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью. Если ранее в судебной практике к этому же признаку относилось истязание, предусмотренное ст. 117 УК РФ, то с момента введения в ч. 4 ст. 286 УК РФ понятия пытки, которая предусматривает причинение сильной боли, либо физических или нравственных страданий, действия виновного следует квалифицировать по части 4 данной статьи<sup>10</sup>. Если психическое и физическое насилие можно определить как истязание, квалификация следует уже не по ч. 3, а по ч. 4 ст. 286 УК РФ, поскольку соответствует понятию пытки. Определение понятия пытки законодатель раскрывает в примечании к ст. 286 УК РФ. Значительно усилена уголовная ответственность за совершение действий, предусмотренных в ч.5 ст. 286 УК РФ. Этот особо квалифицирующий состав предусматривает более строгую ответственность при совершении виновным действий, подпадающих под определение пытки, и наступления последствий в виде причинения смерти и причинении тяжкого вреда здоровью по неосторож-

ности потерпевшему. Таким образом, если ранее, согласно закону, в случае совершения истязания, которое повлекло причинение смерти и тяжкого вреда по неосторожности потерпевшего, квалификация следовала по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, предусматривающей иные тяжкие последствия, то после введения ч.4 и 5 УК РФ, правила квалификации деяния изменились. Возникли вопросы отграничения деяний, совершенных с применением насилия, предусмотренных в части 3, от составов, предусмотренных в части 4 и 5 статьи 286 УК РФ. На это следует обратить внимание, поскольку оценка действий должностных лиц, подпадающих под понятие пытки, несомненно, вызовет множество вопросов в судебной и следственной практике. Следует к этому добавить, что цель при применении пытки должна быть также доказана. Эта цель заключается в получении сведений или признаний, имеющих значение для расследования, наказание за действия, в которых лицо подозревается, запугивание и по другой причине, основанной на дискриминации.

Можно сделать вывод, что введение особо квалифицирующих признаков, предусмотренных в частях 4 и 5 статьи 286 УК РФ, значительно усилили уголовную ответственность должностных лиц при совершении ими действий, явно выходящих за пределы полномочий. До внесения изменений Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ в статью, превышение должностных полномочий, совершенные с применением насилия к потерпевшим, следовало квалифицировать по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Это относилось и к случаям, при совершении деяния, соответствующего понятию «истязания». После введения изменений, совершение действий, связанных с применением насилия, и относящиеся к понятию истязания, следует отнести к понятию пытки, и квалифицировать по ч. 4 ст. 286 УК РФ. Также и при совершении деяния в форме применения пытки в отношении потерпевшего и наступлении при этом последствий в виде причинения ему смерти или тяжкого вреда здоровью по неосторожности, квалифицировать действия виновного следует не по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, как ранее, а по части 5 данной статьи. Поскольку в связи с изменениями в законодательстве в судебной и следственной практике имеются нерешенные вопросы при квалификации данного состава, признаки которого имеют многозначный, оценочный характер, большое значение для единообразного применения закона имеют разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

#### Библиографический список

1. Аминов Д.И., Гладких В.И., Опокин А.Б. Обоснован ли вывод следствия о виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности за превышение должностных полномочий (п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ)? // Безопасность бизнеса. – 2020. – № 3. – С. 59-64.
2. Борков В.Н. Квалификация должностных преступлений: монография. – М.; Юрлитинформ, 2018. – 288 с.

<sup>9</sup> Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2021 г. № 77-6363/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>10</sup> См. напр.: Шиханов В.Н. Уголовно-правовая характеристика преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: учеб. пособие. М., 2011. С. 87; Карабанова Е.Н. Квалификация незаконного применения насилия сотрудниками полиции // Законность. 2020. № 11. С. 48-52.

- 
3. Борков В.Н. Отграничение злоупотребления должностными полномочиями от их превышения в России и Казахстане // Современное право. – 2019. – № 3. – С. 138-141.
  4. Борков В.Н. Оценка мотива при квалификации превышения должностных полномочий // Уголовное право. – 2023. – № 3. – С. 20-27.
  5. Векленко В.В., Борков В.Н. Расширительное толкование превышения должностных полномочий // Российский следователь. – 2019. – № 6. – С. 48-52
  6. Карбанова Е.Н. Квалификация незаконного применения насилия сотрудниками полиции // Законность. – 2020. – № 11. – С. 48-52.
  7. Шиханов В.Н. Уголовно-правовая характеристика преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: учеб. пособие. – М.: Волтерс Клувер, 2011. – 176 с.

Рецензент: Ветошкина Е.Д., доцент кафедры уголовного права и криминологии Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

## САУСИН АНДРЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

заместитель руководителя аппарата – руководитель Главного управления правового обеспечения аппарата Самарской Губернской Думы, 443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 187, sausinav@yandex.ru

### О ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА

#### SAUSIN ANDREY VALERIEVICH

deputy chief of staff – head of the Main legal support department of the Samara Provincial Duma, 443100, Samara, Molodogvardeyskaya str., 187, sausinav@yandex.ru

### ON APPROACHES TO DETERMINING THE END OF A DELIBERATE BANKRUPTCY

**Аннотация.** Представленная статья посвящена обсуждению различных подходов к определению момента окончания преднамеренного банкротства. Основное внимание уделено двум ключевым правовым позициям. Первая правовая позиция – преступление считается оконченным с момента наступления крупного ущерба, независимо от признания должника банкротом арбитражным судом. Крупный ущерб выступает определяющим фактором, а не официальное признание банкротства. Основная идея второй правовой позиции заключается в том, что признание должника банкротом арбитражным судом является необходимым условием для признания преднамеренного банкротства оконченным преступлением. Автор подчеркивает важность учета обоих подходов и предлагает внести изменения в действующее законодательство для повышения эффективности правового регулирования. Среди предложений – введение дополнительного критерия, связывающего признание банкротства с установлением крупного ущерба. Таким образом, статья предлагает критический взгляд на существующие подходы и рекомендует внесение изменений в законодательные положения для устранения существующих пробелов и улучшения механизма борьбы с преднамеренным банкротством.

**Ключевые слова:** преднамеренное банкротство, момент окончания преступления, крупный ущерб, материальный состав преступления, признание должника банкротом, процедуры банкротства

**Review.** The presented article is devoted to the discussion of various approaches to determining the end of deliberate bankruptcy. The main focus is on two key legal positions. The first legal position is that the crime is considered to be over from the moment major damage occurs, regardless of whether the debtor is declared bankrupt by an arbitration court. Major damage is the determining factor, not the official recognition of bankruptcy. The main idea of the second legal position is that declaring a debtor bankrupt by an arbitration court is a prerequisite for recognizing deliberate bankruptcy as a completed crime. The author emphasizes the importance of taking both approaches into account and suggests making changes to the current legislation to improve the effectiveness of legal regulation. Among the proposals is the introduction of an additional criterion linking the recognition of bankruptcy with the establishment of major damage. Thus, the article offers a critical look at existing approaches and recommends amendments to the legislative provisions to eliminate existing gaps and improve the mechanism for combating deliberate bankruptcy.

**Keywords:** deliberate bankruptcy, the moment of the end of the crime, major damage, the material composition of the crime, declaring a debtor bankrupt, bankruptcy procedures.

Вопрос о моменте завершения преступления является предметом дискуссий среди теоретиков и практиков уголовного права. Определение точного времени окончания преступления важно для установления стадий его совершения – приготовление или покушение, – а также для выяснения наличия либо отсутствия добровольного отказа от доведения деяния до конца. От момента окончания преступления зависит и срок давности привлечения лица к уголовной ответственности.

Обстоятельства времени могут являться обязательным признаком состава преступления согласно

Уголовному кодексу РФ (далее – УК РФ<sup>1</sup>). Если такие признаки прямо предусмотрены в статье, квалификация и определение момента окончания преступления представляются относительно простыми. Однако возникают сложности, когда обстоятельства времени формально не обозначены в самой норме закона, но подразумеваются исходя из положений смежного законодательства. По мнению С.В. Маликова, такие случаи вызывают научные споры вокруг интерпретации норм, регулирующих уголовные отношения<sup>2</sup>. Схожей правовой позиции придерживается П.С. Яни, который утверждает, что недостаточ-

<sup>1</sup> СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

<sup>2</sup> Маликов С.В. Установление момента окончания в составах преступлений с обстоятельствами времени // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 18-20.

ная ясность описания в законе признаков некоторых составов преступных деяний приводит к тому, что порой не просто определить, какие именно действия включены законодателем в объективную сторону деяния, и каким из них исполнение состава завершается<sup>3</sup>.

Примером подобной ситуации служит преступление в виде преднамеренного банкротства. По конструкции объективной стороны состав преступления, ответственность за которое установлена в ст. 196 УК РФ, является материальным. Преступление считается оконченным с момента причинения крупного ущерба более 3 млн 500 тыс. руб. Согласно позиции ряда исследователей, именно это позволяет отграничить его от административного правонарушения<sup>4</sup>.

В своей работе, посвященной вопросам расследования преднамеренных банкротств, Н.А. Гаврилова приводит, исходя из судебной практики, распространенную точку зрения, что окончание данного преступления происходит в момент установления крупного ущерба по состоянию на дату обращения в арбитражный суд с требованием о признании должника банкротом, при этом размер ущерба должен быть определен судом<sup>5</sup>. Данная позиция опирается на нормы пунктов 1 и 3 ст. 4 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Федеральный закон № 127-ФЗ)<sup>6</sup>. Согласно им состав и размер денежных обязательств, требований и обязательных платежей определяются на дату подачи в арбитражный суд заявления о признании должника банкротом, размер считается установленным, если он определен судом в порядке, предусмотренном данным Федеральным законом.

В развитие этих рассуждений, по мнению Ю.В. Морозовой, для привлечения к ответственности по ст. 196 УК РФ не обязательно признание арбитражным судом несостоятельности должника<sup>7</sup>. Важно доказать два условия: первое – лицо своими действиями или бездействием создало ситуацию, способствующую возникновению признаков банкротства, второе – указанные действия привели к нанесению крупного ущерба. Названная позиция основывается на следующем утверждении: независимо от того, была ли инициирована процедура банкротства и каким образом завершилась ситуация с организацией (ликвидировалась она или смогла преодолеть кризис и продолжить работу), само преступление уже совершено, ущерб нанесён, его величина установлена, следовательно, виновный обязан нести предусмотренную законом уголовную ответственность.

Тем не менее, данная формулировка прямо не отражена в тексте ст. 196 УК РФ. Поэтому со своей стороны для обеспечения определенности правовой нормы предложили бы дополнить диспозицию ст. 196

УК РФ словами «, независимо от того, начата ли процедура банкротства или нет, признаны ли впоследствии юридическое лицо или гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель, банкротом или нет». Вместе с тем слова «если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб,» заменить словами «если эти действия (бездействие) совершены в отсутствие признаков банкротства и причинили крупный ущерб,».

Примером из судебной практики является апелляционное определение Магаданского областного суда от 31.07.2014 по делу № 22-313/2014<sup>8</sup>. В апелляционной жалобе адвокат просил приговор отменить, а Д., директора банкротящегося общества с ограниченной ответственностью, оправдать. Он полагал, что судом не были приняты во внимание следующие важные моменты: конкурсное производство ещё не завершено, не всё имущество, входящее в конкурсную массу, продано посредством торгов. Часть требований конкурсных кредиторов уже удовлетворена, значит, утверждать о полной невозможности удовлетворения всех требований нельзя, поскольку юридическое лицо смогло частично покрыть обязательства перед кредиторами и уплатить налоги. Конкретная сумма оставшегося долга осталась неизвестной, несмотря на это, суд определил размер ущерба.

Государственный обвинитель в своем ответе на апелляционную жалобу отметил, что аргумент защиты обвиняемого Д., связанный с незавершенностью конкурсного производства, не оказывает влияния на доказательность вины и квалификацию действий по ст. 196 УК РФ. Решения арбитражного суда не обладают обязательной силой в отношении обстоятельств, подлежащих установлению в уголовном процессе, поскольку арбитражное разбирательство и уголовное дело отличаются предметами и методами доказывания. Таким образом, выводы арбитражного суда допускают иную правовую оценку в рамках уголовного процесса и не определяют итог рассмотрения дела.

В итоге судебная коллегия согласилась с правильностью вынесенного обвинительного приговора. Суд подчеркнул, что доводы апелляционной жалобы о продолжающемся конкурсном производстве и неполной реализации имущества из конкурсной массы не оказывают влияния на квалификацию действий обвиняемого Д. Согласно позиции суда, преступление, предусмотренное ст. 196 УК РФ, признается совершенным с момента появления признаков преднамеренного банкротства.

Для исследователей, в частности А.Н. Лясколо, актуальным видится вопрос о том, является ли основанием для прекращения уголовного преследования частичное погашение задолженности организации в

<sup>3</sup> Яни П.С. Конец преступления // Законность. 2016. № 10. С. 45-51.

<sup>4</sup> Яковлев А.Ю., Медведева Ю.С., Рагулина А.В. Преднамеренное банкротство банков на современном этапе // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 4. С. 83-98.

<sup>5</sup> Гаврилова Н.А. Методика расследования преднамеренных банкротств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 58.

<sup>6</sup> СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

<sup>7</sup> Морозова Ю.В. Объективная сторона преднамеренного банкротства // Криминалист. 2010. № 1(6). С. 33.

<sup>8</sup> Официальный сайт Магаданского областного суда. URL: <https://clck.ru/3EsRPr> (дата обращения: 22.04.2025).

ходе банкротства<sup>9</sup>? Например, если долги выкуплены и погашены третьим лицом, или арбитражный управляющий предпринял необходимые меры и снизил размер ущерба? Нужно также учитывать, что на любой стадии рассмотрения дела о банкротстве собственником имущества должника – унитарного предприятия, учредителями (участниками) должника, кредиторами должника и иными лицами в целях предупреждения банкротства и восстановления платежеспособности должника должны быть приняты специальные меры санации (ст. 31 Федерального закона № 127-ФЗ). Здесь следует учесть, что такие меры могут полностью компенсировать ущерб кредиторам, остановить банкротство должника. Однако сами по себе эти меры не предотвращают уголовную ответственность за преднамеренное банкротство по ст. 196 УК РФ. Хотя самого банкротства может и не быть.

Подтверждением служит уголовное дело № 1-725\10 в Чертановском районном суде г. Москвы (приговор от 16.12.2011)<sup>10</sup>. Директор ОАО «СКБ «Топаз» систематически перечислял с расчетных счетов ОАО «СКБ «Топаз» денежные средства под видом исполнения обязательств перед государственными заказчиками на расчетные счета фирм, не осуществляющих реальной финансово-хозяйственной деятельности, по несуществующим договорам. Данные действия привели к существенному ухудшению платежеспособности возглавляемого им общества, которое впоследствии не имело возможность погасить кредиторскую задолженность за счет всех имеющихся у него активов. Определением Арбитражного суда г. Москвы в отношении ОАО «СКБ «Топаз» введена процедура банкротства. Для восстановления платежеспособности ОАО «СКБ «Топаз» Министерство промышленности и торговли Российской Федерации предоставило обществу субсидию, за счет которой ОАО «СКБ «Топаз» в соответствии с условиями заключенного мирового соглашения в полном объеме удовлетворило требования кредиторов по денежным обязательствам. В последующем процедура банкротства в отношении ОАО «СКБ «Топаз» прекращена. Однако, в конечном итоге суд признал директора виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 201 и ст. 196 УК РФ. Вышеуказанный пример ясно показывает, что санация в виде субсидии из бюджета и дальнейшее прекращение процедуры банкротства не освободили подсудимого от уголовной ответственности по ст. 196 УК РФ.

Обратим внимание на то, что преступная деятельность может быть фактически пресечена, например, действиями по оспариванию сделок, когда само изъятие имущества еще не состоялось или судом отказано в процессуальном правопреемстве (при отчуждении имущественных прав по договору цессии). Поэтому можно говорить лишь о покушении на совер-

шение преднамеренного банкротства.

Так, в приговоре Армавирского городского суда Краснодарского края от 11.10.2012 по делу № 1-408/2012 являющийся руководителем ОАО «Точмашприбор» Ш. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ст. 196 УК РФ (т.е. в покушении на преднамеренное банкротство)<sup>11</sup>. Это произошло при следующих обстоятельствах. Названный руководитель договорился с пособником о совершении совместных умышленных действий, заведомо влекущих неспособность ОАО в полном объеме удовлетворить требования кредиторов и исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, что неминуемо влекло банкротство ОАО и его ликвидацию. Пособник, действующий от имени фиктивного покупателя, умышленно не сообщил о готовности получения товара и не представил транспорт для погрузки продукции со склада ОАО, чем искусственно создал задолженность ОАО. Организовал обращение в арбитражный суд с иском о взыскании с ОАО задолженности. При наличии реальной возможности добровольного исполнения решения арбитражного суда Ш. от имени ОАО умышленно не исполнил требование о погашении задолженности перед покупателем и не организовал обжалование судебного решения вплоть до истечения срока на подачу апелляционной жалобы. В тоже время пособник умышленно не представил в службу судебных приставов исполнительный лист о взыскании задолженности с ОАО, в результате чего были созданы условия для появления признаков банкротства должника. Определением арбитражного суда введена процедура банкротства – наблюдение. Однако далее арбитражный апелляционный суд отменил определение арбитражного суда первой инстанции о введении процедуры наблюдения. Началось уголовное преследование лиц, участвующих в совершении преступления.

С учетом изложенного со своей стороны Верховному Суду России можно предложить дать разъяснение о том, что преступные действия лица необходимо рассматривать как покушение на преднамеренное банкротство, если преступнику не удалось довести свой преступный умысел до конца, если последствия в виде крупного ущерба от его умышленных преступных действий или бездействия были предотвращены отменой процедуры банкротства и началом уголовного преследования лиц, участвующих в совершении преступления.

В рамках изложения первой правовой позиции представляется интересным предложение М.Г. Жилкина о том, чтобы для усиления борьбы с преднамеренными банкротствами изменить ст. 196 УК РФ таким образом, чтобы привлекать виновных к ответственности не после фактического причинения круп-

<sup>9</sup> Ляскало А.Н. Уголовно-правовая оценка некоторых объективных признаков криминальных банкротств // Законность. 2012. № 12. С. 22.

<sup>10</sup> Система Caselook для поиска и анализа судебной практики. URL: <https://caselook.ru/#/search/5457023/documents> (дата обращения: 22.04.2025).

<sup>11</sup> Официальный сайт Армавирского городского суда Краснодарского края. URL: <https://clck.ru/3Ethj3> (дата обращения: 22.04.2025).

ного ущерба, а уже с момента появления первых признаков банкротства<sup>12</sup>. Со своей стороны заметим, что реализация данного предложения, безусловно, повысит результативность, но не эффективность, привлечения к уголовной ответственности лиц за совершение преднамеренного банкротства. Здесь имеется риск появления дополнительных проблем в квалификации преступных деяний и в их отграничении от иных экономических преступлений. Кроме того, потребуется корректировка ст. 14.12 Кодекса РФ об административных правонарушениях с целью разграничения с административными деликтами<sup>13</sup>. Вместе с тем повышается риск привлечения к уголовной ответственности лиц, накопивших просроченную трехмесячную задолженность, но не имевших целью последующее банкротство организации или причинения кому-либо ущерба. В связи с этим полагаем преждевременным реализацию предложения о привлечении к ответственности лиц с момента появления первых признаков банкротства организации.

Противоположная правовая позиция в делах о преднамеренном банкротстве, например в работе А.В. Игошина, выражается в том, что преднамеренное банкротство нужно считать окончанным преступлением только в случае признания должника банкротом, т.е. для возбуждения уголовного дела должно быть решение арбитражного суда о признании должника банкротом и открытии конкурсного производства<sup>14</sup>. Она опирается на анализ ст. 2 Федерального закона № 127-ФЗ, в частности понятия несостоятельности (банкротства). Поскольку преднамеренное банкротство – это разновидность банкротства, следовательно, с теоретической стороны преднамеренное банкротство можно рассматривать в качестве преступления только после завершения процедур банкротства, когда несостоятельность установлена арбитражным судом. При этом справедливо отмечается Н.А. Гавриловой, что законодателем предоставлены полномочия по признанию лица несостоятельным (банкротом) лишь арбитражному суду<sup>15</sup>. Даже заключение арбитражного управляющего о наличии признаков преднамеренного банкротства ещё не дает повод для возбуждения уголовного дела. Заключение подготавливается до окончания процедуры наблюдения. Однако пока нет арбитражного судебного акта о признании должника несостоятельным (банкротом), вся информация имеет лишь предположительный характер.

Сторонники рассматриваемой правовой позиции приводят оппонентам отрицательный эффект, кото-

рый может возникнуть в случае, если преднамеренное банкротство считать окончанным преступлением в момент установления крупного ущерба. Так, по мнению Т.А. Кули-Заде, в данной ситуации допускается одновременное расследование уголовного дела по факту преднамеренного банкротства и наличие в производстве арбитражного суда дела по спору о несостоятельности (банкротстве)<sup>16</sup>. В связи с этим, во-первых, для выявления обстоятельств уголовного дела и в рамках дела о несостоятельности в арбитражном суде могут применяться одни и те же доказательства. Поэтому вполне допустимо, что органы предварительного расследования и участники судебного разбирательства в арбитражном суде будут препятствовать деятельности друг друга. В частности, если документы, необходимые для арбитражного суда, будут изъяты и приобщены в качестве доказательств к материалам уголовного дела, они будут находиться в уголовном деле до вступления приговора в законную силу или до истечения срока на обжалование постановления или определения о прекращении уголовного дела (ст. 82 Уголовно-процессуального кодекса РФ)<sup>17</sup>. Тем самым лица, участвующие в деле, будут неспособны представить доказательства в арбитражный суд.

Во-вторых, здесь допустима нелогичная ситуация, когда лицо может быть признано виновным в преднамеренном банкротстве до официального признания факта несостоятельности (банкротства).

В-третьих, участники уголовного производства могут инициировать меры процессуального принуждения (например, в виде ареста имущества), что может помешать санации и (или) заключению и реализации мирового соглашения в рамках арбитражного производства. Например, в приговоре Ахтубинского районного суда Астраханской области от 14.04.2020 по уголовному делу № 1-74/2020 говорится о принятии к подсудимому меры в виде наложения ареста на имущество: автомобиль, трактора и прицепы<sup>18</sup>. Если бы арест не применялся, у него, возможно, был бы шанс ликвидировать ущерб и предотвратить банкротство предприятия.

Противники второй правовой позиции, в частности Д.Г. Краснов, говорят о том, что в случае, если преднамеренное банкротство будет неразрывно связано с наличием или отсутствием решения арбитражного суда о признании должника банкротом, это не будет способствовать эффективному противодействию криминальному банкротству<sup>19</sup>. В продолжение этого А.А. Коренная отмечает, что отложение уго-

<sup>12</sup> Жилкин М.Г. Земцова А.В. К вопросу о применении норм об уголовной ответственности за криминальные банкротства // Общество и право. 2017. № 4(62). С. 39.

<sup>13</sup> Российская газета, 2001, 31 декабря, № 256.

<sup>14</sup> Игошин А.В. Уголовно-правовые проблемы квалификации преступлений, связанных с банкротством: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 17.

<sup>15</sup> Гаврилова Н.А. Указ. соч. С. 52.

<sup>16</sup> Кули-Заде Т.А. О необходимости решения арбитражного суда для установления факта преднамеренного банкротства // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 9. С. 36-39.

<sup>17</sup> СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

<sup>18</sup> Официальный сайт Ахтубинского районного суда Астраханской области. URL: <https://clck.ru/3EvdI9> (дата обращения: 30.11.2024).

<sup>19</sup> Краснов Д.Г. Государственная политика противодействия криминальному банкротству: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2006. С. 29.

ловного преследования на длительный срок процедур банкротства, во-первых, отрицательно отражается на интересах кредиторов, во-вторых, затрудняет процесс расследования и сбора доказательств по уголовному делу в связи со значительным временным промежутком, прошедшим с момента совершения преступления<sup>20</sup>.

Действительно, возбуждение уголовного дела на ранних стадиях процедуры банкротства помогает находить имущество, необходимое для погашения долгов перед кредиторами. Применение обеспечительных мер уголовно-процессуального характера препятствует попыткам скрыть оставшиеся активы должника. Тем не менее, такая практика эффективна лишь тогда, когда дело касается исключительно состава преднамеренного банкротства и исключается возможность объединения нескольких экономических преступлений, связанных с одним лицом или группой лиц.

Суммируя анализ двух правовых позиций по вопросу о моменте окончания преднамеренного банкротства, приведем мнение Н.А. Львовой, согласно которому слово «преднамеренный» в русском языке означает заранее обдуманное, умышленное (обычно о чем-нибудь плохом), и выделим следующие аспекты<sup>21</sup>.

Во-первых, в уголовном праве отсутствует определение понятия банкротства, для этого мы обращаемся к Федеральному закону № 127-ФЗ. Тогда наименование ст. 196 УК РФ дает нам основание говорить о том, что преднамеренное банкротство – это заранее обдуманные действия (бездействие), приводящие к несостоятельности должника, признанной арбитражным судом.

Во-вторых, диспозиция ст. 196 УК РФ, выдвигая требование наличия крупного ущерба, делает состав преступления материальным. При этом ни наименование ст. 196 УК РФ, ни диспозиция данной статьи не дают нам возможность однозначно понять, когда преднамеренное банкротство является окончанным преступлением.

В-третьих, одна из основных задач современного института банкротства – это оздоровление экономики государства. Правильно подмечает Л.С. Черных, что реализация данной задачи возможна как через ликвидацию безнадежно неплатежеспособных предприятий-должников, так и через их реабилитацию – восстановление платежеспособности<sup>22</sup>. Так как институт банкротства – это комплексный институт права, он прежде всего должен быть рассмотрен как элемент антикризисного управления, а не уголовного

преследования.

В-четвертых, незаконное получение доходов в большей степени является целью совершения других корыстных преступлений в сфере экономики (например, мошенничество, присвоение или растрата, злоупотребление полномочиями). А у преднамеренного банкротства цель иная – всё продумать и обрушить экономическую деятельность организации, довести компанию до ликвидации, чтобы она более не существовала как хозяйствующий субъект.

Преступники зачастую используют процедуру банкротства как способ завладения чужим имуществом или ухода от ответственности за неудачное руководство деятельностью организации. Однако представляется, что за эти действия они должны нести самостоятельную ответственность по другим статьям УК РФ, предусматривающим уголовную ответственность за мошенничество, присвоение и растрату, злоупотребление полномочиями. Если арбитражный суд признает должника банкротом, а суд общей юрисдикции определит умысел преступника не столько нажить за счет должника, сколько привести его к банкротству, то в данной ситуации необходимо привлекать преступника к уголовной ответственности за преднамеренное банкротство по ст. 196 УК РФ. Преступление считать окончанным с момента признания должника банкротом и при установлении ущерба в размере, установленном уголовным законодательством. Здесь же допускается наступление ответственности по совокупности преступлений, например не только по ст. 196 УК РФ, но и по статьям 159, 160 и 201 УК РФ. А если арбитражный суд не признает должника банкротом, однако умысел на банкротство будет установлен судом общей юрисдикции, то преступление следует квалифицировать как покушение на преднамеренное банкротство, т.е. считать его неоконченным.

С учетом изложенного в качестве законотворческого эксперимента предлагается рассмотреть возможность дополнения диспозиции ст. 196 УК РФ словами «при условии принятия арбитражным судом решения о признании юридического лица или гражданина, банкротом,». Если умысел на преднамеренное банкротство не будет установлен в судебном порядке, будет установлено совершение иных экономических преступлений, однако банкротство должника наступит, то преступление можно квалифицировать, например, как мошенничество, присвоение или растрату, злоупотребление полномочиями с отягчающими обстоятельствами в виде банкротства должника.

#### Библиографический список

1. Гаврилова Н.А. Методика расследования преднамеренных банкротств: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – 238 с.

<sup>20</sup> Коренная А.А. Определение размера ущерба, причиненного преднамеренным банкротством (ст. 196 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 1. С. 47-51.

<sup>21</sup> Львова Н.А. Преднамеренное банкротство: экономическое содержание и финансовый механизм // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2006. Вып. 3. С. 90.

<sup>22</sup> Черных Л.С. Некоторые вопросы замещения активов должника в ходе процедуры банкротства // Гражданское право. 2005. № 2. С. 7-9.

- 
2. Жилкин М.Г., Земцова А.В. К вопросу о применении норм об уголовной ответственности за криминальные банкротства // Общество и право. – 2017. – № 4(62). – С. 34-41.
  3. Игошин А.В. Уголовно-правовые проблемы квалификации преступлений, связанных с банкротством: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004. – 23 с.
  4. Коренная А.А. Определение размера ущерба, причиненного преднамеренным банкротством (ст. 196 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 1. – С. 47-51.
  5. Краснов Д.Г. Государственная политика противодействия криминальному банкротству: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2006. – 29 с.
  6. Кули-Заде Т.А. О необходимости решения арбитражного суда для установления факта преднамеренного банкротства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 9. – С. 36-39.
  7. Львова Н.А. Преднамеренное банкротство: экономическое содержание и финансовый механизм // Вестник СПбГУ. Сер. 5. – 2006. – Вып. 3. – С. 90-100.
  8. Ляскало А.Н. Уголовно-правовая оценка некоторых объективных признаков криминальных банкротств // Законность. – 2012. – № 12. – С. 18-24.
  9. Маликов С.В. Установление момента окончания в составах преступлений с обстоятельствами времени // Российская юстиция. – 2018. – № 12. – С. 18-20.
  10. Морозова Ю.В. Объективная сторона преднамеренного банкротства // Криминалистика. – 2010. – № 1(6). – С. 30-33.
  11. Черных Л.С. Некоторые вопросы замещения активов должника в ходе процедуры банкротства // Гражданское право. – 2005. – № 2. – С. 7-9.
  12. Яковлев А.Ю., Медведева Ю.С., Рагулина А.В. Преднамеренное банкротство банков на современном этапе // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2016. – № 4. С. 83-98.
  13. Яни П.С. Конец преступления // Законность. – 2016. – № 10. – С. 45-51.

Рецензент: Безверхов А.Г., директор юридического института ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

---

## **УТОРОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА**

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 160000, г. Вологда, ул. М. Ульяновой, д. 18, [tatianautorova@yandex.ru](mailto:tatianautorova@yandex.ru)

## **КОЛПАКОВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 160000, г. Вологда, ул. М. Ульяновой, д. 18, [kolpackova.liudmila1975@yandex.ru](mailto:kolpackova.liudmila1975@yandex.ru)

# **ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ КАК ПРЕДМЕТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАТЬИ 272.1 УК РФ**

## **TATIANA NIKOLAEVNA UTOROVA**

*Candidate of Sciences (Ph.D.) in Law, Associate Professor of Criminal Law and Criminology Department, North-West Institute (branch) of O.E.Kutafin University (MGUA), 160000, Vologda, M. Ulyanova Street, 18, [tatianautorova@yandex.ru](mailto:tatianautorova@yandex.ru)*

## **KOLPAKOVA LYUDMILA ALEKSEEVNA**

*Candidate of Sciences (PhD) in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the Northwestern Institute (branch) O.E.Kutafin University (MGUA), 160000, Vologda, Ulyanova str., 18, [kolpackova.liudmila1975@yandex.ru](mailto:kolpackova.liudmila1975@yandex.ru)*

# **PERSONAL DATA AS A SUBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF ARTICLE 272.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**Аннотация.** В статье анализируются уголовно-правовые аспекты защиты персональных данных согласно новой статье 272.1 УК РФ, введенной в ноябре 2024 года. Рассматриваются объект и предмет преступления, особенности квалификации незаконных действий с персональными данными, соотношение с другими составами преступлений и проблемы правоприменения. Обосновывается необходимость уголовно-правовой защиты персональных данных в контексте роста киберпреступности и увеличения утечек конфиденциальной информации граждан.

**Ключевые слова:** персональные данные, неправомерный доступ, информационная безопасность, утечка данных, киберпреступления, специальные категории персональных данных

**Review.** The article analyzes criminal law aspects of personal data protection according to the new Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, introduced in November 2024. It examines the object and subject of the crime, peculiarities of qualification of illegal actions with personal data, correlation with other crimes, and problems of law enforcement. The necessity of criminal law protection of personal data is substantiated in the context of growing cybercrime and increasing leaks of confidential information of citizens.

**Keywords:** personal data, unauthorized access, information security, data breach, cybercrimes, special categories of personal data.

Персональные данные сегодня выступают высокодоходным «товаром», что привело к формированию и стремительному росту подпольного рынка торговли конфиденциальной информацией о гражданах в Российской Федерации. Обширное развитие этого теневого сектора подтверждается существованием

закрытых интернет-платформ, на которых размещаются многочисленные объявления о продаже баз данных, содержащих миллионы записей о гражданах<sup>1</sup>.

В последние годы в России были зафиксированы резонансные утечки персональных данных в сеть Интернет, вызванные хакерскими атаками и другими

---

<sup>1</sup> Персональные данные: крупнейшие утечки в дарквеб. URL: <https://www.infowatch.ru/analytics/daydzhesty-i-obzory/personalnye-dannye-krupneyshie-utechki-v-darkveb> (дата обращения: 08.01.2025).

неправомерными действиями<sup>2</sup>. Эти инциденты привели не только к серьезным компрометациям данных, но и к значительному материальному ущербу, связанному с устранением последствий утечек. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» прямо обозначает цели государственной политики в области защиты персональных данных, включая минимизацию утечек и обеспечение защиты прав граждан при их обработке (п. 57).

Само распространение персональных данных не причиняет прямой вред, но создает почву для будущих правонарушений. Незаконный доступ к личной информации (доходам, здоровью, биометрии) через нелегальные интернет-сервисы часто становится первым шагом к совершению более серьезных преступлений. Именно поэтому такие деяния представляют повышенную общественную опасность и требуют уголовной ответственности.

Однако уголовное законодательство России до ноября 2024 года не содержало отдельного состава, защищающего персональные данные от неправомерного использования, за исключением косвенно защищающих персональные данные статей 173.2 УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица», 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни» и 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации».

Между тем, преступления, связанные с незаконным использованием персональных данных, затрагивают широкий спектр общественных отношений – от частной жизни и экономики до правоохранительной деятельности, и банковской сферы, поэтому такие составы не выделены в отдельную группу в уголовном законодательстве. Они распределены по разным разделам в зависимости от того, какие общественные отношения затрагивают, и, соответственно, имеют различные объекты посягательства. При этом в одних составах персональные данные выступают предметом преступления (ст. 137, 138, 272 и др.), в других же могут быть средством совершения преступления (ст. 173.2, 159.1 и др.).

Федеральным законом от 30.11.2024 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» УК РФ дополнен статье 272.1 устанавливающей ответственность за неправомерные действия с персональными данными, полученными незаконным путем, включая их использование, передачу, сбор, хранение, а также создание ресурсов для их распространения<sup>3</sup>. При этом использование пер-

сональных данных в личных или семейных целях не подпадает под уголовную ответственность. Это позволяет отделить уголовные преступления от административных правонарушений в сфере персональных данных.

В пояснительной записке к законопроекту указано, что изменения направлены на усиление ответственности за преступления, связанные с персональными данными, учитывая их растущую значимость в современном обществе. По данным начала 2022 года, 130 миллионов россиян пользуются интернетом, из них 106 миллионов активны в социальных сетях, где размещают личную информацию. Статистика МВД показывает значительный рост киберпреступлений: с 2014 по 2019 год их количество выросло в 25 раз. За первое полугодие 2022 года каждое четвертое преступление совершено с использованием информационных технологий. В 2022 году произошли утечки 197 млн. записей персональных данных, а ущерб превысил 8 млрд. рублей. В даркнете циркулирует более 20000 баз данных с информацией о 80% населения России<sup>4</sup>.

Данное нововведение способствует повышению уровня защищенности компьютерной информации, содержащей персональные данные.

Бланкетность отдельных признаков указанной нормы и отсутствие комплексных научных и практических комментариев, связанных с их толкованием, определяют необходимость соответствующего научно-практического разъяснения, которое мы предпримем попытку дать.

Расположение нормы в главе, посвященной преступлениям в сфере компьютерной информации, определяет объект исследуемого состава как общественные отношения в сфере обеспечения информационной безопасности при обращении персональных данных. Учитывая значительный объем научных исследований, посвященных информационной безопасности как объекту уголовно-правовой охраны, пропустим детальный анализ данной категории в рамках настоящего исследования.

Предметом исследуемого преступления являются только компьютерная информация, содержащая персональные данные.

В соответствии с примечанием 1 к статье 272 УК РФ под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

Уяснив понятие компьютерной информации как родового элемента предмета преступления, следует

<sup>2</sup> Эксперт Новикова: Более 1,5 млрд записей с персональными данными попали в сеть в 2022 году // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/12/08/bolee-15-mlrd-zapisej-s-personalnymi-dannymi-popali-v-set-v-2022-godu.html> (дата обращения: 08.01.2025). В разное время о компрометации учетных записей клиентов подтверждали представители Альфа-банка, МКБ, Газпромбанка, ВТБ, Почта Банка, Промсвязьбанка, «Хоум Кредита», ОТПбанка и др. См.: Сбербанк: с начала военной операции на Украине были украдены данные 65 млн россиян // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5413181> (дата обращения: 07.01.2025) и др.

<sup>3</sup> Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 49 (Ч. IV). Ст. 7412.

<sup>4</sup> Проект Федерального закона № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 04.12.2023). Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://sozd.duma.gov.ru/> по состоянию на 04.12.2023.

детально проанализировать особенности персональных данных как видовой характеристики предмета, имеющей свою специфику в контексте уголовно-правовой охраны.

Согласно пункту 1 статьи 3 федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» под персональными данными понимается любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу, то есть субъекту персональных данных<sup>5</sup>. Однако для целей уголовного права это определение нуждается в уточнении в связи с открытым перечнем такой информации.

Во-первых, в уголовном праве нельзя считать персональными данными «любую информацию». Важна только та совокупность информации, которая позволяет достоверно идентифицировать конкретного человека. Так вряд ли информация об образовании или судимости без другой идентифицирующей информации будет расценена как персональные данные для целей уголовно-правовой охраны. Конечно, крайне важное значение имеет сочетание базовых идентификационных данных (ФИО, дата рождения) с иной информацией. В каждом случае нужно выявить именно тот набор сведений о человеке, по которому его можно однозначно опознать, но не обязательно это должны быть ФИО и дата рождения, это может быть, например, фото с указанием места работы и другие варианты. С.И. Гутник такой набор информации называет объемом персональных данных, по его мнению, он должен быть достаточным, чтобы их субъект мог быть достоверно идентифицирован<sup>6</sup>.

Во-вторых, все ли персональные данные подлежат одинаковой уголовно-правовой охране? Так существуют общедоступные (в федеральном законе «О персональных данных» упоминается категория общедоступных персональных данных (фамилия, имя, отчество, год и место рождения, адрес, абонентский номер, сведения о профессии и иные персональные данные, ст. 8), разрешенные для распространения (с согласия владельца п. 1.1. ст. 3 федерального закона «О персональных данных»), конфиденциальные (требующие особой защиты). Например, в соответствии с федеральным законом «Об образовании» информация о руководстве, преподавательском составе (ФИО, образование) подлежит публикации на сайте образовательной организации. Значит ли это что персональные данные профессорско-преподавательского состава не подлежат уголовно-правовой охране и опубликование позволяет их собирать, хра-

нить и осуществлять оборот иными способами в связи с тем, что они перестали быть конфиденциальными?

По нашему мнению, использование таких персональных данных допустимо только в законных целях, причем в тех, для достижения которых они были размещены в соответствии с законом, либо были разрешены субъектом персональных данных для распространения. Например, сведения о руководителе образовательной организации необходимы пользователям для направления обращений, обучающимся для оформления различных документов и т.д. Практикующий юрист публикует свои персональные данные в сети Интернет в целях поиска доверителей.

В настоящее время сбор общедоступных персональных данных, персональных данных, разрешенных субъектом для распространения с целью последующего их незаконного использования по смыслу статьи 272.1 УК РФ не образует состав преступления. Возможно и нет смысла криминализировать использование в преступных целях персональных данных, которые граждане добровольно и в полном объеме разместили на своих страницах в интернете, осознавая все риски. Уголовной правовой механизм защиты должен запускаться лишь в случае нарушения режима конфиденциальности персональных данных, установленного их владельцем. Более того, Верховный Суд РФ в отношении сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, к которым могут относиться и персональные данные, указал, что не может влечь уголовную ответственность сбор или распространение таких сведений в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если сведения о частной жизни гражданина ранее стали общедоступными либо были преданы огласке самим гражданином или по его воле<sup>7</sup>.

Такую позицию занимает и законодатель, указывая, что информация, размещаемая ее обладателями в сети «Интернет» в формате, допускающем автоматизированную обработку без предварительных изменений человеком в целях повторного ее использования, является общедоступной информацией, размещаемой в форме открытых данных<sup>8</sup>. При использовании открытых данных Пользователь обязан: использовать их в законных целях, указывать источник данных и обеспечивать их достоверность при дальнейшем использовании (согласно п.7 ст. 8 Закона об информации)<sup>9</sup>.

Суды же по-иному толкуют указанные положе-

<sup>5</sup> Федеральный закон от 27 июля 2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. I). Ст. 3451.

<sup>6</sup> Гутник С.И. Уголовно-правовая характеристика преступных посягательств в отношении персональных данных: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2017. С. 190.

<sup>7</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

<sup>8</sup> Статья 7 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. I). Ст. 3448.

<sup>9</sup> Типовые условия использования общедоступной информации, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных (утв. протоколом заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 19.09.2016 № 6). Текст условий официально опубликован не был. Доступ из СПС «Гарант».

ния. Так согласно решения Арзамасского горсуда по делу №2-2307/2016, банк неправомерно использовал телефон клиента, найденный в интернете. Суд постановил, что даже если персональные данные размещены в сети самим человеком (в данном случае – для рекламы юридических услуг), их нельзя использовать в других целях (для взыскания долга) без согласия владельца. Это решение подтвердил вышестоящий суд, установив важный принцип: данные в соцсетях и интернете являются открытыми, но не общедоступными, и требуют согласия на обработку при изменении целей использования<sup>10</sup>.

Так же следует отметить, что одни и те же персональные данные могут охраняться уголовным законом разными способами: как информация о частной жизни, как профессиональная тайна или как гостайна. Вследствие чего может возникнуть конкуренция уголовно-правовых норм, так как одни и те же сведения могут быть и персональными данными и, например, личной или семейной тайной. Определив критерии отнесения информации к персональным данным для целей уголовно-правовой охраны, необходимо рассмотреть проблему соотношения статьи 272.1 УК РФ со смежными составами преступлений, в первую очередь со статьей 137 УК РФ, защищающей неприкосновенность частной жизни. И прежде всего ответить на вопрос, являются ли понятия «частная жизнь» (ст. 137 УК РФ) и «персональные данные» (ст. 272.1 УК РФ) тождественными, или одно из них шире другого, и как они соотносятся между собой?

По нашему мнению, персональные данные и частная жизнь – это разные, но пересекающиеся понятия. Не все персональные данные относятся к частной жизни (например, ФИО или место работы, паспортные данные или СНИЛС), и не вся информация о частной жизни является персональными данными, например, образ жизни, привычки, пороки, бытовые условия, материальное положение, вряд ли могут однозначно определить конкретное лицо. В то же время сведения об интимной жизни согласно статье 10 федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» относятся к специальным категориям персональных данных и одновременно к личной и семейной тайне. В свою очередь статья 9 федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» говорит о том, что запрещается требовать от гражданина (физического лица) предоставления информации о его частной жизни, в том числе информации, составляющей личную или семейную тайну, и получать такую информацию помимо воли гражданина (физического лица) (п. 8), а доступ к персональным данным граждан (физических лиц) устанавливается федеральным законом о персональных данных (п. 9)<sup>11</sup>.

Хотя частная жизнь и персональные данные связаны между собой, это два разных правовых инсти-

тута, каждый из которых имеет свое правовое регулирование и охрану. В связи с изложенным полагаем, что нормы статей 137 и 272.1 УК РФ не находятся между собой в конкуренции, а при наличии соответствующих обстоятельств образуют совокупность преступлений.

Еще один признак персональных данных для целей статьи 272.1 УК РФ – это фиксированность в виде компьютерной информации, т.е. в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Отсюда следует, что незаконное использование и (или) передача (распространение, предоставление, доступ), сбор и (или) хранение персональных данных в устной форме, на бумажных носителях, а не в виде компьютерной информации, состава преступления не образуют, и влекут административную ответственность по статье 13.11 КоАП РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных».

Проанализировав предмет преступления и его соотношение со смежными институтами, перейдем к анализу объективной стороны состава. Следует отметить ключевое условие наступления уголовной ответственности по статье 272.1. УК РФ – ответственность за действия, связанные с неправомерным оборотом персональных данных в электронной форме, согласно диспозиции статьи, наступает только в том случае, если эти данные были изначально получены незаконным путем, а именно:

- путем неправомерного доступа к средствам обработки, хранения информации, т.е. без соответствующих прав и разрешений либо без согласия законного владельца персональных данных. Такой доступ нарушает порядок, установленный законами и подзаконными актами;

- путем вмешательства в функционирование средств обработки, хранения информации, т.е. намеренное воздействие через программы на компьютеры, серверы и сети. Такое вмешательство нарушает нормальную работу с информацией (её обработку, хранение и передачу);

- иным незаконным путем, например, приобретение носителей с персональными данными лицом, имеющим права на работу с ними; кража носителей информации, когда похититель знал о наличии на них персональных данных; иные подобные действия, нарушающие установленный порядок работы с персональными данными.

Как видим, действующая формулировка исключает ответственность за незаконный оборот персональных данных без предварительного неправомерного доступа, т.е. изначально полученных на законных основаниях. Но при этом следует учитывать, что неправомерный доступ к компьютерной информации может быть двух видов. Первый – когда лицо изначально не имеет права на работу с информацией. Второй – когда лицо имеет законное право на доступ, но

<sup>10</sup> Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 11.10.2016 по делу № 33-12355/2016. URL: [https://www.audar-info.ru/na/article/view/type\\_id/7/doc\\_id/26195/](https://www.audar-info.ru/na/article/view/type_id/7/doc_id/26195/) (дата обращения: 13.02.2025).

<sup>11</sup> Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. I). Ст. 3448.

нарушает установленный порядок работы с информацией, например, когда сотрудник умышленно копирует базу данных на личные материальные носители информации.

Такое расширенное толкование неправомерного доступа поддержано Верховным Судом РФ, согласно разъяснений которого неправомерным доступом к компьютерной информации является получение или использование такой информации без согласия обладателя информации лицом, не наделенным необходимыми для этого полномочиями, либо в нарушение установленного нормативными правовыми актами порядка независимо от формы такого доступа (путем проникновения к источнику хранения информации в компьютерном устройстве, принадлежащем другому лицу, непосредственно либо путем удаленного доступа)<sup>12</sup>. Это позволяет избежать абсурдной ситуации, при которой незаконный оборот персональных данных, полученных путем копирования информации с использованием служебного положения оставался бы безнаказанным. Поэтому стоит не согласиться с утверждением о том, что «Если же персональные данные, например, в обход положений закона, соглашения или договора были проданы лицом, обладающими ими на легитимной основе (оператором), то уголовная ответственность по статье 272.1 УК РФ на него не распространяется»<sup>13</sup>.

Следует отметить, что неправомерный доступ к компьютерной информации, содержащей персональные данные с целью последующего их незаконного оборота, образует не приготовление к преступлению, предусмотренному статьей 272.1 УК РФ, а самостоятельный состав преступления – 272 УК РФ, а в случае последующего незаконного оборота, совокупность преступлений.

Определив условия неправомерности получения персональных данных, рассмотрим каждое из действий, образующих объективную сторону преступления, предусмотренного частью 1 статьи 272.1 УК РФ, и особенности их уголовно-правовой оценки.

По части 1 статьи 272.1 УК РФ наказуемы следующие действия по обращению с компьютерной информацией, содержащей персональные данные:

### 1. Использование.

Согласно толкового словаря С.И. Ожегова слово «использовать» означает воспользоваться (пользоваться) чем либо, употребить с пользой<sup>14</sup>. Использование компьютерной информации, содержащей персональные данные, подразумевает любые действия по

их практическому применению в различных целях, в том числе противоправных. Примеры такого использования включают: оформление кредитов на чужие персональные данные, создание поддельных документов (паспортов, договоров, доверенностей), оформление собственности по фиктивным документам, получение доступа к банковским счетам и электронным кошелькам, организация спам-рассылок по базам email-адресов, массовые телефонные обзвоны с рекламными предложениями, таргетированная реклама с использованием украденных данных пользователей, создание фейковых аккаунтов в социальных сетях, рассылка фишинговых сообщений и др.

### 2. Передача (распространение, предоставление, доступ)

В соответствии со статьей 2 федерального закона «О персональных данных» под **распространением** персональных данных понимаются действия, направленные на раскрытие персональных данных неопределенному кругу лиц. Это может быть продажа, рассылка, передача копии на электронном носителе либо с использованием сети «Интернет», размещение на серверах, предназначенных для удаленного обмена файлами. **Предоставление** персональных данных – действия, направленные на раскрытие персональных данных определенному лицу или определенному кругу лиц. По одному из значений слово «**доступ**» (access) понимается как извлечение информации из компьютерной памяти или помещение информации в компьютерную память<sup>15</sup>. Неправомерным **доступом** к компьютерной информации является получение или использование такой информации без согласия обладателя информации лицом, не наделенным необходимыми для этого полномочиями, либо в нарушение установленного нормативными правовыми актами порядка независимо от формы такого доступа (путем проникновения к источнику хранения информации в компьютерном устройстве, принадлежащем другому лицу, непосредственно либо путем удаленного доступа)<sup>16</sup>.

### 3. Сбор.

Под сбором компьютерной информации, содержащей персональные данные следует понимать умышленные действия, состоящие в получении этих сведений любым способом, например, путем личного наблюдения, прослушивания, в том числе с фиксированием информации аудио-, видео-, фотосредствами, копирования электронных сведений, а также путем похищения или иного их приобретения.

<sup>12</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3.

<sup>13</sup> Уголовная ответственность за незаконные действия с персональными данными. URL: <https://www.advodoma.ru/practice/ugolovnaya-otvetstvennost-za-nezakonnoe-obrashhenie-s-elektronnyimi-personalnymi-dannymi.php> (дата обращения: 23.04.2025).

<sup>14</sup> Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., М., 2003. 939 с.

<sup>15</sup> Грэхэм Бетс, Барри Брайндли, С. Уильямс и др. Бизнес. Толковый словарь. Общая редакция: д.э.н. Осадчая И.М. М.: «ИНФРА-М», Издательство «Весь Мир», 1998.

<sup>16</sup> Пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3.

#### 4. Хранение.

Хранение персональных данных, то есть совершение любых действий, связанных с нахождением данных сведений в фактическом пользовании и владении лица.

Часть 2 статьи 272.1 УК РФ отличается от основного состава лишь предметом преступления, которым является компьютерная информация, содержащая персональные данные несовершеннолетних лиц, специальные категории персональных данных (раса, национальность, политические взгляды, религия, здоровье, интимная жизнь, судимость) и (или) биометрические персональные данные (отпечатки пальцев, сканы сетчатки, ДНК и др.).

Квалифицирующие признаки, предусмотренные частями 3-5 статьи 272.1 УК РФ уже получили всестороннее научное осмысление в доктрине уголовного права и не вызывают существенных сложностей в правоприменительной практике. Многолетняя исследовательская традиция и устоявшаяся судебная практика выработали единообразные подходы к их толкованию и применению, что подтверждается обширным массивом научных публикаций и судебных решений. В этой связи представляется более продуктивным не останавливаться на них.

Особого внимания заслуживает состав преступления, предусмотренный частью 6 статьи 272.1 УК РФ, который представляет собой самостоятельное уголовно наказуемое деяние, способствующее незаконному обороту персональных данных в информационном пространстве, заключающееся в создании или поддержание информационного ресурса, под которым понимаются веб-сайты, их страницы, информационные системы или программы для ЭВМ, предназначенного для незаконного хранения или передачи данных. Незаконность хранения или передачи определяется нарушением законодательства, например, отсутствием согласия субъекта данных или нарушением федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных».

Объективная сторона указанного деяния может выражаться в создании или администрировании специализированных ресурсов в теневом сегменте сети Интернет (даркнете) для организации торговли неправомерно полученными персональными данными граждан, включая паспортные сведения и информацию о банковских картах, при осознании незаконного происхождения таких данных, даже при отсутствии личного участия в их первоначальном хищении; разработке и поддержке функционирования программного обеспечения, предназначенного для автоматизированного сбора персональных данных с взломанных информационных систем и серверов с последующим предоставлением доступа к этим данным на коммерческой основе; организация и администрирование каналов в мессенджерах и иных коммуникационных платформах, целенаправленно используемых для распространения персональных данных сотрудников государственных учреждений и иных категорий граждан, полученных посредством фишин-

говых атак и других методов неправомерного доступа к информации.

Проведенный теоретико-правовой анализ статьи 272.1 УК РФ позволяет сделать ряд важных выводов и выделить существенные проблемы в сфере уголовно-правовой охраны персональных данных.

Введение статьи 272.1 в УК РФ является закономерно и обоснованным шагом законодателя, отвечающим вызовам цифровой эпохи и растущей угрозе неправомерного использования персональных данных граждан. Статистические данные о масштабах и динамике киберпреступлений убедительно подтверждают необходимость усиления уголовно-правовой защиты в этой сфере.

Предметом преступления выступает компьютерная информация, содержащая персональные данные, причем ключевым критерием персональных данных для целей уголовно-правовой охраны является их идентифицирующий характер – способность определить конкретного человека, а не формальное соответствие широкому законодательному определению.

Выявлена проблема разграничения различных категорий персональных данных с точки зрения их правового режима (общедоступные, разрешенные для распространения, конфиденциальные) и неоднозначность допустимости их использования без согласия субъекта. Судебная практика придерживается позиции, что даже открытые данные не являются автоматически общедоступными и требуют согласия при изменении целей использования.

Установлено, что понятия «персональные данные» и «частная жизнь» не тождественны, а образуют пересекающиеся множества. Нормы статей 137 и 272.1 УК РФ не находятся в конкуренции, а при наличии соответствующих обстоятельств образуют совокупность преступлений.

Ключевым условием наступления уголовной ответственности по ст. 272.1 УК РФ является незаконный характер получения персональных данных, при этом неправомерный доступ может быть, как изначальным (лицо не имеет права на доступ), так и последующим (нарушение порядка использования законно полученного доступа). В этой связи целесообразно дополнить разъяснения Пленума Верховного Суда РФ положениями, конкретизирующими условия уголовной ответственности за незаконный оборот общедоступных персональных данных – в случаях использования их в целях, отличных от тех, для которых они были размещены или разрешены к распространению.

Таким образом, статья 272.1 УК РФ представляет собой необходимый инструмент уголовно-правового воздействия, направленный на противодействие растущему рынку незаконного оборота персональных данных и обеспечение информационной безопасности граждан. Однако для повышения эффективности правоприменения требуется дальнейшее законодательное уточнение отдельных признаков состава преступления и выработка единообразного подхода к толкованию нормы в судебной практике.

---

Библиографический список

1. Бизнес. Толковый словарь. Англо-русский: Originally published by Oxford university press: Свыше 4000 понятий / Общ. ред.: д. э. н. Осадчая И.М. – Москва: ИНФРА-М: Весь мир, 1998. – 759 с.
2. Гутник С.И. Уголовно-правовая характеристика преступных посягательств в отношении персональных данных: дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2017. – 241 с.
3. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4. изд., доп. – Москва: ЛД ИНВЕСТ: Азбуковник, 2003 (1-я Обр. тип.). – 939 с.

Рецензент: Некрасов В.Н., заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, д.ю.н., полковник внутренней службы.

---

## ШМЕЛЕВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, тел. 8(3532)72-22-77, shmelevaes@mail.ru

### ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА В НАДЗОРНОЙ ИНСТАНЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

#### SHMELEVA ELENA SERGEEVNA

PhD, Associate Professor of criminal procedure law and criminology Orenburg Institute (branch) of the University. O. E. Kutafin (MSAL), 460000, Orenburg, St. Komsomolskaya, 50, tel: 8(3532)72-22-77, shmelevaes@mail.ru

### PROCEDURE OF PROCEEDINGS IN THE SUPERVISORY INSTANCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

**Аннотация:** в данной статье рассматривается вопрос о порядке производства в суде надзорной инстанции в российском уголовном процессе. Автор выделяет три этапа производства в надзорной инстанции, раскрывает суть каждого из них и обращает внимание на то, что не все аспекты производства в надзорной инстанции урегулированы в должной мере. Кроме этого, исследователь выдвигает конкретные предложения, направленные на совершенствование порядка надзорного судебного разбирательства.

**Ключевые слова:** уголовный процесс, надзорная инстанция, надзорная жалоба, надзорное представление, этапы надзорного производства.

**Annotation:** this article discusses the issue of the procedure for proceedings before a supervisory instance court in Russian criminal proceedings. The author identifies three stages of the proceedings in the supervisory instance, reveals the essence of each of them and draws attention to the fact that not all aspects of the proceedings in the supervisory instance are adequately regulated. In addition, the researcher puts forward specific proposals aimed at improving the procedure for supervisory judicial proceedings.

**Keywords:** criminal proceedings, supervisory authority, supervisory complaint, supervisory submission, stages of supervisory proceedings.

Производство в суде надзорной инстанции остается, по мнению многих участников уголовного судопроизводства, той единственной инстанцией, которая способна разобраться в уголовном деле и отменить состоявшееся судебное решение ввиду его незаконности.

Процедура рассмотрения уголовных дел в суде надзорной инстанции предусмотрена действующим законодательством (ст.ст. 412.4-412.8, 412.10). Всю процедуру рассмотрения уголовного дела в суде надзорной инстанции можно разделить на несколько этапов.

По мнению И.И. Обухова, производство в надзорной инстанции может быть разделено на 3 этапа:

- «первый этап – проверка соответствия надзорных жалобы или представления требованиям УПК РФ;

- второй этап – рассмотрение надзорных жалобы или представления;

- третий этап – рассмотрение уголовного дела судом надзорной инстанции»<sup>1</sup>.

Производство в надзорной инстанции начинается с момента поступления надзорной жалобы или

представления в суд надзорной инстанции (ст. 412.2 УПК РФ) и протекает в три этапа.

На первом этапе судьей осуществляется проверка соответствия поданных жалоб или представлений требованиям уголовно-процессуального законодательства, по окончании которой они либо возвращаются заявителю, как не удовлетворяющие процессуальным требованиям (ст. 412.4 УПК РФ), либо принимаются к рассмотрению (ст. 412.5 УПК РФ).

Вторым этапом является непосредственное рассмотрение надзорных жалоб и представлений судьей (председателем суда или его заместителем) надзорной инстанции и передача жалобы и/или представления непосредственно на рассмотрение суда надзорной инстанции (ст. 412.5-412.6 УПК РФ).

На заключительном, третьем, этапе осуществляется непосредственное рассмотрение уголовного дела судом надзорной инстанции (ст. 412.10 УПК РФ).

В соответствии с положениями главы 48.1 УПК РФ суду надзорной инстанции надлежит до дня судебного заседания известить лиц, интересы которых затрагиваются жалобой и/или представлением, о дате, времени и месте рассмотрения уголовного дела

---

<sup>1</sup> Обухов И.И. Проблемы производства в надзорной инстанции, возникающие на этапе проверки соответствия надзорных жалобы или представления требованиям УПК РФ: автореф.дисс. ...канд. юрид. наук. Сыктывкар, 2010. С. 5.

(ч. 1 ст. 412.10 УПК РФ). Однако законодателем проигнорированы такие важные вопросы, как срок, в течение которого суд надзорной инстанции обязан уведомить заинтересованных лиц о назначении рассмотрения уголовного дела в суде надзорной инстанции, а также не указана обязанность суда направить этим лицам копии жалобы или представления, постановления о передаче жалобы или представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда надзорной инстанции. Вполне очевидно, что данные действия суд надзорной инстанции обязан выполнить. А поскольку порядок извещения и передачи копий жалоб и представлений отработан в нижестоящих инстанциях, в частности, в кассации (ст. 401.12 УПК РФ), применение закона по аналогии, как нам представляется, в данном случае вполне возможно. Хотя, по нашему мнению, такое прямое указание все же целесообразно внести в положения главы 48.1 УПК РФ.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. N 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» допускается извещение участников процесса посредством СМС-сообщения. Однако Верховный Суд РФ установил несколько правил для таких извещений. Прежде всего, должно быть получено согласие от таких лиц на уведомление посредством СМС-сообщений, а также суд должен зафиксировать факт отправки и доставки СМС-сообщения адресату.

«Факт согласия на получение СМС-сообщения подтверждается распиской, в которой наряду с данными об участнике судопроизводства и о его согласии на уведомление подобным способом указывается номер мобильного телефона, на который следует направить сообщение. Сведения о таком согласии и номер мобильного телефона могут содержаться в материалах уголовного дела»<sup>2</sup>.

По результатам изучения надзорных жалоб или представлений судья Верховного Суда РФ может принять два решения.

Первое решение касается отказа в передаче надзорных жалоб или представлений для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ. Такое решение принимается судьей в том случае, если отсутствуют основания пересмотра судебных решений в порядке надзора.

Второе решение касается возможности передачи надзорных жалоб или представлений вместе с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ. Такое решение может быть принято судьей, если имеются основания для пересмотра решений в порядке надзора.

Следует отметить, что судья и в том, и в другом случае выносит постановление. В том случае, если он отказывает в передаче жалобы или представления для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ, надзорные жалобы и /или

представления, а также копии обжалуемых судебных решений остаются в суде надзорной инстанции (п. 1 ч. 2 ст. 412.5 УПК РФ).

Законодатель, понимая определенную долю субъективизма при принятии решения о возможности рассмотрения надзорных жалоб и/или представлений в судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ, предоставил право Председателю Верховного Суда РФ или его заместителю не согласиться с постановлением судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче надзорных жалоб и/или представлений для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ. При этом Председатель Верховного Суда РФ или его заместитель вправе вынести постановление об отмене указанного постановления и принять решение о передаче надзорных жалобы и/или представления вместе с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ (ч. 3 ст. 412.5 УПК РФ).

Законодателем установлен срок, в течение которого в Верховном Суде РФ могут быть рассмотрены надзорные жалобы и/или представления. Этот срок составляет один месяц со дня их поступления, если уголовное дело не было истребовано; и этот срок увеличивается до двух месяцев со дня их поступления, если уголовное дело было истребовано в Верховный Суд РФ из нижестоящего суда. В этот срок не входит период со дня истребования дела до дня его поступления в Верховный Суд РФ (ст. 412.6 УПК РФ).

Рассмотрение надзорных жалобы и/или представления Президиумом Верховного Суда РФ в судебном заседании осуществляется не позднее двух месяцев со дня вынесения постановления о передаче уголовного дела в суд надзорной инстанции (ч. 1 ст. 412.10 УПК РФ).

Часть 2 ст. 412.10 УПК РФ содержит дополнительные основания для отвода и самоотвода судей, участвующих в рассмотрении уголовного дела в суде надзорной инстанции, и предусматривает запрет на рассмотрение уголовного дела такими судьями. Так, Председатель Верховного Суда РФ, его заместитель, член Президиума Верховного Суда РФ, вынесшие постановление о передаче надзорных жалоб и/или представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ, не могут участвовать в рассмотрении данного уголовного дела Президиумом Верховного Суда РФ.

В судебном заседании при рассмотрении уголовного дела по надзорным жалобе и/или представлению участие прокурора обязательно. Однако законодатель ничего не сказал об обязательности участия в этом заседании иных участников процесса (ч. 3 ст. 412.10 УПК РФ).

Мы разделяем мнение Л.Г. Татьяниной, которая отметила, что «в системном толковании ч.ч. 3 и 6 указанной статьи (ст. 412.10 УПК РФ) участие остальных лиц не является обязательным, в то же вре-

<sup>2</sup> О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. N 3 г. // СПС КонсультантПлюс

явившиеся в суд лица имеют право на выступление в судебном заседании. Возникает вопрос о возможности осужденного к лишению свободы явиться в суд надзорной инстанции, ведь применительно к судебному заседанию в суде надзорной инстанции законодатель не предусмотрел право осужденного ходатайствовать об участии в судебном заседании либо возможности использования видео-конференц-связи. Вопрос об участии в надзорном производстве адвоката-защитника также остается открытым, поскольку порядок участия адвокатов по назначению в данной инстанции должным образом не урегулирован»<sup>3</sup>.

Да и Верховный Суд РФ в своих решениях неоднократно отмечал, что участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, предусмотренном ст. 52 УПК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 47 УПК РФ данное положение закона распространяется также и на осужденных<sup>4</sup>. И при рассмотрении уголовного дела с их участием в вышестоящих инстанциях необходимо выяснять у осужденных, есть ли у них желание воспользоваться помощью защитника. И если от них не был получен отказ от защитника, или если участие защитника является обязательным в других случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 51 УПК РФ, суд обязан обеспечивать его участие в уголовном судопроизводстве.

Участие в рассмотрении уголовного дела в суде надзорной инстанции прокурора и других участников судебного разбирательства, предоставление им возможности высказать свою позицию по поданной им надзорной жалобе или представлению должно обеспечивать реализацию принципа состязательности. Однако отсутствие в законе указания на обязательное участие защитника в надзорном производстве в случае, когда его участие является обязательным по ст. 51 УПК РФ, делает весьма призрачной перспективу реализации данного принципа в процессе рассмотрения уголовного дела в суде надзорной инстанции.

Думается, вполне логичным было бы предусмотреть в законодательстве положение об обязательном участии защитника, в том числе и по назначению, в суде надзорной инстанции в тех случаях, когда его участие обязательно по ст. 51 УПК РФ. Аналогичная позиция была высказана, в частности, В.А. Лазаревой, которая предлагает в случаях обязательного участия защитника обеспечивать его участие судом<sup>5</sup>.

Кроме того, как нам представляется, необходимо предусмотреть возможность для осужденного лица участвовать в рассмотрении дела в суде надзорной инстанции с использованием видео-конференц-связи. Тем более, что Верховный Суд РФ при рассмотрении уголовных дел в надзорном порядке уже использует систему видео-конференц-связи.

Производство по уголовному делу в суде надзорной инстанции начинается с доклада судьи Верховного Суда РФ. Судья-докладчик не должен был принимать участие в рассмотрении данного уголовного дела ранее (ч. 4 ст. 412.10 УПК РФ).

На судью-докладчика возлагается обязанность изложить обстоятельства уголовного дела; содержание судебных решений, принятых в предыдущих судебных инстанциях; доводы надзорных жалобы и/или представления, послужившие основанием передачи надзорных жалобы и/или представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ. Судья-докладчик излагает наиболее важные для рассмотрения уголовного дела в суде надзорной инстанции обстоятельства уголовного дела. В случае возникновения вопросов они могут быть заданы докладчику судьями Президиума (ч. 5 ст. 412.10 УПК РФ).

При участии в рассмотрении уголовного дела в суде надзорной инстанции заинтересованных лиц им должно быть предоставлено право выступить по существу дела. Первым предоставляется возможность выступить лицу, подавшему надзорные жалобу или представление (ч. 6 ст. 412.10 УПК РФ). После рассмотрения уголовного дела Президиум Верховного Суда РФ принимает решение, которое излагается в постановлении суда надзорной инстанции (ч. 7 ст. 412.10 УПК РФ).

Коллегиальный принцип принятия решения по поданной жалобе или внесенному представлению является основным при рассмотрении уголовного дела в суде надзорной инстанции. Исходя из данного принципа, при рассмотрении надзорных жалобы и/или представления в Президиуме Верховного Суда РФ все вопросы решаются большинством голосов. В соответствии с действующим процессуальным законодательством первым выносятся на голосование предложение, наиболее благоприятное для осужденного, а именно то, которое удовлетворяет поданную им жалобу в полном объеме или частично. В случае, если было равное количество голосов, поданных за пересмотр дела и против его пересмотра, надзорные жалоба и/или представление считаются отклоненными (ч. 8 ст. 412.10 УПК РФ).

Такой подход законодателя вызывает у нас некоторое сомнение. В ч. 8 ст. 412.10 УПК РФ предусмотрен только один вариант голосования. В.Д. Потапов, критикуя такое решение законодателя, отмечает: «Однако неясно, что имеет преимущество, если после принятия решения о пересмотре конкурируют такие варианты решений, как отмена приговора, определения или постановления суда с прекращением производства по данному уголовному делу либо передачей его в суд первой инстанции на новое судебное рассмотрение, либо возвратом дела прокурору, или как внесение изменений в приговор, определе-

<sup>3</sup> Татьяна Л.Г. Отдельные вопросы надзорного производства // Вестник Удмуртского университета. 2014. № 2-4. С. 189.

<sup>4</sup> См. например: Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 139-П16. URL: <http://www.vsr.ru/index> (дата обращения: 30.01.2025).

<sup>5</sup> Лазарева В.А. Какие недоработки в Законе № 433-ФЗ важно устранить до вступления его в силу // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 37-43.

ние или постановление суда? Думается, что при равенстве голосов членов Президиума предпочтение должно отдаваться наиболее благоприятному для осужденного или оправданного виду решения с учетом характера его оснований»<sup>6</sup>.

Секретарь судебного заседания суда надзорной инстанции ведет протокол. На содержание протокола стороны могут принести замечания, которые рассматриваются председательствующим (ч. 9 ст. 412.10 УПК РФ). Порядок составления протокола судебного заседания в надзорной инстанции вызывает у многих исследователей определенную критику. Критикуют применение общего порядка ведения и составления протокола судебного заседания, который предусмотрен для ведения во всех судебных стадиях производства по уголовному делу, что не соответствует тем особенностям, которые предусмотрены для рассмотрения уголовного дела в суде надзорной инстанции. В частности, Л.Г. Татьяна предлагает для протоколов судебного заседания в надзорной инстанции предусмотреть специальные требования<sup>7</sup>.

В соответствии с ч. 10 ст. 412.10 УПК РФ постановление суда надзорной инстанции выносится и

обращается к исполнению в порядке, предусмотренном статьей 389.33 УПК РФ.

Итак, порядок рассмотрения уголовного дела в суде надзорной инстанции урегулирован уголовно-процессуальным законодательством, но не во всех аспектах отвечает потребностям правоприменения и защите прав участников уголовного судопроизводства.

По нашему мнению, в первую очередь, необходимо изменить порядок участия заинтересованных лиц в процессе рассмотрения уголовного дела в суде надзорной инстанции, используя для этого все средства, которые на сегодняшний момент доступны в уголовном процессе: обеспечение обязательного участия защитника в суде надзорной инстанции в случаях, когда его участие является обязательным по УПК РФ (ч. 1 ст. 51). Кроме этого, как видится, должен быть предусмотрен специальный порядок ведения протокола судебного заседания при рассмотрении уголовного дела в суде надзорной инстанции; должен быть изменен подход к вопросу о голосовании судей Президиума Верховного Суда РФ при принятии решения по результатам рассмотрения поданных жалоб и представлений.

#### Библиографический список

1. Лазарева В.А. Какие недоработки в Законе № 433-ФЗ важно устранить до вступления его в силу // Уголовный процесс. – 2011. – № 3. – С. 37-43.
2. Обухов И.И. Проблемы производства в надзорной инстанции, возникающие на этапе проверки соответствия надзорных жалоб или представления требованиям УПК РФ: автореф.дисс. ...канд. юрид. наук. – Сыктывкар, 2010. – 26 с.
3. Потапов В.Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России: дисс. ...докт. юрид. наук. – Москва, 2013. – 483 с.
4. Татьяна Л.Г. Отдельные вопросы надзорного производства // Вестник Удмуртского университета. – 2014. – № 2-4. – С. 187-189.

Рецензент: Шамардин А.А., доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

<sup>6</sup> Потапов В.Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России: дисс. ...докт. юрид. наук. Москва, 2013. С. 45.

<sup>7</sup> Татьяна Л.Г. Отдельные вопросы надзорного производства // Вестник Удмуртского университета. 2014. № 2-4. С. 189.

---

## Раздел четвертый

# ВОПРОСЫ ТРУДОВОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

### **ЛУКЬЯНОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА**

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Ульяновского государственного университета, 432017, г. Ульяновск, ул. Минаева д. 26 кв. 46, lukjanova.natalja2011@yandex.ru

### **ЕРШОВА ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА**

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, yuliya.erschova@mail.ru

## ПРОКУРАТУРА НА ЗАЩИТЕ ТРУДОВЫХ ПРАВ

### **LUKYANOVA NATALIA ALEXANDROVNA**

candidate of legal sciences, associate professor of the department of civil and business law of the Ulyanovsk State University, 432017, Ulyanovsk, st. Minaeva, 26, apt. 46, lukjanova.natalja2011@yandex.ru

### **ERSHOVA YULIA VIKTOROVNA**

candidate of legal sciences, associate Professor of the Department of Civil Law and Process Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, yuliya.erschova@mail.ru

## PROSECUTOR'S OFFICE FOR THE PROTECTION OF LABOR RIGHTS

**Аннотация:** Существуют различные способы защиты трудовых прав, одним из которых выступает государственный надзор в трудовом праве. Соответствующие надзорные функции возложены на важнейший государственный орган – прокуратуру Российской Федерации. Однако правовой механизм прокурорского реагирования в определенной степени не полон, ввиду чего возникают как теоретические, так и практические вопросы, связанные с его совершенствованием. В настоящей статье авторы анализируют недостатки прокурорского надзора и высказывают представление об эффективности данного способа защиты.

**Ключевые слова:** прокуратура, труд, работник, работодатель, надзор, контроль, трудовые права, лицо, ищущее работу.

**Review:** There are various ways to protect labor rights, one of which is state supervision in the labor law sphere. The corresponding supervisory functions are assigned to the most important state body - the prosecutor's office of the Russian Federation. However, the legal mechanism of prosecutorial response is to a certain extent incomplete, which is why both theoretical and practical questions arise related to its improvement. In this article, the authors analyze the shortcomings of prosecutorial supervision and express an idea of the effectiveness of this method of protection.

**Keywords:** prosecutor's office, labor, employee, employer, supervision, control, labor rights, job seeker.

Труд – это целенаправленная деятельность человека, который реализует свои физические и умственные способности для получения различных благ (материальных и нематериальных). Когда речь идет о труде, всегда подразумевается единственный

субъект, его осуществляющий, – человек. Не механизм, не агрегат, а именно человек, трудовые права которого должны быть надлежащим образом защищены. В этом, на наш взгляд, видится основная цель трудового законодательства.

От трудовой деятельности населения напрямую зависят экономические процессы, благосостояние любого государства. В свою очередь, без трудовой деятельности человек не может существовать, поскольку это способствует его развитию, а в сфере общественного производства – дает ему возможность зарабатывать, содержать себя и свою семью, реализовывать установленные законом страховые виды социального обеспечения в настоящем и будущем.

Указанные причины, содержащие широкий спектр прав трудящихся, способствуют осуществлению особой государственной поддержки трудовой занятости граждан. В частности, некоторое время назад разработан национальный проект (программа) «Производительность труда и поддержка занятости», утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 № 16). Этот проект является одним из направлений реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

При этом при осуществлении прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан при реализации национального проекта (программы) «Производительность труда и поддержка занятости» следует учитывать, что в указанной сфере также реализуются и иные программные документы федерального значения, например, постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 298 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения».

Одновременно с поддержкой трудовой занятости государству следует уделять особое внимание защите трудовых прав слабой стороны трудовых отношений – работнику, а если речь идет о желании человека вступить в трудовые отношения, то лицу, ищущему работу. По нашему мнению, этому должны способствовать законодательно установленные способы защиты – государственный надзор и контроль за соблюдением трудового законодательства. Но они (способы) предназначены именно для граждан, имеющих статус работника. На нетрудоустроенных, но желающих получить работу, указанные механизмы не распространяются, что говорит об их слабой правовой защищенности, если не считать судебную защиту, которую используют далеко не все граждане, которым отказано в приеме на работу. Таким образом, можно говорить о нераспространении трудового права на лиц, не состоящих в трудовых правоотношениях, что, по нашему мнению, указывает на несовершенство трудового законодательства.

Кроме того, как известно, одним из видов правонарушений при применении труда граждан является незаконное заключение трудового договора, что ставит их в бесправное положение и не позволяет рассчитывать

на все установленные законом механизмы защиты трудовых прав.

Прокурорский надзор<sup>1</sup>, на наш взгляд, – перспективный способ защиты прав трудящихся, что подтверждает исторический опыт, поскольку деятельность прокуратуры осуществляется более трехсот лет. Это объясняется тем, что, во-первых, надзор позволяет прокуратуре взаимодействовать с заинтересованными структурами; во-вторых, выявляются обстоятельства, способствующие совершению правонарушений; в-третьих, проводятся мероприятия по согласованию законодательства.

Подчеркнем, что эффективности защиты должны способствовать не только выработанные механизмы осуществления правовых возможностей и исполнения должностований участников трудовых отношений и смежных с ними отношений средствами прокурорского надзора, но и само правовое регулирование данных отношений, поскольку несовершенство закона является правовым препятствием для осуществления прокурорского надзора.

Главным принципом правового регулирования трудовых и связанных с ними отношений выступает конституционный принцип свободы труда, содержание которого сводится к свободе в распоряжении своими трудовыми, профессиональными качествами, свободе выбирать вариант занятости. Указанная законодательная идея подразумевает выбор человека – трудиться или не трудиться. Еще раз подчеркнем, что это выбор исключительно гражданина. «Навязывать», например, такой вид занятости, как работа на условиях гражданско-правового договора, никто не вправе. Ни для кого не секрет, что именно такой вариант занятости выгоден для заказчика работ или услуг, как минимум потому, что на гражданско-правовые отношения трудовое законодательство не распространяется. Все эти обстоятельства должны быть предметом прокурорского реагирования.

Многочисленными являются правонарушения, которые сопровождают трудовые отношения, начиная от определения содержания трудового договора, заканчивая необоснованными и незаконными увольнениями. Больше всего посягательств на конституционное право работающих получить вознаграждение за труд, они составляют около 80% от числа правонарушений в сфере труда<sup>2</sup>, что способствует усилению социальной напряженности в обществе. При этом, следует учитывать положения ст. 4 ТК РФ, согласно которой одной из форм принудительного труда выступает труд в условиях невыплаты заработной платы, нарушение сроков выплаты вознаграждения за труд. Кроме того, работодатель может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 145.1 УК РФ. Несмотря на это, нужно признать, что нарушения норм об оплате труда носят массовый характер.

Одним из препятствий повышения действенности прокурорского реагирования является несовершенство правового регулирования, сопровождающего

<sup>1</sup> Березовская С.Г. Сущность и основные характеристики правовых отношений в сфере прокурорского надзора // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 3(95). С. 122-131.

<sup>2</sup> Фирсова О.А. Некоторые вопросы защиты прокуратуры конституционного права граждан на труд // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. №5(37). С.55-58.

трудоустройство и смежные с ними отношения.

К примеру, обсуждаемая в литературе специалистами ситуация с защитой права на оплату труда, когда работодатель находится в процессе банкротства. В данном случае мнения сходятся по поводу неоправданно затяжного характера прокурорских мероприятий, которые не всегда заканчиваются достижением предполагаемых результатов. Такое положение дел обусловлено несовершенством правового регулирования, в частности, акционерного законодательства, законодательства о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Думаем, законодательно должны быть установлены узкие направления деятельности прокуратуры в трудовую сферу. Предполагаем, что данный подход будет способствовать пресечению правонарушений.

Укажем также на несовершенство регламентации правового положения прокурора в сфере защиты прав и законных интересов. Считаем, что прокурорский надзор является эффективным только в условиях безусловной конкретизации положения субъекта.

Есть мнение, что прокурорский надзор нужно рассматривать как надведомственную форму контроля<sup>3</sup>. Нельзя не согласиться с мнением о том, что указанная деятельность должна носить надведомственный характер. На наш взгляд, разграничивая «надзор» и «контроль», необходимо отводить наиболее значимое место прокуратуре и ее надзорной деятельности.

Что касается непосредственно трудовых отношений, то обратимся к содержанию ст. 352 ТК РФ. Законодатель в этой статье неоправданно использует двойную терминологию (надзор – контроль), что затрудняет понимание указанного способа защиты. По нашему убеждению, нельзя смешивать деятельность прокуратуры с работой иных государственных органов (например, государственной инспекции труда). Объяснение сводится к различным полномочиям, роли и функциям.

Еще один немаловажный момент – статья 129 Конституции РФ, посвященная статусу прокуратуры, находится в главе 7 «Судебная власть и прокуратура», что является поводом для различного толкования роли и места надзорного ведомства. Некоторые авторы высказывают мнение о необходимости отнесения органов прокуратуры к ведению Министерства юстиции РФ, к элементам механизма реализации президентской власти<sup>4</sup>. Присутствует позиция о необходимости отнесения прокуратуры к законодательной и даже исполнительной ветвям власти<sup>5</sup>. Конечно, указанные позиции нельзя признать обоснованными, но их наличие порождает препятствия в достижении прокуратурой целей, ради которой она создана.

Мы поддерживаем мнение о том, что логичным вариантом разрешения сложившейся ситуации мо-

жет стать включение в Конституцию РФ главы, посвященной прокуратуре как самостоятельному государственному органу, обладающему признаками подсистемы государственной власти<sup>6</sup>.

Впрочем, нельзя утверждать, что эффективность прокурорского надзора в трудовой сфере находится на невысоком уровне. Думаем, требуется дальнейшее законодательное развитие государственного надзора и контроля в сфере труда в целях способствования предотвращению, по сути, одних и тех же трудовых правонарушений на всей территории России. Возможно, для одного работодателя, в отношении которого имелось прокурорское реагирование, данный механизм «сработает», с точки зрения пресечения его дальнейших трудовых правонарушений, но применительно к остальным или некоторым из них может быть и неэффективным. Это объясняется, в том числе, и тем, что количество работодателей возрастает, на смену одним приходят другие. Поэтому можно сделать вывод о том, что действенность прокурорского надзора применительно к защите трудовых прав и интересов граждан не всегда способствует пресечению правонарушений, что обусловлено объективными причинами.

Говоря о действенности прокурорской деятельности, мы подразумеваем стабильно высокую профессиональную надзорную деятельность прокуратуры. Поэтому важной составляющей надзорной деятельности является прогресс, повышение эффективности. Данный подход обусловлен различными причинами, в частности, изменением содержания правового регулирования. Как известно, российское трудовое законодательство довольно часто подвергается изменениям и дополнениям. Например, в ТК РФ введены главы, посвященные особенностям правового регулирования труда иностранных, дистанционных работников. По применению труда последней категории как в теории, так и на практике много вопросов, что указывает на несовершенство регулирования и, в свою очередь, может затруднить прокурорскую деятельность.

При этом нельзя не отметить с положительной стороны особое направление деятельности прокуратуры – надзор за исполнением законов о несовершеннолетних в сфере трудовых отношений, поскольку согласно приказу Генпрокуратуры России от 05 февраля 2024 № 98 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» указанный надзор относится к приоритетному направлению деятельности (п.1.2). Более того, Приказ Генеральной прокуратуры России от 13 декабря 2021 года № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» в п.2.1.6. указывает на необходимость при осуществлении надзора за исполнением законодательства о тру-

<sup>3</sup> Шевцов М.Н. Обеспечение ядерной и радиационной безопасности средствами прокурорского надзора // Законодательство и экономика. 2006. № 9. С. 65-69.

<sup>4</sup> Смирнов А.Ф. Место и роль прокуратуры в системе государственной власти: лекция. М., 1995. С. 17.

<sup>5</sup> Шевцов М.Н. Указ. соч. С.65-69.

<sup>6</sup> Тишков Д.С. К вопросу о возможных направлениях повышения эффективности прокурорского надзора // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017. № 1 (70). С. 149.

де подростков учитывать установленные ограничения и дополнительные гарантии при привлечении их к работе, в первую очередь в сфере охраны труда. Также вышеуказанный приказ обращает внимание на важность выявления и пресечения допуска несовершеннолетних к работе без оформления трудовых отношений, несоблюдения запрета на привлечение их к определенным работам, невыплаты им заработной платы, добиваясь незамедлительного устранения нарушений и привлечения виновных лиц к ответственности. Перечень юридических фактов, подлежащих выявлению, на наш взгляд, не должен быть исчерпывающим, поскольку в процессе надзора могут выявляться и иные нарушения требований ТК РФ. К примеру, несоблюдение условий о возрасте при приеме на работу (о получении согласия родителя, органов опеки и попечительства и др.), о возложении полной материальной ответственности, о нарушении процедуры расторжения трудового договора с несовершеннолетним по инициативе нанимателя и прочее.

Большинство российских граждан – либо работники, либо будут приобретать этот статус. Но трудовые права и возможности их защиты знают не все. Поэтому прокурорская функция по правовому просвещению населения призвана способствовать преодолению правового нигилизма. Кроме того, она способствует действенному осуществлению надзорной деятельности прокуратуры, то есть граждан, которому стали известны свои трудовые права, безусловно, воспользуется правом на их защиту.

Поскольку мы говорим о способах повышения эффективности осуществления прав и исполнения обязанностей участников трудовых отношений средствами прокурорского надзора, то ограничиваться правами работника не следует. Такая идея основана на целях и задачах трудового законодательства, которые сводятся к поддержанию баланса интересов работников и работодателей, что проявляется, в т.ч., в корреспондировании их прав и обязанностей, зак-

репленных в статьях 21 и 22 ТК РФ.

Нельзя также забывать о таком явлении, проникшем в современную действительность, как «злоупотреблении правом». Данная категория применяется, чаще всего, к работникам. Кроме того, существует значительное количество норм трудового права, которые защищают интересы (организационные, имущественные) именно работодателей. Например, положения о дисциплине труда, о материальной ответственности работника. Следовательно, трудовые права нанимателей, как и работников, должны быть надлежащим образом защищены.

Это позволяет нам сделать вывод о том, что в ТК РФ должны содержаться конкретные механизмы защиты прав обоих участников трудового правоотношения.

Таким образом, необходимо реформирование системы прокурорского реагирования в трудовом праве, которая должна быть направлена на всех, в том числе потенциальных, участников трудовых отношений.

Также следует изменить конституционный подход о роли и месте прокуратуры. Необходимо урегулировать в Конституции РФ статус прокуратуры как самостоятельного государственного органа, обладающего признаками подсистемы государственной власти. Закрепление правового статуса прокуратуры в отдельной главе будет указывать на то, что ведомство – особый, отличающийся от всех по правовому статусу, орган государства.

Деятельность прокурора в рассматриваемой сфере общественных отношений достаточно обширная. Развитие надзора нам видится, в том числе, в учете положительного исторического опыта российского государства, например, создании трудовой прокуратуры, как это было в советский период российской государственности, в функционировании прокурора по трудовым делам при Верховном Суде РФ<sup>7</sup>. Такое развитие деятельности прокуратуры будет способствовать более эффективному восстановлению правопорядка в сфере труда.

#### Библиографический список

1. Березовская С.Г. Сущность и основные характеристики правовых отношений в сфере прокурорского надзора // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – № 3(95). – С. 122-131.
2. Лескина Э.И. Участие прокурора в гражданском процессе с целью защиты трудовых прав граждан: исторический аспект // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. – 2018. – С. 265-270.
3. Смирнов А.Ф. Место и роль прокуратуры в системе государственной власти: лекция. – М. – 1995. – 32 с.
4. Тишков Д.С. К вопросу о возможных направлениях повышения эффективности прокурорского надзора // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2017. – № 1 (70). – С. 148-150.
5. Фирсова О.А. Некоторые вопросы защиты прокуратуры конституционного права граждан на труд // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2013. – №5(37). – С.55-58.
6. Шевцов М.Н. Обеспечение ядерной и радиационной безопасности средствами прокурорского надзора // Законодательство и экономика. – 2006. – № 9. – С. 65-69.

Рецензент: Ефимцева Т.В., заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н.

<sup>7</sup> Лескина Э.И. Участие прокурора в гражданском процессе с целью защиты трудовых прав граждан: исторический аспект // В сборнике: Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. 2018. С. 268.

## **МОТЫЖЕНКОВ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ**

преподаватель отделения непрерывного и дополнительного образования  
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),  
460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, oSDMotyzhnikov@msal.ru

### **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ ДЛЯ ВЫПЛАТЫ РАБОТНИКУ, УВОЛЕННОМУ В СВЯЗИ С ЛИКВИДАЦИЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЛИБО СОКРАЩЕНИЕМ ЧИСЛЕННОСТИ ИЛИ ШТАТА РАБОТНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДНЕГО МЕСЯЧНОГО ЗАРАБОТКА ЗА ТРЕТИЙ МЕСЯЦ СО ДНЯ УВОЛЬНЕНИЯ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ**

## **MOTYZHENKOV SERGEY DMITRIEVICH**

lecturer at the Department of Continuing and Additional Education of the Orenburg  
Institute (branch) of the Kutafin University (MGUA) 460000, Orenburg, Komsomolskaya  
str., 50, sss7892022@mail.ru

### **EXCEPTIONAL CASES FOR PAYING AN EMPLOYEE DISMISSED IN CONNECTION WITH THE LIQUIDATION OF AN ORGANIZATION OR A REDUCTION IN THE NUMBER OR STAFF OF EMPLOYEES OF THE ORGANIZATION THE AVERAGE MONTHLY SALARY FOR THE THIRD MONTH FROM THE DATE OF DISMISSAL: ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE**

**Аннотация.** При увольнении в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации увольняемому работнику полагаются выплаты среднего месячного заработка за первый и второй месяцы со дня увольнения, а в исключительных случаях – за третий месяц со дня увольнения. В научной статье автор исследует, какие именно случаи являются исключительными, формулирует предложения по усовершенствованию законодательства.

**Ключевые слова:** исключительный случай, средний месячный заработок, выходное пособие.

**Annotation.** In case of dismissal due to the liquidation of an organization or a reduction in the number or staff of employees of the organization, the dismissed employee is entitled to payments of average monthly earnings for the first and second months from the date of dismissal, and in exceptional cases – for the third month from the date of dismissal. In the scientific article, the author examines which cases are exceptional and formulates proposals for improving legislation.

**Keywords:** exceptional case, average monthly earnings, severance pay.

В настоящее время ч. 1 и ч. 2 ст. 178 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) содержат безусловные основания для выплаты работнику, увольняемому в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации среднего месячного заработка за первый и второй месяцы со дня увольнения.

Нормой ч. 3 ст. 178 ТК РФ установлено, что в исключительных случаях по решению органа службы занятости населения работодатель обязан выплатить работнику, уволенному в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, средний месячный заработок за третий месяц со дня увольнения или его часть пропорционально периоду трудоустройства,

приходящемуся на этот месяц, при условии, что в течение четырнадцати рабочих дней со дня увольнения работник обратился в этот орган и не был трудоустроен в течение двух месяцев со дня увольнения<sup>1</sup>.

Указанные положения трудового законодательства направлены на защиту прав работника, потерявшего работу по инициативе работодателя<sup>2</sup>.

Однако из анализа ч. 3 ст. 178 ТК РФ возникает дискуссионный вопрос: какие именно случаи являются исключительными?

Действующее трудовое законодательство Российской Федерации не раскрывает понятия «исключительные случаи».

В Письме Роструда от 28.12.2005 № 2191-6-2<sup>3</sup> изложена позиция, согласно которой любой случай

<sup>1</sup> Чиканова Л.А. Защита трудовых прав работников при банкротстве организации // Трудовое право в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 9.

<sup>2</sup> Черных Н.В. Трудовое законодательство России vs коронавирус: кто победит? // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 18.

<sup>3</sup> Письмо Роструда от 28.12.2005 № 2191-6-2 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

не трудоустройства работника через службу занятости в течение трех месяцев со дня увольнения является исключительным, позволяющим сохранить за уволенным работником средний месячный заработок в течение третьего месяца.

Однако письма органов государственной власти Роструда не являются нормативными правовыми актами.

Ошибочность указанной позиции Роструда подтверждает и судебная практика.

Согласно вынесенному Конституционным Судом Российской Федерации Определению от 29 ноября 2012 года № 2214-О<sup>4</sup> орган службы занятости населения при решении вопроса о сохранении за уволенным работником среднего месячного заработка в течение третьего месяца со дня увольнения должен не только устанавливать наличие формальных условий возникновения у такого лица права на получение соответствующей выплаты – своевременного (в двухнедельный срок после увольнения) обращения в орган службы занятости и отсутствия его трудоустройства в течение трех месяцев, но и учитывать иные имеющие значение обстоятельства.

Ввиду изложенного к юридически значимым обстоятельствам, подлежащим установлению при разрешении споров, связанных с предоставлением работнику, уволенному в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата сотрудников организации, государственной гарантии в виде сохранения среднего месячного заработка в течение третьего месяца со дня увольнения, относятся: факт обращения такого работника в месячный срок после увольнения в соответствующий орган службы занятости населения, не трудоустройство этого работника указанным органом в течение трех месяцев со дня увольнения и наличие исключительного случая, касающегося уволенного работника и связанного с его социальной незащищенностью, отсутствием у него средств к существованию, наличием у него на иждивении нетрудоспособных членов семьи и тому подобного. Указанная позиция отражена в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 27 марта 2017 года № 69-КГ16-18<sup>5</sup>.

Таким образом, анализируя положения ст. 178 ТК РФ и, принимая во внимание позицию Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, по мнению автора настоящей статьи, необходимо сделать следующие выводы.

Выходные пособия, предусмотренные в ст. 178 ТК РФ, законодателем отнесены к гарантиям и компенсациям работников, связанных с расторжением трудового договора.

При этом части первая и вторая указанной статьи предусматривает их безусловную выплату в случае

расторжения трудового договора в связи с сокращением численности или штата работников организации, выплата выходного пособия безусловный характер не носит. Здесь законодателем приведен ряд условий, при которых может быть принято решение уполномоченным органом службы занятости о сохранении за уволенным работником среднего месячного заработка в течение третьего месяца со дня увольнения.

К указанным условиям относится обязанность работника в двухнедельный срок после увольнения обратиться в орган службы занятости и отсутствие возможности у указанного органа его трудоустроить.

При этом при наличии указанных условий, должны иметь место обстоятельства, исключительность которых дает основание для сохранения за уволенным работником среднего месячного заработка за третий месяц со дня увольнения.

Отсутствие же в норме указания на конкретные исключительные обстоятельства не дает основание органу службы занятости при принятии решения о сохранении среднего месячного заработка за третий месяц ограничиваться лишь фактом соблюдения работником и самим органом службы занятости установленного законом порядка по предоставлению государственной услуги по содействию в поиске подходящей работы.

В отношении отсутствия возможности трудоустройства в качестве исключительного случая судебная практика неоднозначна.

В практике судов Оренбургской области невозможность трудоустройства не учитывается судом в качестве исключительного обстоятельства.

Например, в решении от 20.06.2017 по делу № 2-258/2017 Новоорский районный суд Оренбургской области сделал вывод, что обращение Т. в двухнедельный срок после увольнения в орган занятости населения и его последующее не трудоустройство не могут быть расценены как исключительные обстоятельства, поскольку трудовым законодательством эти обстоятельства предусмотрены в качестве обязательных условий, соблюдение которых необходимо для сохранения за работником среднего заработка в течение третьего месяца со дня увольнения, а также из отсутствия, с учётом имущественного и семейного положения, сведений о состоянии здоровья работника и членов её семьи, каких-либо исключительных обстоятельств, которые позволяли бы сохранить такой средний заработок на третий месяц<sup>6</sup>.

Однако суды Самарской области занимают иную позицию по данному вопросу. В решении от 16.01.2023 по делу № 2а-300/2023 Самарским районным судом г. Самара сделан вывод, что любой случай не трудоустройства работника через службу занятости в те-

<sup>4</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 29.11.2012 N 2214-О «По жалобе государственного научного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства имени профессора Б.М. Житкова Российской академии сельскохозяйственных наук» на нарушение конституционных прав и свобод положением части второй статьи 178 Трудового кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.03.2017 N 69-КГ16-18 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

<sup>6</sup> Официальный сайт Новоорского районного суда Оренбургской области [https://novoorsky-orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=17474883&delo\\_id=1540005&new=0&text\\_number=1](https://novoorsky-orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17474883&delo_id=1540005&new=0&text_number=1).

чение трех месяцев со дня увольнения является исключительным, позволяющим сохранить за уволенным работником средний месячный заработок в течение третьего месяца, мотивированный тем, что частью 3 статьи 37 Конституции Российской Федерации установлено важнейшее конституционное право каждого на защиту от безработицы вне зависимости от возраста, так как безработица лишает человека возможности реализовать свое право на труд и обеспечить тем самым себе и своей семье достойное существование. Данная норма закреплена и в Конвенции Международной Организации Труда № 122 «О политике в области занятости» (1964 год), и в Конвенции МОТ № 168 «О содействии занятости и защите от безработицы» (1988 год). Вышеуказанные Конвенции рассматривают защиту от безработицы как содействие полной, продуктивной и свободно избранной занятости как первоочередную задачу и неотъемлемую часть экономической и социальной политики государства, конечной целью которой является обеспечение того, чтобы: имела работа для всех, кто готов приступить к ней и ищет её<sup>7</sup>.

Указанная позиция Самарского районного суда г. Самара представляется спорной, так как она противоречит выводам Конституционного Суда РФ, содержащимся в Определении от 29.12.2012 №2214-О.

Одним из исключительных обстоятельств судебная практика признает наличие на иждивении нетрудоспособных членов семьи.

Например, Новоорский районный суд Оренбургской области в решении от 14.06.2017 по делу № 2-401/2017 посчитал возможным отнести к исключительным обстоятельствам наличие у И. на иждивении ребенка. Судом установлено, что сын обучается в колледже и вынужден ездить каждый день на учебу в другой населенный пункт и обратно, необходимы деньги на оплату проезда, питание<sup>8</sup>.

Однако в решении от 20.06.2017 указанный суд не признал наличие на иждивении детей в качестве исключительного случая, не смотря на наличие у Ю. и его супруги под опекой двух несовершеннолетних детей, так как совокупный доход семьи, состоящий из пенсии и пособия на детей, превышает прожиточный минимум как для пенсионеров, так и для детей<sup>9</sup>.

Отсутствие средств к существованию, тяжелое материальное положение также относятся к исключительным случаям, что подтверждается следующим

примером.

В решении от 20.06.2017 г. по делу № 2-279/2017 Новоорский районный суд Оренбургской области суд установил, что совокупный доход семьи в количестве 5 человек, состоящий из заработной платы супруги А., его пособия по безработице и детских пособий на детей, значительно ниже установленного прожиточного минимума и пришел к выводу, что приведенные обстоятельства могут быть расценены в качестве исключительных<sup>10</sup>.

Важным обстоятельством, которое суды признают в качестве исключительного, является тяжелая болезнь, требующая дорогостоящего лечения.

При рассмотрении дела № 2-264/2017 (Решение Новоорского районного суда Оренбургской области от 16.06.2017) представитель ответчика пояснил, что Б. не был трудоустроен, поскольку он является инвалидом, на обучение он не направлялся также из-за инвалидности. Кроме того, Б. нуждается в постороннем бытовом уходе, санаторно-курортном лечении, ему необходим большой объем лекарственных препаратов. Суд расценил приведенные обстоятельства в качестве исключительных<sup>11</sup>.

Но в решении от 20.06.2017 № 2-271/2017 Новоорский районный суд Оренбургской области не согласился с доводом Г. о предстоящей бесплатной операции и последующем платном лечении, так как не представлено доказательств, подтверждающих факт наличия тяжелого заболевания, а также материалами дела подтверждается, что Г. как и его супруга, является пенсионером и ежемесячно получает пенсию, следовательно, является социально защищенным. Кроме того, совокупный доход Г. в период выплаты ему среднего заработка превышал величину прожиточного минимума как пенсионеров, так и трудоспособного населения Оренбургской области<sup>12</sup>.

Наличие у работника кредитных обязательств по разному расценивается в судебной практике.

Рассмотрев материалы дела № 2-262/2017, Новоорский районный суд Оренбургской области расценил задолженность И. и ее супруга перед банком по кредитному договору. в качестве исключительных обстоятельств, так как семья находилась в тяжелом материальном положении<sup>13</sup>.

В другом случае суд при рассмотрении дела 2-278/2017 посчитал, что наличие кредитных обязательств не может быть отнесено к исключительным обстоятельствам, так как Ж. получал пособие по без-

<sup>7</sup> Официальный сайт Самарского районного суда города Самары [https://samarsky-sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&name\\_op=case&\\_id=316987497&\\_uid=439fa9e0-958e-4807-becb-220533ef97a8&deloId=1540005&\\_caseType=&\\_new=0&\\_doc=1&srv\\_num=1](https://samarsky-sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=316987497&_uid=439fa9e0-958e-4807-becb-220533ef97a8&deloId=1540005&_caseType=&_new=0&_doc=1&srv_num=1).

<sup>8</sup> Официальный сайт Новоорского районного суда Оренбургской области [https://novoorsky-orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=17474924&delo\\_id=1540005&new=0&text\\_number=1](https://novoorsky-orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17474924&delo_id=1540005&new=0&text_number=1).

<sup>9</sup> Официальный сайт Новоорского районного суда Оренбургской области [https://novoorsky-orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=17474839&delo\\_id=1540005&new=0&text\\_number=1](https://novoorsky-orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17474839&delo_id=1540005&new=0&text_number=1).

<sup>10</sup> Официальный сайт Новоорского районного суда Оренбургской области [https://novoorsky-orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=17474599&delo\\_id=1540005&new=0&text\\_number=1](https://novoorsky-orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17474599&delo_id=1540005&new=0&text_number=1).

<sup>11</sup> Официальный сайт Новоорского районного суда Оренбургской области [https://novoorsky-orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=17474588&delo\\_id=1540005&new=0&text\\_number=1](https://novoorsky-orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17474588&delo_id=1540005&new=0&text_number=1).

<sup>12</sup> Официальный сайт Новоорского районного суда Оренбургской области [https://novoorsky-orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=17474891&delo\\_id=1540005&new=0&text\\_number=1](https://novoorsky-orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17474891&delo_id=1540005&new=0&text_number=1).

<sup>13</sup> Официальный сайт Новоорского районного суда Оренбургской области [https://novoorsky-orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=17474907&delo\\_id=1540005&new=0&text\\_number=1](https://novoorsky-orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17474907&delo_id=1540005&new=0&text_number=1).

работице, а размер среднемесячного заработка за первый и второй месяцы со дня увольнения превышает величину прожиточного минимума в Оренбургской области<sup>14</sup>.

Таким образом, анализ судебной практики показывает, что в связи с отсутствием в трудовом законодательстве перечня исключительных случаев для выплаты уволенному работнику среднего месячного заработка, предусмотренного ч. 3 ст. 178 ТК РФ, суды при рассмотрении данной категории споров делают противоречивые выводы.

По мнению автора настоящей статьи, для устранения данного правового пробела и формирования единообразной судебной практики необходимо дополнить ст. 178 ТК РФ примечанием, содержащим перечень исключительных случаев либо внести соответствующие дополнения в Постанов-

ление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»<sup>15</sup>.

К указанным случаям целесообразно отнести: отсутствие средств к существованию; тяжелое материальное положение; тяжелую болезнь, требующую дорогостоящего лечения; необходимость поддержания здоровья в нормальном состоянии; наличие на иждивении нетрудоспособных членов семьи, иные обстоятельства. Анализ судебной практики показывает, что при оценке того или иного случая в качестве исключительного судам следует обращать внимание на доходы супруга, супруги и проживающих совместно лиц, размер пенсии бывшего работника, так как их размер указывает на наличие или отсутствие социальной защищенности.

#### Библиографический список

1. Черных Н.В. Трудовое законодательство России vs коронавирус: кто победит? // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 5. – С. 16-26.
2. Чиканова Л.А. Защита трудовых прав работников при банкротстве организации // Трудовое право в России и за рубежом. – 2024. – № 3. – С. 8-16.

Рецензент: Чичкин А.В., заведующий кафедрой юриспруденции ФГБОУ ВО «Оренбургского ГАУ» к.ю.н., доцент

<sup>14</sup> Официальный сайт Новоорского районного суда Оренбургской области [https://novoorsky-orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=17474872&delo\\_id=1540005&new=0&text\\_number=1](https://novoorsky-orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17474872&delo_id=1540005&new=0&text_number=1).

<sup>15</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

---

## Раздел пятый

# ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

**ИЛЬЮТЮК СВЕТЛАНА ВЯЧЕСЛАВОВНА**

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, тел.: 8 (3532) 31-25-43, [kafedra\\_english@mail.ru](mailto:kafedra_english@mail.ru)

## ДВИЖЕНИЕ ЗА ПРОСТОЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

**ILYUTYUK SVETLANA VYACHESLAVOVNA**

candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Foreign Languages Department of Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL), 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, [kafedra\\_english@mail.ru](mailto:kafedra_english@mail.ru)

## PLAIN ENGLISH MOVEMENT

**Аннотация:** Статья посвящена причинам возникновения и развитию движения за простой английский язык. Автор прослеживает основные исторические этапы формирования движения за простой английский. Юридический английский язык вызывает проблемы как у изучающих английский язык, так и у носителей английского языка. В тексте указаны существующие трудности в освоении и применении сложного профессионального языка англоговорящих юристов. В статье рассмотрены предложения сторонников движения по упрощению английского языка права.

**Ключевые слова:** юридический английский язык, простой английский язык, движение за простой английский, базовый английский, кампания за простой английский.

**Review:** The article is devoted to the origin and the reasons of developing Plain English movement. The author considers some historical stages of forming Plain English movement. The problem with legalese arises for both people studying English and native speakers. The text deals with difficulties of mastering and using a sophisticated professional language of English speaking lawyers. The article reviews suggestions of Plain English movement supporters to make legal English easier for understanding.

**Key words:** legalese, legal English, Plain English, Plain English movement, Basic English, Plain English Campaign.

Простой английский, или термины для непрофессионалов, представляют собой группы слов, которые легко воспринимаются и понимаются. Обычно он избегает редких слов и необычных эвфемизмов, чтобы объяснить тему. Формулировки на простом английском предназначены для широкой аудитории и обеспечивают хорошее понимание, что помогает читателям лучше усвоить материал.

Основная идея движения за простой английский заключается в том, что юридические документы должны быть более доступными для обычных людей. Этот термин восходит к идиоме 16 века «*in plain English*», что означает «простым и понятным языком». Также используется выражение «*layman's terms*», что указывает на простоту формулировок и терминологии, доступной для непрофессионалов.

Когда кто-то впервые начинает читать юридическую литературу на английском, он сталкивается с так называемым «*legalese*» – термином, обозначающим

специфический юридический язык, насыщенный латинскими выражениями, длинными предложениями и специализированной терминологией.

История *legalese* уходит корнями в эпоху до нормандского завоевания Англии, когда англосаксонские племена начали использовать специальные слова для обозначения юридических понятий. Например, такие слова, как *witness* (свидетель), *deem* (признавать) и *oath* (клятва), вошли в обиход и продолжают использоваться и сегодня.

В 597 году группа миссионеров прибыла в Англию, где активно способствовала развитию письменного права и внедрению латинских выражений. Это событие стало одним из первых значимых шагов к формированию *legalese*. К сожалению, до наших дней сохранилось мало источников, которые могли бы подробнее осветить этот процесс.

Нормандское завоевание Англии стало отправной точкой для распространения французского языка как

языка права и юриспруденции. Проблема возникла, когда Вильгельм, герцог Нормандский, победил англосаксонского короля Гарольда в битве при Гастингсе в 1066 году и стал королем Англии. Известно, что Вильгельм и его последователи говорили по-французски, а их юридические документы в основном составлялись на латыни и французском языке. Английский язык оставался языком покоренного народа, хотя подавляющее большинство населения говорило именно на нем.

Сохранение французских выражений в *legalese* также объясняется тем, что многие английские юристы не были уверены, есть ли точные аналоги французских юридических терминов в английском языке. На протяжении многих веков система Общего права способствовала консервативному стилю законодательства.

Первой значительной борьбой в Англии стало стремление получить юридические тексты не на французском или латыни, а на английском языке, на котором говорило большинство людей. Это привело к появлению закона, который можно считать первым правовым документом о простом английском: «Устав о признании», принятый в 1362 году. Закон, написанный на французском языке, утверждал, что французский язык использовался в юриспруденции, однако требовал, чтобы все обращения, просьбы и иски обсуждались в судах на английском языке. В 1422 году на трон взошел новый король Генрих VI, чей родной язык был английским. Тем не менее, французский язык продолжал широко использоваться юристами.

Одним из самых строгих критиков юридического языка был Джереми Бентам, который назвал его литературным мусором. Он выступал за кодификацию, при которой закон должен быть систематически разделен на коды по различным темам. Каждая часть кода должна быть небольшой и четко изложенной, чтобы граждане могли понимать суть. Бентам утверждал, что язык необходим для эффективного управления, и что юридическая терминология должна быть улучшена, иначе цели правительства не будут достигнуты.

В то же время новые независимые американские государства также стремились к созданию эффективного правительства. Некоторые из «отцов-основателей» осознавали проблемы, связанные с юридическим языком. Джон Адамс критиковал английский юридический язык и «бесполезные слова» в колониальных уставах, надеясь, что «здоровый смысл в общем языке» возобладает. Аналогично, Томас Джефферсон осуждал традиционный стиль уставов, отмечая, что их многословие и бесконечные тавтологии делают их сложными и непонятными не только для простых граждан, но и для юристов. В 1817 году Джефферсон советовал, что юристы, создавая законы, превращают каждое второе слово в «*said*» и

«*aforsaid*» («сказанное» и «вышеупомянутое»), повторяя одно и то же несколько раз, что делает их тексты трудными для понимания<sup>1</sup>.

К сожалению, революционный энтузиазм ранних американцев не привел к изменениям и упрощению юридического языка.

К началу XVII века средний английский юрист должен был владеть тремя языками: латинским, французским и английским. В то время клерки, активно использовавшие юридический английский, получали оплату в зависимости от количества написанных страниц. Неудивительно, что они стремились написать как можно больше, даже если люди, для которых составлялись эти документы, не понимали их содержания. С тех пор *legalese* стало отличаться большим количеством заимствованных слов, длинными предложениями и сложными оборотами.

Движение за простой английский язык началось в конце XIX века, когда люди начали осознавать, что сложности языка могут создавать барьеры для общения и понимания. Одним из первых сторонников этого движения был Чарльз Кэй, который в конце XIX века разработал систему простого английского, известную как «*Basic English*».

Чарльз Кэй выступал за использование простого и понятного английского языка, считая, что сложные и запутанные фразы затрудняют понимание и могут вводить людей в заблуждение. Он призывал использовать простые слова и конструкции для легкой и ясной передачи информации. Его подход вдохновил многих писателей и лингвистов, и его идеи остаются актуальными для общения и понимания.

В XX веке движение за простой английский язык стало более распространенным благодаря работе Лоренса Язловского, который создал метод «*Plain English*» для улучшения ясности и доступности официальных документов.

В 1946 году Джордж Оруэлл в своем эссе «*Politics and the English Language*»<sup>2</sup> раскритиковал современный письменный английский, назвав его уродливым и неточным. Он предложил рекомендации по деловой переписке, чтобы избежать усложнения языка. В частности, он советовал не использовать метафоры и сравнения, избегать длинных слов, когда можно использовать короткие, и не применять страдательный залог, если возможно использовать действительный. Он также рекомендовал избегать иностранных фраз и жаргонных слов, если есть обыденные английские эквиваленты.

Эссе получило широкий резонанс, так как намеренное усложнение письменного английского в 30-40-е годы было распространенной практикой, особенно в сфере государственного управления, где даже политики с трудом понимали официальные документы.

В результате этого эссе канцелярия Ее Величества поручила разработать специальное руководство для

<sup>1</sup> Baker J.H. An introduction to English Legal History. 5th Edition. Oxford: Oxford University Press, 2019. 673 p.

<sup>2</sup> Orwell G. Politics and the English Language. – London: Seeker and Warburg. 1950. URL: [https://www.orwell.ru/library/essays/politics/english/e\\_polit](https://www.orwell.ru/library/essays/politics/english/e_polit) (дата обращения: 1.06.2025).

чиновников, чтобы решить проблему излишне сложных официальных писем. Этим занялся Эрнест Гауэрс, который уже был известен своими исследованиями бюрократического английского языка – в 1929 году была опубликована его работа «*Mainly About the King's English*» («В основном о королевском английском»).

В 1948 году Казначейство Его Величества (министерство финансов) обратилось к сэру Эрнесту Гауэрсу с просьбой создать руководство для чиновников, чтобы предотвратить использование напыщенного и чрезмерно сложного языка. Гауэрс писал: «Письмо – это инструмент для передачи идей от одного ума к другому; задача писателя заключается в том, чтобы сделать смысл понятным и доступным для читателя».

Гауэрс написал ряд важных работ по этой теме, включая «*Plain Words, a guide to the use of English*» (1948), «*The ABC of Plain Words*» (1951) и «*The Complete Plain Words*» (1954). Он утверждал, что юридический английский представляет собой особый случай, а составление юридических документов – это наука, а не искусство; это ближе к математике, чем к литературе, и требует длительного обучения под руководством наставника. Он считал, что это разумно доверить специализированному юридическому отделу. Основная задача обычного чиновника – научиться понимать этот язык, выступать в роли его толкователя для простых людей и быть осторожным, чтобы его собственный стиль письма не был испорчен.<sup>3</sup>

Уинстон Черчилль активно поддерживал идею упрощения английского языка. Хотя у него был обширный словарный запас, превышающий 45 000 слов, он считал упрощенный английский отличным способом для глобального распространения языка. В разных странах были открыты школы *Basic English*, но после ухода Черчилля с поста премьер-министра финансирование этих школ сначала сократилось, а затем полностью прекратилось, что привело к отсутствию реальных результатов проекта.

Термин «*Plain English*» начал активно использоваться во второй половине 20 века, когда в США возникло «Движение за простой язык» (*Plain Language Movement, PLM*). Основная цель этого движения заключалась в том, чтобы использовать максимально простой язык при написании официальных документов, учитывая сложность конкретного текста. Предпосылки к упрощению английского языка появились задолго до начала движения, в рамках стилистических исследований. В 1935 году Е.В. Уайт и У. Странк в своей книге «*The Elements of Style*»<sup>4</sup> предложили ряд рекомендаций для повышения ясности и эффективности изложения, которые стали основой для последователей «Движения за простой язык». К таким рекомендациям относятся: избегать излишнего объема текста, не преувеличивать, использовать традиционное написание, быть точными, не применять не-

нужные сокращения, если это ухудшает ясность, и избегать иностранных слов.

Современное движение за простой английский возникло в 70-х годах прошлого века, и его основательницей стала англичанка Крисси Мэйер. Она научилась читать и писать только в 16 лет, после окончания второй мировой войны. Крисси вспоминает: «Мне было очень трудно разобраться в канцелярском языке множества бланков, которые нужно было заполнять для получения социального пособия, и я решила с этим бороться».

В костюме монстра, символизирующего официальный язык, она вышла на площадь парламента Великобритании и в течение нескольких часов публично разрывала бланки и формуляры, написанные «канцелярским» языком. После этой акции Крисси официально зарегистрировала компанию «За простой английский» (*Plain English Campaign*)<sup>5</sup>.

Через год она учредила сертификат «Чистый кристалл», который стал символом понятности текста. Со временем «чистый кристалл» превратился в своеобразный знак качества. Например, его можно увидеть на многих банковских документах в Великобритании, что говорит клиентам о том, что их контракты или счета не будут содержать сложных и непонятных выражений. Бывают случаи, когда клиенты, не увидев на форме «чистого кристалла», разочаровываются и уходят.

За свою работу Крисси была удостоена звания заслуженного магистра искусств Манчестерского университета.

С 1979 года кампания «Простой английский» борется «против избыточной болтовни, жаргона и вводящей в заблуждение информации». Она оказала помощь правительственным учреждениям и организациям в подготовке их документов, отчетов и публикаций, утверждая, что каждый должен иметь доступ к ясной и краткой информации. Правила 1999 года «Несправедливые условия в договорах с потребителями» (*Unfair Terms in Consumer Contract*)<sup>6</sup> требуют использования «простого и понятного» языка.

Участники движения выступают против сложных слов и выражений в законах, инструкциях, декларациях, бланках и полисах – документах, с которыми сталкиваются обычные граждане. Главная цель движения за Простой английский заключается в модернизации юридического языка, особенно в нормативных текстах, таких как законы и контракты. Это подразумевает необходимость избавиться от устаревших, витиеватых и непонятных для неспециалистов элементов юридического английского.

Предложения по упрощению языка юридических документов включают: удаление архаичных и латинских выражений, избавление от ненужных слов, обеспечение понятности текста для человека со средним уровнем развития, размещение придаточных предложений в начале текста, уменьшение числа пассив-

<sup>3</sup> Gowers E. *The Complete Plain Words*. H.M. Stationery Office, 1954. 209 p

<sup>4</sup> Strunk W., White E.B. *The Elements of Style*. 4th Edition. Pearson, 1999. 128 p

<sup>5</sup> Plain English Campaign. URL: <https://www.plainenglish.co.uk/about-us/history/timeline> (дата обращения: 1.06.2025).

<sup>6</sup> The International Plain Language Federation. URL: <https://www.iplfederation.org/> (дата обращения: 02.06.2025).

ных конструкций, сокращение номинализаций, замену глагола «*shall*» на модальный глагол «*must*» или полумодальную конструкцию «*is/are to*» или настоящее время (*present simple*), а также обеспечение нейтральности текста с точки зрения пола.

В 1983 году британский адвокат Джон Уолтон основал компанию Clarity<sup>7</sup>, выступая против устаревшего и чрезмерно сложного юридического письма. Он решил предпринять действия и написал письмо в газету UK Law Society Gazette, призывая солиситоров и барристеров присоединиться к его усилиям по упрощению и доступности юридического языка. В ответ откликнулись двадцать восемь человек, что привело к созданию организации «Clarity».

Лорд Деннинг, один из самых известных судей по общему праву 20 века, поддержал этот проект. Он, известный своими ясными и выразительными решениями, отметил, что цели Clarity ему близки.

Сегодня организация «Clarity» является крупнейшей в своем роде, насчитывающей более 650 членов в 50 странах. На сегодняшний день самые запутанные документы в Великобритании исходят от налоговых органов, финансовых учреждений, юристов и медицинских работников. Британские налоговики признают, что налоговые декларации сложно понять, и 10 процентов британцев не могут заполнить декларацию по подоходному налогу из-за непонятных формулировок.

Сторонники движения за простой английский уверены, что официальные документы можно изложить доступным языком, избегая канцеляризма и специализированной терминологии, не теряя при этом смыслового и правового содержания. Использование «простого языка» смещает акцент с автора документа на его читателя. Концепция простого языка имеет преимущественно прикладной характер и предполагает, что применение простого английского поможет преодолеть коммуникационный барьер, с которым читатель может столкнуться при чтении официальных текстов.

Движение за простой английский язык также охватило другие англоговорящие страны. В США в 1960-х годах правительственные учреждения начали осознавать необходимость упрощения языка в официальных документах. Начало движения за простой английский в американском праве связывают с Дэвидом Меллинкоффом, профессором юридической школы Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, который в 1963 году выпустил книгу «Язык закона»<sup>8</sup>.

В 1970-х годах появляются первые публикации, подчеркивающие важность упрощения языка для широкой аудитории. Книги и статьи, посвященные этой теме, начинают привлекать внимание к проблеме сложного языка и его влияния на понимание официальных документов. В 1976 году был принят Закон о сокращении бумажной работы, а в 1978 году прези-

дент Картер издал указы, направленные на упрощение правительственных постановлений. В том же году в некоторых штатах был принят Закон о ясности языка, требующий использования простого языка в государственных документах.

В 1998 году была создана «Коалиция за простой английский» (*Plain Language Coalition*), объединившая специалистов, занимающихся упрощением языка. Ключевым документом, касающимся концепции простого английского, стал Закон о простом письме 2010 года (*Plain Writing Act of 2010*)<sup>9</sup>. Этот закон выделяет четыре категории документов, для которых необходимо использовать простой язык:

- документы для получения государственных льгот и услуг;
- налоговые документы;
- документы с информацией о федеральных льготах или услугах;
- документы, разъясняющие гражданам требования федеральных властей.

Все эти категории документов имеют большое значение для жизни граждан, и использование «простого языка» в их составлении помогает преодолеть коммуникационные барьеры.

Согласно Закону, документ считается написанным простым языком, если он соответствует следующим критериям:

- язык документа ясен и краток;
- документ имеет четкую структуру;
- язык соответствует теме или области, для которой он предназначен

Закон требует от организаций выделения необходимых ресурсов для контроля соответствия документации его требованиям. Государственные учреждения обязаны обучать сотрудников навыкам грамотного письма, соответствующим требованиям Закона, а также предоставлять доступ к ресурсам и справочникам по простому письму. Кроме того, официальный сайт учреждения должен содержать раздел, посвященный коммуникации на простом языке. В результате выполнения этих требований граждане смогут быстро и доступно получать информацию по интересующим их вопросам.

Схожая ситуация наблюдается и в других странах. В Австралии и Новой Зеландии уже в конце 80-х годов Консультативные Службы при Парламенте впервые предложили изменить стиль законодательных текстов. Канада и Южная Африка в постпарламентский период также внедрили некоторые изменения в составление английских версий своих законодательств, хотя и не все.

К 2004 году Австралия и Новая Зеландия обновили свои системы написания законов. На вебсайтах Консультативной Службы при Парламенте и Правительстве Австралии (2011) и Новозеландской Консультативной Службы при Парламенте (2009) открыто поддерживалось внедрение принципов Простого

<sup>7</sup> Clarity. URL: <https://www.clarity-international.org/> ( дата обращения: 2.06.2025).

<sup>8</sup> Mellinkoff D. *The Language of the Law*. Oregon: Resource Publications, 2004. 540 p.

<sup>9</sup> Plain Writing Act of 2010 Compliance Report. URL: <https://www.ed.gov/sites/ed/files/documents/plain-writing/2020-report.docx> (дата обращения: 1.06.2025).

английского, или «ясных законопроектов», как это называлось в Новой Зеландии. Южная Африка даже решила в 1996 году написать свою Конституцию, вступившую в силу годом позже, согласно принципам Простого английского.

В 2000-х годах движение за простой английский вышло на международный уровень. Кампании активизировались в Европе и Азии, где организации начали внедрять принципы простого языка в различные сферы, включая образование и правительство. Появились новые ресурсы и инструменты для обучения простому английскому, что способствовало его распространению и популяризации среди широкой аудитории.

В настоящее время в европейской лингвистике концепция простого языка приобрела статус отдельной дисциплины (*plain language studies*), которую можно рассматривать как одно из прикладных направлений языкознания. Ее цель заключается в разработке конкретных механизмов (языковых техник и приемов) для практической оптимизации официальных текстов, чтобы обеспечить их более легкое понимание. Также рассматривается возможность создания профессиональных стандартов и критериев аккредитации для специалистов, занимающихся разработкой «простого языка». Важно отметить, что простой язык изучается и применяется не только в области юриспруденции, но и в медицине, правительственных документах, а также в технических и финансовых текстах<sup>10</sup>.

Переход к понятному юридическому языку трансформирует профессию юриста. В настоящее время большинство юридических школ включают обучение простому языку в свои курсы по юридическому письму. Некоторые судебные постановления были изменены для упрощения их использования адвокатами и судьями. Ответственные экспертные комитеты переписывают подробные инструкции для присяжных, чтобы сделать юридические документы более понятными для тех, кто должен их применять.

Тем не менее, почему простой английский не заменил *legalese*? Несмотря на все его недостатки, многие юристы выступают за сохранение этого языка. Английские юристы признают, что полностью отказаться от его использования в юридической теории и практике невозможно.

В защиту традиционного юридического стиля приводятся следующие аргументы:

Выработанная веками терминология практически полностью исключает возможность неправильного толкования документов. *Legalese* – более точный и менее двусмысленный, чем общепринятый английский.

Другим аргументом в пользу *legalese* является то, что необходимо предусмотреть все возможные ситуации в данном случае важнее сжатости формулировок и краткости изложения. Использование громоздких юридических конструкций обусловливается

необходимостью точно определять юридические явления.

Более того, до сих пор существует огромное количество документов и прецедентов, которые были составлены в стиле *legalese* и которые до сих пор являются источником английского права.

Скорее всего, изменения следует начинать с университетов, когда молодые юристы только осваивают юридические термины. На этом этапе первыми препятствиями становятся сами юридические школы, которые часто не желают вносить изменения, ссылаясь на традиции и трудности объяснения сложных юридических конструкций простым языком. После завершения высшего юридического образования многие выпускники, не уверенные в своих силах, опасаются заменять традиционные, устоявшиеся формулировки на более простые и понятные для своих клиентов. Кроме того, высокая конкуренция на рынке юридических услуг не оставляет юристам времени на переработку существующих шаблонов договоров и постановлений.

Это значит, что при обучении будущих юристов английскому языку следует уделять значительное внимание особенностям языка права.

Обучение будущих юристов юридическому английскому языку имеет несколько важных причин:

Глобализация права: Юридическая практика все больше становится международной, и знание юридического английского позволяет юристам работать с международными клиентами и документами.

Чтение и понимание документов: Многие юридические документы, такие как контракты, соглашения и судебные решения, часто пишутся на английском языке. Умение их читать и интерпретировать критически важно.

Коммуникация с коллегами: Юристы часто взаимодействуют с коллегами из других стран, и знание юридического английского облегчает это взаимодействие.

Участие в международных конференциях: Знание юридического английского позволяет юристам участвовать в международных конференциях и семинарах, что способствует обмену опытом и знаниями.

Доступ к ресурсам: Большинство юридических исследований, статей и учебных материалов доступны на английском языке, что расширяет возможности для обучения и профессионального роста.

Карьера и конкурентоспособность: Знание юридического английского является важным преимуществом на рынке труда, так как многие работодатели ищут специалистов с международной квалификацией.

Правовая культура: Понимание юридического английского помогает юристам лучше осознавать правовую культуру и систему других стран, что может быть полезно в их практике.

Эти причины подчеркивают важность обучения юридическому английскому будущих юристов.

<sup>10</sup> Adler M. The Plain Language Movement Get access Arrow / The Oxford Handbook of Language and Law. 2012. URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199572120.013.0006> Pages 67-83 (дата обращения: 2.06.2025).

---

Важно обучать и простому английскому языку. Простая английская речь поможет им эффективно общаться с клиентами и широкой аудиторией, в то время как знание *legalese* необходимо для понимания и составления юридических документов. Оптимальный подход — это сочетание обоих навыков, чтобы юристы могли работать в разных контекстах.

#### Библиографический список

1. Лебедев А.В., Абрашкина К.С. Специфика англоязычных правовых документов и проблема их переводимости на русский язык // Филологические науки. – Вопросы теории и практики. – 2019. – № 3.
2. Костоварова В.В. Простой английский в юридической коммуникации: история становления и особенности // Сервис plus. – 2023. – Т. 17. – № 2. – С.48-57.
3. Осокина С.А., Афанасьева О.А. История разработки и степень сформированности концепции «простого языка» в англоязычной юрислингвистике // Юрислингвистика. – 2023. – № 29 (40).
4. Осокина С. А. Концепция «легкого языка» и перспективы ее развития в лингвистике // Филология и человек. – 2022. – № 2. – С. 115-133.
5. Adler M. The Plain Language Movement Get access Arrow / The Oxford Handbook of Language and Law. – 2012. – P. 67-83. URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199572120.013.0006>.
6. Baker J.H. An introduction to English Legal History. 5th Edition. – Oxford: Oxford University Press, – 2019. – 673 p.
7. Clarity. URL: <https://www.clarity-international.org/>.
8. Gowers E. The Complete Plain Words. H.M. Stationery Office, 1954. – 209 p.
9. Mellinkoff D. Legal Writing: Sense and Nonsense. New York: Scribner, 1982. – 242 p.
10. Mellinkoff D. The Language of the Law. Oregon: Resource Publications, 2004. – 540 p.

Рецензент: Насретдинова Р.Р., доцент кафедры иностранных языков Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.п.н.

---

## **НУЖДИНА-ФЕНДЕЛЬ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА**

старший преподаватель кафедры общегуманитарных, социально-экономических, математических и естественнонаучных дисциплин  
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),  
460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, EVNuzhdina-Fendel@msal.ru

### **АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

#### **NUZHDINA-FENDEL ELENA VLADIMIROVNA**

Senior lecturer of the Department of humanities, social-economic, mathematical and natural sciences Orenburg Institute (Branch) of University named after O.E. Kutafin, 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, EVNuzhdina-Fendel@msal.ru

### **ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF PROFESSIONAL PEDAGOGICAL ACTIVITY**

**Аннотация:** Статья посвящена анализу образовательной деятельности с точки зрения правового аспекта. Основным направлением модернизации российского образования является создание нормативно-правовой базы для обеспечения широкого развития тех сфер общественных отношений, которые подлежат юридическому воздействию посредством соответствующих их форм и способов.

**Ключевые слова:** Нормативно-правовое обеспечение, образовательная деятельность, регулирование.

**Annotation:** The article is devoted to the analysis of educational activities from the point of view of the legal aspect. The main direction of modernization of Russian education is the creation of a regulatory framework to ensure the broad development of those areas of public relations that are subject to legal influence through their appropriate forms and methods.

**Keywords:** Regulatory support, educational activities, regulation.

Нормативно-правовое регулирование считается одним из ключевых инструментов реализации государственной политики (на федеральном и региональном уровнях). Область государственной политической деятельности в РФ обычно охватывает создаваемую государственной властью систему целей и ценностей становления приоритета страны, экономики и общественной сферы.

Современное национальное образование имеет ярко выраженный переходный характер, «смягченный» реформами и сопровождаемый разработкой и внедрением новых профессиональных стандартов. Термин «профессиональный стандарт» определен в Трудовом кодексе Российской Федерации (статья 195.1) как «документ, раскрывающий содержание профессиональной деятельности (в виде трудовых функций) в рамках определенного вида экономической деятельности; содержит оцененные требования к выполняемой работником деятельности, необходимые знания и навыки». Основным смыслом профессионального стандарта заключается в установлении конкретных требований к качеству деятельности.

Разработка профессиональных стандартов – это не изобретение нашего времени, а давно сложившаяся мировая практика. Сегодня профессиональные стандарты в разных странах отличаются по своей структуре и содержанию: одни содержат должност-

ные функции и соответствующие действия для каждой конкретной профессии или области профессиональной деятельности, другие – описание компетенций, третьи ограничиваются перечнем необходимых компетенций<sup>1</sup>. Этот факт свидетельствует о различном понимании термина «компетенция» и конструкции профессионального стандарта, принятого в стране.

В России термин «профессиональный уровень» впервые был использован в 1997 году в Программе социальных реформ Российской Федерации на период 1996-2000 гг. Десять лет спустя Национальное агентство по развитию квалификаций представило Положение о профессиональном стандарте и его первую модель, что привело к созданию квалификационных справочников, в которых единицей описания служили профессии «синих воротничков» и «белых воротничков».

Следует отметить, что бизнес-сообщество изначально не проявляло интереса к разработке профессиональных стандартов. Однако с 2016 года работодатели активно привлекаются в качестве председателей и членов Государственной экзаменационной комиссии вузов, что заставляет представителей организаций пересмотреть уже устоявшееся мнение об их участии в создании профессиональных стандартов.

---

<sup>1</sup> Виноградова Н.Н. Профессиональный стандарт педагога: ожидания и реалии // Национальные приоритеты современного российского образования: проблемы и перспективы. 2018. С. 300-303.

Рассмотрим основной перечень нормативно-правовых документов, регулирующих права, свободы и ответственность в области образования:

– Конституция РФ в ст. 43 устанавливает право каждого человека на образование бесплатное, доступное и безопасное;

– «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) устанавливает тридцать восемь прав, в том числе связанных с процессом получения образования;

– Закон «Об образовании в РФ» регулирует различные виды отношений, складывающиеся в сфере образования;

– Трудовой кодекс РФ регулирует особенности труда педагогических работников и лиц, которые допускаются к педагогической деятельности;

– Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» регламентирует права ребенка при осуществлении деятельности в области образования;

– Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 26.08.2010 № 761н<sup>2</sup> определяет обучение с учетом психолого-физиологических особенностей преподаваемого предмета;

– Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (ФГОС ООО)<sup>3</sup> – нормативный документ, определяющий совокупность требований к результатам освоения основной образовательной программы, ее структуре и условиям реализации, в основе которого лежит системно-деятельностный подход;

– Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог» от 18.11.2013 № 544н<sup>4</sup> отражает уровень профессиональной подготовки учителя и его готовность к труду в сфере образования.

Основной целью профессиональной деятельности педагога профессионального обучения является:

– организовать деятельность студентов по приобретению знаний, обучению и развитию соответствующих навыков и компетенций, позволяющих им эффективно, продуктивно и рационально выполнять свою профессиональную деятельность, обеспечивая достижение нормативно определенных результатов образования;

– создание педагогических условий для профессионального и личностного развития студентов, удовлетворения потребностей в углублении и расширении профессиональных знаний, полученных не толь-

ко в образовательном процессе вуза, но и в процессе самообразования и самосовершенствования;

– современное методологическое обеспечение процесса реализации образовательных программ<sup>5</sup>.

Таким образом, анализ подходов к профессиональным стандартам выявляет различия в структуре и содержании документов, что указывает на многообразие понимания термина «компетенция». Российская система профессиональных стандартов стремится учитывать, как национальные, так и региональные особенности, что способствует адаптации образования к современным вызовам.

В рамках федерального законодательства, в частности, в законе «Об образовании в Российской Федерации», предусмотрены основные права, свободы и обязанности педагогических работников. Указанные нормы служат базой для разработки последующих нормативно-правовых актов, определяющих ключевые аспекты профессиональной компетентности педагогов. В Приказе Министерства труда России «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог» изложены трудовые действия, которые обязаны выполнять педагоги, а также перечень их знаний и умений, требования к уровню образования и подготовки. Перечисленные положения, как уже отмечалось ранее, являются основой для формирования профессиональной компетентности педагогических кадров. Документ также фиксирует трудовые функции для специалистов дошкольного и начального общего образования.

Дошкольным педагогам предписано выполнять следующие трудовые действия:

– организация и реализация образовательной деятельности для детей младшего и дошкольного возраста в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами и основными образовательными программами;

– участие в разработке основных образовательных программ образовательных организаций;

– обеспечение безопасности и создание благоприятной психологической среды в образовательной организации, включая охрану жизни и здоровья воспитанников, поддержку их эмоционального состояния;

– содействие формированию психологической готовности к школьному обучению и другие задачи.

К профессиональной деятельности педагогов начального общего образования относятся:

– проектирование образовательного процесса в рамках ФГОС начального общего образования с учетом особенностей социального развития первокласс-

<sup>2</sup> Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 26 августа 2010 г. N 761н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/199499/> (дата обращения: 07.12.2024).

<sup>3</sup> Приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 N 1897 (ред. от 22.01.2024) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». URL: <https://base.garant.ru/55170507/> (дата обращения: 07.12.2024).

<sup>4</sup> Приказ Минтруда России от 18.10.2013 N 544н (ред. от 05.08.2016)/ URL: <https://base.garant.ru/70535556/> (дата обращения: 07.12.2024).

<sup>5</sup> Мартыненко А.Н. Профессиональный стандарт педагога как инструмент повышения качества образования: современные подходы в РФ // Наука и практика регионов. 2017. № 2(7). С. 52-54.

ников в период смены игровой деятельности на учебную;

– формирование у учащихся социальной позиции в течение всего периода обучения в начальной школе;

– развитие метапредметных компетенций, универсальных учебных действий и навыков учебной деятельности, необходимых для успешного освоения программ основного общего образования и другие функции.

В профессиональном стандарте закреплены ключевые требования к педагогам дошкольного и начального общего образования, которые определяют их профессиональную компетентность. Современный педагог, будь то воспитатель или учитель, должен обладать всеми характеристиками квалифицированного специалиста, готового отвечать вызовам времени. Сложившаяся система профессиональных качеств позволяет педагогу успешно реализовываться в контексте производственных отношений, демонстрируя свою компетентность. Эффективность воспитательно-образовательной деятельности напрямую зависит от уровня профессиональной подготовки педагогов, что подтверждает необходимость строгого нормативно-правового регулирования со стороны государства.

Характеристика профессионального стандарта учителя:

1. Профессиональный стандарт учителя – это рамочный документ, в котором изложены основные требования к квалификации учителя.

2. Национальные рамки стандарта могут быть дополнены региональными требованиями, учитывающими социально-культурные, демографические и другие особенности той или иной местности.

3. Профессиональный уровень учителя может также дополняться внутренним уровнем образовательного учреждения, в зависимости от особенностей образовательных программ, предлагаемых в этом учреждении.

4. В связи с особой ролью таких предметов, как «математика» и «русский язык» в общем среднем образовании и их обязательной сдачей в форме ЕГЭ, профессиональные стандарты педагогов по этим специальностям приведены отдельно в приложениях к данному документу.

5. Профессиональный стандарт учителя отражает структуру его профессиональной деятельности<sup>6</sup>.

Хотя профессиональный стандарт расширяет границы свободы учителя, он также повышает его ответственность за результаты своей работы, устанавливая требования к квалификации учителя и предоставляя критерии для их оценки. Различается не только уровень квалификации учителей, но и условия, в которых они осуществляют свою профессиональную деятельность. Поэтому профессиональная норма учи-

теля включает в себя введение регионального и институционального компонента, учитывающего как региональные особенности (преобладание сельской местности, работа учителя в крупном городе или в одном населенном пункте, моно- или полиэтничный состав учащихся и т.д.), так и особенности образовательных программ, реализуемых в школах.

Ознакомившись с нормой современного профессионального учителя, он начинает яснее видеть ее недостатки и делает все возможное для ее выполнения. Стремление соответствовать норме предполагает активное самосовершенствование и улучшение профессиональных компетенций. А поскольку учитель является ключевой фигурой в российской педагогике, введение этой нормы в ближайшем будущем должно привести к повышению качества преподавания по всей стране.

Профессиональный норматив четко определяет требования к современному российскому учителю:

– уровень подготовки учителя (высшее образование);

– профессиональное развитие;

– исследовательская деятельность;

– освоение и использование в своей работе новых педагогических технологий;

– умение оценивать знания учащихся, используя различные формы и методы наблюдения;

– владение приемами систематизации информации;

– овладение формами и методами педагогической работы<sup>7</sup>.

Необходимые навыки:

1. Овладение формами и методами обучения, в том числе вне аудитории: проектная деятельность, лабораторные эксперименты, полевые практики и т.д.

2. Объективная оценка знаний учащихся с помощью тестов и других методов оценки, соответствующих реальным способностям детей к обучению.

3. Разработка (освоение) и применение современных психологических и образовательных технологий, основанных на знании законов развития и поведения личности в реальной и виртуальной среде.

4. Применение и апробация специальных педагогических подходов для включения всех учащихся в образовательный процесс, в том числе учащихся с особыми образовательными потребностями: учащихся, проявивших выдающиеся способности; учащихся, для которых русский язык не является родным; учащихся с ограниченными возможностями здоровья.

Соответственно, к наиболее важным компонентам профессиональной компетентности учителя относятся:

1. Интеллектуально-педагогическая компетентность: способность применять полученные знания, опыт профессиональной деятельности для эффектив-

<sup>6</sup> Кожурова А.А., Сафонова Л.В. Профессиональный стандарт педагога: проблемы и перспективы // Научный электронный журнал Меридиан. 2018. № 4(15). С. 291-293.

<sup>7</sup> Сопин В.И. Профессиональный стандарт педагога: реализация и совершенствование // Образование: ресурсы развития. Вестник ЛОИРО. 2018. № 3. С. 7-11.

ного обучения и воспитания, способность учителя к инновационной деятельности.

2. Коммуникативная компетентность: важное профессиональное качество, включающее красноречие, умение слушать, экстраверсию и эмпатию.

3. Информационная грамотность: количество информации, которой владеет учитель о себе, своих учениках, родителях и коллегах.

4. Регулятивная компетентность: способность учителя управлять своим поведением, контролировать свои эмоции, способность к рефлексии, стрессоустойчивость<sup>8</sup>.

Анализируя профессиональные компетенции с точки зрения эффективности образовательного процесса, необходимо отталкиваться от интересов, желаний, проблем, социального статуса и эмоциональных переживаний обучающегося. Компетентность в образовательном процессе тесно связана с компетентностью в передаче знаний. Однако в образовательном процессе важными факторами являются внутренний мир обучающегося, наличие конфликтов, социальный статус обучающегося, воспитание добросовестного человека, личность преподавателя и эмоциональный опыт обучающегося.

Таким образом, анализируя требования к педагогам дошкольного и начального общего образования, можно выделить особое внимание к разработке безопасной и комфортной образовательной среды, проектированию образовательного процесса и формированию метапредметных компетенций. Данные аспекты подчеркивают важность интеграции инновационных методов и технологий в образовательный процесс.

Анализ понятия «педагогическая деятельность» демонстрирует её интегративный характер, который охватывает педагогические, психологические и производственно-технологические аспекты. В своём истоке педагогическая деятельность тесно переплетается с процессом передачи опыта от старших поколений к младшим, а также с идеей создания условий, способствующих личностному развитию, необходимому для исполнения социальных ролей.

Структурная организация педагогической деятельности предполагает выделение относительно самостоятельных функциональных видов, среди которых различают конструктивный, организаторский и коммуникативный компоненты. Педагогические ценности, формирующие эмоционально-оценочные установки и личностное ядро, регулируют выбор методов преподавания, воспитания и общения с учащимися. Обратная связь, реализуемая через контрольно-оценочный компонент, способствует коррекции пе-

дагогической работы, обеспечивая достижение запланированных результатов.

Стандартизация образования на всех уровнях является ведущей образовательной реформой во всем мире. Внедрение профессиональных стандартов должно идти в ногу с постоянным развитием профессиональной среды. Помимо требований к личности и профессиональной компетентности учителя, для осуществления профессиональной педагогической деятельности необходимо создать оптимальные условия и получить дополнительные ресурсы (в том числе финансовые).

Профессиональный стандарт не только устанавливает основные требования к уровню педагогического образования, но и указывает, какие цели должны преследовать учителя и как оценивается их профессиональная деятельность. Педагогический стандарт задает направление профессионального развития молодого специалиста и служит основой для объективной оценки педагогической деятельности. Ожидается, что введение профессионального стандарта педагога повысит имидж, привлекательность и конкурентоспособность образовательных учреждений на рынке образовательных услуг, расширит спектр и повысит качество научно-методического обеспечения образовательного процесса, повысит привлекательность программ для подготовки специалистов, востребованных не только на региональном рынке труда.

Научный анализ правовых аспектов профессиональной педагогической деятельности позволяет утверждать, что нормативно-правовые документы играют ключевую роль в обеспечении качественного образования. Разработка и внедрение профессиональных стандартов способствуют повышению требований к квалификации педагогов, их знаниям и навыкам, что подтверждается статьей 195.1 Трудового кодекса РФ. Правовое регулирование профессиональной педагогической деятельности, установленное федеральным законодательством, формирует основу для профессиональной компетентности педагогов. Приказ Минтруда РФ о профессиональном стандарте «Педагог» систематизирует трудовые функции и требования к квалификации педагогов, что способствует унификации образовательного процесса. Федеральные законы и подзаконные акты формируют устойчивую основу для профессиональной компетентности педагогов, учитывая их роль в воспитательно-образовательном процессе. Современные требования к педагогам ориентированы на использование инновационных подходов, что обеспечивает соответствие национальной образовательной системы глобальным тенденциям.

#### Библиографический список

1. Васильева Н.Н. Мотивационная структура педагогической деятельности // Высшее образование сегодня. – 2022. – № 8. – С. 77-82.
2. Верстукова Е.Н. К вопросу об анализе понятия «педагогическая деятельность» // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 68-2. – С. 55-59.

<sup>8</sup> Мартышева О.А. Профессиональный стандарт педагога - инструмент повышения качества образования и выхода отечественного образования на международный уровень // Профессиональное образование: проблемы, исследования, инновации. 2018. С. 238-243.

- 
3. Виноградова Н.Н. Профессиональный стандарт педагога: ожидания и реалии // Национальные приоритеты современного российского образования: проблемы и перспективы. – 2018. – С. 300-303.
  4. Девицкий А.Ф., Посметьев А.Н. Педагогическая деятельность: сущность и содержание // Развитие военной педагогики в XXI веке. – 2021. – С. 89-96.
  5. Загоруйко И.Ю., Дмитриев А.И., Бондарчук А.С. Структура педагогической деятельности преподавателя // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия. – 2020. – С. 163-166.
  6. Исмаилова С. И. Сущность и структура педагогического процесса в образовательной системе педагогического колледжа // Январские педагогические чтения. – 2019. – № 5(17). – С. 32-37.
  7. Кожурова А.А., Сафонова Л.В. Профессиональный стандарт педагога: проблемы и перспективы // Научный электронный журнал Меридиан. – 2018. – № 4(15). – С. 291-293.
  8. Козьякова, Л.Д. Сущность профессионально-педагогической деятельности // Образовательные технологии в современном учебно-воспитательном пространстве. – 2021. – С. 150-153.
  9. Кудрявцев М.Д. Понятие и сущность педагогической деятельности // Научный журнал Дискурс. – 2018. – № 1(15). – С. 74-80.
  10. Мартыненко А.Н., Еськова Н.А. Профессиональный стандарт педагога как инструмент повышения качества образования: современные подходы в РФ // Наука и практика регионов. – 2017. – № 2(7). – С. 52-54.
  11. Мартышева О.А. Профессиональный стандарт педагога – инструмент повышения качества образования и выхода отечественного образования на международный уровень // Профессиональное образование: проблемы, исследования, инновации. – 2018. – С. 238-243.
  12. Поляруш А.А. Сущность педагогической деятельности в философии Э.В. Ильенкова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 3-1(66). – С. 61-63.
  13. Романова К.Е. Структура педагогической культуры преподавателя // Наука, образование и культура. – 2020. – С. 79-84.
  14. Сопин В.И. Профессиональный стандарт педагога: реализация и совершенствование // Образование: ресурсы развития. Вестник ЛОИРО. – 2018. – № 3. – С. 7-11.
  15. Урунтаева Г.А. Структура профессиональной деятельности педагога дошкольного образования: подходы к изучению // Мир образования – образование в мире. – 2016. – № 4(64). – С. 190-199.

Рецензент: Воропаев Д.Н., заведующий кафедрой общегуманитарных, социально-экономических, математических и естественнонаучных дисциплин Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к. фил.н., доцент.

---

## **ПОПОВ ЕВГЕНИЙ БОРИСОВИЧ**

доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, e-mail: kafedra.popov@yandex.ru

### **ВОЗМОЖНОСТИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

#### **POPOV EVGENIY BORISOVICH**

Doctor of Education, head of the department of foreign languages, Orenburg Institute (branch) of Kutafin Moscow State Law University, Komsomolskaya st., 50, Orenburg, 460000, Russian Federation, e-mail: kafedra.popov@yandex.ru

### **OPPORTUNITIES OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION AT A LAW SCHOOL**

**Аннотация:** В статье представлен обзор цифровых технологий, используемых в обучении юридическому английскому языку, обоснованы два взаимодополняющих подхода к систематизации педагогического потенциала этих технологий, дан анализ опыта интеграции цифровых технологий в преподавание и изучение профессионального иностранного языка в юридическом вузе, обозначены основные вызовы и возможные трудности по использованию этих технологий, описаны способы минимизации связанных с этим проблем, сформулированы рекомендации по эффективному использованию цифровых технологий в обучении будущих юристов английскому языку.

**Ключевые слова:** обучение иностранному языку, профессиональный иностранный язык, правовая действительность страны изучаемого языка, юридический вуз, юридический английский язык, цифровые технологии, интеграция цифровых технологий в обучение.

**Review:** The article presents an overview of digital technologies used in teaching legal English. It substantiates two complementary approaches to systematizing the pedagogical potential of these technologies and provides an analysis of the current situation regarding the integration of digital technologies into the teaching and learning of foreign languages within law schools. The study identifies primary challenges and potential difficulties associated with the use of these technologies, outlines measures for mitigating related issues, and formulates recommendations for the effective use of digital tools in teaching professional foreign language to future lawyers.

**Keywords:** foreign language education, professional language for specific purposes, legal environment in English speaking countries, law school, legal English, digital technology, digitization in education

Обучение иностранному языку является процессом преподавания и учения, направленным на практическое овладение учащимися иноязычной речью как средством успешного взаимодействия в многоязычном мире, а также как условием понимания текстов на изучаемом языке. Этот процесс подразумевает овладение учащимися устной и письменной иноязычной речью через совершенствование навыков чтения, письма, аудирования и говорения. Обучение иностранному языку в высшей школе является этапом, который продолжает многолетнее изучение разговорного иностранного языка в школе, но имеет более определенную цель, так как обучение в вузе зависит от выбранной специализации и направлено, прежде всего, на освоение профессионального иностран-

ного языка<sup>1</sup>. В юридических вузах иностранный язык как предмет изучения представляет собой специализированную форму языка, состоящую из терминологии, правовых понятий, грамматических конструкций и стилистических установок, с помощью которых в стране изучаемого языка формулируется право и описываются его проявления<sup>2</sup>.

Для решения этих задач в высшей школе нарабатываются различные подходы, формы, методы и средства, проверенные временем и доказавшие свою эффективность в обучении иностранному языку будущих юристов. При этом в последние годы преподаватели юридического иностранного языка активно осваивают новые возможности своей профессиональной деятельности за счет использования цифровых техно-

---

<sup>1</sup> Николаенко И.С., Прибыткова А.А., Пустовалова Т.А. Обучение студентов профессиональному иностранному языку с использованием цифровых технологий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 2. С. 368-379.

<sup>2</sup> Nhas T.H. Enhancing Legal English Skills for Law Students through Simulation-based Activities // International Journal of Learning Teaching and Educational Research. 2023. № 22(9). pp. 533-549.

логий (ЦТ), которые представлены различными электронными инструментами, системами, программами, сервисами, устройствами и ресурсами, позволяющими обрабатывать, хранить и передавать информацию в цифровом формате<sup>3</sup>.

Происходящие изменения образовательной деятельности, связанные с развитием и повсеместным использованием ЦТ, находят свое отражение в теоретических и научно-практических работах отечественных и зарубежных педагогов, лингвистов и IT-специалистов, усилия которых направлены на осмысление природы, динамики и результатов этих изменений. При этом сохраняется потребность в постоянном обновлении научного знания с учетом непрерывного совершенствования ЦТ и расширения сфер их применения в высшей школе; а также существует необходимость в создании целостного представления о возможностях использования ЦТ в обучении иностранному языку в зависимости от специализации вуза. Отсюда цель настоящего исследования – выявление возможностей применения цифровых технологий в обучении иностранному языку в юридическом вузе и систематизация опыта интеграции этих технологий в преподавание и изучение юридического английского языка.

#### **Методология исследования**

Область данного исследования определяются вопросами, связанными со спецификой обучения иностранному языку в юридическом вузе, которое направлено на решение целого ряда взаимосвязанных задач, среди которых прежде всего такие как:

- формирование компетенций, связанных с владением иностранным языком как знаковой системой, и совершенствование навыков, позволяющих в различных ситуациях эффективно поддерживать коммуникацию, как в устной, так и в письменной форме;
- освоение юридического иностранного языка как отражение правовой действительности страны изучаемого языка во всем разнообразии институтов, явлений, отношений и событий в сфере права<sup>4</sup>;
- совершенствование навыков и умений, связанных с поиском, извлечением и систематизацией юридической информации из иноязычных источников, таких как нормативно-правовые документы, судебная документация, документы частного характера, деловая переписка, научные публикации и учебники по праву;
- овладение юридической терминологией на иностранном языке и развитие навыков перевода юридических документов с иностранного языка с учетом культурных особенностей и специфики правовой системы страны изучаемого языка;
- развитие навыков иноязычного общения в профессиональных ситуациях, таких как ведение переговоров, составление юридических документов, ведение деловой переписки, представление интересов клиента и выступление в суде;

- интеграция знаний и умений, полученных студентами в ходе обучения иностранному языку, в общий процесс их профессионального становления;
- формирование готовности учащихся самостоятельно использовать иностранный язык в профессиональной деятельности после окончания вуза.

Исследовательская работа, направленная на выявление возможностей применения ЦТ в обучении юридическому английскому языку, проводилась в течение осеннего семестра 2024 года и включала в себя следующие взаимообусловленные этапы:

- определение основных видов ЦТ, применяемых в обучении будущих юристов иностранному языку (на примере английского языка);
- изучение педагогического потенциала интеграции ЦТ в практику обучения профессиональному иностранному языку в юридическом вузе;
- определение благоприятных условий для успешного использования ЦТ в обучении студентов-юристов иностранному языку, а также анализ трудностей, с которыми может быть сопряжен этот процесс;
- подведение итогов проведенного исследования.

Для решения поставленных задач были использованы следующие методы:

- изучение и анализ отечественных и зарубежных научных публикаций по проблеме исследования;
- выявление, описание и классификация ЦТ, применимых в обучении юридическому английскому языку как иностранному;
- анализ экспериментальной работы, проводимой преподавателями кафедры иностранных языков и направленной на создание локального электронного репозитория аутентичных видео, аудио и текстовых материалов о правовой действительности англоязычных странах, на разработку и апробирование системы учебных заданий, ориентированных на совершенствование процесса обучения юридическому английскому языку за счет использования ЦТ;
- анализ и обобщение опыта применения ЦТ в обучении профессиональному иностранному языку с привлечением экспертной оценки (устный и письменный опрос 5 преподавателей кафедры иностранных языков высшей квалификации с опытом работы в юридическом вузе более 10 лет), на основе изучения материалов заседаний ежегодного межвузовского круглого стола по вопросам обучения иностранному языку, которые проводились в институте начиная с 2014 года (из 144 докладов, обсуждаемых представителями ведущих вузов Оренбурга, 40 выступлений были напрямую связанными с использованием ЦТ в обучении иностранному языку в высшей школе) и с использованием данных анкетирования учащихся юридического вуза (было опрошено 139 студентов-юристов первого курса магистратуры, специалитета и бакалавриата дневной и заочной форм обучения).

Полученные в ходе исследования результаты организованы в три основных блока, каждый из которых

<sup>3</sup> Bates A. Teaching in a Digital Age: Guidelines for Designing Teaching and Learning. 2nd ed. Vancouver, B.C., 2019. 767 p.

<sup>4</sup> Белянская О.В. К вопросу о понимании правовой реальности // Актуальные проблемы государства и права. 2018. № 2(6). С. 5-15.

является ответом на следующие ключевые вопросы:

– Какие общедоступные ЦТ применяются в обучении будущих юристов иностранному языку (на примере английского языка)?

– Какие возможности привносят ЦТ в обучение профессиональному иностранному языку в юридическом вузе?

– Какие трудности и вызовы связаны с применением ЦТ в обучении иностранному языку студентов-юристов?

#### **Результаты и выводы**

#### **Q1: Какие общедоступные цифровые технологии применяются в обучении будущих юристов иностранному языку (на примере английского языка)?**

Данное исследование исходит из того, что потенциал ЦТ в обучении иностранному языку предопределяется не только наличием самих электронных инструментов, платформ, сервисов и программ, но осознанием того, для чего, когда и как применяются эти технологии. Для того чтобы получить целостное представление о всем многообразии ЦТ, применяемых в преподавании и изучении юридического иностранного языка, рассмотрим их с двух взаимосвязанных аспектов: с точки зрения их функциональных возможностей (для чего они могут использоваться?) и с учетом специфики применения ЦТ на разных этапах учебного процесса (когда нужна их помощь?). При этом сфокусируемся прежде всего на общедоступных приложениях, платформах, ресурсах и сервисах, которые находятся в открытом доступе и предоставляют контент, релевантный для изучения юридического английского языка.

Первый из предлагаемых подходов – **функциональный** – позволяет объединить существующие ЦТ в четыре группы в зависимости от той роли, которую тот или иной инструмент, сервис или приложение призваны выполнять в ходе учебного процесса:

– Сервисы с доступом к информации о правовой действительности англоязычных стран. Примерами в данном случае служат платформы с доступом к нормативно-правовым и судебным актам; информационно-справочные ресурсы для практикующих юристов с комментариями к законам и судебной практике; интернет-ресурсы с научными публикациями по праву; официальные сайты организаций и служб, которые занимаются юридической и правоохранительной деятельностью; платформы с англоязычным видеоконтентом на юридическую тематику.

– Инструменты, приложения и платформы, специально разработанные для целей обучения юридическому английскому языку. Сюда относятся электронные учебники и цифровые версии бумажных учебных пособий; онлайн библиотеки и платформы с учебными материалами, созданными для обучения ан-

ло-говорящих студентов-юристов; онлайн курсы на платформах учебных заведений и профессиональных организаций юристов<sup>5</sup>; интернет-ресурсы с учебными видеоматериалами; приложения для изучения английского языка; платформы по подготовке к международным экзаменам по юридическому английскому языку.

– Вспомогательные цифровые инструменты, сервисы и приложения без технологии искусственного интеллекта. К этой группе относятся одно- и двуязычные онлайн-словари и глоссарии; программы для создания и управления собственным юридическим словариком; сервисы-конверторы по преобразованию печатного текста в устную речь и наоборот; приложения для тренировки произношения с помощью записи и прослушивания своего голоса; программное обеспечение для создания и редактирования на иностранном языке различных цифровых материалов, таких как видеолекции, презентации, флешкарточки, ментальные карты и тестовые задания.

– Инструменты с использованием искусственного интеллекта. Примерами этой группы являются виртуальные консультанты по правовым вопросам; платформы, предоставляющие интерактивные симуляции и обучающие игры; системы машинного перевода с одного языка на другой; сервисы по генерированию текстов на различных языках; сервисы по редактированию, перефразированию, анализу и сравнению текстов на различных языках; сервисы для индивидуальной практики письменной речи; чат-боты и виртуальные помощники для совершенствования умений восприятия и воспроизведения устной речи английского языка<sup>6</sup>.

Другим подходом к классификации ЦТ, используемых в преподавании и изучении иностранного языка, является рассмотрение возможностей и обоснованности их применения на разных этапах учебного процесса; **поэтапный** подход исходит из цикличности взаимообусловленных шагов процесса обучения, начиная с определения и формулирования учебной задачи и заканчивая этапом оценивания полученного результата:

– Определение учебной задачи. Современные ЦТ расширяют возможности преподавателей и студентов по конструированию учебного процесса, предоставляя им доступ ко всему многообразию заданий различной сложности, начиная с упражнений в электронных версиях отечественных и зарубежных учебников по юридическому английскому языку и заканчивая заданиями, генерируемыми виртуальными помощниками или предлагаемыми на платформах с адаптивными системами обучения, подстраивающимися под индивидуальные особенности обучающихся.

<sup>5</sup> Lamri C.E. E-Learn Platform to Teach Legal English for Law Professionals // Arab World English Journal. 2019. № 1. pp. 97-108.

<sup>6</sup> Ковальчук С.В., Тараненко И.А., Устинова М.Б. Применение искусственного интеллекта для обучения иностранному языку в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 6(1). С. 76-81; Almelhadi W.S. Exploring the Potential of AI Techniques in Teaching English as a Foreign Language: A Systematic Literature Review // Asian Journal of Social Sciences and Management Studies. 2024. № 11(2). pp. 22-31; а также Ghafar Z.N., Salh H.F., Abdulrahim M.A., Farxha S.S., Arf S.F., Rahim R.I. The Role of Artificial Intelligence Technology on English Language Learning: A Literature Review // Canadian Journal of Language and Literature Studies. 2023. № 3(2). pp. 17-31.

– Поиск ресурсов и сбор информации для решения учебной задачи. Использование ЦТ позволяет получить доступ к огромному количеству источников юридической информации на иностранном языке в аудио, видео и текстовом форматах, будь то интернет-ресурсы с базами законодательных актов и материалами судебной практики, платформы с научными публикациями по праву, социальные сети и блоги известных юристов и экспертов в области права или онлайн-курсы и вебинары, проводимые преподавателями ведущих университетов и практикующими юристами. Более того, современные поисковые системы на базе ИИ и цифровые ассистенты позволяют автоматизировать процесс отбора и структурирования релевантных материалов.

– Обработка собранной информации. Использование ЦТ для анализа, синтеза, интерпретации, хранения и передачи собранной информации, позволяет не только автоматизировать отдельные операции, но и совершенствовать качество работы с учебным материалом. В зависимости от целей обучения для эффективной обработки собранных материалов на этом этапе применимы такие ЦТ как одно- и двуязычные правовые онлайн-словари, программы машинного перевода, сервисы для проверки орфографии и грамматики, инструменты для редактирования текстов на иностранном языке, программы для визуализации данных и создания мультимедийного контента, ИИ-инструменты для систематизации и структурирования обработанной информации и составления отчетов о проделанной работе.

– Применение полученного материала для решения учебной задачи. Обращение к ЦТ предоставляет широкий спектр форматов и способов практического применения профессионального иностранного языка в учебных целях. Для этого, например, могут быть использованы приложения-тренажеры для освоения юридического языка и правовой терминологии, специализированные платформы для подготовки к экзаменам по юридическому английскому языку, программы для написания юридических заключений или составления и редактирования юридических документов, онлайн платформы для дистанционного проведения учебных переговоров, дебатов и судебных прений, интерактивные симуляторы для моделирования различных ситуаций профессионального общения на английском языке.

– Обсуждение результатов выполнения учебной задачи и обратная связь. Применение ЦТ на этом этапе существенно расширяет возможности по обеспечению интерактивности и вовлеченности студентов в учебный процесс. Этой цели, среди прочего, служит переписка по электронной почте и в социальных сетях, общение по мобильной связи, создание и использование общих для учащихся и преподавателей интерактивных форумов и сетевых сообществ, дистанционное проведение видеоконференций и вебинаров, общение с виртуальными ассистентами и чат-ботами.

– Оценивание учебной работы. Для анализа и оценки качества выполнения учебных заданий могут применяться такие ЦТ, как системы автоматической проверки письменных работ, программы для выявления плагиата, онлайн-платформы для автоматизированного тестирования и оценки, программы анализа устной речи для оценки произношения и лексического оформления, электронные журналы и системы управления обучением.

## **Q2: Какие возможности привносят цифровые технологии в обучение профессиональному иностранному языку в юридическом вузе?**

Возможности цифровых технологий в обучении профессиональному иностранному языку рассматриваются в данном исследовании как комплексная характеристика, отражающая потенциал применения современных компьютерных инструментов для повышения эффективности языковой подготовки специалистов, готовых решать профессиональные задачи в глобальном и технологически развитом мире.

При всем многообразии современных ЦТ, применяемых в обучении иностранным языкам, существует несколько наиболее общих свойств, которые являются основой для выявления возможностей, появляющихся в результате цифровизации образования, и это прежде всего:

– удобство и простота использования оцифрованной информации в основных её формах: текстовой, звуковой и визуальной; материалы могут быть бесконечное количество раз воспроизведены, преобразованы, переданы, получены и сохранены на электронных устройствах в любой точке мира<sup>7</sup>;

– возможность свободного поиска за счет предоставления доступа к широкому спектру образовательных ресурсов и учебных материалов как на русском, так и на других языках;

– разнообразие режимов и средств распространения информации между участниками учебного процесса и форм их взаимодействия друг с другом;

– привлечение преподавателей и учащихся активно участвовать в конструировании своего виртуального образовательного пространства, не ограничиваясь аудиторными занятиями в учебном заведении.

В сфере обучения профессиональному иностранному языку в юридическом вузе эти возможности приобретают более предметный характер и приводят к определенным изменениям образовательной действительности, которые можно объединить в три основных уровня:

– На первом уровне происходящие изменения связаны с тем, что традиционные средства обучения замещаются цифровыми аналогами, что позволяет повышать эффективность учебной работы без необходимости пересмотра методики и организации учебного процесса. Например, создание электронных версий учебников снимает ограничения по использованию этих книг в печатном формате; применение таких приложений как PowerPoint или Prezi для со-

<sup>7</sup> Towndrow P. A., Vallance M. Using IT in the language classroom: A guide for teachers and students in Asia. Singapore: Longman, 2004. 368 p.

здания презентаций позволяет заменить традиционные учебные плакаты, карты и классные доски; а использование средств мобильной связи, электронных библиотечных систем и цифровых репозитариев способствует более широкому и гибкому доступу к образовательным ресурсам.

– Второй уровень изменений происходит за счет того, что ЦТ дают возможность по-новому формулировать и решать традиционные учебные задачи, а также осваивать новое содержание и формы организации учебной работы. Например, платформы для совместной работы помогают студентам выполнять общие проекты вне учебной аудитории в режиме реального времени, независимо от места нахождения каждого из участников проекта; сервисы для проведения видеоконференций позволяют преподавателям проводить занятия и консультации в дистанционном формате. А использование виртуальных ассистентов и чат-ботов позволяет будущим юристам создавать интерактивные симуляции профессионального общения на английском языке, будь то участие в прениях на виртуальном судебном заседании, проведение переговоров по условиям заключения коммерческой сделки между компаниями или консультирование клиента, обратившегося за юридической помощью.

– Третий уровень изменений проявляется в переоценке целей и задач обучения профессиональному иностранному языку, предоставляя преподавателям и учащимся беспрецедентный доступ к актуальным аутентичным материалам о правовой действительности англоязычных стран, снабжая их средствами машинной обработки больших объемов информации, предлагая сервисы для мгновенной обратной связи и автоматизированной проверки выполнения учебных заданий и тем самым создавая условия для решения задач, которые ранее казались невыполнимыми.

Как свидетельствуют результаты анкетирования, проведенного среди учащихся 1 курса бакалавриата, специалитета и магистратуры юридического института, абсолютное большинство студентов (96%) позитивно оценивают происходящие изменения, связанные с возможностью применения современных цифровых помощников для изучения профессионального английского языка, так как общедоступные приложения и сервисы позволяют любому пользователю независимо от уровня владения иностранным языком автоматизировать рутинные операции и оперативно выполнять учебные задачи разного уровня сложности; например, подобрать ссылки на интернет-сервисы с базами данных по праву страны изучаемого языка, на доступные учебные курсы и сервисы, полезные для изучения английского как иностранного языка; осуществить машинный перевод устной и письменной речи на русский язык и обратно; по заданным параметрам получить текст, сгенерированный на иностранном языке; проанализировать текстовый материал и кратко изложить его содержание; освоить функционал вебсайта законодательных, правоохранительных или судебных органов в англоязычной стране; разработать сценарий профессионального об-

щения на иностранном языке в зависимости от контекста; составить на иностранном языке юридический документ; имитировать реальные ситуации профессионального общения на заданную тему; в автоматическом режиме пройти процедуру контроля и оценки самостоятельной работы, получить объяснение допущенных ошибок и ознакомиться с рекомендациями по их исправлению. Среди наиболее востребованных ЦТ, применяемых для изучения английского языка, студенты назвали машинные переводчики Яндекс, Google, DeepL Translate, Reverso Context; электронные онлайн словари Multitran и АBBYY Lingvo; чат боты и виртуальные ассистенты; видеохостинг YouTube; онлайн школы иностранного языка Duolingo и Skyeng.

При этом важно отметить, что на вопрос о том, какая форма учебных материалов по иностранному языку является предпочтительнее, студенты в равной степени оценили необходимость традиционных бумажных материалов, электронных учебных пособий и аудио, видео и текстовых материалов, доступных в сети Интернет.

На вопрос о том, когда студенты чаще всего обращаются за помощью к ЦТ, основными ответами стали: 1) во время выполнения домашних заданий по иностранному языку; 2) в ходе учебных занятий по иностранному языку; 3) во время поиска информации и материалов, которые нужны для выполнения заданий по другим дисциплинам в вузе. И это вполне соотносится с тем, что личный опыт применения юридического иностранного языка у большинства студентов сводится исключительно к изучению учебной дисциплины в институте (лишь 5% первокурсников бакалавриата и специалитета и 18% слушателей магистратуры указали, что им приходилось использовать юридический английский вне учебных занятий в вузе).

Опрос преподавателей и анализ эмпирических данных позволяет говорить о существовании как минимум трех стратегий, которых учащиеся придерживаются в применении ЦТ для изучения юридического английского языка:

– «реактивное использование», которое присуще порядка 70% учащихся, предполагает ситуативное обращение к ЦТ лишь для выполнения учебных заданий, игнорирование которых рассматривается как академическая задолженность;

– «активное использование», которого придерживаются около 20% учащихся, проявляется в том, что студенты на постоянной основе применяют ЦТ для поиска, отбора и обработки дополнительной профессионально значимой информации на иностранном языке по тематическим блокам в рамках учебной программы;

– «автономное использование» является стратегией не более 10% учащихся, и проявляется в том, что они способны самостоятельно подобрать цифровые инструменты, сервисы и платформы, которые соответствуют их индивидуальным потребностям и профессиональным целям в изучении юридического

английского языка, отслеживают новые технологические тенденции в этой сфере и самостоятельно осваивают новые инструменты для совершенствования своего уровня владения иностранным языком.

Что касается того, как изменения, связанные с цифровизацией учебного процесса, воспринимают преподаватели, то анализ материалов ежегодного межвузовского круглого стола, проводимого с 2014 года на базе кафедры иностранных языков, и изучение результатов письменного опроса преподавателей кафедры, проведенного с использованием специально разработанной для этих целей анкеты, свидетельствуют о том, что педагоги позитивно оценивают влияние ЦТ на организацию, процесс и результаты обучения иностранному языку, отмечая, что современные ЦТ открыли перед преподавателями и студентами ранее недоступные возможности, помогая, например, в использовании интернет-ресурсов для обновления учебной информации, в создании новых учебных материалов в аудио, видео и текстовом форматах, в поиске эффективных средств и форм для организации самостоятельной работы студентов, в повышении мотивации учащихся, в обеспечении оперативной обратной связи со студентами, в автоматизации оценивания работы студентов, в оптимизации планирования учебных программ, в получении актуальной информации о новых направлениях и практиках в обучении иностранным языкам. С помощью ИИ-инструментов у преподавателей появилась возможность составлять подборки с ссылками на текстовые, аудио и видео материалы, которые можно рекомендовать студентам для выполнения учебных заданий или для самостоятельного изучения иностранного языка; по определенным параметрам запроса ситуативно генерировать учебные материалы, например по ключевым словам, контексту или поставленной проблеме; оперативно находить ответы на профессиональные вопросы, возникающие у них в ходе работы со студентами. Наиболее востребованы у преподавателей иностранного языка такие ЦТ, как электронные версии учебников и учебных материалов, интернет-ресурсы с иноязычными видео и аудио материалами, программы для создания презентаций, онлайн словари и переводчики, платформы для видеоконференций, социальные сети и мессенджеры. А основными критериями отбора платформ, инструментов и сервисов для своей работы преподаватели называют простоту в использовании, интерактивность и доступность для учащихся.

### **Q3: Какие трудности и вызовы связаны с применением цифровых технологий в обучении иностранному языку студентов-юристов?**

<sup>8</sup> Тараненко И.А., Учайкина Е.Н., Фомина Н.И. О готовности преподавателей иностранного языка к профессиональной деятельности в цифровой среде // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 5. С. 46-54.

<sup>9</sup> Georgina D.A., Hosford Ch.C. Higher education faculty perceptions on technology integration and training // Teaching and Teacher Education. 2009. 25(5). pp. 690-696.

<sup>10</sup> Гончарова Н.А., Хайтова А.И., Ошкордина А.А., Макарова Е.Н. Специфика повышения эффективности освоения английского языка магистрантами, специализирующимися в сфере IT // Science for Education Today. 2023. Т. 13. № 5. С. 51-77.

<sup>11</sup> Novawan A., Aisyiyah S., Miqawati A.H., Wijayanti F., Indrastana N.S. Exploring Teachers' Perspectives on Morality in EFL Pedagogy // Journal of ELT Research. 2020. № 5(1), pp. 81-93.

<sup>12</sup> Кондрахина Н.Г., Петрова О.Н. Использование возможностей искусственного интеллекта для преподавания иностранных языков: новая реальность // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1 (104). С. 360-363.

Анализ и обобщение хода и результатов экспериментальной работы по использованию ЦТ в обучении будущих юристов профессиональному иностранному языку показывают, что интеграция ЦТ в преподавание и изучение иностранного языка не только открывает новые возможности и перспективы, но и сопряжено с определенными потенциальными трудностями и ограничениями, которые проявляются, в частности, в следующем:

– беспрецедентное расширение способов и средств для поиска, получения и обработки информации за счет применения ЦТ усложняет проблему выбора ресурсов, соответствующих задачам обучения юридическому иностранному языку, создавая ситуацию, в которой актуальным для преподавателей и самих учащихся становится вопрос экспертизы в отношении качества используемых источников и инструментов<sup>8</sup>;

– у тех преподавателей иностранного языка, которые получили свое образование во времена, когда только начиналась цифровизация средней и высшей школы, накоплен относительно небольшой личный опыт использования ЦТ в качестве обучаемых, что может приводить к существенным расхождениям в их восприятии способов использования компьютерных сервисов и инструментов в отличие от восприятия учащихся, для которых использование ЦТ в учении является привычным делом<sup>9</sup>;

– внедрение в учебный процесс разнообразных ЦТ может привести к перегрузке студентов с недостаточным уровнем цифровой грамотности, что в свою очередь способно негативно отразиться на их мотивации и привести к снижению общей эффективности обучения<sup>10</sup>;

– излишнее доверие к ЦТ при выполнении учебных заданий может создать у студентов ложное впечатление о том, что нет необходимости совершенствовать свои собственные навыки владения языком, расширять словарный запас, развивать умения самостоятельного поиска информации на иностранном языке<sup>11</sup>;

– зависимость от ИИ-инструментов и сервисов машинного перевода в процессе обучения иностранному языку может негативно сказаться на навыках и умениях студентов самостоятельно составлять, редактировать и анализировать тексты, что профессионально важно для будущих юристов, которым необходимо уметь ясно и логично формулировать свои мысли и аргументировать свою позицию<sup>12</sup>;

– широкое распространение сервисов с использованием ИИ становится причиной того, что многие виды учебных заданий теряют свою дидактическую

ценность, так как «электронные помощники» позволяют учащимся выполнять их автоматически за несколько «кликов» на компьютерном устройстве;

– к тому же не следует забывать о периодически возникающих технических проблемах с доступом к тем или иным приложениям, платформам или сервисам, что ситуативно может ограничивать их использование в учебном процессе.

Выявление и осознание всех этих трудностей является важным, но лишь предварительным условием для минимизации связанных с ними последствий. Для успешного их преодоления необходимо совершенствование педагогического проектирования и методики обучения за счет сочетания научного поиска и накопления опыта преподавания иностранного языка в условиях постоянного совершенствования ЦТ. В качестве «дорожной карты» преподавателям юридического английского языка можно использовать следующие методические рекомендации по практическому решению перечисленных выше проблем:

– воспринимать ЦТ как создаваемые человеком инструменты, каждый из которых имеет свой функционал исходя из замысла его создателей, а следовательно, как и в случае с любым другим инструментом, для эффективного использования той или иной технологии необходимо, прежде всего, исходить из возможностей и ограничений её применения на определенных этапах работы с учебным материалом и степени соответствия поставленным целям и задачам<sup>13</sup>;

– составлять и периодически обновлять подборки со ссылками на рекомендуемые для студентов сервисы, приложения и платформы с проверенными ресурсами;

– объяснять учащимся, как в учебных целях использовать различные ЦТ, будь то образовательные платформы, приложения для изучения новых слов и терминов, сервисы для практики произношения и грамматики, онлайн-библиотеки, архивы судебных решений и международные правовые платформы, виртуальные помощники для юристов или чат-боты; при этом по ходу изучения учебного курса поощрять студентов, если они делятся информацией о том, какие новые цифровые инструменты помогают им в освоении иностранного языка;

– разрабатывать и предлагать студентам рекомендации с критериями экспертизы качества доступных цифровых ресурсов, такими, например, как репутация источника, актуальность и достоверность информации, релевантность материалов для целей изучения юридического английского языка;

– формировать и совершенствовать у студентов алгоритм оперативного поиска и обработки англоязычной информации о правовой действительности в странах изучаемого языка, развивая умение учащихся ориентироваться в инструментах и ресурсах, предоставляющих доступ к законодательству, судеб-

ной практике, правовым комментариям, учебникам и научным публикациям по праву;

– пересмотреть содержание и уровни сложности используемых учебных заданий, по возможности отказываясь от тех, которые полностью могут быть выполнены автоматически без особых усилий со стороны самих студентов;

– ориентировать учащихся на выполнение учебных заданий, важной частью которых является практика разговорной речи, понимание иноязычной речи на слух, контекстуальное использование языка, а также выражение личного мнения и аргументированной позиции по спорным вопросам, и тем самым помогать студентам уменьшить проблему возможной зависимости от инструментов на базе ИИ;

– на практических занятиях периодически отводить время для выполнения заданий, в ходе которых студенты смогут сравнивать свои собственные работы с результатами, автоматически полученными при помощи ЦТ, обращая внимание на различия, неточности и допущенные ошибки;

– учитывая, что освоение иностранного языка предполагает практику его воспроизведения и применения, ориентировать студентов на то, что оцениваться будут не только итоговые, но и промежуточные результаты выполнения учебного задания с использованием письменных, устных или интерактивных форм контроля;

– поощрять самостоятельную работу студентов с использованием ЦТ при изучении юридического английского языка в логике активной и автономной стратегии;

– отслеживать и учитывать восприятие учащимися процесса интеграции ЦТ в их учебную деятельность;

– поддерживать на компьютерах или серверах учебного заведения работу локального репозитория с ключевыми учебными материалами, такими как офлайн базы данных, электронные учебники, видеоуроки, презентации, шаблоны юридических документов и тестовые задания; наличие такого репозитория позволит обеспечить постоянный доступ к необходимым материалам, даже если онлайн-ресурсы будут временно недоступны;

– учитывать, что использование студентами англоязычных материалов, взятых из интернет-источников или сгенерированных электронными помощниками, предъявляет более высокие требования к профессиональной компетентности преподавателя иностранного языка ввиду того, что эти материалы могут содержать более сложную лексику, грамматику и структуру предложений, чем стандартные учебные пособия<sup>14</sup>; исходить из того, что от преподавателя могут потребоваться дополнительные усилия и время, чтобы верно интерпретировать и правильно объяснить студентам содержание предоставленной ими информации, помочь им разобраться в незнако-

<sup>13</sup> Budiman A. ICT and Foreign Language Learning: An Overview. Tarling: Journal of Language Education. 2020. № 3(2). pp. 245-267.

<sup>14</sup> Агальцова Д.В., Валькова Ю.Е. Вызов искусственного интеллекта традиционной системе образования // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2 (105). С. 169-172.

мых словах и выражениях, а также провести дальнейшее обсуждение и анализ материала;

– уделять внимание своему профессиональному совершенствованию и следить за последними достижениями в сфере ЦТ, чтобы эффективно использовать их в обучении иностранному языку с пониманием того, что эффективность высшего образования в современных условиях тесно связана с формированием у студентов навыков работы с цифровыми инструментами при выполнении заданий профессиональной направленности<sup>15</sup>;

– накапливать личный опыт использования ЦТ в учебной деятельности через различные формы самообразования, используя дистанционные курсы и программы повышения квалификации, экспериментируя с новыми способами получения и обработки информации при помощи современных ЦТ, обращаясь к коллегам и учащимся с просьбой помочь освоить новые сервисы и инструменты;

– при поддержке сотрудников IT-отдела создавать на кафедре иностранных языков условия институциональной поддержки для минимизации негативных последствий технических проблем в использовании компьютерной техники и программного обеспечения.

### **Заключение**

В данном исследовании возможности цифровых технологий в обучении профессиональному иностранному языку представлены как многоаспектная характеристика, отражающая потенциал использования современных компьютерных инструментов для повышения качества языковой подготовки специалистов, готовых решать профессиональные задачи в условиях глобализации и ускоряющегося технологического прогресса и технологически развитом мире.

В работе обосновывается, что возможности ЦТ в обучении иностранному языку предопределяются не только наличием самих электронных инструментов, платформ, сервисов и программ, но осознанием того, для чего, когда и как применяются эти технологии. Для создания целостного представления о ЦТ, при-

меняемых в обучении юридическому иностранному языку как отражению правовой действительности страны изучаемого языка, были применены два взаимодополняющих подхода. Один из них – функциональный – позволил объединить современные ЦТ в четыре группы в зависимости от той роли, которую тот или иной инструмент, сервис или приложение призваны выполнять в ходе учебного процесса: сервисы с доступом к информации о правовой действительности англоязычных стран; инструменты, приложения и платформы, специально разработанные для целей обучения юридическому английскому языку; вспомогательные цифровые инструменты, сервисы и приложения без технологии искусственного интеллекта; и инструменты с использованием искусственного интеллекта. Другой подход к классификации ЦТ – поэтапный – исходил из возможностей и обоснованности их применения на разных этапах учебного процесса, представляющего собой цикл взаимообусловленных шагов, начиная с определения и формулирования учебной задачи и заканчивая этапом оценивания полученного результата.

Выявление и анализ объективных и субъективных факторов и условий, связанных с интеграцией ЦТ в обучение профессиональному иностранному языку, показали, что эффективность применения этих технологий предопределяются не только качеством используемых цифровых инструментов и их функциональными характеристиками, но и уровнем компьютерной грамотности преподавателей и учащихся, их представлениями о важности освоения современных ЦТ, используемой стратегией учебной деятельности, осознанием возможных трудностей и ограничений в работе с цифровыми сервисами и инструментами, рациональным сочетанием цифровых и традиционных средств обучения в соответствии с заявленными целями, спецификой профессионального иностранного языка и этапами работы с учебным материалом при наличии в вузе институциональной поддержки, обеспечивающей бесперебойный доступ к необходимому оборудованию и программному обеспечению.

### **Библиографический список**

1. Агальцова Д.В., Валькова Ю.Е. Вызов искусственного интеллекта традиционной системе образования // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 2 (105). – С. 169-172.
2. Белянская О.В. К вопросу о понимании правовой реальности // Актуальные проблемы государства и права. – 2018. – № 2(6). – С. 5-15.
3. Гончарова Н.А., Хаитова А.И., Ошкордина А.А., Макарова Е.Н. Специфика повышения эффективности освоения английского языка магистрантами, специализирующимися в сфере IT // Science for Education Today. – 2023. – Т. 13. – № 5. – С. 51-77.
4. Ковальчук С.В., Тараненко И.А., Устинова М.Б. Применение искусственного интеллекта для обучения иностранному языку в вузе. // Современные проблемы науки и образования. – 2023. – № 6(1). – С. 76-81.
5. Кондрахина Н.Г., Петрова О.Н. Использование возможностей искусственного интеллекта для преподавания иностранных языков: новая реальность // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 1 (104). – С. 360-363.
6. Николаенко И.С., Прибыткова А.А., Пустовалова Т.А. Обучение студентов профессиональному иностранному языку с использованием цифровых технологий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 27. № 2. – С. 368-379.

<sup>15</sup> Edmett A., Ichaporia N., Crompton H., Crichton R. Artificial intelligence and English language teaching: Preparing for the future. British Council. 2023. 82 p.

- 
7. Тараненко И.А., Учайкина Е.Н., Фомина Н.И. О готовности преподавателей иностранного языка к профессиональной деятельности в цифровой среде // *Современные проблемы науки и образования*. – 2023. – № 5. – С. 46-54.
  8. Almeahadi W.S. Exploring the Potential of AI Techniques in Teaching English as a Foreign Language: A Systematic Literature Review // *Asian Journal of Social Sciences and Management Studies*. – 2024. – № 11(2). – pp. 22-31.
  9. Bates A. *Teaching in a Digital Age: Guidelines for Designing Teaching and Learning*. 2nd ed. Vancouver, B.C., 2019. – 767 p.
  10. Budiman A. ICT and Foreign Language Learning: An Overview. *Tarling: Journal of Language Education*. – 2020. – № 3(2). – pp. 245-267.
  11. Edmett A., Ichaporia N., Crompton H., Crichton R. Artificial intelligence and English language teaching: Preparing for the future. *British Council*. – 2023. – 82 p.
  12. Georgina D.A., Hosford Ch.C. Higher education faculty perceptions on technology integration and training // *Teaching and Teacher Education*. – 2009. – 25(5). – pp. 690-696.
  13. Ghafar Z.N., Salh H.F., Abdulrahim M.A., Farxha S.S., Arf S.F., Rahim R.I. The Role of Artificial Intelligence Technology on English Language Learning: A Literature Review // *Canadian Journal of Language and Literature Studies*. – 2023. – № 3(2). – pp. 17-31.
  14. Lamri C.E. E-Learn Platform to Teach Legal English for Law Professionals // *Arab World English Journal*. – 2019. – № 1. – pp. 97-108.
  15. Nhac T.H. Enhancing Legal English Skills for Law Students through Simulation-based Activities // *International Journal of Learning Teaching and Educational Research*. – 2023. – № 22(9). – pp. 533-549.
  16. Novawan A., Aisyiyah S., Miqawati A.H., Wijayanti F., Indrastana N.S. Exploring Teachers' Perspectives on Morality in EFL Pedagogy // *Journal of ELT Research*. – 2020. – № 5(1). – pp. 81-93.
  17. Towndrow P. A., Vallance M. *Using IT in the language classroom: A guide for teachers and students in Asia*. Singapore: Longman, 2004. – 368 p.

Рецензент: Феоктистова Е.М., доцент кафедры иностранных языков Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.п.н., доцент.

**Труды Оренбургского института (филиала) МПЮА  
№ 2 (64) / 2025**

Подписано в печать 20.07.2025 г. Дата выхода в свет 20.08.2025 г.

Формат 60x84<sup>1</sup>/<sub>8</sub>. Бумага офсетная. Свободная цена.

Усл. печ. листов 22,00. Тираж 25. Заказ 32.

Адрес издателя: 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50.

Отпечатано в ООО ИПК «Университет».

Адрес: 460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.